
НАСТОЯЩИЙ
КИБЕРПАНК
18+
БРЮС СТЕРЛИНГ
СХИЗМАТРИЦА
ПЛЮС

Схизматрица Плюс
Брюс Стерлинг

Аннотация
Брюс Стерлинг. Схизматрица Плюс
Введение. Околосолнечные забавы
Схизматрица
  Пролог
  Часть первая. Бродяжья зона
    Глава 1
    Глава 2
    Глава 3
    Глава 4
  Часть вторая. Сообщающиеся анархии
    Глава 5
    Глава 6
    Глава 7
  Часть третья. Выращивает подвиды
    Глава 8
    Глава 9
    Глава 10
    Глава 11
Рой
Паучья роза
Царица цикад

Глубинные сады
Двадцать страничек прошлого
Хронология мира шейперов/механистов

Аннотация

В далеком будущем человечество разделилось на враждующие фракции. Аристократы-механисты полагают, что люди могут достичь наибольшего потенциала с помощью технологий и продвинутых имплантатов. Бунтари-шейперы считают эти улучшения тупиком и верят только в генетические улучшения, что приводит к жестокому противостоянию между двумя группами. И в центре этой войны оказывается один человек. Абеляр Линдсей, ребенок механистов, волею судеб стал дипломатом шейперов, но был предан и отправлен в ссылку. Обученный тонкому искусству переговоров и интриги, он путешествует между враждующими лагерями во время своего бесконечного изгнания и видит чудеса и ужасы этого дивного нового мира. Но пытаясь уцелеть в бесконечных столкновениях и войнах, Линдсей становится участником того, что станет радикальным переворотом: то ли новой надеждой, то ли погибелью для расколотого и измученного человечества.

Брюс Стерлинг
Схизматрица Плюс

Bruce Sterling
Schismatrix. Swarm. Spider Rose. Cicada Queen. Sunken Gardens. Twenty Evocations

© Bruce Sterling, 1985
© Михаил Пчелинцев (наследники), перевод, 2020
© Дмитрий Старков, перевод, 2020
© Александр Етоев, перевод, 2020
© Сергей Карпов, перевод, 2020
© Дмитрий Прияткин, перевод, 2020
© Ольга Зимина, Валерия Евдокимова, иллюстрация, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Введение. Околосолнечные забавы

Я написал эту книгу — и эти рассказы — одиннадцать лет назад. Рукопись «Схизматрицы» я закончил перед тем, как мне исполнилось тридцать. А потом уволился с работы.

Закончив серию о шейперах и механистах, я понял, что наконец ухватил жанр всеми десятью жаркими и липкими пальчиками. Я научился с помощью научной фантастики обращаться к своим волнениям, выражать свои идеи и говорить собственным голосом. Это невероятно возбуждающее чувство. Так и не смог его забыть. И обычной работы у меня с тех пор не было.

Это первая книга, которую я написал на текстовом процессоре. Над первыми двумя романами я работал на пишущих машинках. Это лучшее, что я мог тогда написать, и в них хватало бунтарского буйства, но они не стоят в одном ряду со «Схизматрицей».

Это было откровение — когда я впервые увидел, как мой текст становится электрическим паром на экране компьютера. Я осознал, что вошел в но-

вое поколение научной фантастики — поколение с серьезными, реальными, «техническими» преимуществами над всеми предшественниками. Так я почти в одночасье вышел из тени Верна, Уэллса или Стэплдона. Титаны воображения, они все до единого были прикованы к аналоговым технологиям чернил и древесной массы. А я теперь мог делать со словами все что угодно: гнуть, ломать, сталкивать, разбирать. Я как будто долго и терпеливо учился играть на блюзовой гитаре и вдруг получил огненно-красный «Фендер Стратокастер».

Начиная работать над текстами о шейперах и механистах, я научился поменьше читать научную фантастику. Тогда я уже и так был переполнен ею. Вместо этого я начал усваивать материал, который любят читать сами профессионалы от научной фантастики. Три книги в особенности оказали огромное влияние на мое мышление и на создание мира «Схизматрицы».

Первая — «Мир, плоть и дьявол» (The World, the Flesh & the Devil, 1929) Джона Десмонда Бернала. Книга написана в 1920-х и стала бы общепризнанным шедевром размышлений о космосе, если бы не один неудобный факт: Бернал был закоренелым коммунистом. Его труд не смогли

переварить в двадцатом веке только потому, что сам автор оказался политически неприемлемым. От коммунизма мне было мало толку, зато Бернал принес очень много пользы.

Вторая книга — «Потревожить вселенную» (Disturbing The Universe, 1979) Фримена Дайсона. Фримен Дайсон считался бы выдающейся фигурой в жанре, если бы стал автором научной фантастики, а не просто каким-то всемирно известным физиком из Принстона. Пару лет назад мне повезло с ним пообедать. Я поблагодарил Дайсона за то, что когда-то угнал его тексты, спилил с них серийные номера и использовал в своем творчестве. Профессор Дайсон не читал «Схизматрицу», но с поразительным добродушием отнесся к тому, что я дерзко подрезал тридцать-сорок его идей. Истинный джентльмен и ученый!

Третьей книгой был «Порядок из хаоса» (1986) Ильи Пригожина. Она может похвастаться самым поразительным и красивым научным жаргоном, что я видел в печати. Непроницаемое и потустороннее величие этого текста может потягаться с Писанием. Вот она, практически та самая «концентрированная проза», «пинки по глазам», за которые так любят нас, киберпанков, — конечно, с тем исключением, что работа Пригожина дей-

ствительно научная и имеет явное отношение к общепринятой реальности. Основой мистицизма шейперов и механистов, естественно, стала его терминология. В конце концов мой фанат, оказавшийся одним из студентов профессора Пригожина, дал ему «Хрустальный экспресс» — сборник рассказов о шейперах и механистах. Профессор проницательно отметил, что рассказы не имеют ничего общего с его прорывами в области физической химии, удостоенными Нобелевской премии. Что есть, то есть, но привлекала меня вербальная структура. И она-то работает вне зависимости от химии или физики.

Перед романом я написал несколько рассказов. Они были для меня методом исследования, с их помощью я методически проникал в назревающий мир книги. Сперва появился «Рой», всего с двумя персонажами, которые очутились в световых годах от самого центра действия. Дальше я написал «Паучью Розу», где все происходит на окраинах Солнечной системы и на самых задворках общества Схизматрицы. Потом был рассказ «Царица цикад», который, грохоча, с головой нырял в главный город шей-перов и механистов и исследовал их общество — бурлящее, как свихнувшийся на технологиях муравейник. Дей-

ствие «Глубинных садов» происходит в поздней истории созданного мной будущего — это обрамляющая вещь. Экспериментальные «Двадцать страничек прошлого» — мое последнее слово на эту тему. Холостой прогон перед грядущим романом, и в этом тексте я постарался довести технику «концентрированной прозы» до предела.

Это мои первые опубликованные рассказы. Был еще один, «Рукотворное “я”», написанный в подростковые годы; но, увы, при печати перепутали страницы рукописи, и текст стал совершенно непонятным. Пришлось от него отречься. Так моим официальным дебютом стал «Рой». Его же я первым продал в журнал («Журнал фэнтези и научной фантастики», апрель 1982 года). «Рой» до сих пор публикуется чаще других моих рассказов. Я все еще им доволен: теперь я могу писать лучше, но с ним впервые прогрыз изоляцию и впился зубами в гудящий медный провод.

«Схизматрица» была моим третьим романом, но первым, который тут же ушел на второй тираж — в Японии. С тех пор я весьма высоко ценю японскую НФ. Недавно «Схизматрица» стала моим первым романом, который вышел в Финляндии. Возможно, в хорошем переводе есть то, чего не видно в оригинале. Трудно представить, чтобы

такая странная и своеобразная книга пережила перевод на неиндоевропейский язык; но, похоже, наоборот, именно эта странность и пробивается через вербальные и культурные барьеры. «Схизматрица» — ползучий морской огурец от литературы, шипастый и причудливый. Не самый элегантный, без зеркальной симметрии, зато его кусочки, когда попадают под кожу, отламываются и остаются в людях на многие годы.

Эти рассказы — и этот роман — самые «киберпанковские» вещи, что я когда-либо напишу. Я создал их в яростном припадке вдохновения в те золотые дни, когда мы с моими потрепанными сообщниками по движению впервые увидели путь к литературному свету. Думаю, я бы мог написать еще одну такую же диковинную книгу — и, возможно, такую же странную; но людей больше не удивляет тот факт, что я могу удивлять. Моя аудитория больше не сочтет странным, что я могу быть странным. А когда я писал «Схизматрицу», то каждый день удивлял сам себя.

В те былые времена киберпанк еще не вошел в моду или историю жанра; у него вообще не было имени. Его еще не начали переваривать люди за пределами нашего маленького литературного кружка. Но для меня он стал очень реальным

— не менее реальным всего остального в жизни, — и, когда я влез по колено в «Схизматрицу», прорубался сквозь околосолнечные конфликты сверхдержав, описывал мрачные микрогосударства космопиратов-террористов, все это казалось мне святым огнем.

Теперь все тексты о шейперах и механистах наконец-то собраны здесь, под одной обложкой. Наконец я могу официально заявить скептичной публике, что английское название «Schismatrix» происходит от слова «схизматик». И никакого звука «ш» там нет. Надеюсь, в будущем это вам поможет.

Меня вечно спрашивают, будут ли новые книги о шей-перах и механистах (некоторые даже требуют их). Будут ли продолжения. Или трилогия. Не появится ли общая вселенная Схизматрицы, где Брюс Стерлинг станет лишь «автором идеи». Но я этим не занимаюсь. И никогда не стану. Это все, что есть и будет.

Брюс Стерлинг — bruces@well.com
Остин, Техас 29.11.95

Схизматрица

Пролог

Яркие самолетики миновали продольную ось мира. Линдсей, любуясь, следил за ними, утопая по колено в траве.

Хрупкие, словно воздушные змеи, педальные самолетики то ныряли, то взмывали высоко вверх в зоне невесомости. За ними, на другом конце мира, искривленный ландшафт сверкал желтизной пшеничных и пятнистой зеленью хлопковых полей.

Линдсей прикрыл ладонью глаза — сквозь стеклянные панели в мир хлестали потоки яркого солнечного света. Самолет с крыльями из синей материи, разрисованными под птичьи, пересек один из таких световых столбов и теперь парил, постепенно снижаясь. Линдсей различил вьющиеся по ветру русые волосы девушки-авиатора, крутившей педали, чтобы набрать высоту, и понял, что она тоже его заметила. Захотелось крикнуть, помахать ей рукой, но при свидетелях этого ни в коем случае делать было нельзя.

Тюремщики уже были рядом — собственные его супруга и дядюшка. Пожилые аристократы с натугой переставляли ноги. Дядюшкино лицо

побагровело так, что старику пришлось даже усилить сердечный ритм.

— Ты… бежал! — выдохнул, наконец старик. — Ты бежал!

— Я просто решил размяться, — вызывающе вежливо отвечал Линдсей. — Мышцы здорово застоялись под домашним арестом.

Прикрыв глаза сложенной козырьком ладонью, испещренной старческими веснушками, дядюшка проследил направление его взгляда. Пестрый аппаратик парил над Хлябями — пораженным гниением участком сельскохозяйственной панели.

— Хляби разглядываешь? Где работает твой дружок Константин? Говорят, он как-то связывается с тобой оттуда.

— Он специализируется по насекомым, а не по криптографии.

Линдсей лгал. Тайные сообщения Константина были единственным его источником новостей.

После раскрытия заговора Линдсея заточили под домашний арест в стенах фамильной усадьбы, а Филипу Константину как инженеру по экологии не нашлось подходящей замены, и его решили оставить на рабочем месте.

Нервы домашнего арестанта, пока он томился в

усадьбе, здорово сдали. Линдсей чувствовал себя человеком лишь там, где мог найти применение своим навыкам дипломата. Он сильно похудел; над резко выделившимися скулами мрачно блестели глаза. Темные, по моде завитые волосы растрепались от бега. Высокий рост, благородный лоб, волевой подбородок, само его безупречное сложение были характерными фамильными признаками Линдсеев.

Супруга его, Александрина Линдсей, взяла мужа под руку. Одета она была в модную плиссированную юбку и белоснежную медицинскую куртку. Здоровый вид ее не выказывал, однако же, настоящей жизненной силы — лицо, словно из вощеной бумаги, уложенные с помощью лака завитки на висках.

— Джеймс, — обратилась она к старику, — вы же обещали! Зачем опять — о политике? Абеляр, ты такой бледный. Чем-то расстроен?

— Я? Расстроен? — Навыки дипломатии, усвоенные у шейперов, заработали: кожа порозовела, зрачки слегка расширились, губы сложились в открытую белозубую улыбку.

Дядюшка, недовольно насупившись, отступил.

Александрина оперлась на руку мужа.

— Не делай так больше. Ты меня пугаешь.

Она была старше Линдсея на пятьдесят лет и недавно прошла операцию, заменив коленные чашечки на тефлоновые механические протезы, но колени явно беспокоили ее до сих пор.

Линдсей переложил книгу из руки в руку. Под домашним арестом он коротал время, переводя на современный солярно-орбитальный английский пьесы Шекспира. Родственники одобряли — чем бы дитя ни тешилось, только бы не политикой.

Даже позволили лично передать рукопись в Музей. И такая поблажка на несколько часов вывела его из заточения в четырех стенах.

Музей был рассадником оппозиции. Там были друзья, презервационисты, как называли они свою небольшую группу. Реакционная молодежь, вдохновленная романтикой искусства и культуры прошлого. Они превратили Музей в свою цитадель.

Мир их назывался Корпоративной орбитальной республикой Моря Ясности. Заселенная почти двести лет назад, эта лунная орбитальная станция была одним из старейших космических поселений с устоявшимися традициями и собственной культурой.

Однако ж ветры перемен, дующие с молодых,

энергичных миров Пояса астероидов и Колец Сатурна, проникли и сюда. Не миновали этого тихого города-государства и отзвуки Бессистемной великой войны между двумя сверхдержавами шейперов и механистов. В результате население Республики раскололось на презервационистов, к которым принадлежал Линдсей, и радикальных старцев. Плебеи поднялись на борьбу с процветающими аристократами.

Власти Республики держали сторону механистов. Радикальные старцы, каждому далеко за сто, правили прямо из клиник, будучи неразрывно связаны с медицинской аппаратурой механистов. Лишь импортируемые технологии протезирования еще позволяли им жить. Республика погрязла в долгах, но расходы на медицину росли год от года. Мир все больше и больше зависел от механист-ских картелей.

Шейперы тоже не обходили Республику своим вниманием и своим арсеналом соблазнов. Несколько лет назад Линдсей с Константином прошли у них курс обучения, и именно это сделало друзей первыми в своем поколении. Молодежь, не в силах смириться с принесением в жертву механистским выгодам своих законных прав, встала на сторону шейперов.

Социальная напряженность достигла той стадии, когда взрыв может вызвать самая крохотная искра.

Предметом спора была сама жизнь. Аргументом же в этом споре служила смерть.

Запыхавшийся дядюшка тронул свой пульт-браслет, уменьшая частоту сердцебиения.

— Постарайся обойтись без этих выходок, — сказал он. — Нас ждут, и воздержись там, в Музее, от риторики. Ничего, кроме заранее согласованного.

Линдсей поднял взгляд. Птицеподобный самолет в стремительном пике несся вниз.

— Не-е-е-ет!!!

Отшвырнув книгу, он побежал.

Аппарат рухнул в траву близ открытого амфитеатра с каменными скамьями. Крылья его, конвульсивно дрожа, возвышались над грудой обломков.

— Ве-е-ера!!!

Когда он вытащил ее из путаницы стоек и растяжек, она еще дышала, но была без сознания. Изо рта и носа шла кровь. Ребра явно были сломаны. Рванув ворот ее костюма, Линдсей сильно поранил руку проволокой — костюм, по моде презервационистов, имитировал старинный кос-

мический скафандр. Его гофрированные рукава были смяты и залиты кровью.

Облачко белых крохотных мотыльков поднялось над травой. Они суетились в воздухе, словно притягиваемые запахом крови.

Смахнув с Вериного лица мотылька, Линдсей прижался губами к ее губам. Пульсирующая жилка на шее замерла. Все. Конец.

— Вера, любимая моя, — прошептал он. — Ты все-таки…

Обхватив голову руками, он рухнул в траву. Боль утраты смешалась в нем с восхищением силой ее духа.

Вера решилась на то, о чем они часто беседовали — в Музее, ночами, в постели, после воровской близости. Самоубийство как средство борьбы. Последнее средство выражения протеста.

Черная бездна распахнулась перед внутренним взором Линдсея. Путь к свободе… Но неожиданно в душе взметнулась бурная волна любви к жизни.

— Что ж, любовь моя… Сейчас, подожди немного…

Он поднялся на колени. К нему, побелев лицом, уже спешил дядюшка.

— Этот твой поступок… Отвратительно! — вы-

крикнул старик.

Линдсей одним прыжком вскочил на ноги:

— Отойди! Не трогай!

Старик застыл над телом покойной, не сводя с нее выпученных глаз.

— Проклятый дурак!.. Она умерла! Ей было всего двадцать шесть!

Линдсей выдернул из рукава, собранного в тугие складки на локте и у запястья, грубо выкованный нож и приставил к своей груди.

— Во имя вечных человеческих ценностей… Во имя гуманизма… Выбираю по собственной свободной воле…

Старик схватил его за запястье. После короткой схватки нож выпал из руки Линдсея. Дядюшка поднял нож и положил в карман лабораторной рабочей куртки.

— А это, — прохрипел он, — нарушение закона. И за незаконное хранение оружия тебе придется отвечать.

— Хоть я и в ваших руках. — Ухмыльнулся Линдсей, — вы не сможете помешать мне умереть. А сейчас или чуть позже — какая, собственно, разница…

— Ф-фанатик, — с отвращением выплюнул дядюшка. — Выучили шейперы, нечего сказать…

Республика оплатила твое обучение, а ты с его помощью сеешь разрушение и смерть!

— Она умерла человеком! Лучше вот так, в полете, чем — двести лет проволочной механической куклой!

Линдсей-старший отрешенно рассматривал мотыльков, усеявших тело мертвой.

— Вы обязательно ответите за это. И ты, и этот твой плебейский выскочка Константин.

Линдсей не верил своим ушам.

— Вы… Тупой механистский… Вы что, не видите, что и так уже нас убили?! Она была лучшей… Она была нашей Музой…

— Что это за насекомые? — спросил вдруг дядюшка.

Он разогнал мотыльков взмахом руки. Только тут Линдсей заметил на шее Веры золотой медальон. Он рванулся к мертвой, чтобы схватить украшение, но дядюшка перехватил его руку.

— Это мое, не тронь! — крикнул Линдсей.

Старик, вывернув руку Линдсея, пнул его два раза в живот. Линдсей рухнул на колени. Задыхаясь, дядюшка нагнулся за медальоном.

— Ты напал на меня, — потрясенно произнес он. — Это… насилие над личностью…

Он раскрыл медальон, и на пальцы его вытекла

тягучая маслянистая капля.

— Нет записки? — удивился старик. — Что же это — духи?

Он понюхал пальцы. Линдсей, задохнувшись от тошнотворного запаха, упал наземь. Дядюшка вскрикнул.

Белые мотыльки тысячами накинулись на него, впиваясь в кожу, испачканную пахучей жидкостью.

Они облепили кричащего, размазывающего их по лицу старика.

Линдсей перекатился на живот и, поднявшись на четвереньки, отполз подальше. Дядюшка уже не кричал, он бился в траве, точно в припадке эпилепсии. Линдсей задрожал от ужаса.

Монитор на дядюшкином запястье засветился красным; старик замер. Мотыльки еще несколько минут продолжали терзать мертвое тело, затем поднялись в воздух и растворились в траве.

Линдсей, встав во весь рост, оглядел окрестности. По высокой траве к нему медленно шла жена.

Часть первая. Бродяжья зона
Глава 1

Народный Орбитальный Дзайбацу Моря Спокойствия 27.12.15

Линдсея отправили в ссылку. Самым дешевым способом. Двое суток провел он слепым и глухим, накачанный наркотиками и залитый густой противоперегрузочной массой.

Автоматический катер, запущенный с грузовой направляющей, кибернетически точно лег на полярную орбиту вокруг другой орбитальной станции. Таких миров, названных по кратерам и морям, из которых брали сырье, вращалось вокруг Луны ровно десять. То были первые миры, вчистую порвавшие с истощенной Землей. Целый век их лунный союз был основой цивилизации, и коммерческих рейсов внутри этой Цепи миров было множество.

Но миновали дни славы; прогресс глубокого космоса отодвинул Цепь на задворки. Цепь разорвалась, тихий застой обернулся настороженной замкнутостью и техническим регрессом. Орбитальные миры деградировали, и пуще всех — тот,

что был определен местом ссылки Линдсея.

Прибытие его зафиксировали камеры. Выброшенный из стыковочного узла катера-автомата, Линдсей повис обнаженным в невесомости таможенной камеры Народного Дзайбацу Моря Спокойствия. Тусклая сталь стен, облицовка ободрана… Некогда в этом помещении был номер для молодоженов — кувыркайтесь, мол, себе в невесомости. Теперь его переделали в бюрократический пропускник.

К сгибу правой руки Линдсея, еще не оклемавшегося после наркотиков, протянулся шланг внутривенного питания. Кожу облепили черные клейкие диски биомониторов. В помещении, кроме него, была лишь робокамера, снабженная двумя парами механических рук.

Серые глаза Линдсея открылись, но симпатичное лицо — бледное, с изящными дугами бровей — все еще было лишено всякого смысла. Его темные волосы спадали на обросшие трехдневной щетиной щеки.

Стимулянты начали действовать. Руки задрожали. Внезапно и резко Линдсей пришел в себя. Тут же обуздал тело с помощью навыков дипломата — словно волна тока пробежала по мышцам. Лязгнули сведенные судорогой челюсти. Глаза,

мерцающие неестественным, настороженным блеском, обшарили помещение. Лицевые мышцы зашевелились совершенно не по-человечески; внезапно он улыбнулся. Оценив свое состояние, он одарил камеру открытой, любезной улыбкой.

Казалось, сияние его дружелюбия согрело в помещении воздух.

Шланг-манипулятор, отсоединившись от руки, втянулся в стену.

— Вы — Абеляр Малкольм Тайлер Линдсей, — заговорила робокамера, — из Корпоративной орбитальной республики Моря Ясности; просите политического убежища; ни в багаже, ни в теле не везете биоактивных препаратов, а равно — взрывчатых систем и софтов агрессивного характера; внутренняя микрофлора стерилизована с заменой на стандартные бактерии Дзайбацу?

— Да, все правильно, — отвечал Линдсей на родном для робокамеры японском. — Багажа у меня нет.

С современным японским он обращался свободно — язык обкатался до торгово-делового говорка, лишенного сложных уважительных оборотов. Уж языкам-то он выучился…

— Вскоре вас пропустят в идеологически декриминализованное пространство. Покидая

таможню, ознакомьтесь с нижеследующими налагаемыми на вас запретами. Знакомы ли вы с понятием «гражданское право»?

— В каком контексте? — осторожно осведомился Линдсей.

— Дзайбацу признает только одно гражданское право — право на смерть, каковое вы вольны осуществить в любое время при любых обстоятельствах. Акустические мониторы установлены везде. Пожелав осуществить свое право, вы уничтожаетесь незамедлительно и безболезненно. Понятно?

— Понятно.

— Также уничтожение может быть следствием других проступков: физической угрозы конструкциям, вмешательства в работу мониторов, нарушение границы стерильной зоны, а также преступлений против человечности.

— Преступлений против человечности? А как они определены?

— Нежелательные биологическая деятельность и протезирование. Техническая же информация о пределах нашей терпимости не подлежит разглашению.

— Ясно, — сказал Линдсей.

Значит, у государства имеется карт-бланш на

его уничтожение — в любой момент и почти по любому поводу. Так он и предполагал. Этот мир давал приют всем бродягам — перебежчикам, изменникам, ссыльным, объявленным вне закона. От подобного мира глупо было бы ждать другого. Слишком много расплодилось причудливых технологий: сотни внешне невинных деяний, вроде разведения мотыльков, могут быть потенциально опасными.

«Да и все мы уголовники», — подумал он.

— Вы желаете осуществить свое гражданское право?

— Нет, спасибо, — вежливо отказался Линдсей. — Хотя весьма отрадно, что правительство Дзайбацу мне его предоставило. Я не забуду вашей любезности.

— Вы только скажите — и сразу, — удовлетворенно ответила робокамера.

Собеседование закончилось. Линдсей отлепил от кожи биомониторы; робот подал ему кредитную карточку и стандартный комбинезон Дзайбацу.

Линдсей облачился в мешковатое одеяние. В ссылку отправили его одного. Должны были и Константина, но тот, как обычно, оказался хитрее.

Вот уже пятнадцать лет Константин был его лучшим другом. Родня Линдсея не одобряла дружбы с плебеем, но Линдсей на родню плевал.

В те дни кто постарше надеялись держаться между двух сверхдержав. Ради укрепления взаимного доверия с шейперами Линдсей был послан на Совет Колец для прохождения диптренинга. Через два года за ним последовал Константин — учиться биотехнологии.

Однако сторонники механистов победили. Линдсей и Константин, живой и явный результат внешнеполитической ошибки, оказались в опале. Данный факт еще теснее сблизил друзей, чье совместное влияние распространилось и на аристократическую, и на плебейскую молодежь. Вместе они были неотразимы: тонкие, твердо очерченные, долгосрочные планы Константина, да еще в изложении театрально-элегантного, в совершенстве овладевшего наукой убеждать Линдсея!..

Но затем между ними встала Вера Келланд — художница, актриса, аристократка. И первая святая мученица презервационизма. Вера верила в презервационистов. Вера была их музой, убежденность ее порою поддерживала и укрепляла даже самих Линдсея и Константина. Она тоже

была несвободна, имея мужа шестьюдесятью годами старше, но адюльтер лишь придавал их взаимоотношениям определенную пикантность. Наконец Линдсей ее завоевал. И, обладая ею, заразился от нее тягой к смерти.

Все трое не сомневались, что самоубийства могут изменить настроения в Республике, если ни на что более не останется надежд. Все было обговорено до тонкостей. Филип останется жить и продолжит дело — это будет ему утешением за утрату Веры и за его долгое одиночество. В трепетном единении прокладывали они путь к смерти, пока та не явилась воочию. Смерть Веры превратила планы в жестокую реальность…

Дверь открылась автоматически (несмазанная гидравлика противно заскрежетала). Отринув прошлое, Линдсей поплыл вдоль туннеля, к свету бледного дня.

Он выплыл на посадочную площадку, забитую грязными, потрепанными машинами.

Аэродром этот был расположен в центре зоны невесомости, на оси станции, и Линдсей мог — сквозь пять километров нечистого воздуха — окинуть взглядом весь Дзайбацу.

Вначале его удивили очертания и цвет облаков, дрожащих и рвущихся на куски в потоках возду-

ха, восходящих от сельхозпанелей неряшливыми грязно-желтыми клубами.

Воняло гадостно. Каждый из десяти ококолунных орбитальных миров пах по-своему — Линдсей помнил, что воздух Республики после Совета Колец тоже показался ему неприятным. Но такое… Убийственно! Из носа потекло.

В свое время каждый мир Цепи неизбежно сталкивался с экологическими трудностями.

Чтобы почва плодоносила, в каждом ее кубическом сантиметре должны обитать минимум десять миллионов бактерий. Без этого невидимого воинства не будет и урожая. И человеку пришлось взять почвенные бактерии с собой, в Космос.

Однако и человек, и его симбионты были лишены защитного покрова атмосферы. Миры Цепи пытались защищать слоями лунной щебенки метровой и более толщины, но это не спасало от последствий солнечных вспышек и волн космической радиации.

Без бактерий почва превращалась в бесплодную пыль. А с бактериями — кто их знает, до чего они могут домутировать при такой радиационной обстановке.

Если Республика еще как-то боролась, не пре-

кращая попыток обуздать Хляби, то на Дзайбацу процесс зашел слишком далеко. Грибки-мутанты, словно масляная пленка, расползлись повсюду, пронизывая почву нитями грибницы, задерживавшими воду, из-за чего гнилостные бактерии могли спокойно пожирать деревья и посевы. Почва пересыхала, воздух насыщался влагой, на гибнущих растениях пышно расцветала плесень; серые булавочные головки ее сливались воедино наподобие лишайника…

Если дела зашли так далеко, мир орбитальной станции можно было спасти лишь самыми отчаянными мерами. Следовало выпустить в космос весь воздух, чтобы всеиссушающий вакуум как следует простерилизовал швы и трещины, — а затем начать все сначала. Это требовало огромных затрат. Колонии, столкнувшиеся с такой проблемой, страдали от раскола и массового бегства — тысячи и тысячи жителей отправлялись искать счастья на новых местах. Углубляясь в пространство, дезертиры основывали новые колонии, в большинстве своем примыкавшие к механистским картелям в Поясе астероидов либо к Совету Колец шейперов, вращающемуся вокруг Сатурна.

В случае Народного Дзайбацу большинство

граждан уже ушли, осталась лишь горстка упрямцев, отказывающихся признать свое поражение.

Линдсей их хорошо понимал — в этом унылом, гниющем запустении было что-то величественное.

Смерчи лениво и тягуче вращались, поднимая в воздух гниль вперемешку с прахом. Стекло панелей, покрытое пылью пополам с плесенью, почти не пропускало света, заплаты на подпорках и на растяжках закрывали частые пробоины.

Стоял холод — солнечный свет едва проникал в Дзайбацу. Здесь, чтобы не замерзнуть, поддерживался круглосуточный день. Ночи Дзайбацу были слишком опасны. Остаться в ночи — верная смерть.

Маневрируя в невесомости, Линдсей двинулся через посадочную площадку. Машины держались на металле при помощи присосок. Среди них оказалось с дюжину еле живых педальных машин и два-три потрепанных электролета.

Проверки ради он подергал растяжки дряхлого ЭЛ с изображением японского карпа на материи крыльев. Посадочные лыжи были перемазаны грязью. Устроившись в открытом седле, Линдсей вдел ступни в стремена управления.

Потом вынул из нагрудного кармана кредит-

ную карточку. На черном с золотом пластике имелся красный дисплей, высвечивавший оставшиеся кредчасы. Он сунул карту в гнездо на приборной доске, и электролет загудел, пробуждаясь к жизни.

Набрав высоту, аппарат пошел вниз, пока не почувствовал хватку силы тяжести. Линдсей, оглядев окрестности, попытался сориентироваться.

Солнечная панель по левую руку от него местами была отчищена. Команда неповоротливых двуногих роботов продолжала драить стекло, едва ли не матовое от царапин. Приглядевшись, Линдсей понял: никакие это не роботы, просто люди в скафандрах и противогазах…

Лучи света, проникавшего сквозь отчищенное стекло, в мутном воздухе казались лучами прожекторов. Войдя в один из таких, Линдсей заложил вираж и двинулся вдоль луча.

Свет падал на панель, что была напротив. В центре ее помещалась группа резервуаров, полных тенистой слизи. Водоросли. Остатки сельского хозяйства Дзайбацу, кислородная ферма.

Здесь Линдсей снизился и с наслаждением вдохнул полной грудью богатый кислородом воздух. Тень самолета скользила по джунглям трубопро-

водов… Внезапно на панель упала еще одна тень. Линдсей, заложив вираж, ушел вправо.

Преследователь с точностью механизма повторил маневр. Тогда Линдсей плавно пошел в высоту и, обернувшись в седле, посмотрел назад.

Увидев догонявшего, он поразился — тот был совсем рядом. Камуфляжная пятнистая окраска замечательно сливалась с внутренним небом порушенных сельхозпанелей. Это был беспилотный самолет-наблюдатель. Плоские угловатые крылья; бесшумный задний винт в камуфляжном обтекателе…

Из корпуса роболета торчали какие-то цилиндры. Две трубки, направленные на Линдсея, вполне могли быть телефотокамерами. Или рентгеновскими лазерами. Такая штука, настроенная на нужную частоту, может превратить в уголь все внутренности, ни пятнышка не оставив на коже. И лучи его — невидимы.

Эти мысли переполнили Линдсея страхом и отвращением. Ведь миры — хрупкие скорлупки, сберегающие воздух и тепло, без которых не будет жизни в холодных безднах пространства. Безопасность миров — основа основ морали. Оружие — опасно для жизни, а потому греховно. Конечно же, в этом мире бродяг только оружием можно

обеспечить порядок, да, но все равно отвращение — глубокое, инстинктивное — не унималось.

Линдсей влетел в желтоватый туман, окутывающий осевую зону Дзайбацу. Снова выйдя на свет, он обнаружил, что роболет исчез.

Вот так. Никогда не поймешь, наблюдают за тобой или нет. В любую секунду чьи-то пальцы придавят кнопку — и…

Сам Линдсей удивился гневу, обуявшему его при такой мысли. И куда подевались годы диптренинга?.. Перед глазами его невольно возник самолетик, птицей скользящий в сумасшедшем пике; крылья, содрогающиеся от удара…

Линдсей взял к югу. За загаженными панелями мир опоясывало непонятного назначения белое кольцо, примыкавшее к южной стене Дзайбацу.

Он оглянулся. Северную, вогнутую стену занимали заброшенные склады и фабрики, а южная была голой, пустынной плоскостью, сложенной, похоже, из блоков, напоминавших издали кирпичи.

Грунт под нею был сияющим неестественной белизной кольцом из словно бы специально разровненных камешков. То там, то тут среди морской гальки возвышались загадочные темные островки валунов.

Линдсей снизился, чтобы взглянуть поближе. Теперь стала видна линия оборонительных сооружений; тонкие вороненые стволы следили за каждым его движением. Стерильная зона…

Он быстро ушел вверх.

В самом центре южной стены темнело отверстие. Вокруг него шершнями роились роболеты наблюдения. По периметру отверстие окружали микроволновые антенны, к которым тянулись бронированные кабели.

Заглянуть внутрь не было никакой возможности. Пусть там половина мира, но — бродягам вход воспрещен.

Линдсей пошел на снижение. Проволочные растяжки его самолетика загудели от напряжения.

Севернее, на второй из трех грунтпанелей Дзайбацу, он увидел и бродяжьи следы. Изгои воздвигли из хлама, снятого и утащенного из индустриального сектора, грубые гермокупола.

Купола были разными — от надувных пластиковых пузырьков и полужестких, в пятнах шпаклевки, геодезиков до огромной, стоящей особняком полусферы.

Приблизившись, Линдсей облетел больший из куполов. Поверхность его покрывала черная изоляционная пена. Низ защищало кольцо, выло-

женное из крапчатой лунной породы. В отличие от других куполов, на этом не было ни одной антенны.

И тут Линдсей узнал купол. Ну да, здесь этому куполу и место.

Его охватил страх. Зажмурившись, он воззвал к шейперскому диптренингу — плоду десятилетних прилежных психотехнических упражнений.

Сознание мягко перетекало во второе, рабочее состояние. Плечи развернулись, спина выпрямилась, движения приобрели округлую плавность, сердце забилось быстрее. Исполнившись уверенностью в себе, он улыбнулся. Разум обострился, стал ясным, сбросив запреты и ограничения, готовый к действию. Страхи и сомнения ушли, словно совершенно ничего не значили.

В этом состоянии он, как обычно, разозлился на недавнюю свою слабость. Вот, вот оно, его настоящее «я» — прагматичное, быстрое, свободное от груза эмоций!

Времени для полумер не было. Все спланировано. Коли уж жить здесь, надо брать ситуацию за глотку.

Тут он заметил шлюз купола. Линдсей посадил самолет, вынул из прорези кредитную карточку и ступил на землю. Самолет взвился в небо.

Каменная лестница привела его к западине в стене купола. Внутри нее замигала и вспыхнула ослепительно яркая панель, слева, рядом с бронеэкраном, находился объектив камеры; ниже бронеэкрана виднелась подсвеченная прорезь для кредитной карточки. Рядом был и стальной прямоугольник, закрывающий скользящий лоток.

Стальная скользящая дверь во внутренней стене защищала шлюз. На полу лежал толстый слой непотревоженной пыли. Гость здесь явно был редкой птицей.

Линдсей терпеливо выжидал, соображая, что именно — и как — будет врать.

Прошло десять минут, в течение которых он тщетно пытался обуздать насморк. Внезапно экран засветился, и на нем появилось женское лицо.

— Вставьте кредитную карточку в прорезь, — сказала женщина по-японски.

Линдсей внимательно вглядывался в экран, оценивая ее внешность. Худа, темноглаза, неопределенного возраста, темно-русые волосы коротко подстрижены. Зрачки, похоже, расширены. Одета она была в белую медицинскую куртку с металлическими знаками различия на воротнике:

золотой посох, обвитый двумя змеями черной эмали с красными рубинами глаз, открытые пасти скалятся иглами для подкожных инъекций…

— Я не хочу ничего покупать, — улыбнулся Линдсей.

— Вы покупаете мое внимание. Вставьте карточку в прорезь.

— А я вас не просил появляться на экране, — сказал Линдсей по-английски. — Отключайтесь. Делайте что хотите.

Взгляд женщины стал обиженным.

— Я всегда делаю что хочу. — Она тоже перешла на английский. — Если захочу, то затащу вас внутрь и порежу на мелкие части. Вы понимаете, где находитесь? Это не дешевая шарага для бродяг. Мы — Черные Медики.

В Республике о таких и не слышали, но на Совете Колец Линдсей о них наслушался достаточно: преступные биохимики из самых глубин шейперского дна. Скрытны, решительны и жестоки. Имеют собственные опорные пункты — подпольные лаборатории, разбросанные по всей Системе. И это, выходит, одна из таких.

Он придал улыбке просительный оттенок:

— Я и вправду хотел бы войти. Только не по частям.

— Вы, должно быть, шутите. Ваша дезинфекция обойдется во столько, что вы сами того не стоите.

Линдсей поднял брови:

— Бактерии у меня — стандартные…

— Здесь — полная стерильность. Мы живем в чистоте.

— Выходит, вы там так и сидите? Ни войти, ни выйти? — Линдсей изобразил на лице удивление. — Как в тюрьме?

— Мы здесь живем. Это вы там, снаружи, как в тюрьме.

— Вот жалость-то… Ладно. Я веду дела в открытую. Я в ваших краях, некоторым образом, в качестве нанимателя. — Он пожал плечами. — Весьма приятно было бы с вами побеседовать, но время поджимает. Всего хорошего.

— Стоять. Вы не уйдете без моего позволения, — сказала женщина.

На лице Линдсея появилось выражение тревоги.

— Послушайте, — заговорил он. — Вашу репутацию никто не ставит под сомнение. Но вы же — там, взаперти. И для меня бесполезны. — Он провел пальцами по волосам. — Значит, разговаривать нам не о чем.

— Кто вас послал? Кто вы, в конце концов, такой?

— Линдсей.

— Лин Дзе? В вас нет ничего восточного.

Линдсей, заглянув в объектив, встретился, с нею взглядом. По видео трудно было произвести впечатление, но неожиданность очень эффективно действовала на подсознание.

— А вас-то как звать?

— Кори Прагер, — ответила она. — Доктор Прагер.

— Так вот, Кори, я представляю здесь «Кабуки Интрасолар». Коммерческое зрелищное предприятие. — Линдсей лгал с энтузиазмом. — Организую постановку и набираю труппу. Платим мы хорошо. Но если, как вы говорите, вы не выходите наружу, то я, честно сказать, зря трачу на вас время. Вы даже не сможете побывать на спектакле. — Он вздохнул. — Очевидно, я тут не виноват и отвечать за это не могу.

Женщина нехорошо засмеялась, и Линдсей догадался — она явно нервничала.

— А кого, собственно, волнует, что там, снаружи, делается? Конкурентов у нас нет и не предвидится, так что были бы у покупателей деньги, а остальное нас мало интересует.

— Рад слышать. Надеюсь, все прочие разделяют вашу позицию. Но я не политик, я — артист. Желал бы я отделываться от сложностей так же легко, как вы. — Он развел руками. — Теперь, если мы, наконец, поняли друг друга, я пойду.

— Подождите. О каких трудностях речь?

— Да есть тут… Другие партнеры. Я еще труппу не собрал, а они уже о чем-то сговорились. Постановка должна как-то помочь им при заключении сделок.

— Мы можем выслать к вам наши мониторы и оценить вашу продукцию.

— Очень сожалею, — твердо ответил Линдсей, — но мы не позволяем записывать либо транслировать наши пьесы. Это понижает сборы. Я не могу подводить труппу. Конечно, в наши дни играть может кто угодно… При нынешних препаратах, улучшающих память…

— Мы торгуем такими препаратами, — быстро сказала женщина. — Вазопрессины, карболины, эндорфины; стимулянты, транквилизаторы. Препараты, заставляющие человека кричать, визжать, вопить. Черные Химики сделают все, что можно продать. Не сможем синтезировать — выделим из тканей. Все, что угодно. Все, что только сможете выдумать. — Она понизила го-

лос. — Ведь мы — друзья. Сами понимаете, с кем. С теми, что за Стеной. Они очень нас ценят.

— Еще бы. — Линдсей понимающе закатил глаза. Она опустила взгляд; до него донесся быстрый стук по клавиатуре. Затем она снова взглянула на него:

— Вы, наверно, уже успели поговорить с этими блядями из Гейша-Банка?

Линдсей насторожился — о таком он не слыхал никогда.

— Пожалуй, мне следует сохранять конфиденциальность моих деловых переговоров.

— Вы — дурак, если верите их обещаниям.

— Но что же мне делать? — беспокойно улыбнулся Линдсей. — Актеры и шлюхи всегда были добрыми союзниками. Это так естественно.

— Они, должно быть, предостерегали вас на наш счет…

Женщина приложила наушники к левому уху и что-то выслушала с рассеянным видом.

— Я уже говорил, что стараюсь вести дела в открытую.

Неожиданно экран стих; дама что-то быстро сказала в микрофон. Затем лицо ее исчезло с экрана и сменилось лицом пожилого, судя по морщинам, человека. Линдсей лишь мельком

разглядел его настоящую внешность: всклокоченные седые волосы, глаза под красными веками… Далее в работу включилась видеокосметическая программа: она прошлась сверху вниз по всему экрану, редактируя, сглаживая, подкрашивая изображение.

— Это, понимаете ли, ни к чему не приведет, — неуверенно запротестовал Линдсей. — Даже не пытайтесь меня во что-либо втягивать. Я должен организовать представление и не имею времени на…

— Заткнись, — оборвал его мужской голос. Из стены выдвинулся лоток — на нем лежал свернутый виниловый пакет. — Надевай. Войдешь к нам.

Линдсей встряхнул сверток — внутри оказался защитный комбинезон.

— Быстрее, — торопил Черный Медик. — Могут следить!

— Но я не предполагал… — забормотал Линдсей, неловко всовывая ногу в штанину. — Такая честь…

Он, наконец, влез в комбинезон, надел шлем и загерметизировал пояс.

Дверь шлюза поехала в сторону, скрежеща по забившей полозья грязи.

— Входи, — сказал голос.

Линдсей ступил внутрь, и дверь снова задвинулась. Ветер поднимал пыль. Пошел мелкий, грязноватый дождь. Затем откуда-то появилась робокамера на четырех телескопических ногах и уставилась объективом на шлюз.

Миновал час. Дождь перестал; в высоте бесшумно зависли два наблюдательных роболета. В заброшенной промзоне северной стены поднялась жестокая пылевая буря. Робокамера не сходила с места.

Наконец Линдсей неверными шагами вышел из шлюза. Поставив на каменные плиты черный атташе-кейс, он принялся стаскивать с себя защитный комбинезон. Свернув, он сунул его в лоток и с преувеличенным изяществом зашагал вниз по ступеням.

Воняло мерзко. Приостановившись, Линдсей чихнул.

— Эй, — сказала робокамера. — Мистер Дзе! Мне бы с вами поговорить, а?

— Если вы по поводу роли в пьесе, лучше явитесь лично, — ответил Линдсей.

— Удивительный вы человек, — заметила робокамера на пиджин-японском. — Я восхищен вашей дерзостью, мистер Дзе. Репутация у

Черных Медиков — хуже некуда. Ведь вас и распотрошить могли ради химвеществ организма…

Утопая легкими матерчатыми туфлями в грязи, Линдсей направился к северу. Камера, поскрипывая левой задней ногой, поплелась за ним. Спустившись с невысокого холма, они попали в сад — мертвые, скользкие от черной слизи, без единого листочка деревья напоминали редкий поломанный забор. За садом, возле болотной жижи бассейна, стоял прогнивший чайный домик. Некогда элегантное строение из дерева и керамики рухнуло наземь грудой сухой трухи. Поддав ногой ствол, что лежал поперек дорожки, Линдсей закашлялся в облаке спор.

— Прибрать бы здесь, — задумчиво сказал он.

— А мусор куда девать? — спросила камера. Линдсей быстро оглянулся. Деревья — какие-никакие — но закрывали от наблюдения.

— Капремонт бы нужен вашей камере…

— Это лучшее, что я могу себе позволить, — ответил динамик.

Покачав кейсом, Линдсей сощурился:

— А то какая-то она у вас хлипкая и медлительная…

Робокамера подалась назад:

— Вам, мистер Дзе, есть где остановиться?

Линдсей почесал подбородок:

— Это что — приглашение?

— Лучше не оставаться под открытым небом. Вы ведь даже без респиратора.

— Я, — улыбнулся Линдсей, — сказал Медикам, что защищен новейшими антисептиками. Это произвело на них впечатление.

— Еще бы. Сырым воздухом здесь дышать не стоит. Если не желаете, чтобы ваши легкие стали похожи на эти деревья… — Робокамера помолчала. — Меня зовут Федор Рюмин.

— Очень рад познакомиться, — ответил Линдсей порусски.

Сквозь костюм ему ввели стимулянт. Ясность мыслей появилась необычайная. Прямо невыносимая. Казалось, вот-вот сможешь заглянуть за грань. И переход с японского на не слишком привычный русский дался легко — все равно как пленку сменить.

— Да, удивительный вы человек, — сказала порусски камера. — Раззудили во мне любопытство, раззудили… Вам это слово знакомо? Для пиджин-русского оно необычно. Следуйте, пожалуйста, за роботом. Я здесь, неподалеку. И постарайтесь дышать не очень глубоко.

Рюмин обитал в маленьком надувном купо-

ле из зелено-серого пластика, близ залатанной оконной панели. Расстегнув матерчатый шлюз, Линдсей вошел внутрь.

Чистый воздух, с отвычки, вызвал у него приступ кашля. Палатка была невелика — десять шагов в поперечнике. По полу вились провода, соединявшие залежи старого видеооборудования со старым аккумулятором, покоящимся на подставках из черепицы. На центральной опоре, также опутанной проводами, висели лампа, воздушный фильтр и спуск антенного комплекса.

Рюмин, скрестив ноги, восседал на татами; руки его лежали на джойстике.

— Позвольте, я сначала займусь робокамерой. Это одна секунда.

В широкоскулом его лице было что-то от азиата, но поредевшие волосы были светлыми. Щеки его покрывали старческие веснушки, а кожу на суставах пальцев избороздили глубокие морщины, обычные для седых стариков. И с костяком что-то странное: запястья чересчур узкие при такой коренастости, кости черепа неестественно тонкие… К вискам хозяина были прилеплены два черных диска. От них по спине тянулись провода, уходящие в общую путаницу кабелей на полу. Глаза старика были закрыты. Впрочем, он тут

же отлепил от висков диски и открыл глаза. Они оказались ярко-голубыми.

— Вам света хватает?

Линдсей посмотрел на лампу:

— Пожалуй, да.

Рюмин потер висок.

— Чипы в зрительном нерве, — пояснил он. — Я страдаю видеоболезнью. Все, что не в развертке, не на экране, вижу очень плохо.

— Вы — механист?

— А что, заметно? — иронически спросил Рюмин.

— Сколько же вам лет?

— Сто сорок. Нет, вру. Сто сорок два. — Он улыбнулся. — Да вы не пугайтесь.

— Я лишен предрассудков, — не слишком убедительно ответил Линдсей.

Он был сбит с толку, а навыки дипломата почему-то отказывались служить. Пришел на память Совет Колец и долгие, исполненные ненависти сеансы антимеханист-ской промывки мозгов… И чувство протеста помогло овладеть собой.

Шагнув через джунгли кабелей, он положил кейс на столик, рядом с обернутой в пластик плиткой синтетического тофу.

— Поймите, господин Рюмин, если вы хотите

меня шантажировать, то — впустую. Я не поддамся. Хотите мне вреда — валяйте. Убейте меня, прямо сейчас.

— Вы бы такие слова потише, — предостерег Рюмин. — Услышит патрульный роболет — может спалить сквозь стенку.

Линдсей вздрогнул. Рюмин, заметив его реакцию, грустно улыбнулся:

— Да-да, мне доводилось видеть такое. Кстати, если уж мы начнем убивать друг друга, это вы убьете меня. Я здесь сижу в благополучии и безопасности, мне есть что терять. А вы — неизвестно кто с хорошо подвешенным языком. — Он свернул кабель джойстика. — Заверениями можно обмениваться до скончания века, и все равно мы один другого не убедим. Либо мы друг другу верим, либо нет.

— Попробую вам поверить, — решился Линдсей.

Он стряхнул с ног облепленные грязью туфли. Рюмин поднялся, нагнулся за ними, громко хрустнув при этом позвоночником.

— В микроволновку положу. В здешней грязи бывает все что угодно.

— Я запомню… — Мозг Линдсея прямо-таки плавал в мнемонических препаратах, вызвав-

ших нечто наподобие прозрения. Каждый виток провода на полу, каждая кассета с пленкой казались ему жизненно важными. — А то сожгите их вовсе.

Раскрыв свой новый кейс, Линдсей извлек оттуда элегантную кремовую медицинскую куртку.

— Зачем же жечь, хорошие туфли, — возразил Рюмин. — Минимум три-четыре минуты стоят.

Линдсей снял комбинезон. На правой ягодице синели два кровоподтека — следы инъекций.

— Значит, все же целым не ушел, — сощурился Рюмин.

Линдсей вынул из кейса отглаженные белые брюки.

— Стимулянт, — объяснил он.

— Стимулянт… А мне-то казалось, что ты больше похож на шейпера… Откуда ты, мистер Дзе? И сколько тебе лет?

— Всего три часа, — сказал Линдсей. — У мистера Дзе нет прошлого.

Рюмин отвел взгляд:

— Что ж, не стоит сетовать, что шейпер скрывает свое прошлое. Система кишит вашими врагами. — Он заглянул Линдсею в глаза:

— Ты наверняка был дипломатом.

— Отчего вы так думаете?

— Успех с Черными Медиками. Мастерски сработано, впечатляет. И потом, дипломату в бродяги угодить очень просто. На Совете Колец имеется секретная программа диптренинга. Обучение дипломатов особого типа. Но процент отсева высок. Половина сделалась бунтовщиками либо перебежчиками.

Линдсей застегнул рубашку.

— И с тобой то же случилось?

— Нечто подобное…

— Как интересно… Я в свое время многих пограничных постчеловеков повидал, но ваших… Это правда, что в вас вкладывают второе, независимое сознание? И что в полном рабочем режиме вы и сами не знаете, правду ли говорите? Что у вас подавляют способность к искренности специальными препаратами?

— Искренность, — заметил Линдсей, — дело тонкое.

— А ты знаешь, — помолчав, сказал Рюмин, — что всех вас выслеживают шейперские боевики?

— Нет, — кисло ответил Линдсей.

Вот до чего дошло… Долгие годы специальными крабами через спинной мозг вжигали ему в каждый нерв знания. Делали промывки мозгов — как обычные, под наркотиками, так и электрон-

ные, напрямую… В шестнадцать лет он покинул Республику, и десять лет психотехи вливали в него навыки. В Республику он вернулся, словно граната на взводе, готовый ко всему. Однако его мастерство спровоцировало настоящую панику в умах власть предержащих. И вот теперь даже сами шейперы за ним охотятся…

— Спасибо за предупреждение, — сказал он.

— Ты не слишком переживай, — успокоил его Рюмин. — Шейперов самих обложили со всех сторон. У них есть заботы поважнее судеб нескольких бродяг. — Он улыбнулся. — Но если ты вправду прошел эту процедуру — значит, тебе нет сорока.

— Тридцать. А ты, оказывается, хитер, зараза.

Вынув из микроволновки прожарившиеся туфли Линдсея, Рюмин осмотрел их и надел на собственные босые ступни.

— А на скольких языках ты шпрехаешь?

— Вообще-то на четырех. Но при стимуляции памяти — на семи. Плюс стандартный шейперский язык программирования.

— На четырех-то и я могу. Правда, вот, письмом не стал себе мозги пачкать.

— Так ты что, совсем не умеешь читать?

— А зачем? За меня машины читают.

— Значит, ты слеп ко всему культурному наследию человечества.

— Странный разговор для шейпера, — удивился Рюмин. — Ты, стало быть, любитель старины? Мечтаешь нарушить Интердикт и вернуться на Землю изучать так называемые гуманитарные науки? Теперь мне понятен твой театральный гамбит. Мне-то за словом «пьеса» пришлось в словарь лезть… Потрясающий обычай. Ты вправду хочешь такое устроить?

— Да. А Черные Медики меня финансируют.

— Ясно. Но вот Гейша-Банк… Денежные штуки — это все по их части.

Опустившись на пол рядом с клубком проводов, Линдсей отцепил от ворота булавку Черных Медиков и повертел ее в пальцах.

— Так расскажи, с чем их едят.

— Гейши — это шлюхи-финансистки. Ты наверняка заметил, что твой кредит измеряется в часах.

— Да.

— Это часы сексуального обслуживания. У механистов и шейперов валюта — киловатты. Но уголовным элементам Системы для жизни необходим черный рынок. На нем в ходу множество теневых валют. Я даже статью о них написал.

— Ты?

— Да. Я же по профессии журналист. Развлекал буржуазию Системы леденящими кровь разоблачениями уголовного мира. Подробностями грязной жизни каналий-бродяг. — Он кивнул на кейс Линдсея. — Одно время все эти валюты базировались на наркотиках, но это давало Черным Химикам шейперов преимущество. Имело некоторый успех машинное время, но лучшая кибернетика — у механистов. И тогда пришел секс.

— Значит, люди приезжают в эту дыру за сексом?

— Чтобы реализовать свои часы, необязательно являться в банк, мистер Дзе. У Гейша-Банка — филиалы по всем картелям. А еще сюда прилетают пираты — обменивают добычу на компактный теневой кредит. Ну и — ссыльные с других орбитальных миров. Из очень уж невезучих.

Линдсей никак не отреагировал, хотя сам именно к таким невезучим ссыльным и относился.

Значит, задача ясна: выжить. Эта задача чудесным образом очистила сознание от прочих, менее насущных проблем. Заговор презервационистов, политические драмы, инсценированные им в Музее, — вся прежняя его жизнь осталась там, далеко позади. Она — не более чем достояние

истории.

Плюнуть и забыть, решил он. Все прошло; осталось там, в Республике… От мыслей этих к горлу подступил комок дурноты. Он будет жить. В отличие от Веры. Константин хотел убить его при помощи перестроенных насекомых. Крохотные, тихие мотыльки — замечательное оружие, в духе времени. Они угрожают лишь плоти человека, но не целому миру. Но дядюшку угораздило случайно взять в руки медальон с феромонами, доводящими этих мотыльков до бешенства, и он погиб вместо Линдсея… Тошнота медленно, но упорно подкрадывалась к его горлу.

— Приезжают еще разочарованные из механистских картелей, — продолжал Рюмин. — Чтобы в экстазе отдать концы. За соответствующую плату Гейша-Банк предлагает самоубийство вдвоем — с партнером из их штата. Называется «синдзю». Многие клиенты, понимаешь ли, считают, что умирать гораздо веселее вдвоем.

Несколько мгновений Линдсей пытался совладать с дурнотой. «Самоубийство вдвоем» доконало его вконец. Перед глазами появилось лицо Веры — странно зыбкое и вместе с тем отчетливое в ярких лучах подхлестнутой наркотиками памяти. Покачнувшись, он упал на бок.

Его вырвало.

Наркотики ослабили организм. После отбытия из Республики он еще ничего не ел. Нестерпимая кислота обожгла горло, и он задохнулся, безуспешно хватая ртом воздух.

Рюмин тотчас же оказался рядом. Он надавил костлявыми коленями на грудную клетку Линдсея, и воздух прошел-таки сквозь сведенную судорогой гортань. Перевернувшись на спину, Линдсей судорожно вздохнул. Руки и ноги слегка потеплели. Он попытался вздохнуть еще — и потерял сознание.

* * *

Взяв Линдсея за запястье, Рюмин засек пульс. Линдсей лежал без чувств, и на старого механиста словно бы снизошло странное, ленивое умиротворение. Он позволил себе расслабиться. Рюмин давно уже был глубокий старик. А ощущение этого меняет все в окружающем мире.

Кости Рюмина были хрупкими… Осторожно перетащив Линдсея на татами, он укрыл его одеялом. Затем, добравшись до керамического бачка с водой, достал рулон грубой фильтровальной бумаги и вытер рвоту. Точность его движений скрывала тот факт, что без видеоввода старик

был почти слеп.

Рюмин нацепил видеоочки и сосредоточился на записи, сделанной с Линдсея. Воспринимать мысль и образы через провода было как-то привычнее.

Кадр за кадром анализировал он движения гостя. Длинные костистые руки и ноги, большие ладони и ступни, но нескладным его не назовешь. Во всех движениях опасная, зловещая точность — нервная система, очевидно, подвергалась длительной и тщательной обработке. Кто-то не пожалел ни времени, ни денег, чтобы подделать эти расхлябанные легкость и изящество…

Рюмин просматривал запись с сосредоточенностью, наработанной за многие годы практики. Система велика, размышлял он, хватит места тысячам и тысячам образам жизни, тысячам надеющимся на лучшее монстрам… То, что проделали над этим человеком, вызывало в нем печаль, но — ни малейшего страха либо тревоги. Только время может расставить все по местам — сказать, где прогресс, а где глухой тупик. А он, Рюмин, давно уже не берется судить. Даже и когда мог — воздерживался…

Добрые дела редко остаются безнаказанными, но Рюмин никогда не мог от них удержаться и

лишить себя удовольствия пронаблюдать результат. Любопытство — вот что заставило его уйти в бродяги. Человек он был весьма одаренный, одно время входил в «совет» колонии, но любопытство подзуживало на неудобные вопросы, подталкивало к неудобным мыслям…

Некогда ему придавало сил чувство собственной правоты. С годами правота как-то перестала ощущаться, но жалость и готовность помочь — остались. Для Рюмина порядочность вошла в старческую привычку.

Гость заворочался во сне. Лицо его задергалось, исказившись в причудливой гримасе. Рюмин удивленно сощурился. Странный парнишка… Хотя — чему уж тут удивляться, мало ли странностей в Системе? Вот если странности выходят из-под контроля — это да. Это становится интересным.

* * *

Проснувшись, Линдсей застонал.

— И на сколько же я отключался?

— На три часа и двадцать минут, — сообщил Рюмин. — Дня и ночи, мистер Дзе, здесь не бывает. Поэтому время мало что значит.

Линдсей приподнялся на локте.

— Проголодался?

Рюмин подал ему миску супа. Линдсей взглянул на варево с подозрением. Кружки жира на поверхности, белые комья в глубине… Он сунул ложку в рот — на вкус оказалось куда лучше, чем с виду.

— Спасибо, — сказал он, быстро налегая на суп. — Извини за беспокойство.

— Ерунда. Тошнота — вполне обычное дело, когда микробы Дзайбацу поселяются в желудке у новичка.

— А чего же ты послал за мной камеру?

Рюмин налил супа себе.

— Из любопытства. Я всегда наблюдаю за прибывающими — через радар. Большинство бродяг путешествуют группами; одиночки попадаются редко. Хотелось выяснить, кто ты и что ты. Таким образом я зарабатываю себе на жизнь. — Он доел суп. — Теперь расскажи-ка, что ты думаешь делать дальше.

— Если расскажу, ты мне поможешь?

— Не исключено. А то в последнее время как-то здесь стало скучно.

— На этом деле можно заработать.

— Чем дальше, тем интереснее! А если поконкретней?

— Сделаем мы вот что, — сказал Линдсей, вставая и поправляя манжеты. — Шейперские преподаватели говорили: «Лучшая ловушка для птиц — зеркало». О Черных Медиках я узнал на Совете Колец. Они не были генетически перекроены. Шейперы их презирали, оттого они и замкнулись в своем кругу. Этого обычая они держатся даже здесь. Но они любят, чтобы ими все восхищались. Вот я и стал зеркалом: показал им то, чего они желают. Посулил почет и уважение, которыми они будут облечены в качестве покровителей театра… — Он потянулся за пиджаком. — Ну а Гейша-Банк чего хочет?

— Денег и власти, — объяснил Рюмин. — И еще — сокрушения соперников. А соперники у них — Черные Медики.

— Атака по трем направлениям, — улыбнулся Линдсей. — Именно этому меня и учили. — Улыбка его вдруг исказилась; он схватился за живот. — Суп… Синтетический протеин, да? Что-то мне от него худо.

Рюмин рассудительно кивнул:

— Это — новые микробы. Придется тебе на несколько дней повременить с деловыми свиданиями. Понос у тебя, мистер Дзе.

Глава 2

Народный Орбитальный Дзайбацу Моря Спокойствия 28.12.15

Ночей на Дзайбацу не было вовсе, и это придавало страданиям Линдсея некий вечный вневременной оттенок.

Антибиотики помогли бы почти сразу, однако рано ли, поздно, а с новой микрофлорой все равно придется осваиваться. Между приступами Рюмин от нечего делать развлекал его местными сплетнями и анекдотами. Все вместе они складывались в историю — сложную и безрадостную череду предательств, мелких свар и бесцельной борьбы за власть.

Самой многочисленной из группировок Дзайбацу были фермеры-водорослеводы, народец мрачный и фанатичный, замкнутый, невежественный, не чуждавшийся, по слухам, и людоедства. Далее следовали математики — прошейперская группировка, большую часть времени проводившая в рассуждениях на предмет теорий бесконечных множеств. Маленькие купола были населены каперами и пиратами: Раскольники Гермеса, Радикалы Серого Тора,

Гранмегалики, Союзные Эклектики и прочие, менявшие названия и облики столь же просто, как просто они резали глотки. Меж собой они грызлись постоянно, но ни одна группировка не смела бросить вызов Черным Медикам или же Гейша-Банку. В прошлом подобные попытки предпринимались; ужасные легенды о них еще сохранились в памяти общества.

Живущие за Стеной тоже занимали свое место в весьма разнообразных мифах. Утверждали, что живут они в джунглях разросшихся мимоз и сосен, с виду уродливы, у каждого на руках по два больших пальца, и все они от роду поголовно глухи.

Кое-кто заявлял, что за Стеной нет вообще ничего человекоподобного, а только набор саморазмножающихся программ, достигший ужасающей независимости.

И, конечно же, вполне допускалась возможность тайного вторжения и захвата застойной территории — пришельцами. Вокруг данной концепции пышным цветом расцвела целая отрасль постиндустриального фольклора, построенного на аргументах весьма остроумных. Прихода пришельцев с иных звезд рано или поздно ожидали все. Явление их должно было открыть новую эпо-

ху — наподобие современной версии Царствия Божьего.

Рюмин терпеливо выхаживал Линдсея. Пока тот забывался сном, он патрулировал Дзайбацу посредством робокамеры и высматривал, что там новенького. Миновав кризис, Линдсей пошел на поправку — уже в состоянии был поесть супу и жареного протеина со специями.

Во время такого обеда какой-то из рюминских аппаратов, издав оглушительный писк, ярко замигал индикатором. Рюмин, не отрываясь от сортировки кассет, взглянул на него.

— Это радар, — пояснил он. — Дай-ка мне видеоочки.

Подобравшись к радару, Линдсей передал ему клейкие видеодиски. Рюмин нацепил их на виски.

— У радара слабое разрешение, — сказал Рюмин, закрывая глаза. — Толпа какая-то приехала. Пираты, скорее всего. На посадочной сейчас.

Он сощурился, хотя глаза его и так были закрыты.

— И что-то у них там довольно крупное. Просто громадное что-то приволокли… Переключусь-ка я, пожалуй, на телефото.

Он выдернул шнур видеоочков из гнезд ра-

дара.

— Выйду взгляну, — предложил Линдсей. — Я уже в состоянии.

— Только сперва подключись. Возьми вот наушники и какую-нибудь из камер.

Разобравшись с электроникой, Линдсей расстегнул молнию шлюза и ступил наружу, в густой, холодный воздух.

Обогнув купол, он направился в сторону обода землепанели, потом свернул и рысцой взбежал на ближайший мостик через низкую металлическую стену. Там он направил камеру вверх:

— Вот, хорошо, — прозвучал в наушниках голос Рюмина. — Яркость прибавь, там справа такая кнопочка… Да, так лучше. Ну, мистер Дзе, что скажешь?

Зажмурив один глаз, Линдсей приник к видоискателю. Высоко над головой, у северного окончания продольной оси Дзайбацу, дюжина бродяг в невесомости пыталась обуздать громадный серебристый мешок.

— Вроде палатку надувают, — сказал Линдсей. Сморщенный серебристый мешок внезапно развернулся в цилиндр. На боку стал виден рисунок в человеческий рост высотой — красный череп и две скрещенные молнии.

— Пираты! — сказал Линдсей.

— Так я и думал, — хмыкнул Рюмин.

Налетел резкий порыв ветра. Линдсей, на секунду потеряв равновесие, посмотрел вниз. Долгая белая стеклянная панель под мостиком была порядком изношена. Шестиугольные блоки метагласса испещрены были темными заплатами; растяжки их неряшливо топорщились. Швы и трещины были залиты пластиком. Сквозь стекло сочился неяркий солнечный свет.

— Ты там как — в порядке? — спросил Рюмин.

— Извини, — ответил Линдсей и снова направил камеру вверх.

Пираты уже подняли свой серебристый аэростат в воздух и запустили на нем два пропеллера. Всплыв над посадочной площадкой, баллон дернулся и пошел вперед, увлекая за собой какой-то темный предмет — с виду вроде странной формы валун, поперечником с человеческий рост.

— Метеорит, — объяснил Рюмин. — В дар живущим за Стеной. Ты видел камни в Стерильной зоне? Пиратские дары. Это уже стало традицией.

— А по земле отволочь они что, не могут?

— Шутишь. Ступить в Стерильную зону — верная смерть.

— Ясно. Приходится сбрасывать с воздуха. А ты

знаешь этих пиратов?

— Нет. Впервые вижу. Потому они и камень приволокли.

— Но кому-то они здесь, похоже, уже знакомы. Взгляни.

Линдсей навел камеру на третью сельхозпанель, лежавшую чуть дальше пиратского аэростата. Большую часть ее площади заполонила плесень; кое-где над нею клубился низовой желтоватый туман.

Ближе к центру панели, неподалеку от развалин северных пригородов, виднелся приземистый многоцветный купол из разнокалиберных кусков пластика и керамики. Из его шлюза выбежала толпа суетливых, как муравьи, бродяг. Поглядывая вверх сквозь стекла противогазов, они волокли за собой грубо сляпанную конструкцию из лебедок, тросов и рычагов. Затем они стали свой агрегат поднимать, пока один из его концов не нацелился в небо.

— Что это они делают? — спросил Лиидсей.

— Кто его знает… Это — Восьмая орбитальная армия. По крайней мере, они сами так себя называют. До сих пор жили затворниками.

Пиратский аэростат плыл в воздухе, бросая тени на все три сельхозпанели. Один из бродяг

что-то там в механизме дернул.

Вверх взвился длинный металлический гарпун. Блеснув в воздухе, он вонзился аэростату в бок. В хвостовой части сделанной из фольги оболочки образовалась дыра. Прошив оболочку навылет, гарпун полетел дальше. Удар изменил его траекторию, теперь он описывал в небе дугу, подчиняясь эффекту Кориолиса. Наконец стрела исчезла в переплетении ветвей сгнившего сада.

Пираты засуетились, пытаясь увести поврежденный воздушный шар подальше от атакующих.

Привезенный ими массивный валун, влекомый неспешной инерцией, натянул тросы. Дыра в оболочке начала увеличиваться, и хвостовая часть оторвалась от аэростата.

Громко зашипел газ, и аэростат мгновенно превратился в бесформенный, сплюснутый комок фольги. Двигатели, увлекая за собой оторванный серебристый хвост, падали вниз.

В это время пираты делали отчаянные попытки удержаться в зоне невесомости. Тем более отчаянные, что неспешные, засасывающие, нисходящие токи воздуха в любую секунду могли увлечь вниз, навстречу смерти.

Валун вошел в клубы облаков. Темная масса,

слегка повиливая, величаво шла на снижение и скоро пропала в дымке. Секундой позже метеорит появился снова — уже под облачным слоем — и вскоре врезался в стекло оконной панели.

Линдсей, удерживавший его в поле зрения камеры, услышал странный хруст. Воздух, увлекая за собой осколки стекла, обломки металла и пластика, с ревом устремился в пространство.

Подбрюшье облака, нависшего над местом крушения, закрутившись, потянулось к пролому. Над пробоиной вырос плюмаж белого тумана — резкое понижение давления привело к конденсации пара.

Подняв камеру над головой, не обращая внимания на удавленный, протестующий возглас Рюмина, Линдсей прыгнул вниз и побежал к пробоине.

Через минуту он был у цели — настолько близко, насколько осмелился подойти. Спрятавшись за ржавой растяжкой заглушки метрах в десяти от пробоины, он взглянул вниз, под ноги, сквозь грязное стекло. Там, в лучах солнечных зеркал, сияла радугой длинная струя замерзающего пара.

Ревущий ток воздуха принес с собой сильный ливень. Линдсей прикрыл объектив ладонью.

Краем глаза он заметил движение. К пролому, волоча за собой длинный рукав, спотыкаясь о затычки и о растяжки, еле держась на ногах под порывами ураганного ветра, бежали фермеры.

У края пробоины, захваченный ветром, разбился пятнистый патрульный роболет. Струя воздуха мгновенно унесла обломки наружу.

Рукав задергался под напором жидкости, и из насадки хлынул гейзером серо-зеленый пластик. Прилипая к стеклу, он быстро затвердевал.

Под напором воздуха заплата содрогалась, однако держалась. Постепенно пластик заливал пробоину, и рев сделался тише, перейдя в негромкий свист.

Загерметизировав пробоину, люди еще некоторое время продолжали качать пластик. Потревоженные тучи сочились дождем. Тут Линдсей заметил еще одну группу фермеров, стоявших вдоль оконной панели. Сблизив головы в противогазах, они указывали куда-то вверх.

Линдсей поднял взгляд.

Вихрь вырвал из слоя туч клок, сквозь полукруглую прогалину Линдсей увидел купол Восьмой орбитальной армии. Вокруг него на земле лежали, не шевелясь, крохотные фигурки в белых скафандрах.

Линдсей навел на них камеру. Фанатики из Восьмой орбитальной… Некоторые, видно, пытались укрыться в куполе — у шлюза, с распростертыми руками, лежали Друг на друге сразу несколько тел.

Пиратов с аэростата не было видно. Линдсей поначалу решил, что они отступили на посадочную площадку, но неожиданно одного заметил: разбившегося о ближайшую светопанель.

— Замечательное кино, — сказал Рюмин. — Но соваться туда было бы идиотизмом чистой воды.

— Я как-никак твой должник, — отвечал Линдсей, рассматривая трупы. — Схожу-ка туда.

— Давай я лучше отправлю робота. Там скоро появятся мародеры.

— Вот я с ними и познакомлюсь. Могут пригодиться.

Он перешел по мостику на грунтовую панель. Легкие жгло, однако Линдсей решил обойтись без маски. Репутация стоит риска.

Миновав владения Черных Медиков, он пересек еще одну светопанель, и направился к куполу Восьмой орбитальной армий. На третьей сельхозпанели никто, кроме них, не жил, ее оставили после того, как на ней поселилась какая-то особо заразная пакость. От сельского хозяйства оста-

лись лишь реденькие пучки стеблей — высотой по щиколотку. Жилища и надворные постройки в пастельных тонах, разграбленные, но не разрушенные, единственная неорганика в царстве гнили, казались каким-то немыслимым чудом.

Купол затворников был сооружен из обрезанных и подогнанных друг к другу пластиковых дверей. Вокруг недвижно лежали тела — как-то странно вывернув руки и ноги, словно смерть настигала их прежде, чем они успевали упасть. Что самое удивительное, сцена не вызывала ни капли ужаса. Словно мертвые были не люди, а какие-то безликие пластиковые куклы. Да и сама принадлежность их к людям была обозначена лишь воинскими знаками отличия на плечах. Линдсей насчитал восемнадцать тел.

Стекла противогазов изнутри покрывал налет влаги.

Поблизости негромко зажужжали моторы. Две машины, заложив крутой вираж, приземлились, взбороздив полозьями землю. Прибыли двое пиратов с аэростата.

Линдсей навел на них камеру. Спешившись, они вынули из прорезей кредитные карты, и самолеты улетели.

Пираты, полусогнув ноги, что говорило о непри-

вычности к притяжению, подошли к Линдсею. Их красные комбинезоны были украшены серебристыми изображениями скелетов в натуральную величину.

Пират, что повыше ростом, ткнул ногой близлежащий труп.

— Вы видели? — спросил он по-английски. — Что это их?..

— Их убили роболеты, — ответил Линдсей. — Они «физически угрожали конструкциям».

— Восьмая орбитальная армия, — пробормотал высокий пират, рассмотрев наплечную нашивку.

— Фашисты. Вонючки антинародные, — буркнула сквозь респиратор его спутница.

— Вы их знаете? — поинтересовался Линдсей.

— Да уж встречались, — отвечал первый пират. — Хотя не думали, что они теперь здесь. Да, — вздохнул он, — накладочка вышла… Как вы полагаете, там, внутри, кто-нибудь остался?

— Разве что мертвые. Роболеты вооружены рентгеновскими лазерами.

— Вот как… А жаль. Хоть бы одного собственными руками…

Линдсей левой рукой изобразил жест службы внешнего наблюдения: за нами следят. Высокий

пират быстро поднял взгляд. Солнечный луч сверкнул на серебристом черепе-маске, закрывавшем его лицо.

Затем глаза его, прикрытые металлизированным серебристым стеклом, уставились на Линдсея:

— Слушай, гражданин, а ты-то чего без маски?

— Вот моя маска, — сказал Линдсей, коснувшись рукой лица.

— Посредник, значит? Работу ищешь? А то у нас последний дипломат только что гикнулся. Невесомость как переносишь?

— Осторожнее, господин президент, — вмешалась его спутница. — Вспомните конфирмационные слушания.

— Не встревай в официальные переговоры, — раздраженно отрезал президент. — Я представлю нас. Я — президент Горняцкой Демократии Фортуны, а это моя супруга, спикер парламента.

— Лин Дзе, от «Кабуки Интрасолар». Театральный импресарио.

— Это — наподобие дипломата?

— В общем, да, ваше превосходительство.

Президент кивнул.

— Не доверяй ему, господин президент, — предупредила спикер.

— Внешние сношения — прерогатива исполнительной власти, так что заткни хлебало, — рыкнул президент. — Слушай, гражданин, у нас сегодня был жутко тяжелый день. Нам же, понимаешь, давно пора в Банк — грязь со шкуры содрать, выпить по-человечески, а тут — нате вам, пожалуйста — вылезают откуда-то эти фашисты со своей зенитной хреновиной и наносят нам, значит, превентивный удар. Аэростату кранты, и даже этого блядского булыжника мы лишились.

— Весьма прискорбно, — согласился Линдсей.

Президент почесал в затылке:

— Ну да, в таких делах планировать трудно. Приходится решать на ходу. — Он помолчал. — Ладно, херня все. Пошли туда; может, добыча подвернется.

Спикер парламента вынула из кобуры, висевшей на красном плетеном поясе, ручную электропилу и принялась пилить стену купола. Замазка, скреплявшая пластиковые панели, легко поддавалась.

— Если хочешь жить, входить надо там, откуда не ждут, — пояснил президент. — Никогда не входи через шлюз: черт его знает, что там приготовлено.

Он что-то сказал в микрофон-браслет, пользуясь

каким-то непонятным для Линдсея жаргоном.

Затем пираты вышибли вырезанный кусок панели и ступили внутрь. Линдсей, не прекращая съемки, последовал за ними. Поставив панель на место, женщина залила швы герметиком из маленького пульверизатора.

Сдернув черепообразную маску, президент втянул носом воздух. Его веснушчатое, невыразительное лицо украшал нос пуговкой; сквозь короткие рыжие волосы глянцевито просвечивала кожа. Все трое вошли в камбуз Восьмой орбитальной. Здесь стояли кресла и низкие столики, возле микроволновой печи лежали штабелем брикеты протеина, а в углу громко бурлили несколько ферментационных баков. У дверного проема на полу лежала мертвая женщина с красным, обожженным лицом.

— Добро, — сказал президент. — Поедим.

Спикер сняла маску, явив миру худощавое лицо с маленькими, подозрительными глазками. Подбородок и шею ее покрывала красная сыпь.

Пираты осторожно прошли в следующее помещение. Оно оказалось одновременно спальней и командным пунктом — в центре помещалась стойка с примитивной видеоаппаратурой. Экраны тускло мерцали. Один из них был подключен

к камере, следящей за входом; на нем видны были пираты, пробирающиеся к куполу пешим ходом через руины на северо-западе.

— Наши идут, — сказала спикер.

Президент оглядел помещение:

— Неплохо. Пожалуй, мы здесь задержимся. Хоть будет где держать воздух.

Под одной из коек что-то зашуршало. Спикер парламента нырнула туда. Линдсей направил на нее камеру. Последовал пронзительный визг, короткая возня, и она появилась, волоча за собой ребенка. Поставив его на ноги, она завернула ему руки за спину.

Ребенок оказался темноволосым, грязным, неопределенного пола. Глаза его злобно сверкали. Одет он был в подогнанную по размеру униформу Восьмой орбитальной. Нескольких зубов во рту не хватало. На вид ему было лет пять.

— Значит, не все тут сдохли, — констатировал президент, нагибаясь и заглядывая ребенку в глаза. — Где остальные?

Он пригрозил ребенку ножом. Клинок появился в его руке словно из ниоткуда.

— Говори, гражданин. А то кишки выпущу!

— Погоди, — сказал Линдсей. — Ребенок ведь…

— Не суйся, гражданин. Этому солдатику

вполне может быть и восемьдесят. Эндокринные процедуры…

Линдсей, присев перед ребенком, заговорил с ним поласковее:

— Сколько тебе лет? Четыре, пять? На каком языке говоришь?

— Да пустое, — сказала спикер парламента. — Маленькая койка здесь только одна. Наверное, роболеты его просто не засекли.

— Или пощадили, — предположил Линдсей.

— Ну да, счас, — скептически хохотнул президент. — Слушайте, мы ж его банковским блядям можем продать. Минимум три часа внимания.

— В рабство?! — ужаснулся Линдсей.

— Какое-такое рабство? Ты о чем? Не приплетай сюда разных теологий, гражданин. Государство освобождает военнопленного, передавая его третьей, незаинтересованной стороне. Совершенно законная сделка.

— Не хочу к блядям, — запищал ребенок. — Хочу к фермерам.

— К фермерам? — протянул президент. — Не понравится тебе у фермеров, микрогражданин. Может, тебя с оружием обращаться учили? Маленький боевичок нам бы не помешал. Пролезть, к примеру, по воздуховоду…

— Кстати, фермеров ты недооцениваешь.

Линдсей указал на экран. По внутреннему склону Дзайбацу шли, впрягшись в лямки волокуши, дюжины две фермеров. Они увозили мертвых солдат Восьмой орбитальной армии.

— Мать вашу! — зарычал президент. — Они бы и мне пригодились! Хотя, — ухмыльнулся он, — их тоже можно понять… В этих трупах — куча доброго протеина.

— Хочу к фермерам! — канючил ребенок.

— Пусть идет, — посоветовал Линдсей. — У меня совместные дела с Гейша-Банком, можно договориться с ними о поддержке для вас.

— Да? — Спикер парламента отпустила руку ребенка.

— Да, — кивнул Линдсей. — Дня через два я их уговорю.

Она взглянула мужу в глаза:

— А он — очень даже ничего. Давай назначим его госсекретарем.

Народный Орбитальный Дзайбацу Моря Спокойствия 02.01.16

Гейша-Банк располагался в комплексе старинных, покрытых для герметичности шеллаком и соединенных путаницей переходов из полированного дерева и бумажных раздвижных шлюзов

зданий. Задолго до упадка Дзайбацу здесь были кварталы «красных фонарей». Такой преемственностью Банк гордился; талантливая молодежь продолжала и развивала эксцентрические традиции предков.

Оставив одиннадцать граждан Горняцкой Демократии Фортуны в антисептической сауне под мочалками бесстрастных банщиков, Линдсей отправился по делам. Пираты уже несколько месяцев не имели возможности нормально помыться. Тела их бугрились мускулами — результат прилежных занятий невесомостным дзюдо. Потную кожу покрывали устрашающие татуировки и следы сыпи.

Линдсей прошел в раздевалку и отдал свою униформу, полученную от Черных Медиков, в чистку и глажку, облачившись взамен в мягкое коричневое кимоно. К нему подошел гейша-мужчина, из тех, что пониже рангом, в кимоно и оби:

— Чего желаете, господин?

— Я желал бы переговорить с яритэ.

Вежливый взгляд гейши на миг стал скептическим.

— Один момент. Я только узнаю, готов ли наш исполнительный директор к приему гостей.

Он исчез. Через полчаса на смену ему появи-

лась гейша-женщина, блондинка в деловом костюме и оби.

— Мистер Дзе? Пожалуйста.

Он проследовал за нею до лифта, охраняемого двумя мужчинами, вооруженными электродубинками. Охранники были настоящими великанами — голова Линдсея едва доставала любому из них до локтя. Длинные, непроницаемые лица выдавали акромегаликов: деформированные, непомерно разросшиеся челюсти, резко выдающиеся скулы… Вероятно, растили их на гормональных стимуляторах.

Поднявшись на три этажа, лифт остановился.

Линдсей увидел прямо перед собой плотную завесу из ярких бус. Тысячи звонких нитей, унизанных бусинами, свисали с потолка, опускаясь до самого пола. Любое прикосновение тут же потревожило бы занавесь.

— Возьмите меня за руку, — велела банкирша. Линдсей осторожно шагнул следом, подняв ужасный трезвон. — Ступайте осторожно, — добавила провожатая. — Здесь западни.

Линдсей, зажмурившись, подался за ней. Наконец она остановилась. В зеркальной стене открылась потайная дверь. Линдсей прошел в личные покои яритэ.

Пол был выложен старинным деревом, натертым до темного глянца. Под ногами лежали плоские квадратные подушки с набивным орнаментом из стеблей бамбука. Слева от Линдсея находились двустворчатые стеклянные двери, ведущие на залитый солнцем деревянный балкон. Дальше располагался роскошный сад; среди скрюченных сосенок и японских вишен вились дорожки, усыпанные ослепительно белой галькой. В комнате стоял запах свежей зелени. Зачарованный, Линдсей любовался образами былого, не пораженного еще гнилью Дзайбацу, проецируемыми на фальшивые, никуда не ведущие двери…

Яритэ со скрещенными ногами сидела на одной из подушек. Это была престарелая механистка с ярко накрашенным ртом и полузакрытыми глазами змеи. Ссохшуюся ее головку украшал лакированный шлемоподобный парик, проткнутый длинными деревянными булавками. Расшитое цветами кимоно топорщилось жесткими складками; казалось, оно держится лишь на крахмале и на распорках. Внутри кимоно свободно поместились бы три таких, как она.

Вторая женщина сидела у правой стены лицом к изображению сада. Линдсей тут же узнал в

женщине шейпера. Не только по изумительной красоте — ее окружало то самое, наподобие магнитного поля, неуловимое обаяние, присущее перестроенным. В ней соединились африканские и азиатские гены — миндалевидные глаза в сочетании с темной кожей. С выражением отрешенной преданности на лице сидела она, подогнув под себя ноги, перед белой клавиатурой синтезатора.

— Не забывай о своих обязанностях, Кицунэ, — не оборачиваясь, сказала яритэ.

Пальцы девушки пробежались по клавишам. Звуки синтезатора — древнейшего из японских инструментов — заполонили комнату.

Линдсей опустился на подушку, к старухе лицом. Сбоку к нему подкатил чайный столик. Кипяток заструился в чашку; фарфор издал легкий звон. Затем в чашку легла заварная ложечка с чаем.

— Ваши друзья-пираты, — заговорила старуха, — пустят вас по миру.

— Это — всего лишь деньги, — сказал Линдсей.

— Это — наша тяжелая малоприятная работа. Вы полагаете, нам приятно пускать ее по ветру?

— Я нуждался в вашем внимании, — сказал Линдсей.

Навыки дипломата с первых секунд включились в работу, но он опасался девушки. Вот уж кого он не ожидал здесь встретить, так это шейпера! К тому же в поведении старухи имелись какие-то странности. Наркотики, вероятно. Или механистская перестройка нервной системы.

— Вы явились сюда в одежде Черных Медиков. Поэтому не могли не привлечь к себе внимания. Мы слушаем.

Линдсей расширил и углубил свой план при помощи Рюмина. Но Гейша-Банк запросто мог разрушить все его замыслы; если так, нужно привлечь их на свою сторону. Он понимал, чего желают здешние заправилы. Он был готов изобразить для них зеркало. Если они узнают в нем собственные амбиции и мечтания, он выиграл.

Линдсей начал заранее продуманное представление.

— Итак, вы видите, что надеются извлечь из представления Черные Медики. Они замкнуты в четырех стенах, а это ведет к паранойе. Финансируя постановку нашей пьесы, они надеются укрепить свой престиж. — Он выдержал театральную паузу. — Но мне нужна труппа. Гейша-Банк — вот для меня источник талантов. Без Черных Медиков я еще обойдусь, но без вас

обойтись не смогу.

— Понимаю, — проговорила яритэ. — Теперь объясните: отчего, вы полагаете, будто мы можем извлечь из ваших замыслов выгоду?

Взгляд Линдсея сделался до боли обиженным.

— Я прибыл сюда ради культурного мероприятия. Неужели этого недостаточно?

Он покосился на девушку. Пальцы ее быстро перебирали клавиши. Внезапно она подняла голову и с легкой улыбкой заговорщицы заглянула в его глаза. Меж ровных, великолепных ее зубов мелькнул кончик языка. Улыбка блистательной хищницы, полная вожделения и соблазна. Кровь закипела у него в жилах. Волосы на затылке вздыбились. Самообладание ускользало.

Спина Линдсея покрылась гусиной кожей. Он опустил глаза.

— Хорошо, — с трудом выговорил он. — Я вижу, вам этого недостаточно. И это меня не удивляет. Видите ли, мадам, вы соперничаете с Медиками уже много лет… А я предлагаю вам шанс выманить их на открытое место и заставить сражаться на вашей территории. В финансовых вопросах они — наивные младенцы! Наивные — и жадные. Им очень не нравится оперировать в финансовой системе, контролируемой вами. Дай им хоть

малейшую надежду на успех, и они тут же приступят к формированию собственной экономики. Так не мешайте же им. Пусть формируют. Пусть сами себя загоняют в гроб. Пусть раз за разом снимают навар, пока не потеряют чувство меры и не падут жертвами собственной жадности. А потом — проткните их пузырек.

— Нонсенс, — сказала старуха. — Актер учит банкира вести дела?

— Поймите, что вы имеете дело не с механистским картелем, — подавшись вперед, убежденно сказал Линдсей. Он знал, он чувствовал, что девушка смотрит сейчас на него. — Там просто три сотни техников, усталых, напуганных, полностью изолированных… Идеальная жертва для массовой истерии. Лихорадка азарта захлестнет их быстрее любой эпидемии. — Он вновь выпрямился. — Поддержите меня, мадам. Я стану вашим агентом, вашим брокером и посредником. Они никогда не подумают, что за их крахом стоите вы. Да что там — они явятся к вам просить помощи!

Он поднес к губам свою чашку. Чай отдавал синтетикой.

Старуха словно бы размышляла, но лицо ее выражало совсем другое. Ни единого признака,

выдающего течение мыслей, ни единого движения рта, век, горла… Лицо старухи было не просто спокойным. Оно было абсолютно недвижным.

— Перспективы есть, — наконец сказала она. — Но дело должен контролировать Банк. Негласно, но полностью. Как вы нам гарантируете контроль?

— Контроль будет вашим, — пообещал Линдсей. — Воспользуемся моей компанией, «Кабуки Интрасолар», как прикрытием. Вашими связями за Пределами Дзайбацу — для выпуска фиктивных акций. Я выброшу их на здешний рынок, а Банк будет вести себя нерешительно, что позволит Медикам одержать блистательную победу и захватить контроль над предприятием. Фиктивные держатели, ваши агенты, запаникуют и начнут предлагать новым владельцам за их акции огромные деньги. Это развеет сомнения Медиков и придаст им уверенности в себе. Вы же будете взаимодействовать со мной в открытую. Поставите актеров и актрис; вы будете ревностно бороться за это право… Ваши гейши всем клиентам уши прожужжат о постановке. Вы распространите слухи о моем обаянии, гении и скрытых ресурсах, будете подчеркивать мою экстравагантность и окружите наше предприя-

тие атмосферой беззаботного гедонизма. Таким образом, мы кинем весь Дзайбацу.

Старуха молчала. Глаза ее невидяще взирали в пространство.

Низкие, чистые звуки синтезатора внезапно оборвались. Отзвуки еще какое-то время витали в воздухе.

— И все получится, как задумано? — спросила девушка.

Он взглянул ей в лицо. Покорное выражение исчезло, словно слой грима. Выражение темных глаз потрясало. Их переполняло откровенное, всепоглощающее желание. Линдсей ни на миг не усомнился в искренности этих глаз — такое лежит за гранью притворства. Что там — за гранью человеческого!

Не помня себя, он встал на одно колено, все так же глядя в ее глаза.

— Да, — хриплым голосом проговорил он. — Клянусь. Пол холодил ладонь. Только тут он осознал, что невольно, едва не ползком, движется к ней.

А она все смотрела на него и смотрела, и вожделение в ее взгляде было смешано с восхищением.

— Кто ты? Скажи, дорогой! Скажи мне правду!

— Как и ты. — Он заставил себя остановиться. Руки дрожали. — Произведение шейперов.

— Я хочу рассказать тебе, что они сделали со мной. Позволь, я расскажу о себе.

Линдсей лишь кивнул — от болезненного возбуждения пересохло в горле.

— Х-хорошо, — выдавил он. — Расскажи, Кицунэ.

— Меня отдали хирургам. Они удалили матку и добавили нервных тканей. Соединили центр наслаждения с задом, горлом и позвоночником — и это лучше, чем быть богом, мой дорогой. Когда я возбуждена, я потею духами. Я чище стерильной иглы, а все, что исторгает мое тело, можно пить, подобно вину, или есть, подобно пирожным. И мне оставили мой острый, ясный разум, чтобы я знала, что такое смирение. Дорогой, ты знаешь, что такое смирение?

— Нет, — резко ответил Линдсей. — Зато знаю, что такое — плевать на смерть.

— Мы не похожи на других, — сказала она. — Они от нас отказались. И теперь мы можем делать с ними все, что только пожелаем, ведь, правда?

Переливчатый ее смех вогнял в дрожь. С балетной грацией Кицунэ перепрыгнула клавиатуру синтезатора.

Босая ее ступня пнула старуху в плечо, и яритэ со стуком упала. Лакированный парик, разметав ленты, отлетел в сторону. Голый череп старухи был покрыт сетью разъемов.

— Клавиатура… — вырвалось у него.

— Она — мой фасад, — пояснила Кицунэ. — Такова моя жизнь — фасады, фасады, фасады… Реально лишь наслаждение. Наслаждение властью.

Линдсей облизнул пересохшие губы.

— Дай же мне настоящее, — сказала она.

Одним рывком она развязала оби. Кимоно ее украшал орнамент из ирисов и фиалок. Кожа под кимоно — раз к такой прикоснуться, а там не жалко и умереть…

— Иди сюда, — позвала она. — Дай моим губам твои губы.

Приблизившись, Линдсей обнял ее. Горячий язык глубоко скользнул в его рот, принеся с собой пряный привкус.

Ее слюнные железы вырабатывали наркотик.

Они опустились на пол под мертвенным взглядом полуприкрытых старухиных глаз.

Ее руки скользнули под его кимоно.

— Шейпер, — сказала она. — Я хочу твое тело.

Теплая ладошка ласкала пах. Он подчинился.

Народный Орбитальный Дзайбацу Моря Спокойствия 16.01.16

Линдсей лежал в куполе Рюмина на полу, прижав ладони к вискам. На левом его запястье был золотой браслет с двумя рубинами. Черное атласное кимоно с едва заметным тканым рисунком из ирисов и брюки-хакама соответствовали самой последней моде.

На правом рукаве кимоно красовалась эмблема фиктивной корпорации «Кабуки Интрасолар» — стилизованная белая маска с черной и красной лентами поперек глаз и рта. Задравшийся рукав кимоно обнажал кровоподтек от укола на сгибе локтя. Он работал на стимуляторах.

— Хорошо, — сказал Линдсей, снова поднося к губам микрофон. — Сцена третья. Амисима. Сихэй: «Сколь далеко ни уйдем, нигде не отыщется места, отмеченного знаком самоубийства. Погибнем же здесь». Далее — Кохару: «Да, поистине так. Одно место не лучше другого, чтобы умереть. Но я подумала: найдя тела наши рядом, люди скажут, что Сихэй и Кохару совершили самоубийство любящих. Представляю, как возненавидит и проклянет меня твоя жена. Так убей же меня здесь, а потом найди себе место подальше». Опять Сихэй…

Внезапно Линдсей замолчал. Рюмин, пока он диктовал, занимался странным каким-то делом. Нечто наподобие ленточек плотной коричневой бумаги он уложил продолговатой кучкой на листке тонкой белой бумаги, после чего свернул из белой бумаги трубочку и заклеил языком шов.

Зажав в губах кончик бумажного цилиндрика, он взял какое-то металлическое устройство и нажал кнопку на его крышке. Линдсей, удивленно глазевший на него, издал громкий вопль:

— Огонь! Господи боже, огонь! Огонь!

Рюмин выдохнул облачко пара.

— Что за хрень с тобой такая? Крохотный язычок пламени никому не повредит.

— Но это же огонь! Боже милосердный, я никогда в жизни не видел открытого огня. — Линдсей понизил голос. — А ты уверен, что сам не загоришься? — Он с опаской смотрел на Рюмина. — У тебя легкие дымятся!

— Да нет же. Это такое новшество. Совсем маленький новый порок, — пожал плечами старый механист. — Может, малость и вреден — так ведь полезных пороков не бывает.

— Что это у тебя?

— Кусочки бумаги, пропитанной никотином. Ну и плюс кое-какие ароматизаторы. Доволь-

но-таки неплохо. — Он вынул сигарету изо рта. Взглянув на тлеющий кончик, Линдсей содрогнулся. — Да ты не дергайся. Здесь — не то, что в других колониях. Огонь не страшен. Грязь не горит.

Снова опустившись на пол, Линдсей издал стон. Мозг его тонул в воспоминаниях. Голова болела. Им владело неописуемое чувство: словно в первое мгновение приступа дежа вю. Словно хочешь чихнуть, а никак не чихается…

— Ну вот, место из-за тебя потерял, — брюзгливо сказал он Рюмину. — Подумать только, сколько все это для меня значило! Эти пьесы, заключающие в себе все сохранившиеся ценности человеческой жизни!.. Оставленные нам в наследство, когда не было еще ни шейперов, ни механистов. Человеческая, непрочная, первозданная жизнь…

Рюмин стряхнул пепел в черный футляр от объектива.

— Ты, мистер Дзе, рассуждаешь как орбитальный абориген. Настоящий «цепной». Где твоя родина? В ССР Моря Кризисов? Или в Коперникианском Содружестве?

Линдсей втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

— Ладно, прости уж мне мое стариковское

любопытство, — сказал Рюмин, выпуская густое облако дыма и почесывая красный след от видеоочков на виске. — Давай-ка я тебе объясню, мистер Дзе, в чем твои трудности. Вот ты прочел три композиции: «Ромео и Джульетта», «Трагическая история доктора Фаустуса» и — последнюю — «Самоубийство влюбленных на Амисима». На мой взгляд, как-то это все — не то.

— Да-а? — протянул Линдсей возмущенно.

— Да. Во-первых, малопонятно. Во-вторых, мрачно до невозможности. И, в-третьих, что хуже всего, пьесы эти — доиндустриальные. А теперь — что я думаю в целом. Ты организовал дерзкое жульничество, вызвал невообразимую суматоху и весь Дзайбацу поставил на уши. В возмещение надо бы хоть немножко развлечь народ.

— Развле-ечь?

— Да. Я же знаю бродяг. Им нужно, чтобы, их развлекали, а не лупили по репе тяжеловесными древностями. Они хотят слушать о настоящих людях, а не каких-то там дикарях.

— Но… тогда это уже будет не человеческой культурой…

— И что с того? — Рюмин пыхнул сигаретой. — Я тут поразмыслил… Словом, ты мне прочел три этих «пьесы», и суть я ухватил. Не шибко-то это

сложно. Пожалуй, дня за два-три сработаю подходящую.

— Думаешь?

Рюмин утвердительно кивнул.

— Только придется кой от чего избавиться.

— Например?

— Первым делом — от гравитации. Кроме как в невесомости хороший танец или же драку не изобразить.

Линдсей сел прямо.

— Танец или драку?!

— Точно. Публика-то у нас какая? Бляди, фермеры, два десятка пиратских шаек да полсотни беглых математиков. Драки и танцы всем им понравятся. Сцену — долой, слишком плоская. Занавес тоже, это все при помощи света сделаем. Ты-то, может быть, и привык к старинным окололунным станциям с их проклятым центробежным тяготением, но современным людям нравится невесомость. Бродяги и так достаточно в жизни натерпелись — пусть у них хоть в кои-то веки будет праздник.

— Это что же — забираться в невесомость?

— Ну да. Соорудим аэростат — огромный пузырь, надуем… Запустим с посадочной площадки и закрепим растяжками. Тебе же всяко пришлось

бы строить театр, правильно? Так что мешает соорудить его в воздухе? Всем виден будет.

— Конечно. — Линдсей улыбнулся. Он начал проникаться идеей. — И нарисуем на нем эмблему Корпорации.

— И флаги снаружи вывесим.

— А внутри будем продавать билеты. Билеты и акции… — Линдсей громко захохотал. — Я знаю даже, кто нам его построит!

— Только названия не хватает. Пусть называется… «Пузырь Кабуки»!

— «Пузырь»! — Линдсей прихлопнул по полу. — Точно!

Рюмин улыбнулся, скручивая новую сигарету.

— Слушай, — сказал Линдсей, — а дай-ка и мне попробовать.

* * *

ПОСКОЛЬКУ наш народ на протяжении всей своей истории достойно встречал новые начинания.

ПОСКОЛЬКУ государственному секретарю Лин Дзе потребовались специалисты по техническим вопросам воздухоплавания, каковых среди наших граждан множество.

ПОСКОЛЬКУ государственный секретарь Дзе

как представитель автономной корпораций «Кабуки Интрасолар» подтвердил согласие оплатить народный труд щедрой долей акций поименованной Корпорации Парламентом Горняцкой Демократии Фортуны при поддержке Сената.

ПОСТАНОВЛЯЕТСЯ: Народ берет на себя постройку зрительного зала «Пузырь Кабуки», принимает участие в рекламной кампании акций «Кабуки», а также обеспечивает политическую и физическую защиту имущества, персонала и оборудования «Кабуки».

* * *

— Отлично. — Линдсей заверил документ и спрятал Государственную печать Фортуны обратно в кейс. — Раз ГДФ обеспечивает безопасность, то я спокоен.

— Да что там, — сказал президент. — Всякий наш дип, кому надо, может иметь сопровождающих хоть двадцать четыре часа в сутки. Особенно если идет в Гейша-Банк, ты ж понимаешь.

— Резолюцию нужно размножить и распространить по Дзайбацу. Это поднимет акции пунктов на десять. — Линдсей взглянул в глаза президента. — Только не жадничайте. Когда поднимутся до полутораста, начинайте понемногу продавать.

И корабль держите наготове.

— Не беспокойся, — подмигнул президент, — Мы тут тоже в носу не ковырялись. Такое соглашеньице подписали с одним меховским картелем! А то — охрана занятие неплохое, но для народа утомительное. Когда приведем в норму «Красный Консенсус», придет наше время повеселиться.

Народный Орбитальный Дзайбацу Моря Спокойствия 13.03.16

Совершенно вымотавшийся, Линдсей спал, подложив под голову атташе-кейс. За фальшивыми дверями занималась рукотворная заря. Кицунэ задумчиво перебирала клавиши синтезатора.

Ее искусство давно превзошло пределы простого технического навыка. То было подлинное мастерство, исходящее из самых темных глубин подсознания. Синтезатор мог повторить и превзойти любой инструмент, мог разложить его звуковой портрет на отдельные волновые колебания и вновь воссоздать — в абстрактной, стерильной чистоте. Музыка его была проникнута до болезненности логичной, безошибочной ясностью.

К ясности этой стремились многие инструменты, но — безуспешно. Неудачи их придавали звучанию некую человечность. А мир чело-

вечности — это мир потерь, разбитых надежд, первородного греха; мир, вечно молящий о милосердии, понимании и сострадании… Нет, такой мир — не для нее.

Мир Кицунэ представлял собою фантастическую, чистую, как слеза, реальность порнографии высшего порядка, вечного вожделения, не знающего усталости и покоя, прерываемого лишь спазмами сверхчеловеческого напряжения. Вожделение вытесняло все прочие проявления жизни — так же как свист обратной связи заглушает целый оркестр.

Будучи создана искусственно, Кицунэ принимала лихорадку своего мира с бездумностью хищника. Жизнь ее была абстрактной и чистой, словно горячая, наизнанку вывернутая святость.

Подобное хирургическое насилие обратило бы обычную человеческую женщину в тупое эротическое животное, однако Кицунэ была шейпером и поэтому — наделена сверхчеловеческими шейперскими гением и стойкостью. Узость мира Кицунэ превратила ее в нечто острое и скользкое, подобное намасленному клинку стилета.

Восемь лет из своих двадцати провела она в Банке, где общалась с клиентами и соперниками на условиях, полностью для нее понятных. И все

же она знала, что существует огромная область умственного, естественная для всего человечества и недостижимая для нее.

Стыд. Гордость. Вина. Любовь… Все эти чувства были для нее размытыми тенями, мрачным, презренным мусором, сгорающим дотла в мгновенном взрыве экстаза. Она была способна к человеческим чувствам, но редко обращала внимание на такие мелочи. Они оставались в ней, словно второе подсознание, скрытый интуитивный пласт, погребенный под постчеловеческим образом мышления. Сознание ее было сплавом холодной практической логики и судорожного наслаждения.

Кицунэ понимала, что Линдсею — при его примитивном мышлении — до нее далеко. Она питала к нему нечто наподобие жалости, некое невнятное, неосознанное сочувствие. Она считала его очень старым шейпером, из первых поколений. В те времена возможности генной инженерии были еще ограничены, и шейперы лишь слегка отличались от изначального человеческого сырья.

В таком случае ему, должно быть, не меньше ста лет. Выглядеть в этом возрасте столь молодо невозможно без действенной технологии про-

дления жизни. Он представлял собой ту эпоху, когда искусство перекраивания человека еще не обрело настоящей силы. Тело его было полно бактерий. Но ни об антибиотиках, принимаемых ею, ни о мучительных антисептических душах, ни о суппозиториях Кицунэ ему не рассказывала. Зачем ему знать о том, что он ее заражает? Пусть все между ними останется чистым…

Она испытывала к Линдсею холодное уважение. Он был для нее источником удовлетворения — бескорыстного и платонического. Уважение к нему было уважением мастера к инструменту, мясника к острому стальному клинку. Пользование им доставляло ей удовольствие. Хотелось, чтобы он не сломался чересчур быстро, и она с наслаждением доставляла ему то, что, по ее мнению, было необходимо ему для долгого функционирования.

Для Линдсея же порывы ее были сокрушительными. Лежа на татами, он разлепил веки и тут же потянулся к кейсу под головой. Пальцы его сомкнулись на пластиковой ручке, и сигнал тревоги в сознании отключился, но это первое облегчение лишь пробудило к жизни другие системы, и он пришел в полную боевую готовность.

Он увидел, что находится в покоях Кицунэ. В саду за стеклянными дверями занималось утро. Свет искусственной зари выхватывал из темноты инкрустированные комоды и окаменелый бонсай под плексигласовым колпаком. Некая подавленная часть его испустила отчаянно-жалобный стон, но он не обратил на это внимания. Новая лекарственная диета восстановила до полного объема полученные от шейперов навыки, и потакать собственной слабости Линдсей не собирался. Он был готов к действию, словно стальной капкан, и полон неспешной терпеливости, придававшей реакции и восприятию постоянную предельную отточенность.

Он сел и увидел Кицунэ за клавиатурой.

— С добрым утром.

— С добрым утром, дорогой. Хорошо выспался?

Линдсей прислушался к ощущениям. Какой-то из ее антисептиков обжег ему язык. На спине, оставленные ее по-шейперски сильными пальцами, чувствительно побаливали кровоподтеки. В горле першило — надышался вчера нефильтрованным воздухом… — Замечательно, — улыбнулся он, отпирая хитрый замок кейса.

Надев кольца, он влез в хакама.

— Хочешь есть?

— Нет, до инъекций не буду.

— Тогда помоги включить мой фасад.

Линдсей подавил дрожь отвращения. Он терпеть не мог высохшее, воскоподобное, киборгизированное тело яритэ, и Кицунэ отлично об этом знала. Но заставляла его помогать — то была мера контроля над ним.

Линдсей, понимая это, помогал ей охотно; он, понятным ей способом, хотел отблагодарить Кицунэ за доставляемое ему наслаждение.

Однако что-то такое внутри не желало мириться с этим. В перерывах между инъекциями навыки его на время отключались, и он чувствовал в их отношениях ужасающую печаль. Ему было жаль ее; он сожалел, что никогда не сможет возбудить в ней простого чувства товарищества, простого доверия и уважения…

Но простота здесь была неуместна.

Кицунэ выволокла яритэ из биомониторной колыбели под полом. Существо это в некотором смысле уже давно перешло грань клинической смерти; порой ее приходилось, образно выражаясь, «заводить с толчка».

Технология была та же, какую использовали механист-ские киборги из радикальных старцев, а также — почти поголовно — граждане

механистских картелей. Кровообращением управляли фильтры и мониторы, а внутренние органы контролировал компьютер. Импланты подстегивали сердце и печень гормонами и электроимпульсами. Собственная нервная система старухи давно уже ни на что не годилась.

Оценив показания биомониторов, Кицунэ покачала головой:

— Кислотность повышается быстрее, чем наши акции. Тромбы в мозгу… Старость. На одних проводах и заплатах держится.

Присев на пол, она сунула в рот старухи ложку витаминной пасты.

— Тебе нужно взять управление делами на себя.

Линдсей вставил наконечник капельницы в клапан на сгибе старухиного локтя.

— Хорошо бы, но — как от нее избавиться? Как объяснить, откуда у нее в голове гнезда? Можно скрыть путем пересадки кожи, но при вскрытии все равно выплывет. Персонал ожидает, что старуха будет жить вечно. Слишком много на это затрачено. Они пожелают знать, отчего она умерла.

Язык яритэ свело судорогой, и паста выдавилась из ее рта. Кицунэ раздраженно зашипела:

— Тресни ей по физиономии.

Линдсей пригладил всклокоченные со сна волосы.

— С самого утра-то… — почти умоляюще сказал он.

Кицунэ ничего не ответила — лишь слегка выпрямилась; лицо ее превратилось в чопорную маску. И Линдсей сдался. Размахнувшись, он дал старухе жестокую, хлесткую пощечину. На кожистой щеке появилось красное пятно.

— Глаза, — сказала Кицунэ.

Сжав пальцами дряблые щеки старухи, Линдсей повернул ее голову так, чтобы Кицунэ видела ее глаза. Различив во взгляде киборга смутный проблеск сознания, он внутренне содрогнулся.

Отведя руку Линдсея, Кицунэ легонько поцеловала его пальцы:

— Дорогой мой…

С этими словами она сунула ложку меж дряблых старческих губ.

Народный Орбитальный Дзайбацу Моря Спокойствия 21.04.16

Пираты фортуны парили у стен «Пузыря Кабуки», словно красные с серебром бумажные силуэты. Воздух содрогался от треска сварки, визга шлифовальных кругов и свиста воздуха в

фильтрах.

Свободные кимоно и хакама Линдсея развевались в невесомости. Он, в компании Рюмина, просматривал текст.

— Читку проводили?

— Ну, естественно. Все в восторге, не волнуйся.

Линдсей почесал в затылке. Волосы стояли дыбом.

— Как-то я не совсем понимаю, что из этого выйдет.

Еще до окончания сборки «Пузыря» внутрь проник пятнистый патрульный роболет. На фоне пастельных тонов треугольных панелей его грязно-серый камуфляж выделялся — лучше некуда. Кружа по пятидесятиметровой сфере, робот неустанно обшаривал ее объективами камер и направленными микрофонами. Линдсей был рад его присутствию, однако мельтешение раздражало.

— Сдается мне, я эту историю слышал и раньше. — Он пролистал печатные страницы. Поля — для неграмотных — были густо заполнены карикатурными человеческими фигурками. — Давай проверим, верно ли я понял. Группа пиратов с Троянцев похищает девушку-шейпера. Она — какой-то специалист по системам оружия, так?

Рюмин кивнул. С неожиданным процветанием он освоился быстро и теперь был одет в изысканный комбинезон синего в полоску шелка и свободный берет — последний писк механистской моды. На верхней губе поблескивала бусина микрофона.

— Шейперы, — продолжил Линдсей, — ужасаются тому, что пираты могут извлечь из ее мастерства, поэтому объединяются и осаждают пиратов. В конце концов, хитростью проникают к ним и выжигают там все и вся. — Линдсей поднял взгляд. — Такое было на самом деле?

— Старая история, — отвечал Рюмин. — Когда-то нечто подобное действительно имело место. Да, я уверен. Но я спилил серийные номера, так что теперь эта история — моя собственная.

Линдсей одернул кимоно.

— Я мог бы поклясться… А, черт! Говорят, если забудешь что-то под вазопрессином, то уже никогда не вспомнишь. Память выжигается начисто…

Он раздраженно махнул пачкой листов.

— Сам будешь ставить? — спросил Рюмин.

Линдсей покачал головой:

— Хотелось бы, но лучше ставь ты. Ты же понимаешь, что делаешь, да?

— Нет! — весело сказал Рюмин. — А ты?

— Я — тоже… Ситуация уже не в наших руках. За акциями «Кабуки» охотятся внешние вкладчики. Весть пришла по каналам Гейша-Банка. Боюсь, Черные Медики запродадут свои бумаги какому-нибудь механист-скому картелю. А тогда… не знаю. Это будет означать…

— Это будет означать, что «Кабуки Итрасолар» стал вполне законным бизнесом.

— Да. — Линдсей скривился. — И, похоже, Черные Медики выйдут из дела без единой царапины. И даже при выгоде, Гейша-Банку это не понравится.

— И что с того? Надо идти вперед, иначе все рухнет. Банк уже заработал кучу денег на продаже акций «Кабуки» Черным Медикам. Старая грымза, управляющая Банком, от тебя без ума. И шлюхи только о тебе и толкуют.

Он указал на пространство сцены. Сцена представляла собою сферу, пронизанную тросами. Дюжина актеров отрабатывала сценические движения. Они перелетали с места на место, описывали петли, крутили сальто, прыгали, падали…

Двое столкнулись на полном ходу и замахали руками, ища опору.

— Эти вот акробаты — пираты, — объяснил Рюмин. — Четыре месяца назад за какой-нибудь киловатт глотки друг другу бы перегрызли. А теперь, мистер Дзе, иное дело. Теперь им есть что терять. Они заболели театром. — Рюмин заговорщически хихикнул. — Теперь они — не какие-нибудь вшивые террористы. И даже шлюхи — уже не просто сексуальные куколки. Они — самые настоящие актеры в самой настоящей «пьесе» с самой настоящей публикой. Мы-то с тобой, мистер Дзе, знаем, что все это — надуваловка, но какая разница. Символ имеет смысл, если кто-то наделяет его смыслом. А они в этот символ вложили все, что могли.

Актеры на сцене продолжили свои упражнения, с яростной решительностью перелетая с проволоки на проволоку.

— Трогательно… — задумчиво сказал Линдсей.

— Трагедия для тех, кто чувствует. А для думающих — комедия.

— Это еще что такое? — Линдсей подозрительно посмотрел на Рюмина. — Что ты задумал?

Тот поджал губы.

— У меня запросы простые, — отвечал он с напускной беззаботностью. — Раз этак лет в десять я возвращаюсь в картели и смотрю, не могут

ли они для моих косточек учинить чего-нибудь прогрессивное. А то в них прогрессирует лишь потеря кальция, а это, знаешь ли, не смешно. Хрупким становишься… А ты, мистер Дзе? — Он хлопнул Линдсея по плечу. — Не желаешь со мной прокатиться? Систему посмотришь, это тебе пригодится. Там, в пространстве, миллионов двести народу! Сотни поселений, несметное множество культур. И не думай, что они едва-едва зарабатывают себе на жизнь, как эти несчастные bezprizorniki. В большинстве своем они вполне буржуазны. Люди там живут уютно и богато. Возможно, технологии в конечном счете и превратят их в нелюдей, но таков уж их выбор. Причем выбор сознательный. — Рюмин экспансивно взмахнул руками. — Наш Дзайбацу — единственный криминальный анклав. Едем со мной, я покажу тебе сливки Системы. Ты должен увидеть картели.

— Картели… — Линдсей задумался. Присоединиться к механистам — значит, капитулировать перед идеалами радикальных старцев… В нем вспыхнула гордость. Он поднял глаза. — Ну уж нет! Пусть ко мне сами едут!

Народный Орбитальный Дзайбацу Моря Спокойствия 01.06.16

Для первого представления Линдсей сменил изысканные одежды на обычный комбинезон, а кейс обернул мешковиной, чтобы спрятать эмблемы «Кабуки».

Казалось, в «Пузырь» собрались все бродяги мира. Их было больше тысячи. Спасибо невесомости, иначе «Пузырь» такую толпу просто бы не вместил. Конструкция его предусматривала легкие сооружения лож для элиты банка и множество тросов, на которых теснились, как воробьи на ветках, начальники что помельче.

Простая публика парила свободно. Толпа образовала пористую массу из неправильных концентрических сфер. Она текла и переливалась, время от времени в ней возникали широкие проходы. «Пузырь» гудел. Многочисленные жаргоны слились в один общий гул.

Пьеса началась. Линдсей наблюдал за толпой. С первыми фанфарами вспыхнуло несколько стычек, но к началу диалога толпа успокоилась, чему Линдсей немало порадовался — охранника из пиратов Фортуны сегодня с ним не было.

Пираты, выполнив свои обязательства, были заняты подготовкой к отлету, но Линдсей, благодаря анонимности, чувствовал себя в безопасности. Если пьеса совсем уж провалится, он

будет всего лишь бродягой, одним из многих присутствующих. А если все сойдет гладко, он успеет переодеться, чтобы выйти отвечать на поклоны.

В первой сцене пираты похищали молодую, прекрасную, гениальную оружейницу, ее играла одна из лучших девушек Кицунэ. Публика визжала от восхищения, любуясь клубами дыма и яркими шариками поддельной крови.

Киберпереводчики, установленные по всему «Пузырю», переводили текст на дюжину языков и диалектов. Было странно: неужели эта многоязычная толпа поймет диалог? Линдсею он казался наивной жвачкой, к тому же — сильно искалеченной плохим переводом, однако зрители слушали с неослабным вниманием.

Первые три действия заняли где-то час. Последовал длинный антракт. Сцена потемнела. Спонтанно образовалось несколько клак — пираты аплодировали своим, тем, что подались в актеры.

Нос болел: воздух внутри «Пузыря» был перенасыщен кислородом, чтобы слегка опьянить и возбудить толпу. Линдсей и сам чувствовал эмоциональный подъем. Восторженные выкрики заражали энтузиазмом. События шли своим ходом. Он, Линдсей, уже ничего не мог изменить.

Он подплыл к стенке «Пузыря», где некие особо предприимчивые фермеры устроили торговые ряды.

Неуклюже цепляясь ногами за петли, укрепленные на каркасе, фермеры бойко торговали местными деликатесами; не имеющие названия зеленые, поджаристые, хрустящие пирожки и белые мучнистые кубики на палочках, разогретые в микроволновых печах, шли нарасхват. «Ка-буки Интрасолар» получал с этой торговли процент — идея принадлежала Линдсею. Фермеры с радостью расплачивались акциями «Кабуки».

С акциями Линдсей был осторожен. Вначале он собирался обесценить их вовсе и разорить Черных Медиков, но сам поддался чарам бумажных денег. Кончилось тем, что Медики продали свои бумаги на сторону — с огромной выгодой.

После такого завершения дела Черные Медики были весьма благодарны Линдсею. Проникнувшись искренним уважением к его сметке, они назойливо домогались его советов по биржевым операциям.

Довольны были все. Он предчувствовал, что пьесе обеспечена долгая жизнь. Кроме того, размышлял он, будут и другие дела, большие и лучшие. Живущий сегодняшним днем пиратский

мирок идеально подходит для этого, только не останавливайся, не оглядывайся — и не заглядывай вперед дальше очередного жульничества.

А уж об этом позаботится Кицунэ. Он взглянул на ее ложу. Кицунэ с хищной, ленивой грацией парила в воздухе среди старших чиновников Банка, жертв его и ее обмана. Она не позволит ему ни усомниться, ни отступить. И этому Линдсей был только рад. Под ее ревностным руководством он избежит конфликтов внутри себя.

Теперь Дзайбацу — у них в кармане. Но из каких-то глубин сознания сквозь блеск триумфа пробивалась боль. Он понимал, что Кицунэ просто лишена жалости к чему бы то ни было. А вот он, Линдсей, словно бы расколот пополам, и из трещины, разделяющей собственное его «я» и дипломатическое, сочится боль. Вот и сейчас, в минуту торжества, когда так охота расслабиться и насладиться заслуженным отдыхом, она пролезла наружу…

Толпа вокруг ликовала, но что-то мешало ему присоединиться к ликующим. Его точно ограбили, что-то такое отняли, но что — этого он сказать не мог.

Он полез в карман за ингалятором. Добрая понюшка поможет ему взять себя в руки.

Сзади слева кто-то тихонько дернул его за рукав. Он быстро обернулся.

Темноволосый, мосластый молодой человек с выразительными серыми глазами держал его за рукав крепкими пальцами правой ноги.

— Приветик, — дружелюбно улыбнулся незнакомец.

Приглядевшись к его лицу, Линдсей был оглушен: он увидел собственное лицо.

— Да ты успокойся, — сказал наемный убийца Линдсеевым голосом.

В лице его было что-то не то. Слишком чистая, слишком новая кожа. Словно бы синтетическая.

Линдсей развернулся к нему. Наемник обеими руками держался за трос, но двумя пальцами левой ноги сжал запястье Линдсея. Нога его бугрилась чудовищными мускулами, и связки, очевидно, были перестроены. Хватка оказалась парализующей — кисть тут же онемела.

Незнакомец ткнул Линдсея в грудь пальцами другой ноги.

— Спокойно. Давай-ка поговорим.

Навыки сделали свое дело. Поток адреналина, вызванный ужасом, схлынул, преобразившись в ледяной холод самообладания.

— Как тебе пьеса? — спросил Линдсей.

Незнакомец засмеялся, и Линдсей, понял, что теперь уже это его собственный голос; смех леденил кровь.

— Чего только не увидишь в этом захолустье, — ответил он.

— Тебе бы в нашу труппу, — сказал Линдсей. — Несомненный талант к перевоплощениям.

— Есть немного… — Убийца слегка шевельнул перестроенной ступней, и кости в запястье Линдсея прогнулись, отозвавшись внезапной острой болью, от которой потемнело в глазах. — А в кейсе у тебя что? Что-нибудь интересное для тех, кто дома?

— То есть — на Совете Колец?

— Точно. Проволочные механистские головы говорят, что обложили нас со всех сторон, но не каждый же картель такой шустрый… А подготовка у нас приличная. Можем, к примеру, прятаться под пятнами на совести дипломата.

— Разумно. Замечательная техника. Мы могли бы договориться.

— Предложение весьма заманчивое, — вежливо отвечал наемник.

Линдсей понял, что никаким подкупом тут не отделаешься.

А убийца, отпустив запястье Линдсея, полез

левой ногой в нагрудный карман своего комбинезона. Это выглядело жутко и ирреально.

— Держи.

С этими словами он извлек из кармана кассету с видеозаписью. Кассета закружилась в невесомости.

Линдсей сунул ее в карман и снова поднял, взгляд. Убийца исчез. На его месте устроился какой-то бродяга в таком же, как у Линдсея, серовато-коричневом комбинезоне. Он был тяжелее убийцы, и волосы имел светлые. Человек равнодушно посматривал на Линдсея.

Линдсей потянулся было его потрогать, но передумал прежде, чем тот успел что-либо заметить.

Зажглись огни, и на сцену вывалили танцоры. «Пузырь» содрогнулся от воплей энтузиазма. Линдсей поплыл вдоль стены, огибая ноги в петлях и руки, цепляющиеся за рукояти. Так он добрался до шлюза.

Взяв один из платных самолетиков, Линдсей поспешил в Гейша-Банк.

Там было пусто, но кредитная карточка открыла ему вход. Великаны-охранники, узнав его, поклонились. Поразмыслив, Линдсей понял, что сказать ему нечего. Да и что тут скажешь? Убейте меня, когда увидите в другой раз?

Птички лучше всего ловятся на зеркало…

Дверная завеса из бус яритэ его защитит. Кицунэ объяснила, как ею управлять изнутри. Даже если убийца ухитрится не угодить в ловушки, изнутри можно убить его высоковольтным разрядом либо острыми стрелками.

Бесшумно миновав занавесь, Линдсей вошел в покои яритэ. Включил видео и вставил в него кассету.

На экране появился образ из далекого прошлого — лучший его друг и человек, покушавшийся на его жизнь. Филип Хури Константин.

— Привет, кузен, — сказал он.

Словцо было взято из аристократического сленга Республики. Но Константин был плебеем. К тому же Линдсей ни разу еще не слышал, чтобы в одно-единственное слово вкладывали столько ненависти.

— Я взял на себя смелость связаться с тобой в ссылке. — Константин выглядел пьяным. Говорил он как-то слишком отчетливо. Круглый ворот старинного костюма открывал потную, загорелую шею. — Некоторые из моих друзей-шейперов разделяют мой интерес к твоей карьере. Они не называют своих агентов убийцами. Шейперы зовут их антибиотиками. Они работали здесь.

Одна-другая «естественная смерть» в стане противника снимает множество лишних проблем. Мой трюк с мотыльками — просто детство. Сложно и ненадежно. Однако и он сработал неплохо. Время идет, кузен. За пять месяцев положение сильно изменилось. Провалилась, например, механист-ская осада. Если шейперов сдавить, просочатся меж пальцев. Победить их нельзя. Это самое мы еще мальчишками друг другу говорили. Верно, Абеляр? Когда будущее наше было столь светлым, что мы аж ослепляли друг друга… Еще до того, как узнали вкус крови… Шейперы нужны Республике. Колония гниет. Без бионаук ей не жить. Это понимают даже радикальные старцы. Кстати, кузен, мы ведь никогда с ними толком не говорили. Ты не давал — слишком уж ненавидел их. Теперь понятно, почему. Они похожи на тебя, Абеляр. Они в некотором роде твое зеркальное отражение. Сейчас ты знаешь, как это потрясает — столкнуться с таким. — Константин, осклабившись, пригладил ладошкой свои курчавые волосы. — Но я говорил с ними. И договорился. У нас — переворот. Рекомендательный Совет распущен. Власть принадлежит Исполнительному Комитету Выживания Нации. То есть мне и некоторым нашим друзьям — пре-

зервационистам. Мы были правы: смерть Веры многое здесь изменила. Теперь у презервационистов есть собственная мученица. Они полны непреклонной решимости. Радикальные старцы уходят. Эмигрируют в механистские картели, где им самое место. Расходы оплатят аристократы. За тобой, кузен, последовали многие: Линдсей, Тайлеры, Келланды, Моррисеи — вся эта хилая аристократия. Политические беженцы. Среди них и твоя жена. Их сдавило между шейперами-детьми и механистами-дедами — и выбросило на свалку. Все они — твои. Я хочу, чтобы ты тут привел все в порядок. Если не желаешь, вернись к моему посланнику. Он все уладит. — Константин улыбнулся, обнажив ровные, мелкие зубы. — Из этой игры выходят только через смерть. И ты, и Вера — отлично это понимали. Теперь я — король, а ты — пешка.

Линдсей выключил видео.

Он был сокрушен. «Пузырь Кабуки», раздувшийся до гротескной твердости, — вот его амбиции, которым суждено было лопнуть.

Теперь он попался. Беженцы из Республики его разоблачат. Блестящий обман рассыплется в пыль, оставив его голым и беззащитным, Кицунэ узнает, что ее любовник-шейпер — простой че-

ловечишка.

Придется бежать. Этот мир нужно оставить немедля. Времени на раздумья не осталось.

Сознание его металось в клетке. Жить здесь под контролем Константина, подчиняясь его приказам и выполняя его распоряжения, — об этом нечего даже думать.

Снаружи ждет убийца, укравший его облик. Новая встреча с ним — смерть. Но если исчезнуть сию минуту, можно от него оторваться. Значит, пираты.

Линдсей потер посиневшее запястье. Из глубин сознания медленно вздымалась вскипающая ярость, злость на шейперов, на их сокрушительную изобретательность в борьбе за жизнь. Их борьба оставляет после себя чудовищ. Убийцу, который ждет снаружи. Константина. Его самого.

Константин был младше Линдсея. Он доверял Линдсею, смотрел на него снизу вверх. Но, вернувшись с Совета Колец на каникулы, Линдсей с болью понял, насколько шейперы его переделали. И это он сам отправил Константина в их руки. Как всегда, нашел веские доводы «за», и мастерство Константина действительно пригодилось всем, но сам-то Линдсей понимал, что сделал это только ради себя самого, просто чтобы

не остаться за оградой полного одиночества.

Константин всегда был амбициозен, и он, Линдсей, пока меж ними было доверие, заменил это доверие исхищренностью и обманом. Раньше их соединяли идеалы — теперь соединяет убийство.

Линдсей ощутил какое-то уродливое родство между собой и убийцей. Тренировали и обучали их, судя по всему, одинаково. Ненависть к самому себе заставляла его еще больше трепетать перед боевиком.

Он украл лицо Линдсея… Во внезапной вспышке интуиции Линдсей понял, как обратить силу убийцы против него же самого.

Нужно просто поменяться местами. Он, Линдсей, совершит какое-нибудь ужасное преступление, а вина падет на наемника.

Преступление это необходимо Кицунэ. Пусть же оно будет ей прощальным подарком. Посланием, понятным лишь ей одной. Он даст ей свободу, а счет оплатит враг.

Открыв кейс, он выбросил из него кипу акций. Затем, отодвинув панель пола, взглянул на тело старухи яритэ, обнаженное, возлежащее на сморщенном гидравлическом ложе. Он оглядел комнату в поисках чего-либо режущего…

Глава 3

Космический корабль «Красный Консенсус» 02.06.16

Когда последняя из разгоночных ракет Дзайбацу отошла, и в работу включился маршевый двигатель «Красного Консенсуса», Линдсей подумал, что теперь он в относительной безопасности.

— Ну, так как, гражданин? — спросил президент. — Товар взял и — бродяжить? Что в чемоданчике, а, гос-сек? Замороженные наркотики? Или, может, софты[1] горяченькие?

— Это подождет, — отвечал Линдсей. — Проверим сначала лица каждого, кто здесь есть. Убедимся, что они не поддельные.

— Сбрендил ты, вот что, — сказал один из сенаторов. — Твои «антибиотики» — чернуха для агитпропа. Такого не бывает.

— Ты в безопасности, — заверил президент. — Уж поверь, мы знаем корабль до последнего ангстрема. — Он бережно смахнул с мешковины,

---

[1] Примечания: 1

Софт — устоявшийся термин, обозначающий программное обеспечение для компьютеров (по-английски «software»). (*Здесь и далее — прим. перев.*)

в которую был обернут кейс, громадного таракана. — Ты с добычей, верно? Хочешь купить долю в каком-нибудь картеле? Вообще-то у нас дела, но можно завернуть в Пояс — скажем, к Бет-тине или Фемиде. Только за это, — президент нехорошо улыбнулся, — придется платить.

— Я остаюсь с вами, — сказал Линдсей.

— Ага! Тогда чемоданчик — общий!

Он выхватил у Линдсея кейс и бросил его спикеру парламента.

— Я сам открою, — поспешно сказал Линдсей. — Дайте вначале объяснить…

— Конечно, — сказала спикер. — Объяснишь, сколько это стоит.

Она принялась резать кейс портативной электропилой. Посыпались искры, завоняло горелым пластиком. Линдсей отвернулся.

Справившись с крышкой, спикер придавила кейс коленом, чтобы не уплыл, запустила руку внутрь и извлекла добычу Линдсея. Отрезанную голову яритэ.

Спикер, бросив голову, отскочила с яростным шипением кошки, которой прижали хвост.

— Взять его! — взвыл президент. Двое сенаторов, оттолкнувшись ногами от стен, взяли руки и ноги Линдсея в болезненные захваты дзюдо.

— Ты и есть этот самый убийца! — рыкнул президент. — Тебя наняли прикончить старую механистку. Тут никакого товара нет! — Он с отвращением взглянул на усеянную разъемами голову. — Отнеси эту пакость в рециклер, — велел он одному из депутатов. — Мне таких штук на борту не надо. — Депутат брезгливо поднял голову за прядку редких волос. — Хотя погоди. Сначала снеси в мастерскую и вытащи всю электронику.

Он повернулся к Линдсею:

— Значит, так, гражданин. Ты — наемный убийца?

Возражать было как-то неудобно.

— Конечно, — не задумываясь, ответил Линдсей. — Как скажете.

Воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием — металл маршевых двигателей постепенно нагревался.

— Давайте вышвырнем этого говнюка в вакуум, из шлюза, — предложила спикер парламента.

— Нельзя, — возразил председатель Верховного Суда — старый, едва живой механист, страдавший носовыми кровотечениями. — Он является государственным секретарем и не может быть приговорен без сенатского импичмента.

Трое сенаторов — двое мужчин и женщина — явно заинтересовались такой идеей. У Сената крохотной Демократии дел было немного. Парламент превосходил их числом, а из всей команды они пользовались наименьшим доверием.

Линдсей пожал плечами. Вышло превосходно: он прочувствовал президентскую манеру держать себя, и подражание несколько разрядило обстановку. Теперь можно было говорить.

— Здесь — политическое дело.

Голос звучал устало; чувствовалось, что говорящий совершенно вымотан и опустошен. Жажда крови у окружающих шла на убыль, ситуация стала предсказуемой и даже не очень-то интересной.

— Я работал для Корпоративной республики Моря Спокойствия. Там — переворот. Они высылают множество народу в Дзайбацу. Я должен был расчистить им путь.

Ему, очевидно, верили. Тогда он придал голосу выразительности:

— Но это же — фашисты! Я предпочел бы служить демократическому правительству. Кроме этого, они послали за мной антибиотика. По крайней мере, я полагаю, что именно они. — Улыбнувшись, он развел руками, как бы невзначай

освободив их из ослабевших захватов. — Разве я вам хоть раз солгал? Я ведь не говорил, что я не убийца! И вспомните, какие деньги вы с моей помощью заработали!

— Ага. Это точно, — рассудительно сказал президент. — Но голову-то зачем было отрезать?

— Я выполнял приказ, — сказал Линдсей. — Я это умею, господин президент. Вот увидите.

Космический корабль «Красный Консенсус» 13.06.16

Голову киборга пришлось взять с собой, чтобы гарантированно развязать руки Кицунэ, сохранив в тайне способ властвовать. Да, он обманывал ее, но на прощание, в качестве извинения, освободил. И наказание за это понесет шейпер-наемник. Линдсей надеялся, что Гейша-Банк просто разорвет беднягу на части.

Он совладал с ужасом. Учителя-шейперы предостерегали его, уча не поддаваться подобным чувствам. Будучи заброшен в новую обстановку, дипломат должен подавить все мысли о прошлом и немедленно принять лучшую из возможных защитных окрасок.

Линдсей подчинился навыкам. Втиснутый в крохотный космический корабль Горняков Фортуны (нацию числом в одиннадцать человек), он

почувствовал семиотику окружающей среды почти как физическое давление. Трудно сохранить чувство перспективы, если заперт в жестянке за компанию с одиннадцатью психами.

Ему не приходилось летать на настоящих кораблях со дней обучения на Совете Колец. Механистский катер, доставивший его в ссылку, не в счет — пассажиры его были просто грудами мяса, нашпигованными наркотиками. «Красный Консенсус» же был жилым кораблем, прослужившим уже двести пятнадцать лет.

За несколько дней, подмечая свидетельства его исторического прошлого, Линдсей узнал о корабле больше, чем сами хозяева.

Жилые палубы некогда принадлежали земному национальному сообществу, исчезнувшей группировке под названием «Советский Союз», или СССР. Будучи запущены с поверхности Земли, они представляли собою одну из множества орбитальных «боевых платформ».

Корабль имел цилиндрическую форму, и жилое пространство состояло из четырех изолированных круглых палуб, каждая четырех метров в высоту и десяти — в поперечнике. Некогда их соединяли примитивные воздушные шлюзы, давно замененные современными самогермети-

зирующимися мембранами.

В кормовом отсеке сохранилась только обивка стен. Здесь пираты отрабатывали навыки боя в невесомости. Здесь же они и спали, хотя, за отсутствием дня и ночи, не прочь были соснуть часок-другой где угодно, в любое время.

На следующей палубе помещались: операционная, лазарет и «душегубка» — освинцованное укрытие на случай солнечных вспышек. В «кладовке», рядом с грудой распылителей шеллака, газовых пистолетов, крепежа, скоб и прочих «наружных» инструментов, помещалась дюжина древних скафандров. На этой палубе имелся древний, бронированный снаружи шлюз. На нем еще сохранились шелушащиеся наклейки-указатели с зелеными надписями кириллицей.

Далее, на другой палубе располагалась секция жизнеобеспечения, заполненная побулькивающими баками с водорослями. Здесь же были: туалет и пищесинтезатор, напрямую соединенные с «фермой». Наглядность замкнутости цикла отнюдь не привела Линдсея в восторг. Была здесь и мастерская, правда, очень маленькая, но невесомость позволяла работать хоть на стене, хоть на потолке.

В носовом отсеке находилась рубка управления

и отводы солнечных батарей. Здесь Линдсею нравилось больше всего — в основном, из-за музыки. Рубка управления была старой, но не настолько, как сам «Консенсус». Безвестный ее конструктор полагал, по всей видимости, что приборы должны использовать звуковые сигналы, и потому великое множество систем, расположенных на пульте управления, имело лишь несколько визуальных мониторов. В большинстве своем приборы реагировали на окружающую действительность гудением, кваканьем и писком самых разнообразных модуляций.

Звуки эти, диковатые с непривычки, были подобраны так, чтобы ненавязчиво оседать в подсознании. Любое изменение в их хоре, однако, тут же становилось очевидным. Линдсея эта музыка успокаивала и даже завораживала.

Остальная часть носового отсека была куда менее симпатичной: арсенал со стеллажами очень неприятных инструментов, и настоящее средоточие зла — лучевая пушка. Линдсей избегал заходить сюда и никогда ни с кем не говорил об этих вещах.

И тем не менее у него все время не лезло из головы, что «Консенсус» — корабль военный.

— Видишь ли, — говорил ему президент, —

кончить старую, дряхлую механистку с отрубившимся мозгом — это одно. А вот с лагерем, полным шустрых вооруженных шейперов, — совсем другая история. В Народной армии Фортуны слабакам и тормозам места нет.

— Так точно, сэр, — отвечал Линдсей.

Народная армия Фортуны являлась правительственными вооруженными силами. Личный состав ее полностью совпадал с персоналом правительства гражданского, но иерархии разнились. Армия была совершенно другой организацией и подчинялась собственному уставу. К счастью, президент успешно совмещал с гражданской властью должность главнокомандующего вооруженными силами.

Военной подготовкой занимались на четвертой палубе, не занятой ничем, кроме старой, грязной обивки стен. Здесь стояли три велотренажера и несколько пружинных штанг, да еще ряд шкафчиков рядом с выходом.

— Про верх и низ забудь, — советовал президент. — Когда мы говорим о бое в невесомости, главный закон — харагэй. Вот это.

Он внезапно ткнул Линдсея в живот. Судорожно выдохнув, Линдсей согнулся пополам. Его «липучковые» подошвы с громким треском со-

рвались с обивки.

Захватив запястье Линдсея, президент плавным движением прилепил ученика пятками к потолку.

— Ну, теперь ты — вверх ногами, так?

Линдсей «стоял» на «полу» — то есть на носовой переборке, а президент в полуприсяде прилепился к кормовой, так что ноги их были направлены в противоположные стороны. Президент смотрел как бы снизу вверх — прямо в глаза Линдсея. Изо рта его воняло сырыми водорослями.

— Вот это называется локальной вертикалью, — объяснил он. — Наше тело создано для гравитации, и глазам всегда кажется, что она есть. Так уж у нас мозги смонтированы. Поэтому ты будешь искать вертикаль и по ней ориентироваться. И будешь убит, солдат. Ясно?

— Так точно, сэр! — отвечал Линдсей.

В Республике его с малолетства воспитывали в презрении к насилию. Насилие допускалось лишь по отношению к себе. Но знакомство с антибиотиком изменило его образ мышления.

— Вот для чего нужен харагэй. — Президент хлопнул себя по животу. — Это — твой центр тяжести, центр вращения. Встречаешь врага в невесомости, сцепляешься с ним, и голова твоя

— просто отросток, ясно? Все зависит от центра массы. От харагэй. Пространство, куда ты можешь достать рукой или ногой, — это сфера. А центр сферы — в твоем брюхе. Значит, все время представляй вокруг себя такой пузырек.

— Так точно, сэр.

Линдсей был — весь внимание.

— Это первое. Теперь — о втором. Переборки. Контролируешь переборки — контролируешь весь бой. Вот если я в воздухе, то с какой силой смогу тебя достать?

— Переносицу сломаете, — осторожно предположил Линдсей.

— Верно. А если опираюсь ногой на переборку, и мое же тело гасит отдачу?

— Сломаете мне шею, сэр.

— Верно мыслишь, солдат. Человеку без опоры — никуда. Нет ничего другого — используй как опору тело противника. Отдача — она враг удара. Удар есть повреждение. А повреждение есть победа. Все ясно?

— Отдача — враг удара. Удар есть повреждение. Повреждение есть победа, — без запинки отрапортовал Линдсей. — Сэр.

— Замечательно. — Вытянув руку, он поймал запястье Линдсея и быстрым вращательным

движением с мокрым хрустом переломил его предплечье о колено.

— А это — номер третий, — сказал президент, не обращая внимания на отчаянный вопль Линдсея. — Боль.

* * *

— Насколько я понимаю, — сказала второй судья, — тебе продемонстрировали третий номер.

— Да, мэм, — ответил Линдсей. Второй судья вонзила в его руку иглу.

— Оставь, — мягко сказала она. — Здесь лазарет, а не армия. Зови меня просто — второй судья.

Сломанная рука резиново онемела.

— Спасибо, судья.

Второй судья была пожилой женщиной — лет, должно быть, под сто. Точнее сказать было сложно: постоянный прием гормональных препаратов превратил ее метаболизм в сложный комплекс аномалий. Нижняя челюсть ее обросла угрями, однако сквозь шелушащуюся сухую кожу запястий и лодыжек просвечивали варикозные вены.

— Все в порядке, гос. Выправим.

Она сунула руку Линдсея в широкий резиновый рукав старого томографа. Из кольца его

заструилось множество рентгеновских лучей, и на экране появилось трехмерное, вращающееся изображение сломанной руки.

— Ничего страшного; хороший, чистый перелом, — оценила второй судья. — У нас у всех такие. И ты теперь — один из нас. Хочешь, пока рука под наркозом, мы тебя разрисуем?

— Что?

— Татуируем; гражданин.

Идея была, мягко говоря, неожиданной.

— Прекрасно, — сказал Линдсей. — Давайте.

— Вот! Я с самого начала знала, что ты — в полном порядке! — Она ткнула его под ребро. — Я тебе за это еще и анаболических стероидов вколю. Не успеешь оглянуться, как нарастишь мускулы; сам президент не отличит их от натуральных.

Она мягко потянула его за руку. Зловещий скрип становящихся на место осколков кости доносился словно очень-очень издалека, с другого конца перевернутого бинокля.

Она сняла со стены комплект игл в липучем футляре.

— Хочешь что-нибудь необычное?

— Пусть там будут бабочки, — ответил Линдсей.

* * *

История Горняцкой Демократии Фортуны была крайне проста. Фортуна — довольно крупный астероид, более двухсот километров в поперечнике. Первые горняки, ослепленные первоначальным успехом, объявили себя независимым государством.

Пока руда не иссякла, дела шли хорошо. Хватало и на откуп от политических проблем, и на процедуры продления жизни в более развитых мирах.

Затем Фортуна стала просто грудой пустой породы, и народ ее понял, что крупно вляпался. Богатство сгинуло без следа, а они не дали себе труда развивать технологию с отчаянной решимостью картелей соперников. Они не могли ни выжить со своими допотопными знаниями и умениями, ни наскрести денег на организацию информационной экономики. Все попытки выкарабкаться вели разве что к новым долгам.

Началось повальное бегство, и в первую очередь — утечка мозгов. Лучшие и честолюбивейшие специалисты оставили нацию ради миров побогаче. Фортуна лишилась почти всего космофлота — перебежчики растащили все до

последнего гвоздя.

Процесс развивался лавинообразно; подданных у правительства оставалось все меньше. Увязнув в долгах, горняки на корню продали всю инфраструктуру механист-ским картелям. Даже воздух пошел с молотка. Население Фортуны сократилось до горстки бродяг, не нашедших себе ничего лучшего.

Однако они обрели полный законный контроль над правительством с его аппаратом внешних сношений и дипломатическим протоколом. Они могли жаловать гражданство, чеканить монету, выдавать каперские лицензии, подписывать соглашения, вести переговоры о контроле над вооружениями. Пусть их осталась лишь дюжина, это не имело значения. Все равно они имели парламент и сенат, юридические прецеденты и идеологию.

Поэтому границы Фортуны были переопределены. Национальной территорией стал последний уцелевший космический корабль — «Красный Консенсус». Преобразившись в мобильную, нация даровала самой себе право отчуждения в свою пользу любого имущества, находящегося в границах ее территории. Воровством это не являлось. Народ не может считаться вором;

такое положение стало краеугольным камнем государственной идеологии ГДФ. Все протесты передавались правительству Фортуны, чье компьютеризованное правосудие работало по законам весьма замысловатым.

Судебные процессы являлись главным источником доходов пиратской нации. Впрочем, большинство дел до суда не доходило. Практически от пиратов просто откупались, однако соблюдением протокола во всех его тонкостях они немало гордились.

Космический корабль «Красный Консенсус» 29.09.16

— Эй, госсек, что ты там копаешься в «душегубке»?

— Послание о положении в стране, — неуверенно улыбнулся Линдсей. — Слушать неохота.

Разглагольствования президента слышались по всему кораблю, долетая и в убежище через распахнутый первым депутатом люк. Скользнув внутрь, девушка захлопнула за собой тяжелую крышку.

— Это непатриотично. Ты новенький, тебе положено слушать.

— Да я же сам все это и написал.

Линдсей понимал, что с этой дамочкой надо

держать ухо востро. Было в ней что-то такое, отчего мурашки по коже. Гладкие, стремительные движения, совершенство черт лица и неестественно напряженный, сверхприметчивый взгляд наталкивали на мысли о перестройке.

— Вы, шейперы, все какие-то скользкие… Как стекляшки.

— Ты хочешь сказать: «Мы, шейперы»?

— Я не из перестроенных. Посмотри зубы. — Открыв рот, она продемонстрировала уродливо перекошенные резец и клык. — Видишь? Плохие зубы — гены плохие.

— А может, ты это нарочно сделала, — скептически усмехнулся Линдсей.

— Меня родили, — настаивала девушка. — А не из пробирки вынули.

Линдсей потер украшенную полученным на тренировке синяком скулу. В убежище было тесно и жарко. Он даже ощущал ее запах.

— Мной заплатили выкуп, — призналась девушка. — Я была тогда оплодотворенной яйцеклеткой, а выносила меня гражданка Фортуны. И с зубами я ничего не делала, правда.

— Значит, ты недоделанный шейпер. Такое

встречается — правда, редко. Ай-кью[2] измеряла?

— Ай-кью? Я не умею читать, — гордо сказала она. — Зато я — первый пред, глава парламентского большинства. И замужем за первым сенатором.

— Да-а? Он никогда не говорил.

Она поправила черную ленту на лбу. Ее светло-каштановые волосы были украшены ярко-розовыми прищепками.

— Поженились по налоговым соображениям. Иначе я, может, и тебе бы дала. Ты, госсек, симпатичный. — Она подплыла ближе. — Хорошо, что рука зажила. — Она провела пальцем по татуированному запястью.

— Ну, уж Карнавал-то от нас не уйдет, — заметил Линдсей.

— Карнавал не считается. На афродизиаках никого не узнаешь.

— До точки рандеву еще три месяца. Значит, могу попробовать с трех раз тебя угадать.

— Ты же бывал на Карнавале; знаешь, как это, на дизиаках-то. Там же ты сам не свой. Просто кусок мяса.

---

[2] Примечания: 2
IQ — коэффициент интеллекта.

— Я могу удивить тебя, — сказал Линдсей, глядя ей в глаза.

— Тогда я тебя убью. Адюльтер — уголовное преступление.

Космический корабль «Красный Консенсус» 13.10.16

Линдсея разбудил корабельный таракан, принявшийся щипать ресницы. В порыве отвращения Линдсей смахнул его, щелчком отправив куда-то в угол.

Спал он обнаженным, если не считать паховой чашки. Такие носили все мужчины — они предохраняли яйца от парения в невесомости и раздражения. Смахнув с комбинезона другого таракана, решившего полакомиться чешуйками отмершей кожи, он оделся и оглядел гимнастический зал. Двое сенаторов спали, прилепившись к стене подошвами и причудливо раскинувшись в невесомости. На шее женщины, подбирая капельки пота, сидел еще один таракан.

Если б не тараканы, воздух на борту постепенно превратился бы в густую взвесь чешуек отмершей кожи, пота и прочих трудноуловимых выделений. Лизин, аланин, метионин, карбаминовые соединения, молочная кислота, половые феромоны — постоянные потоки органики, ис-

паряемые человеческими телами, незаметно насыщали воздух. Тараканы являлись жизненно необходимой деталью экосистемы корабля. Они подчищали мельчайшие капли жира и крошки пищи.

Тараканы, как насекомые крепкие и ко всему привычные, обосновались на корабле едва ли не с первого дня постройки и великолепно освоились с обстановкой. Благодаря химическим приманкам и отпугивающим веществам второго депутата их даже удалось в некотором смысле приручить. Но Линдсей до сих пор ненавидел их, не в силах спокойно наблюдать, как они копошатся и судорожно, рывками, перелетают с места на место. В такие моменты ему страстно хотелось оказаться где-нибудь в другом месте. В каком угодно.

Одевшись, Линдсей выплыл через затянутый мембраной люк. Пластволокно распалось от прикосновения на отдельные нити и мгновенно затянулось за ним. Ткань была тонкой, но герметичной и прочной, как сталь. Изделие шейперов. Скорее всего, краденое.

Привлеченный музыкой, он забрел в рубку управления. Здесь собралась большая часть команды. Президент, двое парламентариев и

третий судья, нацепив видеоочки, смотрели шейперскую агитпрограмму. У консоли сидел главный судья, просматривая передачи, выловленные в пространстве корабельным зондом. Он был намного старше любого другого члена команды и никогда не участвовал в Карнавалах. Это, вкупе с высоким постом, делало его беспристрастным арбитром во всех делах.

— Есть новости? — громко спросил Линдсей, нагнувшись к самому наушнику судьи.

— Осада продолжается, — ответил старый механист без всякого видимого удовлетворения. — Шейперы держатся. — Пустые глаза его обежали приборную доску. — Хвастаются победой в Цепи.

В рубку вошла второй судья.

— Кетамина кто-нибудь хочет?

Первый депутат сняла очки.

— Хороший?

— Прямо из хроматографа. Сама делала.

— Вот в мое время Цепь имела вес, — сказал главный судья. В своих наушниках он не увидел и не услышал женщин. Вероятно, передача всколыхнула глубинные пласты его памяти. — В мое время не было цивилизованного мира, кроме Цепи…

Женщины, в силу давней привычки, не обращали на него внимания.

— И почем? — спросила первый деп.

— Сорок тысяч — грамм.

— Соро-ок?! Двадцать дам.

— Девочка, ты за вшивый маникюр с меня двадцать запросила!

Слушая их краем уха, Линдсей подумал: а не вступить ли в торг? ГДФ до сих пор имела собственные банки, и валюта ее, хоть до предела обесценившаяся, имела хождение в качестве единственного законного платежного средства среди одиннадцати миллиардеров. К несчастью, Линдсей, будучи новичком, уже по самые уши залез в долги.

— Корпоративная республика Моря Ясности, — проговорил старик, остановив взгляд пепельно-серых глаз на Линдсее. — Я слышал, ты работал на них.

Линдсей был поражен. Неписаные табу «Красного Консенсуса» запрещали обсуждение прошлого. Лицо старика просветлело от наплыва чувств и превратилось в отталкивающую маску — древние мышцы и кожа, десятилетиями не менявшие выражения, совсем утратили эластичность.

— Да, был как-то, проездом, — солгал Линдсей. — Впрочем, эти лунные дыры я плохо знаю.

— А я там родился…

Первый деп испуганно покосилась на старика.

— Ладно, сорок так сорок, — сказала она. Женщины ушли в лабораторию. Президент сдвинул видеоочки на лоб, одарил Линдсея сардоническим взглядом и демонстративно прибавил громкости в своих наушниках. Деп-два и убеленный сединами третий судья сделали вид, что ничего не заметили.

— В мое время в Республике был порядок. Система, — продолжал старик. — Семейства политиков — Тайлеры, Келланды, Линдсеи… Потом шел низший класс — беженцы. Как раз их приняли, перед самым Интердиктом… Мы называли их плебеями. Они покинули Землю последними, незадолго до того, как все пошло прахом. У них не было ничего. У нас были полные карманы киловаттов, семейные усадьбы… А они ютились в пластиковых хибарах.

Линдсей больше не мог бороться с любопытством.

— Ты был аристократом?

— Яблоки… — с тяжелой ностальгической тоской проговорил старый механист. — Ты видел

когда-нибудь яблоко? Пробовал? Это такое растение.

— Я так и думал.

— Птицы… Парки… Трава… Облака… Деревья… — Электронный протез его правой руки тихонько зажужжал, и палец с проволочными сухожилиями щелчком согнал с консоли таракана. — Я так и знал, что эти дела с плебеями кончатся плохо… Даже пьесу об этом написал…

— Пьесу? Для театра? А как она называлась?

В глазах старика мелькнули отблески удивления.

— «Пожар».

— Так вы — Эван Джеймс Тайлер Келланд! — выпалил Линдсей. — Я… Я видел вашу пьесу. В архивах…

Линдсей доводился Келланду правнучатым племянником. Малоизвестный радикал, пьеса которого, проникнутая духом социального протеста, долго считалась утраченной, пока Линдсей, в поисках оружия, не отыскал ее в Музее и не поставил — в пику радикальным старцам. Те, кто выслал Келланда, удерживали власть на протяжении века — при помощи механистских технологий. Подошло время — они же выслали и Линдсея.

Теперь они — в картелях, подумал он. Константин, вождь плебеев, заключил с механистами сделку. Аристократия, как и предсказывал Келланд, заплатила за все. Они — Линдсей и Келланд — просто заплатили первыми.

— Так, значит, тебе попадалась моя пьеса?

Подозрение превратило морщины его лица в глубокие складки. Он отвел взгляд. Его пепельно-серые глаза были полны боли и скрытого унижения.

— И ты даже не предполагал…

— Извини, — сказал Линдсей. Старый родственник с металлической рукой неожиданно предстал в совсем новом свете… — Больше я не стану об этом вспоминать.

— Оно и к лучшему.

Келланд прибавил громкость наушников и вроде бы успокоился. Глаза его снова сделались тусклыми и бесцветными. Линдсей взглянул на остальных, ничего не заметивших из-за видеоочков. Ладно, будем считать, что ничего этого не было.

Космический корабль «Красный Консенсус» 27.10.16

— Плохо спишь, гражданин? — спросила второй судья. — Стероиды достают? Увеличивают

активную фазу сна? Поправим.

Она улыбнулась, показав три обесцвеченных от древности зуба среди ряда блестящих фарфоровых.

— Был бы очень рад, — отвечал Линдсей, стараясь говорить повежливее.

Стероиды нарастили на руках тугие узлы мускулов, быстро залечили синяки и ссадины от постоянных тренировок — и переполняли жаркой, агрессивной яростью. Но в то же время они не давали спать, не считая редких состояний дремоты.

Взглянув покрасневшими глазами на врача Фортуны, Линдсей вспомнил свою бывшую жену, Александрину Линдсей. Та же точность движений, словно у фарфоровой куклы, такая же пергаментная кожа, те же предательские морщинки на сгибах пальцев… Его жене было восемьдесят. Сейчас, глядя на второго судью, он ощущал нечто вроде сексуального влечения.

— Эта штука должна помочь, — приговаривала она, втягивая шприцем из ампулы с пластиковым кончиком мутноватую жидкость. — Мышечный релаксант, феромон-катализатор серотонина, и промотер к нему. И чуть-чуть мнемоников, чтобы плохих снов не снилось. Я это и сама себе иногда

колю; просто сказка как помогает. Давай я тебе и другую руку разрисую.

— Лучше потом, — пробормотал Линдсей сквозь стиснутые зубы. — Я еще не решил, что там рисовать.

Судья со вздохом разочарования отложила иглы.

«Прямо жить не может без своих иголок», — подумал Линдсей.

— Тебе что, не нравится? — спросила она.

Линдсей осмотрел правую руку. Кость срослась хорошо, но мускулы он накачал так, что рисунки — змеи-кабели с телеглазами, белые черепа с плоскими, как солнечные панели, крыльями, ножи, окруженные молниями, и везде, где только можно, бабочки — довольно сильно деформировались. Под кожей от запястья до бицепса было теперь столько краски, что на ощупь она была холодной и даже не потела.

— Нет, здорово, — сказал он, наблюдая, как игла шприца вонзается в пустую глазницу черепа. — Только подожди, пока я закончу с накачкой мышц, ладно?

— Приятных снов, — сказала второй судья!

* * *

По ночам Республика была как-то больше похожа сама на себя. Ночью бдительные очи старцев закрывались для сна, и поэтому презервационисты любили ночи.

В блеске ночных огней миру являлась правда, скрытая в свете дня. Солнечная энергия была валютой Республики. Растрачивать ее попусту могли только самые богатые.

Справа, у северной оконечности цилиндра, ярко светились окна клиник. Там, близ оси цилиндра, почти в невесомости, радикальные старцы могли дать отдых своим хрупким костям. Целые фонтаны, гейзеры света били из окон. Тщеславный, самодовольный Млечный Путь роскоши…

Взглянув вверх, Линдсей оказался вдруг в помещении, за одним из таких окон. Палата принадлежала его прадеду. Старый механист парил в воздухе, окутанный коконом из проводов и катетеров. Глазные впадины его были подключены к видеовводу. Стерильную палату наполнял кислород.

— Дедушка, я уезжаю, — сказал Линдсей.

Старик поднял изуродованную артритом руку, суставы которой непомерно распухли, и вдруг

превратился в змеящийся клубок платиновых трубок с иглами на концах. Трубки бросились на Линдсея, они липли к его телу, прокалывали кожу и сосали, сосали, высасывали все подчистую… Он раскрыл рот, хотел закричать, и…

…Огни были далеко позади. Миновав стеклянную светопанель, Линдсей выбрался на сельскохозяйственную.

Ветер донес до него слабый запашок гнили. Он был неподалеку от Хлябей.

Генетически перестроенная полынь, высаженная вокруг болота, тихонько шуршала о его туфли. В траве стрекотали кузнечики. Из-под ног метнулась какая-то хитиновая тварь размером с добрую крысу. Филип Константин держал болото в осаде.

Налетел порыв ветра. В темноте хлопнул полог Константиновой палатки. Вход в нее освещали два желтых биолюминесцентных шара на стойках.

Большая палатка стояла рядом с болотом, на засеянной полынью полосе. На севере лежали Хляби, а к югу тянулись поля зерновых. Нейтральная полоса, где Константин боролся с заразой, кишела разными тварями, порожденными его лабораторией.

Из палатки донеслись прерывистые, всхлипывающие рыдания:

— Филип!

Линдсей вошел внутрь.

Константин сидел на деревянной скамье перед длинным лабораторным столом из металла, уставленным шейперской лабораторной посудой. На стеллаже — ряды стеклянных ящиков с подопытными насекомыми. Шары на тонких, гибких стойках освещают помещение тусклым желтоватым сиянием.

Константин словно бы стал еще меньше ростом. По-детски неразвитые плечи ссутулились под лабораторной курткой. Глаза Константина — красные, волосы — взъерошены.

— Веры… больше нет, — сказал он.

Вздрогнув, Константин спрятал лицо в ладонях, затянутых в резиновые перчатки. Сев рядом, Линдсей обнял его за плечи.

Так сидели они вдвоем, как это часто бывало в прежние времена: бок о бок, болтая, обмениваясь шутками на полусекретном своем жаргоне Совета Колец, и заряженный ингалятор ходил из рук в руки. Вместе смеялись — тихим заговорщическим смехом… Они были молоды, они ломали все рамки — и после нескольких добрых понюшек

мысли их обретали ясность, на какую ни один человек не имеет права…

Константин радостно засмеялся — рот его был полон крови. Линдсей, резко вскочил и открыл глаза. Он находился в лазарете «Красного Консенсуса». Он закрыл глаза и тут же опять провалился в сон.

Щеки Линдсея были мокры от слез. Он не представлял себе, как долго они плакали вместе. Похоже, очень долго.

— Филип, мы здесь можем говорить свободно?

— У нас нет полицейских соглядатаев, — горько ответил Константин. — На что они, когда есть жены?

— Прости меня за то, что было между нами, Филип.

— Вера умерла. — Константин закрыл глаза. — Это мы с тобой погубили ее. Мы спланировали эту смерть. И вина лежит на нас обоих. Теперь нам известна наша сила. И наши расхождения.

Он вытер глаза кружком фильтровальной бумаги.

— Я их обманул, — сказал Линдсей. — Сказал, что дядя умер от инфаркта. И следствие пришло к тому же. Чтобы оградить тебя, я решил: пусть и дальше так думают. Это ведь ты убил его, Филип.

Но целью твоей был я. Дядя случайно ступил в капкан.

— Мы обсудили это с Верой. Она полагала, что ты не сумеешь. Отречешься от уговора. Она-то знала твои слабости… И я — тоже. И потому вывел мотыльков с ядовитыми железами и жалом. Революции необходимо оружие. Я дал Вере феромоны, приводящие их в ярость… И она согласилась.

— Значит, не верили мне…

— Но ты остался жив.

Линдсей промолчал.

— Взгляни! — Константин сорвал с руки перчатку. Оливково-смуглая кожа под ней чешуйчато шелушилась, словно змеиная. — Вирус. Бессмертие. Шейперское, настоящее, на клеточном уровне. Не какие-то там механист-ские протезы. Я на него обречен, кузен. — Он ущипнул эластичную кожу. — Вера выбрала тебя. А я намерен жить во веки веков, и на хрен тебя с твоим нытьем про общечеловеческие ценности. Человечество зашло в тупик, кузен. Души больше нет — одни состояния сознания. Если хочешь это опровергнуть, на! — Он подал Линдсею скальпель. — На, докажи! Докажи, что за твоими словами что-то есть! Что ты готов умереть, чтобы остаться человеком!

Скальпель оказался в руке Линдсея. Он взглянул на свое запястье. Затем перевел взгляд на горло Константина. Подняв скальпель над головой, он примерился и громко закричал…

Крик разбудил его. Он снова был в лазарете, взмокший от пота, и второй судья с тупым от наркотиков взглядом поглаживала ему рукой между бедер.

Космический корабль «Красный Консенсус» 20.11.16

Третий депутат, или попросту деп-три, был коренастым, вечно ухмыляющимся юнцом со сломанным носом и коротким ежиком светлых песочных волос.

Подобно многим спецам по ВОК, он был фанатиком космоса и большую часть времени проводил в открытом пространстве — тащился за кораблем на многокилометровом тросе. Звезды беседовали с ним, а Солнце было его другом. Даже на борту он не вылезал из скафандра. Шлем, однако, снимал, и вырывавшаяся наружу вонь пропотевшего тела вышибала из глаз слезу.

— Хочу зонд выслать, — рассказывал он Линдсею во время совместного перекуса в рубке. — Можно на него подключаться прямо отсюда. Точно снаружи оказываешься…

Линдсей отложил опустевшую банку из-под зеленой массы. Зондом называли старинную ракету планетарной разведки, найденную на некоей давно забытой орбите некоей давно забытой командой. Телескопы ее и Коротковолновые антенны до сих пор служили исправно, как и передающие системы. Будучи выпущен на всю длину оптического кабеля, беспилотный зонд мог ловить в пространстве чужие передачи и создавать противорадарные помехи.

— Конечно, подключусь, гражданин, — заверил его Линдсей. — Какого хрена, в конце концов?

Деп-три радостно закивал:

— Это прекрасно, госсек! Мозг — словно быстро-быстро растет, как вторая кожа становится…

— Наркотики я не буду, — предостерег Линдсей.

— Какие наркотики, ты что! Если наглотаешься, Солнце с тобой говорить не будет.

Он сгреб с консоли видеоочки и надел на Линдсея. Внутри устройства была смонтирована крохотная видеосистема, проецировавшая изображение прямо на сетчатку. В данный момент зонд не работал, и Линдсею виден был лишь столбец голубых цифр и букв где-то внизу. И никакого ощущения, что глядишь на экран.

— Пока что нормально, — сказал он.

Послышался стук клавиш — деп-три запускал зонд. Затем корабль легонько тряхнуло — робот отправился в полет. Судя по звукам, пред-три тоже надел видеоочки. И тут Линдсей впервые увидел «Консенсус» со стороны.

Топорный, обшарпанный — выглядел он довольно жалко. Родные двигатели с кормы были сняты и заменены длинным абордажным рукавом — гибким, гофрированным, скалящим клыки шахтовых буров. Новый двигатель — одна из старейших шейперских электромагнитных моделей — был приварен к корпусу на четырех стойках. Шаровидный двигатель генерировал сверхвысокие частоты, поэтому его, насколько можно, удалили от жилых отсеков. Вдоль стоек, кое-как приваренных к кормовому отсеку, свисали длинные, обернутые фольгой провода управления.

Между стойками матово поблескивал корпус автоматического экскаватора. Озирая выключенную, ждущую своего часа машину, Линдсей понял, насколько мощным оружием она является. Огромные бритвенно-острые клешни разорвут обшивку любого корабля, как бумагу…

Снаружи к корпусу крепился еще один механизм: добавочная ракета. Обшивка вокруг нее,

некогда выкрашенная в грязно-зеленый цвет, была исцарапана ее магнитным шасси. Способная менять свое положение, она служила маневренным двигателем.

Палуба жизнеобеспечения вся была опутана толстыми вентиляционными и гидравлическими трубами; некоторые совсем износились — рассыпающаяся изоляция парила в невесомости клочьями.

— Не волнуйся, мы ими не пользуемся, — сказал деп-три.

От четвертой палубы отходили в стороны четыре соединенных между собой солнечных панели — блестящий крест из черного кремния, прорезанного тонкой медной решеткой. Мерзкое жерло лучевой пушки лишь слегка выдавалось из корпуса.

— Крохотный звездный народ пред очами Солнца, — сказал деп-три.

Он развернул зонд, и Линдсей на мгновение увидел тянущийся за кормой кабель. Камера сфокусировалась на такелаже солнечного паруса. На носу под сложенную парусину был отведен специальный отсек, однако сейчас он был пуст: девятнадцать тонн металлизированной пленки под давлением света развернулись в двухкило-

метровую арку. Камера прибавила увеличение, и Линдсей увидел, что парус тоже очень стар — кое-где потерт и испещрен дырами от микрометеоритов.

— Президент сказал: в следующий раз, если хватит денег, возьмем мономолекулярный распылитель и с той стороны натрафаретим охеренный череп и скрещенные молнии, — поведал Линдсею деп-три.

— Хорошая мысль…

Стероидов в крови больше не было, и теперь Линдсей относился к миру гораздо терпимее.

— Ладно, идем дальше.

Линдсей услышал короткий перестук клавиш — и робот с устрашающей скоростью понесся в открытое пространство. В несколько секунд «Красный Консенсус» стал крошечной скорлупкой на «столешнице» паруса. В приступе выворачивающего наизнанку головокружения Линдсей ухватился за консоль, изо всех сил зажмурившись под видеоочками. Наконец он решился осторожно приоткрыть глаза. Перед ним простиралась бескрайняя панорама открытого космоса.

— Млечный Путь, — сказал деп-три.

Гигантская белая дуга раскинулась на половину

мироздания. Линдсей утратил чувство перспективы; на секунду почудилось, что миллиард белых булавочных головок этого галактического коромысла безжалостно вжимается прямо в глазные яблоки. Он снова закрыл глаза, всем существом благодаря судьбу за то, что находится на борту, а не там…

— Оттуда они и явятся, — сообщил деп-три. Линдсей открыл глаза. Ерунда, строго сказал он себе. Всего-навсего пузырь в белую крапинку, а в центре — он, Линдсей. Вот так. И ничего страшного.

— Кто — «они»?

— Ну, пришельцы, — с изумлением пояснил деп-три. — Они там, это всем известно.

— Конечно…

— Хочешь, на Солнце посмотрим? Может, оно с нами поговорит.

— А может, лучше Марс? — предложил Линдсей.

— Без толку, противостояние. Астероиды можно попробовать. Счас, вдоль эклиптики посмотрю…

Он умолк. Звезды под низкие звуки музыки рубки управления стали поворачиваться. Прибегнув к харагэй, Линдсей почувствовал, как робозонд вращается вокруг его центра тяжести.

Тренировки пошли на пользу — он чувствовал себя уверенно. Линдсей сделал глубокий вдох.

— Ага, вот, — сказал деп-три.

Отдаленное, не больше булавочной головки, пятнышко света встало в центр поля зрения и начало расти. Вот оно выросло до размеров ногтя, и контуры его расплылись, утратив определенность. Деп-три прибавил разрешение, и изображение превратилось в сосискообразный цилиндр, переливающийся искусственными оттенками компьютерной графики.

— Ложная цель, — сказал деп-три.

— Вот как?

— Ну да. Я такие уже видал. Шейперская работа. Шкура полимерная, баллон. Разве что герметичный. Внутри может кто-нибудь быть.

— Ни разу таких не видел, — сказал Линдсей.

— Их тут — сколько угодно.

Это было правдой. Шейперские охотники за астероидами пользовались такими пустышками уже давно. Пластиковые оболочки были достаточно велики, чтобы дать пристанище небольшим группкам шпионов, похитителей автоматических кораблей или дезертиров. Могли в них прятаться от полиции механистские кандидаты в бродяги, а то и шейперские криптографы,

прослушивающие межкартельную связь.

Стратегия заключалась в том, чтобы перегрузить следящие системы механистов тучей потенциальных укрытий. В самом начале борьбы за Пояс шейперы добились заметных успехов; отдельные группы их агентов все еще кочевали по механистской территории из пузыря в пузырь, невзирая на осаду Совета Колец. Многие пустышки были оборудованы системами пропагандистской трансляции, некоторые — уловителями солнечного ветра, искажавшего их орбиты, а кое-какие могли уменьшаться в размерах и снова надуваться, сбивая с толку механист-ские радары. Производить их было гораздо дешевле, чем отслеживать и сбивать, что давало шейперам небольшое финансовое преимущество.

Аванпост, для уничтожения которого был нанят «Красный Консенсус», как раз и являлся одним из центров производства пустышек.

— Вот наступит мир, — сказал деп-три, — возьмем таких дюжину, соединим переходами, и выйдет хорошая недорогая станция для народа.

— А будет он когда-нибудь, этот мир? — ответил на это Линдсей.

Стены загудели — «Красный Консенсус» начал

сматывать кабель.

— Когда прилетят пришельцы…

Космический корабль «Красный Консенсус» 30.11.16

В гимнастической шла тренировка.

— Ладно, хватит на сегодня, — сказал президент. — Все в форме. Даже госсек основное усвоил.

Трое депутатов, стаскивая шлемы, засмеялись. Линдсей тоже освободился от шлема. Учебный бой длился куда дольше, чем он ожидал. Он загодя спрятал в скафандр начинку из ингалятора, пропитанную вазопрессином: скоро от него потребуются все без остатка знания и навыки, а также — наилучшая форма. Однако испарения подействовали сильнее, чем он рассчитывал, — болела голова, и тянуло внизу живота.

— Красный ты какой-то, госсек, — заметил президент. — Устал?

— Это — от воздуха в скафандре, сэр. — Собственные слова оглушительным звоном отдавались в ушах. — От кислорода, сэр.

Мелкие сосуды под кожей расширились под действием стимулятора.

Деп-один состроил гримасу:

— Хиляк он у нас.

— Все свободны, граждане. У нас с госсеком еще кой-какие дела.

В скафандры влезали сквозь подковообразный шов, изгибавшийся вдоль паха и ног. Все, кроме депа-три, разоблачились мгновенно. Линдсей расстегнул клапан и стряхнул с ног тяжелые магнитные башмаки.

Линдсей остался наедине с президентом. Сволакивая через голову скафандр, он сжал правую кисть внутри широкого, жесткого рукава в кулак, вогнав в основание ладони иглу шприца. Выдернув, он отпустил ее, и игла тихонько поплыла в пальцы перчатки.

Оставив скафандр открытым, чтобы проветривался, он взял его под мышку. Никто внутрь не полезет: теперь скафандр принадлежит ему, Линдсею, и на обоих плечах его — дипломатические эмблемы ГДФ. Вместе с президентом он прошел на шлюзовую палубу и поставил скафандр в стойку.

Кроме них, в «кладовке» не было никого.

— Ты готов, солдат? — серьезно спросил президент. — Как самочувствие? Идеологическое, я имею в виду.

— Хорошо, сэр, — отвечал Линдсей. — Я готов.

— Тогда идем.

Они поднялись в рубку. Нырнув вперед головой в оружейную, президент вплыл в пушечный отсек.

Линдсей последовал за ним. Голова гудела, расширенные кровеносные сосуды отчетливо пульсировали. Он чувствовал себя острее стеклянной грани. Сделав глубокий вдох, он влетел в пушечный отсек ногами вперед — и будто бы оказался в царстве мрачного бреда.

— Готов?

— Да, сэр.

Линдсей не торопясь пристегнулся к сиденью стрелка. Древнее орудие выглядело жутковато. На мгновение показалось, что ствол пушки направлен ему в живот. Нажать на спуск — значит, разнести себя на куски…

Порядок подготовки к стрельбе он вспомнил легко — в его состоянии мозг поставлял информацию по первому требованию. Линдсей пробежал рукой по черному, матовому пульту управления и включил питание — тумблер отозвался звонким щелчком. Музыка рубки управления за спиной зазвучала на октаву ниже — энергии пушка забирала много. Под призрачно-синим прицельным монитором зажглась кроваво-красная цепочка злобно мерцающих индикаторов и шкал.

Линдсей взглянул поверх экрана. В глазах его помутилось. Ребристый ствол орудия слегка поблескивал смазкой. Толстые черные продольные ребра сверхпроводниковых магнитов, к каждому из которых тянулись змеями кабели питания в металлизированных оболочках…

Порнография смерти. Деградация человеческого гения, опустившегося в своей продажности до самоубийства расы.

Переключившись на боевой режим, Линдсей снял опломбированную предохранительную крышку и сунул правую руку в открывшееся отверстие. В ладонь удобно легла пластиковая рукоять. Большим пальцем он снял второй предохранитель. Машина начала выть.

— Это должны делать все, — сказал президент. — Нельзя сваливать на кого-то одного.

— Я понимаю, сэр, — сказал Линдсей. Эти слова он отрепетировал заранее. Цели перед ним не было — жерло пушки было направлено перпендикулярно эклиптике, в галактическую пустоту. Никто не будет задет. Ему нужно лишь нажать на спуск. И он не сможет этого сделать.

— Такое ведь никому не нравится, — сказал президент. — Я тебе клянусь, орудие под пломбой всегда… Но нам без него — никак. Ведь кто знает,

что встретишь в следующий раз? Может, крупную добычу. Такую, что мы сможем вступить в картель. Снова стать народом. Тогда мы выбросим к чертям это чудище.

— Да, сэр.

Здесь не с чем было бороться в открытую, нечего отвергать путем холодных размышлений. Препятствие лежало слишком глубоко. В самих основах вселенной.

Миры могут взорваться.

Стены заключают в себе жизнь. Там, за переборками, шлюзами и шпангоутами, — безжалостный, мрак, смертельная пустота открытого пространства. И на древних станциях орбиты Луны, и в современных механистских картелях, и на Совете Колец, и даже на далеких аванпостах горняков-кометчиков и околосолнечных металлургов каждое мыслящее существо проникнуто пониманием этого. Слишком много поколений жило и умерло под мрачной тенью катастрофы. И каждый ощущал это с первых мгновений жизни.

Жилища были священны — священны в силу самой своей уязвимости. Уязвимость универсальна. Уничтожение одного из миров означало бы, что безопасности нет нигде и ни для кого, что каждый мир может сгореть в геенне тотальной

войны.

Конечно, полной безопасности нет, никогда не было и не будет. Способов уничтожения миров — сотни: огонь, взрыв, яд, саботаж. Неослабная бдительность, культивируемая всеми сообществами, разве что уменьшала риск. Способность разрушать доступна была всем и каждому. И каждый разделял со всеми бремя ответственности. Призрак разрушения сформировал этическую парадигму всех идеологий и всех миров.

Судьба человека в Космосе никогда не была легкой, и вселенная Линдсея не отличалась простотой. Эпидемии самоубийств, жестокая борьба за власть, отвратительные техно-расистские предрассудки, подленькое, исподтишка, подавление целых сообществ…

Однако последней грани безумия все-таки удалось избежать. Да, без войны не обходилось. Мрачные, скрытые конфликты сыпались, словно искры, высеченные соприкосновением двух сверхсил, механистов и шейперов. Мелкие стычки, уничтоженные корабли, захват рудников с преданием смерти всех обитателей… Но в целом человечество жило и процветало.

И этот триумф его был глубок и фундаментален: в низших слоях сознания, где постоянно гнездит-

ся страх, осталось место уверенности и надежде. То была победа, принадлежащая всем, всеобъемлющая до неявности, отложившаяся в той части сознания, от которой зависит все остальное.

И все же эти пираты, как пиратам и полагалось, обладали оружием массового уничтожения. Машина была древностью, реликтом эпохи безумия, когда физики впервые взломали ящик Пандоры. Эпохи, в которую оружие космической мощности было рассеяно по поверхности Земли, словно точечные кровоизлияния, усеивающие мозг паретика.

— Я сам стрелял на прошлой неделе, — сказал президент. — Убедился, что на Дзайбацу не заминировали эту пакость. Некоторые из мех-картелей не преминули бы. Перехватят корабль где-нибудь в открытом космосе, оружие отключат, а к проводке подсоединят хитрый чип. Нажмешь спуск, чип испаряется, нервный газ… Хотя — без разницы. Если нажимаешь спуск у этой штуки в бою, ты всяко — мертв. На девяносто девять процентов. У шей-перов, на которых мы нападаем, разная армагеддонная ерунда имеется. У нас тоже должно быть все, что есть у них. И мы сделаем все, что могут сделать они. Ядерная война, солдат; иначе — никак… Ну, огонь!

— Огонь! — выкрикнул Линдсей.

Ничего не произошло. Пушка молчала.

— Что-то не так, — сказал Линдсей.

— Пушка не работает?

— Нет, рука. Рука… — Он подался назад. — Рукоять отпустить не могу — мышцы свело.

— Мышцы — что?!

С этими словами президент схватил Линдсея за предплечье. Сведенные судорогой мышцы застыли, словно стальные тросы.

— Господи, — проговорил Линдсей с отработанной истерической ноткой. — Я не чувствую вашей руки! Сожмите крепче…

Президент стиснул предплечье с сокрушительной силой.

— Ничего…

В скафандре он накачал руку обезболивающим, а искусственную судорогу обеспечили дипломатические навыки. Но фокус этот давался нелегко. Рукояти в пальцах он не предусматривал.

Мозолистые пальцы президента вонзились в руку Линдсея немного повыше локтя. Боль сминаемых нервов резанула даже сквозь анестезию. Рука чуть-чуть дернулась, отпустив рукоять.

— Теперь есть. Слегка, — спокойно сказал Линдсей.

Ведь было же что-то, помогавшее терпеть боль… Если только стимулятор поможет вспомнить… Да, вот. Боль словно бы обесцветилась, превратившись в нечто, отвратительно близкое к удовольствию.

— Могу попробовать левой, — убито сказал он. — Конечно, если и она…

— Что там у тебя за херня случилась?!

Президент безжалостно вонзил большой палец в нервный узел на запястье. Линдсей почувствовал ужасную боль, словно ему на мозг набросили черную, прохладную ткань, и едва не потерял сознание. Он слабо улыбнулся.

— Думаю, здесь какие-то шейперские штучки, — сказал он. — Нейронное программирование. Они устроили так, что я не могу этого сделать. — Он сглотнул. — Рука — словно бы не моя.

На лбу его выступил пот. Под такой дозой вазопрессина он мог ощущать каждую мышцу лица по отдельности. Именно так, как учили в Академии.

— Этак не пойдет, — сказал президент. — Если не можешь нажать спуск, значит — ты не наш.

— А может, поставить какой-нибудь механизм? — предложил Линдсей. — Силовую перчат-

ку, например. Я-то готов, сэр. Это она не хочет.

Он поднял негнущуюся от плеча руку и изо всех сил опустил на острый угол кожуха орудия. Еще раз, еще…

— Не чувствую…

На руке появилась порядочная ссадина. В воздух брызнули алые шарики крови. Рука оставалась неподвижной. Из раны медленно выполз уплощенный, амебоподобный кровяной сгусток.

— Но руку-то в измене не обвинишь, — сказал президент.

Линдсей пожал плечами (причем шевельнулось только одно):

— Я ведь стараюсь, сэр.

Он знал, что никогда в жизни не нажмет спуск. Он понимал, что за это его могут убить, хотя и надеялся избежать такого исхода. Жизнь, конечно, важна… Но не настолько.

— Посмотрим, что скажет второй судья, — сказал президент.

Линдсей не спорил. Это вполне соответствовало плану.

Судья-два спала в лазарете. Она вскочила, широко раскрыв глаза. Увидев кровь, она уставилась на президента:

— Какого хрена! Ты что, снова сломал ему ру-

ку?

— Это не я, — смущенно и как-то виновато сказал президент.

Он объяснил положение дел. Второй судья, осмотрев руку, перевязала ее.

— Похоже, что-нибудь психосоматическое.

— Я хочу, чтобы эта рука двигалась, — сказал президент. — Исполняй, солдат.

— Есть, сэр, — удивленно ответила судья-два, не сразу сообразившая, что они на военном положении.

Она почесала в затылке:

— С этим лучше бы не ко мне. Я же просто механик, а не шейперский психотех. — Она покосилась на президента. Тот был непреклонен. — Думается мне… Вот это должно помочь. — Она вытащила какую-то ампулу. — Конвульсант. В пять раз сильнее естественных нервных сигналов. — Она набрала в шприц три кубика. — Руку лучше перетянуть. Если это попадет в другие сосуды, его так тут перекорежит… — Она виновато взглянула на Линдсея. — Будет больно. Очень.

Появлялась удобная возможность. Рука переполнена обезболивающим, но боль можно изобразить. Если это получится убедительно, они могут забыть о проверке.

Они подумают, что он, Линдсей, жестоко наказан за то, в чем не виноват. Судья настроена сочувственно, можно столкнуть ее с президентом. Остальное сделает их чувство вины.

— Президенту лучше знать, — твердо сказал он. — Делай, что он велел. Рука все равно ничего не чувствует.

— Уж это-то ты почувствуешь. Если только не мертв.

Игла вонзилась в кожу. Жгут туго перетянул бицепс. Вены набухли, перекорежив татуировку.

Когда пришла боль, он понял, что от анестезии нет никакого проку. Конвульсант жег, словно кислота.

— Горит! — закричал он. — Горит!!!

Рука содрогнулась; мышцы жутко свело. Затем они начали судорожно сокращаться, и конец жгута вырвался из рук судьи-два.

Кровь, не сдерживаемая больше жгутом, хлынула в грудь и в плечо. Согнувшись пополам, Линдсей задохнулся в крике. Лицо его посерело. Препарат сжал сердце, словно раскаленная проволока. Подавившись собственным языком, Линдсей забился в судорогах.

Двое суток лежал он при смерти. А когда выздоровел, решение на его счет уже было принято.

Вопрос о проверке больше не поднимался. Ей так и не суждено было произойти.

Космический корабль «Красный Консенсус» 19.12.16

— Камень как камень… — сказала деп-два, смахивая с экрана таракана.

— Это цель, — сказала спикер парламента.

Рубка работала в аварийном режиме, и знакомый хор из гуденья, писка и кваканья сошел на нет, превратившись в едва уловимый шорох. Лицо спикера в свете экрана приобрело зеленоватый оттенок.

— Маскировка, — продолжила она после паузы. — Они там. Нутром чую.

— Простой булыжник. — Третий сенатор, брякнув инструментальным поясом, придвинулась к экрану. — Либо слиняли, либо еще что. Инфракрасных нет.

Линдсей, который так ни разу и не посмотрел на экран, молча дрейфовал в стороне. Рассеянно, не спеша, взглядом устремясь в никуда, растирал он татуированную правую руку. Кожа зажила, но комбинация препаратов дотла выжгла пораженные нервы. Кожа под холодной тушью татуировки казалась резиновой. Кончики пальцев не ощущались вовсе.

Он не верил, что шейперы станут особенно церемониться. Конечно, распростертый солнечный парус прикрывает корабль от радара и мешает упреждающему удару с астероида. Однако он постоянно чувствовал, что вот сейчас, в эту самую долю секунды корабль разорвут на части выстрелы шейперов. В пушечном отсеке скрипнуло сиденье стрелка — судья-три нервно заерзал.

— Ждут, когда продрейфуем мимо, — сказал президент. — Получат возможность прицелиться и ударят.

— Не могут же они так вот просто взять и нас уничтожить, — рассудительно возразил сенатор-два. — А вдруг мы — бродяги. Механистские дезертиры…

— Деп-три, стоп здесь! — приказал президент. Тот, лучезарно улыбаясь, повернул полускрытое очками лицо к остальным и снял наушники:

— Что, господин президент?

— Я говорю, стоп на этой частоте, разрази-тьтя!.. — заорал президент.

— А, это… — Сунув руку за ворот скафандра, пред-три принялся чесаться, одной рукой прижимая к уху наушник. — Так я — уже. И… э-э…

Он осекся. Команда затаила дыхание. Обзор ему закрывали очки, но он, уверенно вытянув

руку, коснулся нескольких выключателей. Рубку наполнил высокий прерывистый вой.

— Переключу на визуалку, — сказал деп-три, опуская руки на клавиатуру.

Астероид исчез с экрана, сменившись бессмысленными столбцами букв:

…TCGAGGCTATCGTAGCTAAAGCTCTCCCGATC GATATCGTCTCGATCGATGGATGCTTAGCTAGCTA GT TGTCGATGTAGGGCTCGAGCTAG…

— Шейперский генный код, — сказала спикер. — Я же говорила!

— Ну, это их последняя передача, — веско сказал президент. — С этого момента объявляю военное положение. Всем — по боевым постам. Кроме тебя, госсек. Исполнять!

Все смешалось; нервные импульсы всей команды словно сорвались с привязи и понеслись вскачь. Линдсей, созерцая общий аврал, размышлял о передаче на Совет Колец, выдавшей аванпост.

Вполне возможно, в этом последнем крике шейперы швырнули в пространство собственные жизни. Однако среди врагов есть человек, который сможет оплакать погибших.

Глава 4

ESAIRS XII 21.12.16

Астероид назывался ESAIRS89-XII — других названий, помимо этого, извлеченного из древнего каталога, у него не имелось. Он представлял собою глыбу спекшейся породы в форме картофелины, полкилометра в длину.

«Красный Консенсус» завис над экватором.

Линдсей спускался, держась за трос одной левой рукой. Темный астероид глянцевито поблескивал; сквозь забрало шлема видны были антрацитово-черные жилы углеродистой руды. Холодно-серые и белые пятна отмечали следы столкновений с метеоритами. Самые крупные кратеры достигали восьмидесяти метров в поперечнике, на дне их, сквозь трещины в породе, взбугрялись застывшая лава и вулканическое стекло.

Линдсей приземлился. Поверхность под ногами была похожа на пемзу, усыпанную грязно-белыми застывшими пузырьками лавы. В длину астероид просматривался от начала до конца, в ширину же — до горизонта было не более дюжины шагов.

Пригнувшись, он поплыл над астероидом, цепляясь пальцами в грубой перчатке за выступы и впадины. Пальцы правой руки почти ничего не чувствовали — толстая ткань внутри перчатки на ощупь была мягче хлопка.

Ноги, не находя опоры, бесцельно болтались над поверхностью. Линдсей перебрался через кромку продолговатого — удар, судя по всему, пришелся по касательной — кратера. Глубина впадины в пять раз превосходила его рост, а дно представляло собою полосу стеклянно-гладкого зеленоватого базальта. Длинный, зазубренный гребень расплавленной породы в свое время едва не обрел свободу, но застыл, запечатлев рябь и волны расплавленной массы…

Вдруг полоса камня скользнула в сторону. Поверхность ее пошла складками, сминаясь, словно шелк. Застывшие каменные волны оказались нарисованными на маскировочной пленке.

Внизу зияла пещера. Точнее, вход в туннель, полого уходивший вниз.

Осторожно спустившись по склону, Линдсей вплыл в туннель и, придерживаясь за стены, продвинулся немного вперед; затем поднял руки над головой и оттолкнулся от потолка, чтобы встать на ноги.

Над близким горизонтом занялся рассвет. Отсветы его проникали в туннель.

Туннель оказался идеально круглым, с неестественно гладкими стенами. Шесть металлических полос, отсвечивая медью под лучами солнца, тянулись вдоль стен в глубину, вероятно, приклеенные эпоксидной смолой.

Судя по всему, туннель опоясывал астероид — он круто, как и горизонт, изгибался. За поворотом, едва видимый, тускло блеснул коричневый пластик. Подпрыгивая и отталкиваясь от стен, Линдсей устремился вперед.

В пластиковую пленку был вмонтирован матерчатый шлюз. Расстегнув молнию, Линдсей вошел в шлюз, застегнул за собой клапан, затем расстегнул молнию внутренней двери и пролез внутрь.

Он оказался внутри пузыря, окрашенного черным и охрой. Баллон, должно быть, надули внутри туннеля — он плотно, не оставив ни щелки, закрывал проход.

Под потолком вверх ногами парил человек в защитном пластиковом скафандре. Зеленый силуэт ярко выделялся на фоне черных узоров, от руки нанесенных на охряной фон.

Скафандр Линдсея осел — давление воздуха

уравнялось. Он снял шлем и с опаской вдохнул. Воздух оказался стандартной кислородно-азотной смесью.

С намеренной неуклюжестью Линдсей прижал правую руку к сердцу:

— Я… э-э… желаю огласить заявление. Если вы не возражаете.

— Прошу вас.

Тонкий голос женщины звучал несколько глуховато. Линдсей мельком увидел лицо, скрытое за стеклом визора: холодные глаза, смуглая кожа, темные волосы, забранные зеленой сеткой.

Медленно, без всякого выражения, Линдсей принялся читать:

— Вас приветствует Горняцкая Демократия Фортуны. Наш независимый народ действует в рамках закона, твердо базирующегося на платформе гражданских прав человека. Новые члены нашего политического сообщества, как эмигрировавшие на территорию государства, подвергаются до получения полного гражданства краткому натурализационному процессу. Мы стараемся по возможности смягчить неудобства перехода к новому политическому строю. Согласно нашей политической линии идеологические различия устраняются в процессе переговоров. С

данной целью мы делегируем к вам нашего государственного секретаря, уполномоченного выработать предварительные условия, подлежащие последующей ратификации Сенатом. Желательным для Горняцкой Демократии Фортуны, как определено совместной резолюцией номер шестнадцать шестьдесят седьмой сессии парламента, является незамедлительное начало переговоров под эгидой государственного секретаря, дабы обеспечить краткость и безопасность переходного периода. Шлем нашим будущим гражданам горячие поздравления и предлагаем руку дружбы. Подписано президентом. — Линдсей поднял взгляд. — Вам понадобится копия.

Он протянул ей бумагу. Шейпер приблизилась к нему, и Линдсей увидел, что она сказочно красива. Впрочем, это ничего не значило — красота среди шейперов ценилась дешево.

Она приняла документ. Линдсей вынул из набедренной сумки еще несколько:

— Мои верительные грамоты.

Он подал ей стопку переработанных из вторсырья разноцветных листов с печатями Фортуны, оттиснутыми на фольге.

— Меня зовут Нора Мавридес, — сказала женщина. — Моя Семья поручила мне довести до вас

нашу точку зрения относительно сложившейся ситуации. Мы полагаем, что сможем убедить вас в том, что предпринимаемые вами действия являются безрассудными и что вам выгоднее заняться каким-нибудь другим объектом. Все, что нам необходимо, это время, потребное для того, чтобы убедить вас. В знак доброй воли мы даже заблокировали наше главное орудие.

— Прекрасно, — кивнул Линдсей. — Очень хорошо. Это произведет неизгладимое впечатление на наше правительство. Я лишь хотел бы взглянуть на это орудие.

— Вот оно, — отвечала Нора Мавридес. — Мы в его стволе.

Космический корабль «Красный Консенсус» 22.12.16

— Я прикинулся дураком, — рассказывал Линдсей. — Но не думаю, что они на это купились.

Он обращался к совместной сессии парламента и сената под председательством спикера парламента. Президент находился среди публики, а члены Верховного Суда, несшие вахту у орудия в рубке управления, следили за происходящим по интеркому.

— Она поверила, не сомневайся, — покачал

головой президент. — Шейперы же всех считают придурками. Да какого хрена, рядом с ними мы и вправду придурки.

— Мы пришвартовались, — продолжал Линдсей, — рядом с выходом их пускового кольца. Длинный круговой туннель, кольцо с осевой точкой в центре тяжести этого булыжника, пролегающее под самой поверхностью. Оборудовано продольными магнитными ускорителями и, в некотором роде, магнитной пусковой бадьей.

— Я слышал о таких, — сказал по интеркому судья-три. Когда-то шахтер, на корабле он был штатным артиллеристом, и лет ему было уже под сотню. — Начинает на малом ускорении, подхватывает бадью, подмагничивает, гоняет по кругу на магнитной подушке, разгоняет до нужного, а затем тормозит перед жерлом. Бадья останавливается, а груз выстреливается со скоростью нескольких кликов в секунду.

— Кликов в секунду? — протянула спикер парламента. — Да они нас разнесут!

— Нет, — вмешался президент. — На запуск нужна уйма энергии. А мы близко, и сразу заметим магнитное поле.

— Внутрь нас не пустят, — сообщил Линдсей. — Семья их живет в чистоте. Микробов у них нет

— или же только искусственно выведенные. А у нас в каждой поре зараза из Дзайбацу. Они собираются от нас откупиться и отправить восвояси.

— Но нас не для этого наняли, — напомнила спикер.

— И как узнать, сколько с них взять, не видя поселения? — поддержала ее деп-один.

Юная ренегатка-шейпер поправила лакированными ноготками волосы. Последнее время она очень заботилась о своем внешнем виде.

— Можно прокопаться внутрь экскаватором, — сказал президент. — У нас есть данные сонарной съемки. Мы хорошо представляем себе расположение ближайших к поверхности туннелей. За пять-десять минут, пока наш гос-сек ведет переговоры, успеем прокопаться. — Он сделал паузу. — Но за это они нас могут убить.

— Мы и так покойники, — с холодной уверенностью объявила спикер парламента, — если они нас не подпустят поближе. Пушка наша — для ближнего боя, а их кольцо расшибет нас и через несколько часов после отлета.

— Но пока что они этого не сделали, — заметила деп-один.

— Раньше они не знали, кто мы такие.

— Остается одно, — подвел итог президент. —

Поставить вопрос на голосование.

ESAIRS XII 23.12.16

— Мы же, в конце концов, горняцкая демократия, — втолковывал Линдсей Норе Мавридес. — Согласно идеологии Фортуны, мы имеем неоспоримое право на разведочное бурение. Если бы вы предоставили нам карты ваших туннелей, ничего бы такого не было.

— Вы сильно рисковали, — заметила Нора Мавридес.

— Но вы должны признать, что здесь есть и положительные стороны, — продолжал Линдсей. — Теперь, когда ваша сеть туннелей уже, как вы выражаетесь, «подверглась заражению», мы можем хотя бы встретиться лицом к лицу, без скафандров.

— Это безумие, господин госсекретарь.

Линдсей поднял левую руку к груди:

— Но, доктор Мавридес, взгляните на ситуацию с нашей точки зрения! ГДФ не может бесконечно откладывать вступление в обладание своей законной собственностью! Я не усматриваю в наших действиях ничего нелогичного. Вы продолжаете придерживаться мнения, что мы должны улететь. Но мы не разбойники, а поселенцы. Нас не свернуть с пути туманными посулами и анти-

механистской пропагандой. Мы — горняки.

— Вы — пираты. Механистские наемники.

Линдсей пожал плечами — точнее, плечом.

— У вас действительно травма руки? Или же вы притворяетесь, чтобы убедить меня в вашей безвредности?

Линдсей молчал.

— Понимаю вашу точку зрения, — сказала она. — Переговоры без доверия невозможны. И где-то обязательно есть почва для взаимопонимания. Так давайте поищем.

Линдсей выпрямил руку.

— Хорошо, Нора. Давайте — между нами двоими — оставим пока наши роли. Слушаю вас. Я согласен на любой уровень откровенности, какой вы предложите.

— Тогда скажите, как вас зовут.

— Мое имя вам ничего не скажет. — Последовала пауза. — Хорошо. Называйте меня Абеляром.

— Из какой генетической линии?

— Я не шейпер.

— Вы лжете, Абеляр. Вы движетесь как один из нас. Рука помогает это скрывать, но ваша неуклюжесть слишком уж хорошо разыграна. Сколько вам лет? Сто? Меньше? Давно вы в бродягах?

— Это так важно? — спросил Линдсей.

— Вы можете вернуться! Поверьте, положение изменилось! Совет нуждается в вас! Я вас поддержу. Присоединяйтесь к нам, Абеляр. Вы ведь — один из нас. Что общего у вас с этими грязными ренегатами?

Линдсей потянулся к ней. Нора резко отпрянула; длинные шнурки, стягивавшие ее рукава, взвились вверх. — Вот видите, — сказал Линдсей, — я такой же грязный, как и они.

Он взглянул ей в глаза.

Нора была прекрасна. Клан Мавридесов был генетической линией, прежде ему незнакомой. Большие светло-карие глаза, слегка монголоидные и скорее индейские, чем азиатские. Высокие скулы, прямой римский нос, густые черные брови и пышные, черные, глянцевито блестящие волосы, вьющиеся в невесомости и заправленные в изумрудно-зеленый пластиковый тюрбан, стянутый сзади красной ленточкой… Кожа ее отливала медью и была чистой и сверхъестественно гладкой.

Их было шестеро. Семейное сходство их было удивительным, однако они не являлись идентичными клонами. Шестерка их составляла ту ничтожную долю Мавридесов, которая прошла отбор: Клео, Паоло, Фазиль, Ион, Агнесса и Но-

ра. Лидером была сорокалетняя Клео, Норе шел двадцать девятый год, остальным было по семнадцать.

Увидев их, Линдсей проникся к ним жалостью. Совет Колец не любил швыряться средствами направо и налево. Семнадцатилетние гении вполне подходили для подобных заданий и обходились дешево… Они разглядывали его, Линдсея, и карие их глаза полны были опасливой брезгливости — точно так обычные люди смотрят на вредных насекомых. Они убили бы его, не задумываясь, — мешало лишь отвращение.

Однако было поздно. Им бы убить его с самого начала, пока еще можно было сохранить свою стерильную чистоту… Теперь же он был слишком близко, и дыхание его, кожа, зубы и даже кровь — все источало заразу…

— У нас нет антисептиков, — объяснила Нора. — Мы даже не думали, что они могут понадобиться. Для нас, Абеляр, все это будет крайне неприятно. Нарывы, опухоли, сыпи… Понос… И никуда от этого не денешься. Даже если вы улетите завтра же; воздух с вашего корабля… в нем кишели микробы.

Она развела руками. Алые шнуры стягивали на запястьях пуфы рукавов ее блузы; сквозь разрезы

слабо мерцала гладкая кожа предплечий. Блуза походила на шаль, стянутую шнурками на боках, а в талии — поясом. Нора сшила ее сама. Лацканы украшали розово-белые кружева. Были на ней также собранные у коленей шорты и пурпурные сандалии на тесемках…

— Мне очень жаль, — заговорил Линдсей, — но так — все лучше, чем умирать… Шейперы долго не протянут, Нора. Им конец. Я вовсе не питаю любви к механистам, поверь… — Здесь он в первый раз отважился на жест правой рукой. — Я сейчас скажу тебе одну вещь, но если ты перескажешь ее кому-либо — отопрусь напрочь. Механисты существуют только благодаря вам. Союз картелей — липа. Объединяет их единственно страх и ненависть к перекроенным. Уничтожив Совет Колец — а за ними, кстати, не заржавеет, — они сами рассыплются в пыль. Прошу тебя, Нора: ну, чисто полемики ради, прими хоть на время мою точку зрения. Я понимаю, что вы обречены, что вы преданы своей генетической линии и своему народу… Но ваша смерть никому ничем не поможет. Шейперам суждено пасть. Сейчас есть только вы да мы. Восемнадцать человек. Я жил с фортунианами. Оба мы понимаем, чего они стоят. Шайка пиратствующих мародеров. Неудачники.

Жертвы, Нора! Живущие на грани между правильным и доступным. Но если уж вы пойдете с ними, они не убьют вас ни за что. И это — ваш шанс. Для всех шестерых. Покончив с вами, они отправятся в картели. Если вы сдадитесь, возьмут с собой. Вы молоды. Скройте ваше прошлое — и лет через сто будете править этими самыми картелями! Механисты, шейперы… Это всего лишь ярлыки. А суть — в том, что мы живы. Живы!

— Вы — просто орудия, — ответила женщина. — Да, верно, жертвы. И мы — жертвы. Но наш случай — как-то пристойнее. Голыми мы пришли в этот мир, Абеляр. Нас доставили сюда катером, неспособным на обратный полет, и в пути мы уцелели лишь потому, что на каждую реальную миссию Совет запускал по полсотни пустышек. Мы просто не стоим того, во что обошлось бы картелям наше уничтожение. Потому-то вас и наняли… Богатые, власть предержащие механисты обратили вас против нас. Мы сами обеспечили себе жизнь. Из ничего, собственными умом и руками, при помощи собственного ветвэра[3]

[3] Примечания: 3

В отличие от «софта» (software) «ветвэр» (wetware) — термин фантастический, причем у каждого из авторов-киберпанков он имеет разное значение. В романе «Схизматрица» этот термин обозначает продукт генетического программирования.

возвели эту базу. А вы пришли нас убить. И продолжить жить за наш счет.

— Но, так или иначе, мы здесь. Что прошло, того не поправишь. Я прошу тебя оставить меня в живых, а ты мне идеологией тычешь… Не будь такой непреклонной, Нора! Не губи всех!

— Я тоже хочу жить, — сказала она. — Но это вы должны к нам присоединиться. Толку от этого будет немного, однако мы согласны терпеть вас. Вы никогда не станете настоящими шейперами, но здесь, под нашей эгидой, найдется место и дикорастущим. А картели… Пусть делают что хотят — мы их переиграем. Не мытьем, так катаньем.

— Вы — в осаде, — напомнил Линдсей.

— Прорвемся. Ты разве не слышал? Цепь переходит на нашу сторону. Одна орбитальная станция уже наша. Корпоративная республика Моря Ясности.

Даже здесь не кинула его тень Константина.

— И ты считаешь это победой? — с сарказмом спросил он. — Эти-то упадочнические мирки? Древние развалины?

— Отстроим заново, — с холодной уверенностью сказала она. — Их молодежь — за нас!

Космический корабль «Красный Консенсус» 01.01.17

— Добро пожаловать на борт, доктор Мавридес.

Президент протянул руку. Нора пожала руку без колебаний — ее кожу надежно защищал тонкий пластик скафандра.

— Прекрасно начинается новый год, — заметил Линдсей.

Они находились в рубке управления. Только сейчас Линдсей осознал, как не хватало ему знакомой, уютной музыки приборов. Звук пропитывал все его существо, снимая напряжение, о котором сам он и не догадывался.

Переговоры длились уже двенадцать дней. Он уже и забыл, насколько непрезентабельно, неопрятно выглядят пираты. Закупоренные поры, слипшиеся волосы, грязные зубы… Да шейперскому глазу они должны казаться животными!

— Это — наше третье соглашение, — официально продолжал президент. — Первое — Акт об установлении отношений, затем — Акт о технологическом налогообложении и Торговое соглашение, а вот теперь — одно из величайших достижений нашей общественной политики — Решение о воссоединении. Добро пожаловать на «Красный Консенсус», доктор. Мы надеемся,

что каждый ангстрем этого корабля вы примете как наше национальное наследие и оцените по достоинству.

Прилепив отпечатанное соглашение к переборке, президент изобразил под текстом развесистый, сложный росчерк. Линдсей же — левой рукою — приложил государственную печать. Тоненькая, рыхлая бумага немного смялась.

— Теперь все мы здесь — единый народ, — подвел итог президент. — Можно малость расслабиться и это… познакомиться поближе.

Вытащив тускло-серый ингалятор, он основательно затянулся.

— Вы сами сшили этот скафандр? — спросила спикер парламента.

— Да, госпожа спикер. Швы сшиты проволокой и склеены эпоксидной смолой из наших ветвэр-резервуаров.

— Понятно.

— Тараканы у вас красивые, — сказала депдва. — Розовые с золотым и зеленым. Даже и на тараканов-то не похожи. Мне бы таких!

— Я полагаю, это можно устроить.

— А я вам за них дам релаксанта. У меня много.

— Спасибо, — сказала Нора.

Она держалась прекрасно. Линдсей втайне гордился ею.

Расстегнув скафандр, Нора выплыла из него. Она была одета в треугольное пончо с геометрическим орнаментом в белых и холодно-голубых тонах. Углы пончо были стянуты на бедрах шнуровкой, на ногах не было ничего, кроме сандалий на липучках.

На сегодня пираты тактично отказались от красных комбинезонов с серебряными скелетами. Традиционную их одежду заменяли мышасто-бурые комбинезоны Дзайбацу, в которых они выглядели сущими дикарями.

— Мне бы такой сгодился… — Деп-три сравнивал гофрированный рукав своего скафандра с тоненьким пластиковым рукавом Нориного. — А как вы в них дышите?

— Они — не для пространства. Мы просто закачиваем в них чистый кислород и дышим, пока можно. Минут на десять хватает.

— Ну, баллоны я подмонтирую. Космичней будет. Солнцу понравится.

— Мы научим вас шить такие. Очень полезное искусство.

Она улыбнулась. Линдсей внутренне передернулся. Он понимал, как должно воротить ее от

густейшего запаха прокислого пота из скафандра третьего депутата.

Он вклинился между ними, ненавязчиво оттеснив в сторону депа-три, и — впервые — коснулся Норы Мавридес. Опустил руку на мягкое, бело-голубое плечо ее пончо. Мускулы под тканью были судорожно напряжены.

По губам ее скользнула стремительная улыбка.

— Не сомневаюсь, и остальные найдут ваш корабль восхитительным. Мы-то прибыли сюда в катере, на девять десятых загруженном льдом для ветвэр-резервуаров. Сами мы, практически мертвые, были залиты пастой… Был у нас робот, крохотный токамак, и прочего понемножку — проволока, горстка микрочипов, соли, микроэлементы… И — гены. Зародыши, семена, бактерии. Одежды у нас не было — для экономии полетного веса… Все остальное мы сделали собственными руками. Камню не устоять против плоти, если плоть мыслит.

Линдсей кивнул. Об электромагнитном орудии она даже не заикнулась. Пушки сегодня не обсуждались.

Она изо всех сил старалась обаять и очаровать пиратов, но все равно они чувствовали себя уязвленными. Да, Семье было чем гордиться. Они

начинали путь к процветанию с бактериального ветвэра в желатиновых капсулах не крупнее булавочной головки. Они создали пластики, выжав их из камня. Творения их обходились дешево. Как сама жизнь.

Они вросли в камень. Стальная настойчивость мягкой плоти вынудила скалу отступить. ESAIRS XII был пронизан туннелями — ободья с острыми зубьями грызли породу круглые сутки. Имелись у них и воздуходувки, состряпанные из виниловых мешков и ребер из пластика с памятью. Ребра дышали: они были подключены к токамаковой энергостанции; небольшие изменения напряжения заставляли их сокращаться и расширяться, и пластиковые «легкие» громко хлопали, втягивая воздух, а затем выдыхали его с животным визгом. Сам камень казался живым — столь разнообразны были наполнявшие его звуки жизни. Скрежет проходческих инструментов, дыхание воздуходувок, бульканье ферментаторов…

Была у Мавридесов и растительность. Не только водоросли и протеиновая слизь, но и — цветы! Розы, флоксы, маргаритки — вернее, растения, называвшиеся так до того, как скальпель коснулся их ДНК. Сельдерей, латук, карликовая кукуруза, шпинат, люцерна… Бамбук! При помощи тонкой

проволоки и бесконечного терпения бамбук превращался в трубы и сосуды. Яйца! У них были и куры — вернее, то, что называлось курами, прежде чем шейперские генные технологии не превратили их в невесомостные генераторы протеина.

Они были могущественны, уязвимы и полны отчаянной ненависти. Линдсей понимал, что они лишь выжидают удобного случая и взвешивают все «за» и «против», тщательно рассчитывая свои действия. Да, они нападут и будут бить на поражение, но лишь в тот момент, когда обеспечат себе максимум возможностей победить и уцелеть.

Понимал он также и то, что каждый новый день, каждое незначительное соглашение либо уступка кладут еще один слой шеллака на разделяющую их трещину. День за днем обретает форму новый статус-кво, непрочное перемирие, держащееся единственно на привычке. За неимением лучшего, хороша уже сама надежда на то, что мир на словах обернется когда-нибудь миром на деле.

ESAIRS XII 03.02.17

— Эй! Государственный секретарь!

Линдсей проснулся. В призрачном тяготении астероида он едва касался пола своей пещерки,

называемой всеми «Посольством». После принятия Решения о воссоединении он со всеми гражданами ГДФ переселился на астероид.

Разбудили его Паоло с Фазилем. Оба юноши были одеты в вышитые пончо и жесткие пластиковые венцы, стягивающие длинные, развевающиеся волосы.

Кожная инфекция поразила их жестоко, и с каждым днем положение ухудшалось. Шея Паоло была так воспалена, что горло казалось перерезанным. У Фазиля болело левое ухо, отчего голова его постоянно клонилась вбок.

— Хотим тебе кое-что показать, — сказал Паоло. — Можешь пойти с нами, господин государственный секретарь? Только — тихо.

Голос его звучал так мягко, а взгляд карих глаз был таким невинным и ясным, что Линдсей тут же понял: они пришли неспроста. Убьют? Пока нет, скорее всего. Зашнуровав пончо, он долго возился со сложными завязками сандалий и наконец, сказал:

— Я к вашим услугам.

Они выплыли в коридор. Коридоры, которые соединяли пещеры, были просто-напросто длинными и узкими — метр в поперечнике — норами. Мавридесы поплыли вперед с гибким провор-

ством ящериц. Линдсей отстал. С правой его рукой делалось все хуже и хуже — она совсем потеряла чувствительность.

Так, в молчании, они добрались до одной из ферментационных, освещенной желтым неярким светом. Сюда выходили пухлые, сосцеобразные насадки трех ветвэр-камер. Сами камеры, подобно связкам огромных сосисок, размещались в каменных туннелях. В каждом туннеле лежала цепочка таких «мешков», соединенных встык с помощью фильтров. В последнем «мешке» крутилась, слегка пощелкивая, мешалка из пластика с памятью. В воздухе вилась, подсыхая, пустотелая труба из абсолютно прозрачного акрила; от нее шел сильный и неприятный запах.

Миновав ферментационную, нырнули в темноту следующего туннеля. Все туннели были одинаковыми, с безупречно гладкими стенами. В освещении не было надобности. Любой из молодых гениев легко мог запомнить всю череду переходов.

Слева донесся неспешный «клак-хрусть, клак-хрусть» проходческого обода. Ободья и зубья к ним делались целиком вручную, поэтому каждый из них звучал посвоему, слегка отличаясь от остальных, и это помогало Линдсею ориентиро-

ваться. В самом мягком камне они выгрызали в сутки по два погонных метра. За два года ободья пережевали больше двадцати тысяч тонн руды.

Переработанная руда выстреливалась в пространство. В астероиде возникали пустоты — десять километров ходов, непроглядно темных и запутанных, словно клубок лески, украшенной бусинками жилых пещер, оранжерей, ветвэркамер…

Линдсея привели туда, где он еще не бывал. Раздался раздражающий скрип отодвигаемой каменной заслонки.

Они пролезли мимо дряблой кишки отключенного компрессора. Едва Линдсей ее миновал, кишка шумно втянула в себя воздух.

— Наше потайное место, — пояснил Паоло. — Мое и Фазиля.

Голос его гулким эхом расколол темноту. Что-то зашипело, брызнув добела раскаленными искрами. Вздрогнув от неожиданности, Линдсей изготовился к бою, но тут же увидел, что Паоло держит в руках белую палочку с язычком пламени на конце.

— Свеча, — сказал Паоло.

— Свет-ча, — повторил Линдсей. — Понятно.

— Мы играем с огнем, — сказал Паоло. — Я и

Фазиль.

Они находились в пещере-мастерской, выдолбленной в одной из рудных жил. Неискушенному глазу Линдсея стены показались гранитными — серовато-розовый камень, усеянный блестками горного хрусталя.

— Здесь был кварц, — сказал Паоло. — Окись кремния. Его ради кислорода весь выбрали, а потом Клео забыла про это место. И мы забрали пещеру себе. Сами расширили. Верно я говорю, Фазиль?

— Все точно, мистер секретарь, — с горячностью подхватил Фазиль. — Ручными бурами и расширяющимся пластиком. Видишь излом? Обломки мы прятали в мусор, который запускается в космос. Чтобы никто не догадался. Целыми днями работали. А самый большой обломок оставили.

— Взгляни. — Паоло коснулся стены.

Камень под его рукой сморщился и сполз на пол. В грубо вырубленной пещере размером с чулан висела на тоненькой ниточке продолговатая глыба. Паоло оборвал нитку и медленно и плавно выволок глыбу наружу. Фазиль помог ему погасить инерцию.

То была двухтонная скульптура. Голова Паоло.

— Мастерски сработано, — оценил Линдсей. — Можно?..

Он провел пальцем по гладко отшлифованной скуле. Глаза — широко раскрытые, настороженные, с ямками зрачков, длиною примерно в пядь. На огромных губах играла еле заметная улыбка.

— Когда нас сюда послали, — сказал Паоло, — мы знали, что не вернемся. Здесь и умрем. А почему? Не потому, что геном плохой. У нас хорошая линия. Мавридесы — из рода Властителей. — Он заговорил быстрее, перейдя на напевный говор Совета Колец. Фазиль молча кивал. — Просто мало шансов выжить. Случайность… Случайность сожгла нас, не дав дожить и до двадцати. Случайностью нельзя управлять. Кто-то из линии должен погибнуть ради жизни остальных. Если не мы с Фазилем, то наши соясельники.

— Я понимаю, — сказал Линдсей.

— Мы молоды и обошлись им дешево. Нас послали в пасть к врагу — это выгодно. Но мы с Фазилем живы. Внутри нас нечто такое есть. Мы не увидим и десяти процентов жизни, которой живут все, оставшиеся на родине. Но мы — вот они. Мы — существуем.

— Но жить — лучше, чем умереть, — заметил Линдсей.

— Ты изменник, — без малейшего намека на осуждение ответил Паоло. — Вне генолинии ты бескровен. Ты — просто… система.

— Есть вещи поважнее, чем жизнь, — добавил Фазиль.

— Войну можно пережить, если хватит времени, — сказал Линдсей.

— Это — не война, — улыбнулся Паоло. — Всего лишь эволюция в действии. Думаешь, ты переживешь эволюцию?

— Может статься, — пожал плечами Линдсей. — А если прилетят пришельцы?

Паоло странно на него посмотрел.

— И ты в это веришь? В пришельцев?

— Все может быть.

— А ты — ничего…

— Так чем же я могу вам помочь? — сменил тему Линдсей.

— Нам нужно задействовать пусковое кольцо. Хотим запустить эту голову. Запуск по касательной, на максимуме скорости, с максимумом энергии, перпендикулярно плоскости эклиптики. Кто-нибудь когда-нибудь увидит. Может, через пятьсот миллионов лет, когда от людей и следа не останется, какой-нибудь пришелец подберет мой портрет. Вне плоскости нет мусора,

один вакуум, значит, портрет будет в целости. Камень хороший, твердый. Даже став красным гигантом, Солнце едва его согреет. Он уцелеет и до стадии белого карлика — а может, и до черной дыры, пока наша галактика не взорвется или Космос не пожрет собственный хвост. Мой образ будет вечен.

— Только сначала надо запустить, — тихо сказал Фазиль.

— Президенту это не понравится, — сказал Линдсей. — Еще в первом соглашении, которое мы подписали, содержится запрет на запуски в период переговоров. Может быть, немного погодя… Когда доверие окрепнет.

Фазиль с Паоло переглянулись. Линдсей понял, что ситуация вышла из-под контроля.

— Послушайте, — продолжал он. — Вы оба талантливы; после блокировки кольца времени у вас хоть отбавляй; вы ведь можете сделать портреты со всех нас.

— Нет! — крикнул Паоло. — Это — только наше!

— Ну а ты, Фазиль? Ты не хочешь такую?

— Мы мертвы, — ответил Фазиль. — На эту голову ушло два года. Вторую мы не успели бы. Случайность сожгла нас обоих. Один из нас дол-

жен был пожертвовать всем, и мы решили… Покажи ему, Паоло.

— Нельзя, — отрезал тот. — Да он и не поймет.

— Пусть знает, Паоло, — твердо сказал Фазиль, — почему ты — главный, а я подчиняюсь. Покажи ему.

Паоло извлек из-под пончо маленький акриловый ящичек. Внутри лежали два каменных кубика с белыми точками на гранях. Кости.

Линдсей облизнул пересохшие губы. Он видел кости на Совете Колец. Заразная, прилипчивая игра. Азартная. И не только из-за денег — эти кубики решали вопросы куда более важные. Тайные соглашения. Вопросы первенства. Секс. Борьба внутри генолиний между людьми, отлично знающими, что они полностью равны. Кости решали все — быстро и окончательно.

— Я могу помочь вам, — сказал Линдсей. — Давайте поговорим.

— Мы сейчас должны быть на вахте. Радиомониторинг. Мы уходим, мистер секретарь.

— Я иду с вами.

Установив на место каменную заслонку, шейперы нырнули в темноту. Линдсей старался не отставать.

Тарелочные антенны шейперов были вкопа-

ны в грунт по всему астероиду. Чашеобразные кратеры являлись готовой основой для замаскированной медной сетки отражателей. Все антенны были подключены к центральному процессору — сложному комплексу полупроводников, укрытому в прочной акриловой консоли. В гнезда ее вставлялись кассеты самодельной пленки, и дюжина разных головок постоянно вела запись. На другом конце консоли размещался жидкокристаллический экран для видеокопий и от руки надписанная клавиатура.

Юноши принялись прочесывать диапазоны постоянных механистских передач. Большинство передач шло в шифрованном виде, представляя собою лишь безликое попискивание кибернетических цифровых кодов.

— Что это там? — спросил Паоло. — Фазиль, возьми пеленг!

— Где-то близко… А, это тот маньяк.

— Какой? — спросил Линдсей. Громадный зеленый таракан в фиолетовую крапинку, треща крыльями, пролетел мимо.

— Тот, что из скафандра не вылезает.

Юноши переглянулись. В глазах их Линдсей прочел то, что они вспомнили. Запах…

— Он что-нибудь говорит? — спросил

Линдсей. — Включите, пожалуйста.

— Да он всегда говорит, — сказал Паоло. — Вернее, поет. Включит передачу и бредит…

— Он в новом скафандре, — с тревогой сказал Линдсей. — Включите.

Раздался голос третьего депутата:

— …Шершавый, как мамино лицо. Жаль, что с другом Марсом не попрощаюсь. И Карнавала тоже жаль. На несколько километров отошел — и этот свист. Думал, новый друг зовет. А нет. Просто маленькая дырочка в спине, где я баллоны приклеивал. Баллоны качают здорово, но дырка быстрее. Скоро обе кожи мои остынут.

— Да вызовите же его! — крикнул Линдсей.

— Я же сказал: он — в режиме передачи. Его рации, наверно, лет двести. Когда он говорит, то не может ничего слышать.

— Не пойду назад, здесь останусь. — Голос третьего депутата слабел. — Нет воздуха — говорить нечем и слушать нечего. Надо выбраться. Молнию вот только… Если повезет, успею раздеться… — Послышался легкий треск помех. — Прощай, Солнце. Прощайте, звезды. Спасибо за…

Свист убегающего в пространство воздуха заглушил слова, а затем снова затрещали помехи.

Линдсей, обдумав происшествие, тихо сказал:

— Паоло! Я был нужен для алиби?

— Что?!

Паоло был потрясен.

— Вы повредили его скафандр. А затем постарались не оказаться в радиорубке, когда ему была нужна помощь.

Паоло побледнел.

— Клянусь, мы близко не подходили к его скафандру!

— Почему же вас не оказалось на вахте?

— Это Клео меня подставила! — закричал Паоло. — Действовать должен был Иан, ему выпали кости! А я должен был остаться чистым!

Фазиль сжал его руку:

— Паоло, заткнись.

Некоторое время Паоло пытался перебороть его взглядом, затем обратился к Линдсею:

— Это все Клео с Ианом. Завидуют моему везению…

Фазиль встряхнул его. Паоло хлестнул брата по лицу. Вскрикнув, тот обхватил Паоло, прижав его руки к туловищу.

— Я был не в себе, — потрясенно сказал Паоло. — Я соврал. Клео любит нас всех. А это — просто несчастный случай. Несчастный случай…

Линдсей покинул рубку. Миновав ветвэр-ка-

меру и оранжереи, где компрессоры испускали запах свежего сена, он достиг пещеры, освещаемой сквозь газопроницаемую пленку тусклыми красными лампами. Здесь находился вход в комнату Норы, перекрытый ее личной воздуходувкой. Примерившись, во время «выдоха» Линдсей проскользнул мимо пульсирующей кишки и включил свет.

Круглые стены комнаты покрывал фиолетовый орнамент. Нора спала.

Ноги и руки ее были опутаны проводами. Запястья, локти, колени и щиколотки облегали браслеты. К группам мышц под обнаженной кожей было подведено множество черных электродов. Ноги и руки плавно, в унисон, двигались — вправо, влево, вперед, назад… К спине, к нервным узлам и окончаниям, прильнул длинный панцирь.

Диптренажер. Спинномозговой краб. Вспышка воспоминаний привела Линдсея в бешенство. Толкнувшись ногой в стену, он ракетой понесся к Норе. Глаза ее слепо раскрылись навстречу его яростному крику.

Он схватил ее за шею и рванул вперед, вонзив ногти под резиновый обод краба. Часть прибора отошла от спины. Кожа под ним была красной

и мокрой от пота. Линдсей оторвал провод от ее левой руки и снова рванул краба. Нора вскрикнула — крепления, удерживавшие краба на спине, больно врезались в ребра.

Краб был сорван. «Брюхо» его щетинилось мириадами полупрозрачных трубочек — оболочек тонких, как волоски, электродов. Линдсей дернул еще раз. Оболочки проводов, растянувшись, лопнули, обнажив разноцветную изоляцию.

Упершись ногой в ее спину, он потянул. Нора забилась, отыскивая на ощупь пряжку. Пояс, который удерживал краба, просвистев в воздухе, расстегнулся. Линдсей держал прибор в руках. Краб, не отработавший до конца программу, шевелился будто живой. Раскрутив прибор за крепления, Линдсей изо всех сил ударил им по стене. Сегменты спины разошлись, пластик затрещал. Линдсей снова хлестнул им по камню. Брызнула бурая смазка, свертываясь в шарики, которые наполнили воздух. Наступив на прибор ногой, Линдсей рванул ремень — еще и еще — пока тот не подался. Из трещины в корпусе выглянули потроха — круглые, словно таблетки, биочипы в переплетении разноцветных оптических волокон.

Линдсей еще раз, уже не так яростно, ударил по

крабу. Мало-помалу бешенство улетучивалось. Стало холодно. Правая рука Лиидсея непроизвольно дергалась.

Нора, прижавшись к стене, пыталась нащупать вешалку. Внезапная остановка нейропрограммы вызвала приступ безудержной дрожи.

— Где другой?! — рыкнул Линдсей. — Тот, что для лица?

— Н-не вз-зяла, — сказала Нора, стуча зубами.

Пинком ноги Линдсей отшвырнул краба в угол.

— Нора! Давно ты пользуешься этой штукой?

— Каждую ночь…

— Каждую ночь?! Господи боже…

— Я должна держать форму.

Дрожь ее не унималась. Сняв с вешалки пончо, она нырнула головой в ворот.

— Но ведь это такая боль… — проговорил Линдсей. — Эта штука жжет как огонь!

Нора пригладила на бедрах яркую ткань.

— Ты — один из тех, — сказала она. — Из первых. Отбракованных. Перевертышей.

— Ты — какого выпуска?

— Пятого. Последнего.

— А я был в первом. Иностранный отдел.

— Так ты — даже не шейпер…

— Я — из Цепи.

— Считается, что никого из вас уже нет в живых. — Она сняла с рук и ног браслеты сломанного краба. — Я должна тебя убить. Ты напал на меня. Ты — изменник.

— Когда я разбивал эту пакость, я чувствовал подлинную свободу.

Линдсей с удивлением погладил больную руку. Да, он вправду утратил самоконтроль. Чувство протеста на какое-то мгновение пересилило разум. Вспышка настоящего, человеческого гнева прорвалась сквозь дипнавыки. Линдсей был потрясен — зато такой целостности он не чувствовал в себе уже многие годы.

— Вот из-за таких все и рухнуло, — сказала Нора. — Вы сломали нам, остальным, жизнь. Мы, дипломаты, должны быть наверху, управлять всем и установить мир. Но программу закрыли. Объявили, что мы ненадежны. Идеологически.

— Они хотят, чтобы все мы умерли, — сказал Линдсей. — Затем тебя и отправили сюда.

— Меня не отправляли. Я вызвалась добровольно. — Она затянула последний шнурок пончо. — Если мне удастся вернуться, меня встретят как героиню, с почестями. И это — мой единственный шанс пробиться к власти на Кольцах.

— Почему обязательно — там?

— Все остальное неинтересно.

— Деп-три погиб, — сообщил Линдсей. — Зачем ты убила его?

— По трем причинам. — Она даже не пыталась притворяться. — Это было легко выполнить. Вас стало меньше. И третье — он был сумасшедшим. Хуже любого из вас. Слишком непредсказуемым. Слишком опасным, чтобы оставаться в живых.

— Он был безвреден. — Глаза Линдсея наполнились слезами. — В отличие от нас с тобой.

— Будь у тебя мое самообладание, ты бы не плакал. Даже если бы тебе вырывали сердце.

— Оно уже вырвано. Как и твое.

— Абеляр… Он был пиратом.

— А остальные — нет?

— Думаешь, они о нас будут плакать?

— Нет. Они даже о своих не будут особенно плакать. Но вот отомстить они захотят. Как ты отнесешься к тому, если завтра исчезнет Иан? А месяца через два ты найдешь его кости в отстойнике какого-нибудь ферментатора? Или даже так, если уж у тебя настолько стальные нервы: как насчет тебя самой? Каков тебе покажется вкус власти, когда ты будешь блевать кровью за шлюзом?

— Все в твоих руках, — сказала она. — Я сказала правду, как мы и договаривались. Ну а как сдержать в узде вашу компанию — твое личное дело.

— Я в таком положении быть не желаю. Я думал, что мы достигли хоть какого-то взаимопонимания…

Она кивнула на истекающие смазкой обломки краба:

— Ты не спрашивал, позволения, когда напал. Увидел предмет, которого не можешь терпеть, — и уничтожил. И мы — точно так же.

— Я хочу поговорить с Клео.

— Это будет нарушением нашего с тобой договора, — оскорбленно сказала она. — Ты должен все это делать через меня.

— Произошло убийство, Нора. Мне нужно видеть ее.

— Она — у себя в саду, — вздохнув, ответила Нора. — Тебе придется надеть скафандр.

— Мой на «Консенсусе».

— Тогда возьмешь один из Иановых. Идем.

Она повела его через освещенную красным пещеру, потом длинной выработанной штольней, в резиденцию Иана Мавридеса.

Пошивщик скафандров (он же — художник-график) бодрствовал и был занят делом. В свое время

он не пожелал расставаться с защитным костюмом и носил его постоянно, словно стерильную среду для себя одного.

Иан был чем-то наподобие фокусной точки семьи Мавридесов. Именно на нем сосредоточились все семейные обиды и негодование. Паоло, конечно, проболтался, но Линдсей и без этого разобрался в ситуации.

Округлые стены пещеры Иана были украшены сложным орнаментом. Неделями расписывал он свою комнату рисунком из Г-образных линий. Чем дальше, тем мельче становились детали, тем тщательнее вписывались они в картину, тем причудливее становилось безумное, завораживающее сочетание цветов. Сложность узора была насквозь пропитана клаустрофобией. Казалось, крохотные линии шевелятся, слабо мерцая…

Заслышав шум, Иан резко обернулся. Рука его метнулась к нарукавному карману.

— Это мы, — сказала Нора.

Глаза Иана под прозрачным визором сверкали от ярости.

— А-а, — перевел он дух. — Чтоб вам сдохнуть…

— Это ты скажешь кому-нибудь другому, — отрезал Линдсей. — И вообще, чего это ты не

спишь?

— Ну-ну. Чтобы ты вошел и расстегнул мне костюм! И заразил меня!

— Нам нужен скафандр, Иан, — сказала Нора. — Секретарь идет в сад.

— Да ну его в задницу! Скафандры мне еще пачкать… Взял бы да сшил себе, как деп-три.

— О скафандрах ты заботишься здорово, — сказал Линдсей, размышляя, действительно ли Иан убил третьего депутата. Наверно, они разыгрывали эту привилегию в кости. Он снял скафандр со стойки. — Если снимешь свой, я могу не надевать этот. Что скажешь? Боишься быть битым?

— Не испытывай судьбу, — Иан прижал кислородный баллон к ниппелю скафандра, — калека.

Клео жила в самой большей из оранжерей, отведенной под декоративные растения. Здесь все росло медленнее, чем в хозяйственных садах, подсвечиваемых ультрафиолетом и заполненных чистым углекислым газом. Ребристые стены продолговатого помещения напоминали раковины. Флюоресцентные трубки вдоль каждого из ребер ярко светились.

Влажная почва, приготовленная из пустой породы, удерживалась частыми пластиковыми сетками. Как и сами шейперы, растения тоже

были перестроены для безбактериального существования. Здесь росли в основном цветы — розы, маргаритки, лютики величиной с кулак.

Постелью Клео служило нечто вроде крытой плетеной корзины, выращенной из искривленного бамбука. Она не спала, сидела за пяльцами.

Кожа ее была смуглее, нежели у других, — загорела под оранжерейными лампами. Одета она была в белую, без рукавов, блузу, стянутую над бедрами и мелко гофрированную от пояса. Ноги и руки ее были обнажены. На груди слева красовалась вышитая эмблема, означавшая ранг.

— Привет, дорогая, — сказала она.

— Клео. — Нора, подплыв к «корзине», легонько чмокнула ее в щеку. — Он настоял на…

Клео кивнула.

— Надеюсь, ты будешь краток, — обратилась она к Линдсею. — Мой сад — не для дикорастущих.

— Я хочу обсудить убийство третьего депутата.

Клео убрала под сетку, стягивающую волосы, выбившийся локон. Пропорции кисти, запястья и предплечья говорили, что она старше остальных, более раннего выпуска.

— Нонсенс, — заявила она. — Абсурдное предположение.

— Я знаю, Клео, что его убили вы. Может, даже — ты, лично. Так что можешь быть со мной откровенна.

— Ваш человек умер от несчастного случая. Доказательств противоположного — нет. А значит, мы ни в чем не виноваты.

— Я хочу спасти жизни всех нас, Клео. Избавь меня, пожалуйста, от этого скучного вранья. Если Нора говорит мне правду, отчего не сделать то же самое и тебе?

— Предметы ваших частных бесед с нашим дипломатом — не наше дело, господин секретарь. Семья Мавридесов не примет бездоказательных обвинений.

— Ах, вот оно что! — Голос Линдсея слегка приглушил визор. — Убийство человека, не принадлежащего к вашему мирку, — не преступление? И вы желаете, чтобы я присоединился к обману? Чтобы я лгал ради вашего спасения?

— Мы — твой народ, — сказала Клео, глядя на него ясными карими глазами.

— Вы убили моего друга.

— Утверждение необоснованно, господин секретарь.

— Бесполезно… — С этими словами Линдсей нагнулся, ухватил лишенный колючек розовый

куст и, вырвав его с корнем, встряхнул. Воздух вокруг наполнился шариками влажного грунта. Клео болезненно сморщилась. — Гляди! Не понимаешь?

— Я понимаю только то, что ты — варвар, — сказала Клео. — Ты уничтожил прекрасное, чтобы подчеркнуть аргумент, которого я заведомо не могу принять.

— Да уступи же ты, наконец! — взмолился Линдсей. — Во имя милосердия!

— Это не в моих полномочиях.

Линдсей покинул оранжерею и, едва миновав шлюз, вылез из отсыревшего скафандра.

— Я тебя предупреждала, — сказала Нора.

— Она же самоубийца! Зачем? Почему вы ей подчиняетесь?

— Потому, что она нас любит.

ESAIRS XII 23.02.17

— Хорошо, я объясню тебе про секс, — сказала Нора. — Дай руку.

Линдсей подал левую. Нора, притянув ее к себе за запястье, глубоко забрала в рот его большой палец. Через несколько секунд она отпустила руку.

— Что ты чувствовал?

— Тепло, — сказал Линдсей. — Сырость. И некоторую не слишком приятную интимность.

— Точно так же и секс под супрессантами. В нашей Семье есть любовь, но эротики нет. Мы — солдаты.

— То есть вы химически кастрированы?

— Предрассудок. Ты никогда такого не ощущал. Но по этой причине предлагаемая тобой оргия даже не подлежит обсуждению.

— Карнавал — не оргия, — объяснил Линдсей. — Это такая церемония. Церемония общности и доверия. Она связывает группу. Это вроде как когда животные сбиваются в кучу.

— Ты слишком многого просишь.

— А ты не понимаешь масштабов проблемы. Они же не тел ваших хотят! Они хотят вас убить. Они вас ненавидят — за эту самую вашу стерильность! Ты не знаешь, как я их уговаривал, упрашивал, убеждал… Понимаешь, тут применяются галлюциногены. На Карнавале мозг превращается в студень. Рук своих собственных не чувствуешь — не то что чьих-то там гениталий. Ты беспомощен наравне со всеми, вот в чем суть. Нет никаких игрищ, политики, чинов, обид… Самого себя — нет. А после Карнавала — словно бы наступает первый день Творения. Все улыбаются… — Линдсей, моргнув, отвел взгляд. — Все без обмана, Нора. Их вовсе не правительство

объединяет, а сознание. Карнавал — это кровь, спинной мозг и пах.

— Этот метод — не для нас, Абеляр.

— Однако — если бы вы только могли присоединиться к нам! Один раз, всего на несколько часов! Мы избавились бы от напряженности, по-настоящему поверили бы друг другу! Нора, ведь секс — не ремесло. Это — живое, человеческое, едва ли не последнее, что у нас осталось! Да какого хрена! Что вы, в конце концов, потеряете?

— Это может оказаться ловушкой. Вы можете подавить наше сознание наркотиками и убить нас. Риск.

— Пусть риск! Его можно свести к минимуму. — Он взглянул ей в глаза. — Я говорю с тобой об этом на основе достигнутого нами доверия. Мы можем попробовать.

— Мне это не нравится, — сказала Нора. — Я не люблю секс. Особенно с дикорастущими.

— Речь идет о всей вашей генолинии, — напомнил Линдсей.

Он извлек из-за лацкана упрятанный туда заряженный шприц и насадил на него иглу:

— Я готов.

Искоса взглянув на него, она достала свой шприц.

— Тебе может не понравиться, Абеляр.

— А что это?

— Супрессант. С фенилксантином, для поднятия ай-кью. Ты поймешь, что мы чувствуем.

— А у меня — неполная Карнавальная смесь, — сказал Линдсей. — Только половинная доза афродизиаков плюс мышечный релаксант. Сдается мне, ты в этом нуждаешься — с тех пор, как я сломал твоего краба. Дерганой стала.

— Похоже, ты лучше меня знаешь, что мне нужно.

— А ты — что мне. — Линдсей закатал рукав своей блузы. — Вот так, Нора. Сейчас ты можешь убить меня, а после сослаться на аллергическую реакцию, стресс — что угодно. — Он окинул взглядом свои аляповатые татуировки. — Но лучше не стоит.

— Ты ведешь съемку? — с подозрением спросила Нора.

— Я не терплю камер у себя в комнате.

Он достал из стиренового шкафчика два эластичных жгута и один подал ей.

Своим жгутом он туго перетянул бицепс. Она сделала то же. С закатанными рукавами, они терпеливо ждали, пока не набухнут вены. То был самый интимный их миг, и мысли об этом не

давали покоя.

Она мягко вонзила иглу в сгиб его локтя и нашла вену — прозрачная жидкость в шприце слегка зарозовела. Он сделал ей то же самое. Глядя друг другу в глаза, они надавили поршни.

Через несколько секунд Линдсей выдернул иглу и приложил к месту укола кружок стерильного пластика, а другой такой же налепил на свою руку. Они распустили жгуты.

— Кажется, оба живы, — сказала она.

— Хорошая примета, — согласился Линдсей. — Пока все идет нормально.

— О… — Она прикрыла глаза. — Действует. О, Абеляр…

— Что ты чувствуешь?

Он стиснул ее плечо. Кости и мышцы, подобно воску, таяли у него под рукой. Губы ее приоткрылись, глаза потемнели, дыхание стало неровным.

— Словно плавлюсь…

Тут и на Линдсея подействовал его фенилксантин. Он почувствовал себя властелином.

— Да, — сказал он. — Зачем тебе вредить мне? Мы ведь с тобой из одной породы.

Линдсей распустил шнуровку и снял с нее блузу, потом, вывернув наизнанку, стащил брюки.

Она осталась в одних сандалиях. Одежда парила в воздухе, медленно вращаясь. Глаза ее засверкали. Он привлек Нору к себе.

— Помоги вдохнуть, — слабо шепнула она; релаксант подействовал на легкие.

Взявшись за подбородок, Линдсей раскрыл ее рот и прижал губы Норы к своим, нежно вдувая воздух и ощущая грудью, как расширяются ее ребра. Голова Норы безвольно запрокинулась, шейные мышцы сделались мягче воска. Обвив ее ноги своими, он продолжал дышать за нее.

Непослушные, вялые руки обхватили его шею. На долю дюйма отведя губы от его рта, она проговорила:

— Попробуй…

Он попытался в нее войти. Несмотря на возбуждение, у него ничего не вышло — афродизиак еще не подействовал. Она была совершенно сухой.

— Больно… — пожаловалась Нора.

— Я хочу тебя, — сказал Линдсей. — Ты — моя. Моя, а не их.

— Не говори так. — Язык ее заплетался. — Это просто эксперимент.

— Для них — может быть. Но не для нас. — Фенилксантин придал ему уверенности — уверенности, не терпящей возражений. — Все прочие

ничего не значат. Скажи только слово — и я убью любого из них. Я люблю тебя, Нора. Скажи же, что ты любишь меня.

— Я не могу. — Она моргнула. — Ты делаешь мне больно.

— Тогда скажи, что веришь мне.

— Я верю тебе. Вот, есть. Подожди немного, пусть так… — Она обхватила его ногами и покачала из стороны в сторону бедрами, теснее прижимаясь к нему. — Значит, вот это как… Секс…

— Раньше у тебя такого не бывало?

— Один раз, в Академии. На спор. Но тогда было не так.

— Тебе хорошо?

— Очень. Давай же, Абеляр…

Но теперь в нем проснулось любопытство.

— А тебе тоже прокручивали запись наслаждения? Мне — один раз. На занятиях по технике допроса…

— И мне. Но там же — ничего человеческого; слепой, белый экстаз. — Кожа ее покрылась бисеринками пота. — Еще, дорогой, еще!

— Нет, подожди. — Он вздрогнул от неожиданности — она слишком сильно сжала его запястье. — Я понял, о чем ты говорила. Глупо все

это, верно? Мы ведь и так — друзья…

— Я хочу тебя, Абеляр! Давай же, дай мне кончить!

— Но мы же уже поняли точки зрения друг друга… И потом, я же грязный!

— Плевала я на твою грязь! Быстрее! Ради бога, быстрее!

Подчиняясь, он почти минуту механически работал бедрами. Закусив губу, она застонала в предвосхищении; голова ее запрокинулась. Но для него это утратило всякий смысл.

— Я не могу продолжать, — сказал он. — Просто не понимаю, зачем.

— Тогда дай я сама! Ну же!

Он попробовал вызвать в памяти что-нибудь возбуждающее, однако привычный водоворот эротических образов казался сейчас абстрактным и отдаленным, словно нечто, присущее совершенно другому виду. Он вспомнил свою экс-супругу. Вот и с ней секс был чем-то подобным. Обязанностью. Актом вежливости…

Он не двигался, предоставив биться об него ей самой. Наконец она испустила вопль отчаянного наслаждения.

Отстранившись, она вытерла пот с лица и шеи рукавом блузки и застенчиво улыбнулась.

Линдсей пожал плечами:

— Я понял твою точку зрения. Действительно, пустая трата времени. Наверное, убедить в этом остальных будет трудно, но если я достучусь-таки до их здравого смысла…

Она смерила его голодным взглядом:

— Я ошибалась. Для нас это будет вовсе не страшным. Хотя я чувствую себя эгоисткой — ведь ты ничего не получил…

— Но мне просто замечательно! — возразил Линдсей.

— Ты говорил, что любишь меня.

— Это говорил не я, а гормоны… Конечно, я глубоко тебя уважаю, по-товарищески… Извини, что у меня вырвались те слова. Прости меня. Я совсем не то имел в виду, честное слово.

— Не то… — повторила она, надевая блузу.

— Не обижайся. Тебе нужно было узнать, что это такое. И я тебе очень благодарен. Теперь я совершенно новыми глазами смотрю на мир. Любовь… это понятие не имеет смысла. Может быть, для других, в другие времена…

— Но не для нас?!

— Нет. Я чувствую себя так неудобно… Свести переговоры к сексуальным стереотипам… Ты, без сомнения, нашла это оскорбительным. И

неприемлемым.

— Меня тошнит, — сказала она.

ESAIRS XII 24.02.17

— Ну как? Теперь порядок? — спросил президент, морща нос-пуговку. — Не будешь больше про иссушение наших жизненных соков?

— Никак нет, сэр, — отвечал Линдсей с дрожью. — Теперь мне лучше.

— Вот и хорошо. Дип-два, развяжи его.

Та распустила веревки, которыми Линдсей был распят на стене пещеры.

— Я избавился от этого, — сказал Линдсей. — Теперь я все понимаю, но когда супрессанты начали действовать, все стало кристально ясным.

— Тебе, может, и стало кристально ясным, но тут и женатые люди есть. — Сенатор-один крепко взял за руку депа-первого.

— Извините, — сказал Линдсей, растирая занемевшие руки. — Вот на таких штуках они все там сидят. Только Нора теперь бросила. Я и не знал, что так далеко зашло. Они просто не знают жалости. Они не испытывают благопристойного стыда и смущения, сопутствующих сексу. Они меж собой связаны точно и аккуратно, как шестерни. Мы должны совратить их.

Линдсей оглядел присутствующих. Сенатор-три

с коротко стриженой головой-тыквой; судья-три, преспокойно ковыряющий ногтем в зубах…

— Будет нелегко, — сказал он.

— Хватит, госсек. — Президент разгладил одну из красных пластиковых лент открытого рукава. — Хватит уже рассусоливать. Эти выблядки кончили депа-три.

— Но доказательства — где доказательства?

— Ты отлично знаешь, что убили они. Мы все знаем. Ты их покрывал, секретарь, и, наверно, правильно делал, но увяз по самые уши. Убивать их — дело не наше. Если бы мы их хотели убить, не снимали бы с корабля пушку.

— Но это же — наша победа. Победа для всех. Мы избавились от оружия массового уничтожения. После этого уже нет ничего невозможного!

— Мы должны уничтожить угрозу. Нас для этого наняли. За это нам механисты должны заплатить. Пока ты там болтал до потери пульса, мы провели разведку. Картографировали тоннели. Мы достаточно разобрались в машинах, чтобы их сломать. Мы разгромим этот астероид и уйдем к картелям. К роскошной жизни!

— А их оставите на развалинах?

Спикер парламента ухмыльнулась:

— У них останется наша пушка. Нам она больше

не понадобится.

Судья-два погладила ногу Линдсея:

— Все нормально. Опомниться не успеешь, как мы будем в картеле Фемиды развлекаться в каком-нибудь бардаке. В таком-то прикиде — да мехи все повыру-бятся от зависти!

Она приподняла двумя пальцами плечо своего пластикового платья. Двое сенаторов захихикали.

— И когда?.. — спросил Линдсей.

— Узнаешь. А пока что болтай поменьше.

— А если кто-нибудь из них захочет бежать с нами? — спросил Линдсей.

— Возьмешь ее с собой, — сказал президент.

ESAIRS XII 01.03.17

Линдсей плыл сквозь темноту, волоча за собой нагруженный контейнер. Достигнув цели, он постучал по камню:

— Фазиль! Паоло!

Каменная заслонка заскрипела. В неверном мерцании свечи он увидел Паоло. Высунувшись в туннель по пояс, юноша склонился к Линдсею.

— Да? Чему обязаны?

— Давайте-ка кое-что обсудим.

— Опять ты со своей оргией?

— Мы подготовили запуск. — Линдсей небреж-

но махнул рукой в сторону контейнера. — Если придем к соглашению, запусков может быть два. — Он улыбнулся. — Услуга за услугу. Я организую вам запуск. Взамен вы поддержите мое предложение по поводу Карнавала.

Поморщившись, Паоло осторожно почесал мокнущие болячки под подбородком.

— Торговать телом ради искусства… Забудь, секретарь. Остальные ни за что не согласятся. Ты только представь, — он понизил голос, — Клео, раздвигающую ноги перед этим вашим головорезом капитаном.

— Я же не говорю, что все это будет на самом деле. Я прошу лишь меня поддержать. Вы хотите запустить свою голову, или как?

Паоло оглянулся.

— Я — за, — послышался голос Фазиля.

— Тогда пусть кто-то из вас идет в пусковую и готовит все к запуску. Другой пойдет со мной и поможет зарядить кольцо. А про нашу договоренность — ни слова. Никому. Ясно?

— Значит, ты организуешь нам запуск, а мы тебя поддерживаем перед остальными. Вроде бы — ты нас обаял и убедил. Так?

— Условия такие. Вы сохраняете мою тайну, а я — вашу. Ну, кто пойдет в пусковую?

— Я, — сказал Паоло.

Скользнув мимо Линдсея в туннель, он исчез в темноте. Из лаза показался Фазиль.

— Что в коробке?

— Улики, — объяснил Линдсей. — Сувениры из прошлых рейдов и тому подобное. Чтобы уж не смущало, если мы здесь осели надолго.

Собственно говоря, это была полуправда. На астероиде нечего было смущаться. Иное дело — картель, где пиратам придется вести себя крайне добропорядочно. Крупнейшие картели, наподобие Фемиды, были довольно щепетильны, и открытое пиратство не поощряли даже в бардачных кварталах — догтаунах.

Пираты загрузили контейнер без его ведома — и велели запустить. Верная примета, что скоро конец.

Фазиль со свечой выплыл в туннель.

— Можно посмотреть?

Миновав Линдсея, он положил руку на контейнер. Между пластиковых полос высунулся, поводя усиками в локоть длиной, угольно-черный таракан. Зашипев от отвращения, Фазиль отдернул руку. Линдсей хотел поймать таракана, но промахнулся.

— Гр-рязь, — тихо пробормотал Фазиль. — По-

моги мне с головой.

Линдсей вплыл за ним в мастерскую. Вдвоем они вытолкали массивную скульптуру в коридор. Она едва помещалась в узком туннеле.

— Наверное, надо бы смазать, — сказал Линдсей.

— Лицо Паоло не отправится в вечность с сопливым носом.

Фазиль задул свечу, задвинул заслонку и поплыл вперед, толкая голову перед собой. Линдсей, волоча контейнер, двинулся следом.

Маршрут оказался извилистым. То и дело в стороны отходили старые выработки с застоявшимся, спертым воздухом. Загрузочная камера кольца располагалась близ поверхности астероида, примыкая к главному производственному центру. Здесь, по соседству с кольцом, изготовлялись пустышки.

Пустышечный цех представлял собою связку ферментационных бурдюков, похожую на гроздь винограда. Бурдюки соединялись гибкими трубами, были заякорены тросами и окружены грубыми стойками с голубыми ультрафиолетовыми лампами. Гроздь висела в воздухе; полупрозрачные бурдюки тихонько журчали.

Комплекс не был полностью остановлен — это

означало бы смерть ветвэра, — но продукции почти не выпускал. Трубы для выдувания были отсоединены от выходов в пусковое кольцо, и вместо тонкой пленки из них текла густая бесцветная пена. В воздухе стояла невыносимая, резкая вонь горячего пластика.

Дежурство нес семейный робот. Когда появился Фазиль с головой Паоло, он на мгновение замер. При приближении Линдсея — шевельнулся, сомкнув передние манипуляторы на мехах с порошком. Единственный громадный глаз его наклонился, наблюдая за Линдсеем, с клацаньем затвора.

Робот словно бы весь состоял из сочленений и тяг. Шесть конечностей его были сделаны из легкого пенометалла. Размерами он превосходил Линдсея. Мозг и двигатель были упрятаны внутрь торса, в бочкообразную грудь. Спереди он нес на себе сенсоры и две длинные, суставчатые руки с захватами. Сзади располагалось крестообразное сочленение четырех вращающихся ног — робот был сконструирован для работы в невесомости. Был у него и хвост, выполнявший функции бура.

Робот не отличался изяществом механистских машин, однако казался до жути живым. Наподобие скелета из мультиков или животного,

распятого на лабораторном столе для демонстрации мышечных рефлексов.

Линдсей вышел из поля зрения робота, и тот снова принялся за работу, резко оттолкнувшись от стены и подсоединив мехи к влажному клапану очередного ферментационного бурдюка.

Перебравшись через голову Паоло, Фазиль остановил ее, упираясь в стену.

Пусковое кольцо было оборудовано полупрозрачным пластиковым шлюзом. Вынув из ниши в стене плотно свернутый зеленый скафандр, Фазиль встряхнул его. Облачившись и застегнув молнию, он расстегнул клапан шлюза и вошел внутрь.

Линдсей толкнул к нему контейнер.

Застегнув клапаны шлюза, Фазиль открыл загрузочную камеру. Изогнутая, прямоугольная секция отошла от стены на наружных пружинных петлях. Воздух со свистом рванулся в вакуум пускового кольца. Пленка шлюза прогнулась, словно мыльный пузырь, облепив стояки. Из контейнера вырвались в вакуум и тут же лопнули пять громадных тараканов и целая туча тех, что помельче. Лицо Фазиля за прозрачным забралом скривилось в брезгливой гримасе, он смахнул корчащихся насекомых в сторону. Тон-

кие крылышки тараканов судорожно трепетали, из лопнувших подбрюший, суставов и щелей панциря сочилась пена.

Один таракан прилип к стенке шлюза прямо перед лицом Линдсея. Должно быть, он что-то там, в контейнере, ел. Что-то густое и красное.

Из контейнера вырвались облачка пара. Фазиль, отгонявший останки насекомых в туннель кольца, ничего не заметил.

Шагнув за порог, он вытащил за собой контейнер и с усилием погрузил в бадью.

Поднявшись обратно в шлюз, он смахнул в люк последнего таракана и установил крышку. Крышка люка замкнула контакт, загорелось зеленое табло. На магниты пошел ток, и на зеленом экранчике замелькали цифры обратного отсчета.

Фазиль расстегнул молнию шлюза, впуская воздух из туннеля. Пластик издал хлопок, словно парус, поймавший ветер. Фазиля била дрожь.

— Ты видел?! — глухо крикнул он из-под визора шлема, расстегивая молнию на груди. — Что там было?! Что они ели?!

— Я не знаю, что туда складывали, — ответил Линдсей. — Могли упаковать что угодно.

Фазиль осмотрел испачканный рукав скафандра:

— Похоже на кровь.

Линдсей склонился ниже:

— Запах другой.

— Это — улика. — Фазиль свернул скафандр.

Линдсей задумался. Пираты его обманули. Решили сравняться умом с шейперами. И сделать так, чтобы кто-то исчез.

— Знаешь, Фазиль, лучше запустить этот скафандр.

— Ты Иана сегодня видел? — спросил Фазиль.

— Да как-то было без надобности.

Они мерили друг друга взглядами. Линдсей молчал. Фазиль вдруг резко обернулся и посмотрел на светодиодное табло.

— Все, — сказал он.

— Запусти ты этот скафандр, — сказал Линдсей. — А я отчищу шлюз.

— Вместе с головой я скафандр запускать не стану.

— Можно скормить какому-нибудь ферментатору. — Линдсей махнул рукой в сторону цеха. — Если ты это сделаешь, я помогу тебе пустить оборудование на полный ход. И можешь снова делать пустышки. — Вынув из ниши еще один скафандр, Линдсей встряхнул его. — Сейчас мы запустим голову и избавимся от скафандра.

Вначале сделаем эти две вещи, а после поговорим. Идет?

Он принялся облачаться в скафандр. Возник довольно опасный момент — с наполовину натянутыми штанинами, он был сейчас почти беззащитен. Но нападения не последовало, и Линдсей тут же понял, что сумел-таки купить некоторую отсрочку.

Вдвоем они втащили голову в шлюз. Фазиль застегнул клапан, а Линдсей открыл люк.

На стеклянно-гладкую стену кольца упал луч света; медные направляющие тускло блеснули. Железные брусья бадьи были слегка подернуты инеем — конденсированной влагой, испарившейся из упакованного в контейнер тела.

Шагнув в туннель кольца, Линдсей пихнул голову Паоло в бадью и закрепил.

Свет, падавший из проема, заслонила тень. Фазиль закрывал люк. Линдсей, развернувшись, прыгнул.

Он успел сунуть в щель правую руку. Крышка перемолола мышцы и кости, в скафандр хлынула кровь.

Рыча от натуги, Линдсей протиснул в щель голову и плечи. Левой рукой он поймал ногу Фазиля. Кончики пальцев глубоко вонзились в

лодыжку шейпера. Линдсей изо всех сил ударил ногой Фазиля об острый косяк. Кость хрустнула. Фазиль, обмякнув, завалился назад.

Не отпуская врага, Линдсей влетел в шлюз и ногой ударил Фазиля в промежность. Тот согнулся пополам; тогда Линдсей перехватил его ногу и согнул, подставив под сгиб колена предплечье. Навалившись на шей-пера, он рванул его ногу вверх, выламывая бедренную кость из сустава.

Фазиль в агонии бестолково размахивал руками, ища точку опоры. Рука его зацепила крышку люка. Люк захлопнулся, замкнув контакт. Загорелось зеленое табло.

Линдсей продолжал выкручивать ногу противника. Два шарика его собственной крови попали ему под визор. Он чихнул, на миг зажмурив глаза, — и тут же Фазиль достал ногой его шею. Линдсей разжал захват, и шейпер напал.

В панике с отчаянной силой Фазиль сдавил ему грудь. Воздух со свистом ушел из легких; сквозь черную пелену, застилающую глаза, Линдсей услышал четыре оглушительных удара своего сердца. Он взбрыкнул ногами — и подошва уперлась в стояк, поддерживающий пленку шлюза.

Сцепившись, они кружились в воздухе. Ударив локтем, Линдсей попал Фазилю в висок. Хватка

ослабла. Тогда, забросив руку за голову шейпера, он взял его шею в замок. Фазиль снова стиснул объятья. Ребра прогнулись, уступая нечеловеческой силе перестроенных мускулов.

Сквозь запятнанный кровью визор он взглянул Фази-лю в глаза. Лицевые мышцы мгновенно отреагировали, смяв лицо в ужасной гримасе. Глаза шейпера побелели. Отшатнувшись, он попытался вырваться — и Линдсей сломал ему шею.

Он задыхался. Баллонов на этих скафандрах не было, долго ими не пользовались. Нужно выбираться на воздух.

Он повернулся к выходу. У шлюза стояла Клео. Глаза ее потемнели от страха и возбуждения. Пальцы Клео сомкнулись на язычке молнии.

Не отрываясь, Линдсей смотрел на нее, моргая от липнущих к ресницам кровяных шариков. Клео выдернула из лацкана блузы свое излюбленное оружие. Иголку с ниткой.

Оттолкнувшись ногой от тела Фазиля, Линдсей метнулся к выходу. В несколько ловких движений Клео зашила молнию.

Линдсей яростно рванул застежку со своей стороны, но тончайшее розовое волокно не уступало в прочности стальной проволоке. Он замотал головой:

— Не надо!!!

Его окружал вакуум. Путь был отрезан. Слова, всегда его выручавшие, не могли одолеть этой преграды.

Клео ждала его смерти. На табло над головой мелькали цифры. Свет померк — запуск вне плоскости эклиптики требовал много энергии.

Левой рукой он толкнул крышку люка. Пальцы ощутили едва уловимую вибрацию. В ярости он пнул крышку — раз, другой, третий — и она подалась. Он нажал на нее изо всех сил. Крышка отошла — на ширину пальца. Сработало аварийное отключение. Свет погас.

Крышка отвалилась легко. Темнота вокруг была полной.

Линдсей не знал, когда бадья должна остановиться. Если она все еще движется по кольцу, делая клик в секунду, то руку или же ногу отхватит почище лазера.

Ждать он не мог. Воздух внутри скафандра сделался совсем спертым от углекислоты и запаха крови. Решившись, он сунул голову в люк…

…и остался жив.

Теперь перед ним возникла новая задача. Бадья остановилась где-то в кольце, закупорив туннель. Наткнувшись на нее по пути наружу, придется

поворачивать и тратить лишний воздух… Куда же идти — налево или направо?

Налево. Тяжело дыша, он сложил руки на груди и прыгнул вдоль туннеля. Еще раз, еще…

Триста метров — половина окружности кольца. Столько и нужно пройти. А если жерло уже затянуто камуфляжной пленкой? Если он уже миновал его, проглядев в темноте?

Звезды! Линдсей отчаянно рванулся вперед, лишь в последний момент вспомнив, что нужно ухватиться за кромку жерла. Притяжение астероида было настолько слабым, что подобный прыжок вывел бы его, Линдсея, на гелиоцентрическую орбиту…

Он снова оказался на поверхности астероида, среди угольно-черных и грязно-белых выжженных ям.

Перепрыгнув продолговатый кратер, он едва не промахнулся и не свалился вниз. Пемза под пальцами раскрошилась, осколки медленно поплыли над поверхностью.

Почти задыхаясь, он добрел до второго шлюза. Пятнистая маскировочная пленка закрывала вход в самую первую шахту, пробуренную здесь Мавридесами. Сорвав пленку, он крутанул запор люка. Правая рука продолжала кровоточить.

Похоже, опять сломана.

Крышка отскочила. Скользнув в шлюз, он захлопнул ее за собой. Оставалась еще одна. Каждый вдох нес в легкие все меньше кислорода. Капли крови превратились в густую, мелкую взвесь.

Вот отошла и вторая крышка. Выплыв из шлюза, он почувствовал в темноте какое-то стремительное движение. Скафандр затрещал. Холодный стальной клинок кольнул горло. Линдсея схватили за ноги, а затем кто-то выкрутил ему правую руку, и он закричал от боли.

— Говори!

— Господин президент, — выдохнул он. — Господин президент!

Нож исчез. Линдсей услышал звонкое, оглушительное гудение пилы и увидел сноп искр. В их свете он разглядел лица президента, спикера парламента, верховного судьи и третьего сенатора.

Искры погасли. Спикер отвела диск электропилы от обрезка трубы.

Президент сорвал с Линдсея шлем.

— Рука! — завопил Линдсей.

Верховный судья отпустил руку, а сенатор-три — ноги. Линдсей глубоко вдохнул — легкие истосковались по воздуху.

— Ох уж мне эти треклятые упреждающие удары, — сказал президент. — Ненавижу.

— Меня пытались убить, — объяснил Линдсей. — Вы уничтожили оборудование? Можем лететь?

— Нас что-то выдало, — буркнул президент. — Мы были с Паоло в пусковой. Выясняли, как вывести эту хрень из строя. Тут появились Нора с Агнессой… А ведь они должны были спать. И вдруг — темнотища…

— Затемнение, — сказала спикер.

— Я закричал: «Бей!», только вот темень… У них вышло преимущество — их было меньше. Меньше шансов задеть своего. Я — сразу к машинам. Поковырял там ножом в проводке. Потом второй сенатор как заорет — порезали его, мясо в стороны…

— Мне в лицо попало что-то мокрое, — сказал Верховный судья. В его старческом голосе звучало тяжеловесное, зловещее удовлетворение. — Воздух был полон крови.

— Они были вооружены, — продолжал президент. — Вот что я поймал в свалке. Ну-ка, секретарь, оцени.

В темноте президент вложил что-то в левую ладонь Линдсея. Плоский, твердый каменный диск

размером с раскрытую кисть, обмотанный витым шнурком. Камень был вымазан в чем-то липком.

— За пазухой прятали, не иначе. Хочешь — крути, хочешь — бей, хочешь — души. Волоконца тоненькие, враз глотку перехватит. Я, когда поймал эту штуку, палец порезал до кости.

— А где остальные наши? — спросил Линдсей.

— По плану мы разделились. Двое депов убирали после Иана, они сейчас на борту, готовят «Консенсус» к отлету.

— Зачем было убивать Иана?

— Что значит «убивать»? — сказала спикер. — Где доказательства? Он сам испарился!

— Кто наносит рану ГДФ, получает в ответ то же! — сказал президент. — Мы-то полагали улететь еще утром и подумали: «Пусть считают, что он убежал с нами!» Здорово, верно? — Он довольно хрюкнул. — Куда-то потерялись двое сенаторов. Здесь — точка рандеву; должны подойти.

— Судьи второй и третий пошли прихватить малость этого хитрого ветвэра. Хорошая добыча. Мы поразмыслили и решили, что нужно занять выход. Теперь можем добраться до «Консенсуса» прямо так, без скафандров. Обойдется только кровью из носа, да животы поболят. Подумаешь,

полминуты в вакууме.

Издали донеслось слабое постукивание. Раньше, за звуками голосов, ничего слышно не было. Стук был отчетливым и ритмичным; пластик глуховато стучал о камень.

— Вот же мать твою, — сказал президент.

— Я схожу, — предложил Верховный судья.

— Да ерунда, — возразила сенатор-три. — Это воздуходувка.

Послышался лязг ее инструментального пояса.

— Я ушел, — сказал Верховный судья.

Старый механист проплыл мимо Линдсея — тот ощутил легкое движение воздуха.

Секунд пятнадцать прошли в безмолвии мрака.

— Нужно посветить, — шепнула спикер. — Сейчас я пилой…

Постукиванье прекратилось.

— Нашел! — крикнул Верховный судья. — Это — кусок…

Послышался громкий тошнотворный хруст. Речь его оборвалась.

— Судья! — крикнул Линдсей.

Все ринулись по коридору, слепо натыкаясь на стены и друг на друга. Добравшись до нужного места, спикер включила пилу. Посыпались искры.

Источником шума оказалась простая полоска твердого пластика, приклеенная к зеву туннеля-ответвления. К полоске тянулась длинная нить. Там, в глубине хода, и засел убийца. Паоло. Услышав голос старого механиста, он выстрелил на звук из своего оружия. Из рогатки. Увесистый каменный кубик — шестигранная кость — наполовину вошел в пробитый череп пирата.

В короткой вспышке искр Линдсей увидел голову старика, покрытую кровавой массой — поверхностное натяжение удерживало ее на коже вокруг раны.

— Можно уходить, — сказал Линдсей.

— Своих бросать нельзя, — отвечал президент. — И тому, кто это сделал, тоже нельзя так спустить. Их всего-то пятеро и осталось.

— Четверо, — поправил Линдсей. — Я убил Фазиля. А если сумею договориться с Норой, трое.

— Некогда договариваться. Ты у нас раненый — оставайся, охраняй шлюз. Придут наши — скажешь, что мы пошли кончать тех четверых.

— Если Нора сдастся, — с трудом выговорил Линдсей, — надеюсь, что вы, господин президент…

— Миловать — его профессия. — Президент кивнул на тело Верховного судьи. — Оружие у

тебя есть?

— Нет.

— Держи. — Он подал Линдсею протез убитого. — Если кто из них сунется — убьешь дедовым кулаком.

Линдсей стиснул в ладони ребрящийся тягами протез. Пираты канули в темноту — постукивая, шурша одеждой, шелестя о камень мозолистыми ладонями. Линдсей поплыл назад, к шлюзу, отталкиваясь от стен коленями и плечами. Мысли его были заняты Норой.

* * *

Самым ужасным было то, что старуха никак не умирала… Пройдя все быстро и аккуратно, как обещала Клео, Нора вынесла бы это вместе со всем остальным. Но там, во мраке, когда она захлестнула шнуром шею пиратки и затянула удавку, ни быстроты, ни аккуратности не получилось.

Старуха — пираты называли ее судьей-два — оказалась на удивление жилистой. Шейные хрящи ее под обманчиво мягкой кожей были тверже стальной проволоки. Два раза Норе казалось, что враг наконец-то мертв, но старуха, надсадно всхрипывая во тьме, вновь возвращалась к жизни. Запястья Норы сильно кровоточили,

изодранные грязными, ломаными ногтями. Тело воняло потом.

Нора чувствовала и свой собственный запах. Подмышки ее были сплошной массой болезненной сыпи. Она недвижно парила в угольно-черной темноте пусковой, упираясь босыми ступнями в плечи мертвой старухи, и в руках сжимала концы шнура.

Когда на них во внезапной темноте напали пираты, она выглядела не лучшим образом. Кого-то ей удалось зацепить каменным кистенем, но почти тут же оружие выскользнуло из руки и затерялось в свалке. Яростно дравшаяся Агнесса была ранена ручной пилой спикера. А вот Паоло бился как бог…

От дверей послышался голос Клео. Она пробормотала пароль, и через несколько секунд в помещении загорелся свет.

— Я же говорил, что получится, — сказал Паоло. Клео держала свечу на отлете — натрии запала на кончике все еще продолжал искрить. Воскоподобный пластик оплывал каплями по мере сгорания фитиля.

— Я взяла весь твой запас, — сказала Клео. — Ты у нас талант, милый.

Паоло гордо кивнул:

— Моя удача перешибла случай. И я убил двоих!

— Ты сделал свечи, — сказала Агнесса. — А я говорила, что ничего у тебя не выйдет… — Во взгляде ее ясно читалось преклонение перед Паоло. — Ты — главный. Приказывай.

В свете свечи Нора увидела лицо мертвой. Сняв с нее удавку, она обвязала шнур вокруг пояса.

Она снова чувствовала размягчающую слабость. На глаза навернулись слезы. Ужас и жалость к убитой охватили ее.

Это все — те препараты, что дал Абеляр… Глупо было соглашаться на тот, первый, укол. Инъекция афродизиака была капитуляцией. Не просто перед врагом, но — перед крохами сомнений и соблазнов, прячущихся в глубинах сознания. Всю ее жизнь чем ярче сияла уверенность в себе, тем чернее становились эти глубоко спрятанные, но неотступные тени.

Сама по себе она могла бы выстоять. Но печальный пример других дипломатов… Тех, изменников… Академия никогда и нигде не упоминала о них официально, оставив тему скрытому миру слухов и сплетен, непрестанно кипевших во всех шейперских колониях. Слухи множились и росли, неизбежно искажаясь, подобно всему

запретному.

Как казалось Норе, она совершила преступление. Сексуальное, идеологическое и профессиональное. О том, что произошло, она не отваживалась рассказать даже Клео. Семья ничего не знала о диптренинге, о жгучем пламени в каждой мышце, о целенаправленном штурме лица и мозга, превратившем ее тело в нечто совершенно чужеродное еще до того, как ей исполнилось шестнадцать.

Будь то любой другой, а не подобный ей дипломат, она дралась бы и умерла с непоколебимой решимостью, достойной самой Клео. Но, столкнувшись с ним лицом к лицу, поняв его… Абеляр был не столь талантлив, как она, зато обладал твердостью и быстрой реакцией. Она могла бы стать такой же. Иных альтернатив ей до сих пор не встречалось.

— Я обеспечил нам свет, — хвастливо сказал Паоло, закручивая кистень восьмеркой и ловя шнур рукой. — Я выиграл! Перекрыл Иана и Фазиля и убил двоих! — Шнуры рукава взвились в воздух — он ударил себя в грудь. — И я говорю: засада, засада и только засада!

Кистень его свистнул в воздухе; он дал шнуру намотаться на руку и выхватил из-за пояса

рогатку.

— Они не должны уйти, — сказала Клео. Лицо ее в обрамлении бахромчатой золотистой сетки для волос дышало спокойствием и теплотой. — Если они уйдут, то вернутся и приведут других. Милые мои, мы можем жить здесь и дальше. Они — тупицы. И они раскололи свои силы. Мы потеряли двоих, а они — семерых. — Отсвет боли мелькнул на ее лице. — Дипломат был из них самый бойкий, но он наверняка погиб в пусковом кольце. Остальных мы изловим, как изловили судей.

— А где депутаты? — сказала Агнесса. Пила спикера задела ее левую ногу выше колена; она была смертельно бледна, однако полна боевого духа. — Этот генетический сорняк нужно выполоть. Он опасен.

— Что с ветвэром? — спросила Нора. — Если не наладим подачу энергии, он перестоится.

— Тогда они узнают, что мы на энергостанции! — заявил Паоло. — Один из нас пойдет запускать реактор, а остальные сядут в засаду. Удар — отход! Удар — отход!

— Сначала спрячем тела.

Упершись ногами в стену у двери, Клео принялась выбирать линь. Из туннеля выплыл третий судья. Морщинистая шея его была почти пере-

резана тонкой гарротой Клео. На поясе судьи висели шприцы с краденым ветвэром. Его, вместе с судьей-два, застали на месте преступления.

Паоло снял маскировку с потайной ниши. Там уже помещались тела первого и второго сенаторов, убитых им и Агнессой. Брезгливо морщась, они втолкнули туда и третий труп.

— Найдут, — сказала Агнесса, громко чихнув. — Унюхают.

— Ничего, примут за собственную вонь, — сказал Паоло, устанавливая фальшивую стену на место.

— Теперь — к токамаку, — скомандовала Клео. — Я понесу свечи. Агнесса идет первой.

— Хорошо.

Агнесса, сорвав блузу и тяжелую сетку для волос, связала их обрывком шнура. Развеваясь в невесомости, в полумраке ее конструкция вполне могла сойти за человека. Она скользнула в узкий коридор, неся перед собой обманку на вытянутой руке.

Остальные последовали за ней. Нора шла замыкающей.

У каждого перекрестка они замирали, прислушиваясь и принюхиваясь. Затем Агнесса выставляла вперед тряпичное чучело, после чего

быстро заглядывала за угол, в ответвления. Клео держала наготове свечу.

Приближаясь к энергостанции токамака, Агнесса опять чихнула. В тот же миг и Нора почуяла запах — незнакомое, отталкивающее зловоние.

— Что это? — шепнула она шедшей впереди Клео.

— Огонь, наверное. Дым. — Клео помрачнела. — Шей-пер сообразительна. Думаю, это она добралась до токамака.

— Смотрите! — громко шепнула Агнесса.

Из левого ответвления ползла, клубясь в неверном свете свечи, тонкая струйка серого дыма. Агнесса сунула в нее руку, и струйка рассеялась, рассыпалась на едва заметные облачка. Зайдясь в приступе кашля, Агнесса прислонилась к стене. Обнаженная грудь ее тяжело вздымалась.

Клео задула свечу. На стенах туннеля мерцали слабые отсветы далекого пламени.

— Огонь, — проговорила Клео. В первый раз в голосе старшей звучал страх. — Я пойду первой.

— Нет!

Прижавшись к ее уху губами, Агнесса что-то быстро ей зашептала. Женщины обнялись, и Агнесса, оставив чучело и прижимаясь к стене, скользнула вперед. Двигаясь за остальными,

Нора нащупала на камне пятно остывшего пота.

Идя вслед за Агнессой, она все время поглядывала назад, прикрывая тыл. Где же Абеляр, ведь он наверняка жив, думала она. Если бы только он — поразительно находчивый, с животной жаждой жизни в серых глазах — был сейчас здесь…

Резкий щелчок — и в ту же секунду раздался крик. Кричала Агнесса. В воздухе пронзительно запахло кислотой. Последовали вопли боли и ненависти. Щелкнула рогатка Паоло. Спина и плечи Норы напряглись так, что мышцы скрутило судорогой, и она, согнувшись, оглушенная собственным воплем, бросилась на пол туннеля.

Перебежчица-шейпер, извернувшись в кроваво-красных отблесках пожара, хлестнула Агнессу по лицу соплом своего оружия — мехов. Воздух был густо насыщен шариками — каплями кислоты, набранной ею из бурдюка с ветвэром. От обнаженной груди Агнессы валил пар. В стороне от нее Клео схватилась со вторым депутатом, рука которой была сломана камнем Паоло. Тот как раз доставал из поясной сумки следующий камень.

Сорвав с пояса шнур, Нора ринулась к деп-один. Та, заметив ее приближение, подколенным сгибом сжала горло Агнессы, переломив позвонки, и подалась вперед, выставив перед собой руки.

Нора послала груз на конце шнура ей в лицо. Та поймала шнур, ухмыльнулась, обнажив правые зубы, и ткнула двумя пальцами в глаза Норы. Нора уклонилась, ногти врага лишь раскровянили ей щеки. Ударила ногой, промахнулась, ударила другой — и ощутила пронзительную боль. Тренированные, опытные пальцы пиратки вонзились в коленный сустав. Противница обладала ловкой, мощной шейперской силой. Перехватив шнур, Нора хлестнула камнем по ее щеке. Деп-один ухмыльнулась. Нора почувствовала, как хрустнула ее коленная чашечка. И тут лицо ее залила кровь — камень из рогатки Паоло раздробил противнице челюсть.

Челюсть пиратки безвольно отвисла, сочась мерцающей в отсветах пламени кровью. Отчаяние обреченности придало первому депутату сил. Ударив пяткой в солнечное сплетение Норы, она оттолкнулась от нее и ринулась к Паоло. Но тот был начеку: кистень, словно бы внезапно материализовавшись в его руке, ударил как томагавк, снес противнице ухо и глубоко вонзился в ключицу. На секунду она обмякла, и Паоло бросил ее на стену.

Голова депутата хрустнула о камень. Паоло тотчас же насел на противницу, перехлестнув

ей горло шнуром кистеня. В воздухе за его спиной Клео билась со вторым депутатом. Пиратка судорожно месила воздух сломанной рукой и ногами — Клео безжалостно сжимала пальцы на ее горле.

Нора, задохнувшаяся от удара, никак не могла разогнуться. Ее грудную клетку сжимала судорога. Каким-то образом ей все же удалось протолкнуть в легкие глоток дымного воздуха. Со свистом и хрипом выдохнув, она задышала. Грудь словно бы залили расплавленным свинцом. Агнесса умирала у нее на глазах, залитая кислотой кожа дымилась.

Паоло покончил с шейпером. Клео все еще душила свою противницу, давно уж неживую. Каменным кистенем Паоло раздробил трупу затылок, и Клео отпустила мертвую женщину, отдернув онемевшие руки. Потерев ладонь о ладонь, словно бы растирая крем, она тяжело перевела дух.

— Потушите огонь.

Паоло осторожно придвинулся к пылающей клейкой массе из сена и пластиков. Сбросив плотную блузу, испещренную проеденными кислотой дырами, он набросил ее на огонь, словно ловил сетью зверя, и принялся мстительно притапты-

вать. Стало темно. Клео плюнула на натриевый запал свечи, и тот взорвался снопиком искр.

— Худо дело. Я ранена? Нора, ты как?

Нора осмотрела и ощупала ногу. Коленная чашечка свободно ходила под кожей. Боли не было, лишь шоковое онемение.

— Колено. — Нора закашлялась. — Она убила Агнесс…

— Их теперь всего трое, — сказала Клео. — Спикер, ее муж и сенатор-три. Мы практически победили. Дорогие мои, любимые…

Она обняла Паоло. Тот застыл от неожиданности, но, тут же, обмякнув, положил голову ей на плечо.

— Я запущу энергоустановку. Нора подошла к щитку на стене и защелкала рубильниками, готовя станцию к работе.

— Мы с Паоло перекроем входы. Будем их ждать, — сказала Клео. — Нора, ты ступай в радиорубку. Вызови Совет, доложи обо всем. Мы придем позже.

Оставив Норе свечу, она ушла. Пристроив свечу над пультом управления, Нора ввела агрегаты в первый этап. В камере взвихрилось магнитное поле; сквозь поляризованное светозащитное стекло заструилось голубое сияние. Токамак

беспокойно замерцал, выходя на температуру синтеза. Искусственное солнце разгоралось все ярче. Поле стабилизировалось. И тут же вспыхнули лампы.

Нора осторожно сняла свечу и загасила ее о стену.

Паоло осторожно почесывался — его голые руки были обожжены кислотой.

— Нора, — сказал он. — Я — тот один процент, которому суждено выжить!

— Я знаю, Паоло.

— Но я тебя не забуду. Никого из вас не забуду. Я любил тебя, Нора, и очень хотел бы когда-нибудь снова тебе это сказать.

— Высокая честь — жить в твоей памяти, Паоло.

— Прощай, Нора.

— Если у меня есть хоть какое-то везение, — сказала Нора, — пусть оно останется тебе.

Он улыбнулся, поигрывая рогаткой.

Нора скользнула в туннель и понеслась вперед, стараясь не тревожить больную ногу. Волны боли струились по всему телу, заставляя мышцы непроизвольно дергаться. Лишившись краба, она больше не могла совладать с судорогами.

Пираты побывали уже и здесь. В рубке царил

разгром. Исполосованные пилой передатчики превратились в груду обломков, выдранная с мясом консоль плавала в воздухе.

Из жидкокристаллического экрана сочилась жидкость. Выдернув из сетки на голове иголку с ниткой, Нора наскоро сметала разорванный пластик. Приемники, правда, работали, принимая сигналы с наружных антенн, но дешифровальные программы были уничтожены. Передачи с Совета Колец превратились в абракадабру.

Нора настроилась на частоту пропагандистских передач. Распоротый экран еще кое-как работал, хотя вокруг стежков изображение расплывалось в мутные кляксы.

Вот он — тот, внешний мир… Ничего особенного — слова, изображения, линии на экране… Нора осторожно провела пальцами по охваченному болью колену.

Она никак не могла поверить тому, что говорили люди с экрана, тому, что демонстрировал кадр… Небольшой экран словно бы, воспользовавшись темнотой, как-то ферментировал, преобразил внутри себя мир, с помощью собственного ветвэра превратив все его яды в вино. Ошеломленные лица шейперских политиков светились от торжества.

Она отрешенно смотрела на экран. Публичные заявления глубоко потрясенных механистских лидеров: сломленные люди, перепуганные женщины, разом вырванные из привычного окружения и распорядка… Броня механистских планов и предположений была сорвана, словно корка коросты, обнажив плоть человеческой сущности… Они судорожно барахтались в тщетных потугах овладеть ситуацией, и каждый следующий опровергал предыдущего. Некоторые обладали жесткими, словно бы наведенными с помощью хирургии улыбками; другие, с взорами, затуманенными благоговением, бурно жестикулировали, являя миру по-детски ясные лица…

А следом — дуайены шейперского военно-академического комплекса. Гладколицые из службы безопасности, восторженные, торжествующие, оставившие на радостях привычную свою подозрительность… Интеллигенты, ослепленные блеском новых перспектив, строящие самые смелые предположения и позабывшие от восторга про объективность…

А вот и он. Даже не один, целая дюжина. Они были огромны. Одни лишь ноги их достигали высоты человеческого роста. Груды мускулов, костей и сухожилий, обтянутых слегка поблескиваю-

щей, изборожденной морщинами кожей. Чешуя! Бурая, чешуйчатая шкура. Одеты они были в юбки из нанизанных на проволоку блестящих бус. Могучая грудь обнажена, посредине выступает килевая кость. Руки по сравнению с массивными, древоподобными ногами и длинными, мощными хвостами выглядели длинными и тонкими; пальцы на руках были проворные, с утолщениями на концах, причем суставы больших пальцев выглядели как-то необычно. Громадные, в туловище человека величиною, головы с пещеро-подобными, полными плоских острых клыков пастями… Ушей видно не было, а черные глазные яблоки (с кулак каждое) прятались под шершавыми веками и жемчужно-серыми мигательными мембранами. Складчатые, переливчатые «пелеринки» прикрывали затылок.

С ними пытались беседовать вооруженные видеокамерами люди. Шейперы. Пришельцев они, по-видимому, очень боялись: спины согнуты, держатся кучкой, ног поднять не могут… Гравитация, сообразила Нора. Пришельцы живут в сильном притяжении.

Надо же, настоящие!..

Держались пришельцы с расслабленной, уверенной грацией. У некоторых были в руках

планшетки с листами бумаги, другие говорили. Языки у них были узкими, наподобие птичьих, и длинными — примерно в локоть длиною.

В этой сцене они явно были на первых ролях, благодаря одному лишь размеру. Не было в них ни официоза, ни наигрыша, но даже напыщенный дикторский текст не мог затушевать важности этой встречи. Пришельцы, казалось, не испытывали ни страха, ни удивления. Чудесного, мистического в их образе не было ничего — одна деловитость. Деловитость налогового инспектора.

В рубку ворвался Паоло. Глаза дикие, длинные волосы слиплись от крови…

— Скорее! Они мне на пятки наступают! — Он обвел взглядом рубку. — Дай мне пульт.

— Все кончилось, Паоло!

— Нет еще!

Схватив парящий в воздухе пульт, он рванулся к дверям. За ним потянулись обрывки проводов. Прихлопнув пультом входное отверстие — так, чтобы сбоку оставалась лишь небольшая амбразура, — Паоло снял с пояса тюбик эпоксидной смолы и приклеил железо к камню.

Вытащив рогатку, он выстрелил вдоль коридора. Издали долетел вопль. Приникнув к амбразу-

ре, Паоло разразился визгливым хохотом.

— Телевидение, Паоло! Новости с Совета! Осаде конец!

— Осаде? — переспросил Паоло, оглядываясь на нее. — А нам-то до этого какой хер?

— Ни осады, ни войны нет и никогда не было, — объяснила она. — Такова новая генеральная линия. Имели место всего лишь мелкие разногласия. Узкие места. — Паоло, не слушая, следил за туннелем, готовясь к следующему выстрелу. — Мы — никогда не были солдатами. Никто и не думал никого убивать. Люди — очень миролюбивая раса, Паоло. Все мы — просто хорошие партнеры по торговле… Пришельцы явились, Паоло. Пришельцы!

— Господи Иисусе, — застонал Паоло, — мне осталось убить всего двоих, и бабу эту я уже зацепил! Вначале помоги их убить, а потом можешь вещать что угодно!

Он придавил плечом пульт, чтобы смола лучше схватилась. Подплыв и нависнув над ним, Нора закричала в темноту сквозь одно из отверстий пульта:

— Господин президент! Я — дипломат! Предлагаю переговоры!

После недолгой паузы последовал ответ:

— Сука сбрендившая! Иди сюда, мы тебя угробим!

— Все кончено, господин президент! Осада снята! В Системе мир, понимаете? Пришельцы явились к нам, господин президент! Пришельцы! Уже несколько дней, как явились!

— Ну, еще бы! — расхохотался президент. — Конечно. Выходи, детка. Только сначала пусть выйдет этот недоделок с рогаткой.

Раздался короткий взвизг электропилы.

Оттолкнув ее, Паоло с рыком выстрелил в коридор. Раздалось с полдюжины щелчков — камень отскакивал от стены к стене. Президент торжествующе зареготал.

— Мы съедим вас, — серьезно сообщил он. — Со всеми вонючими потрохами. — И дальше, чуть ли не шепотом:

— Госсек, пусть выйдут.

Нора снова приникла к пульту рядом с Паоло:

— Абеляр! Абеляр, это правда, клянусь всем, что между нами есть! Абеляр, ты ведь умный, сделай так, чтобы все остались живы! Я хочу жить…

Паоло с размаху запечатал ей рот ладонью и сильно толкнул, но она вцепилась намертво в пульт, уже прочно прихваченный смолой к камню, и выглянула в коридор. Из темноты появился

смутный белый силуэт. Скафандр… И не мавридесовский. Бронированный тяжелый скафандр с «Консенсуса».

Здесь рогатка Паоло была бесполезна.

— Вот так, — пробормотал он. — Значит, критическая точка…

Отпустив Нору, он извлек из-за пазухи свечу и сплюснутый пузырь с какой-то жидкостью. Обернув пузырь вокруг свечи, он стянул его шнурком с рукава и оценивающе взвесил примитивную бомбу на ладони.

— Гореть им всем…

Тогда Нора захлестнула вокруг его шеи шнур и, упершись здоровым коленом в спину Паоло, яростно рванула концы удавки. Захрипев, точно прорванная труба, Паоло толкнулся ногой от косяка и вцепился в шнур. Он был силен, да вдобавок еще — везуч.

Нора потянула сильнее. Абеляр жив! Это придавало ей сил. Еще рывок, еще… Но Паоло держался. Кулаки его, сомкнутые на сером тоненьком пояске, сжались настолько сильно, что из-под врезавшихся в ладони ногтей мелкими, яркими бисеринками сочилась кровь.

В коридоре раздались крики. Крики — и пронзительный визг пилы.

И окостенение, сковывавшее раньше лишь плечи, сковало и руки. Теперь силе Паоло противостояла железная, мертвая хватка. Во внезапной тишине Нора не уловила его дыхания. Рубчатый поясок глубоко впился Паоло в горло; даже после смерти он продолжал борьбу…

Она позволила концам шнурка выскользнуть из сведенных судорогой пальцев. Паоло медленно вращался в воздухе; лицо его почернело, руки были притянуты к горлу. Казалось, он задушил сам себя.

В амбразуре показалась перчатка скафандра, грубая, вся в крови. Раздалось заглушенное шлемом бормотание — Линдсей пытался что-то сказать.

Она бросилась к нему. Он, прижавшись шлемом к железу пульта, кричал во всю глотку:

— Мертвые! Они мертвые!

— Сними шлем! — крикнула она.

Он шевельнул правым плечом:

— Рука!..

Просунув руку в амбразуру, она помогла ему снять шлем. Шлем отскочил с характерным хлопком воздуха, и она почуяла знакомый запах его тела. Из ноздрей и левого уха тянулись полузасохшие кровяные дорожки. Он подвергся

декомпрессии…

Нора нежно провела ладонью по его щеке:

— Мы живы. Мы живы…

— Они хотели тебя убить, — отвечал он. — Этого я не мог допустить.

— И я тоже. — Она оглянулась на труп Паоло. — Это было… вроде самоубийства. Мне кажется, что я сама мертвая.

— Нет. Ты принадлежишь мне, а я — тебе. Повтори мне то же самое, Нора.

— Да. Это так.

Закрыв глаза, она прижалась лицом к амбразуре. Он поцеловал ее. Солеными, окровавленными губами.

* * *

Когда Клео покончила со своей работой, она вышла в скафандре на поверхность, поднялась на борт «Консенсуса» и все, что смогла, обмазала клейким контактным ядом.

Однако Линдсей опередил ее. Чтобы добраться до тяжелого бронированного скафандра, ему пришлось прыгать через открытое пространство, подвергая себя декомпрессии. Он застиг Клео в рубке управления. В тоненьком пластиковом скафандре ей не на что было надеяться, — он

разорвал пластик, и она приняла смерть от собственного яда…

Разрушению подверглось все. Пострадал даже семейный робот. Депутаты, проходя пустышечный цех, слегка свихнули ему мозги, и по соседству с пусковым кольцом разрушение, будучи поставлено на автоматизированную основу, пошло полным ходом. Тонну за тонной, робот наваливал руду на переполненные полопавшиеся ветвэр-резервуары. Потоки жидкого пластика хлынули в туннель пускового кольца, и без того заблокированного застрявшей на полпути бадьей. Но как раз это тревожило Линдсея с Норой меньше всего.

Главную опасность представляла собой инфекция. Микробы, привезенные с Дзайбацу, мигом разорили деликатные биосистемы астероида. Через месяц с небольшим после всеобщего избиения сад Клео превратился в нечто кошмарное.

Изнеженные цветы шейперских оранжерей плесневели и рассыпались в прах от одного лишь прикосновения обычного, нестерилизованного человека. Растительность приобретала более чем причудливый вид: гниль свивала стебли в замысловатые штопоры. Линдсей навещал оранжереи ежедневно, и само присутствие его

ускоряло распад. В воздухе витали привычные ароматы Дзайбацу, знакомая вонь жгла легкие.

Все это он таскал за собой. С какой скоростью ни беги, все равно потянется за тобой прошлое. От прошлого не сбежишь.

Они с Норой никогда от него не освободятся. Главное даже не в инфекции и не в беспомощно болтающейся руке. И не в россыпи болячек, обезобразившей кожу Норы и наполнявшей ее глаза каменным стоицизмом. Главное уходило корнями в далекое прошлое, в годы учебы, перековеркавшей их обоих. Именно это прошлое свело их вместе. Линдсей знал твердо, что ничего лучше этого в жизни с ним не бывало.

Вид шейперского робота за работой натолкнул его на мысли о смерти. Робот непрестанно и неустанно набивал руду в кишки пустышечного ветвэра. Оба они умрут от удушья, а машинная гиперактивность, эта жуткая пародия на жизнь, будет длиться бесконечно. Он мог, конечно, выключить робота, но почему-то жалел его — так трогателен был робот в слепом своем упорстве. И тот факт, что кольцо заливали тонны пластика, означал победу пиратов. Бесполезную победу, которую Линдсей не решался отнять у мертвых…

Чем больше портился воздух, тем дальше они

отступали, герметизируя за собой туннели. И наконец — добрались до последнего хозяйственного сада, бережно расходуя напоенный ароматами сена воздух, любя друг друга и пытаясь залечить раны.

В обществе Норы он снова принял жизнь шейпера — утонченную, со всей присущей ей многоплановостью мышления и болезненным блеском. А острые грани Норы в его обществе постепенно сгладились, расплелись тугие узлы невыносимейшей напряженности, исчезли болезненные вывихи и заскоки.

Они приглушили реактор, в туннелях сделалось холоднее, и это сдерживало распространение заразы. По ночам, закутавшись в большое, с хороший ковер, покрывало, которое Нора время от времени принималась украшать вышивкой, они тесно прижимались друг к другу.

Она не собиралась сдаваться. Она была средоточием какой-то неестественной, непреоборимой энергии, которой Линдсей мог лишь позавидовать. Множество дней потратила она на ремонт радиорубки, прекрасно понимая, что пользы от этого не будет ровным счетом никакой.

Служба безопасности Совета Колец прекратила свои передачи — военные аванпосты стали

ненужной помехой. Механисты эвакуировали их и со всей дипломатической вежливостью доставляли персонал на Совет Колец. Какая война? Нет и не было никакой войны. Никто ни с кем не дрался. Картели рассчитывались сполна с отозванными каперами и спешно обращали их к мирному образу жизни…

С ними было бы то же самое, сумей они докричаться. Но все передатчики уничтожены — запчастей к ним не было, да и технических навыков обоим недоставало.

Линдсей примирился со смертью. За ними никто не прилетит, все сочтут аванпост погибшим. Когда-нибудь, конечно, проверят, но — не в ближайшие годы.

Как-то ночью, утомленный любовью, Линдсей лежал без сна, играя с протезом мертвого пирата. Было в нем что-то притягательное — и одновременно он радовался, что, умерев молодым, хотя бы не докатится до подобного. Собственная его правая рука почти полностью потеряла чувствительность. Нервы начали разрушаться еще со времен инцидента с пушкой. Боевые ранения лишь ускорили этот процесс.

— Проклятые пушки, — сказал он вслух. — Ведь кто-то же найдет когда-нибудь это место! Разо-

брать бы их да сломать, чтобы знали: мы тоже были достойными людьми. Надо бы… Но дотрагиваться противно.

— Ну и что? Они все равно не действуют.

— Не действуют, потому что заблокированы. — То был один из его прошлых триумфов. — Но можно же разблокировать! Это — зло, милая. Их нужно сломать.

— Ну, если тебе так… — Нора привстала, открыв глаза. — А что, если выстрелить?

— Нет, — немедля ответил Линдсей.

— Взорвать «Консенсус» пучком частиц! Тогда кто-нибудь заметит.

— Что заметит? Что мы — уголовники?

— Раньше это были бы просто мертвые пираты. Все в порядке вещей. Но сейчас разразится такой скандал! За нами обязательно прилетят. Чтобы такое не повторилось.

— Ты согласна рискнуть мирным фасадом, который пока что демонстрируют людям пришельцы? Только ради того, чтобы нас, может статься, спасли? Представляешь, что с нами сделают, когда прилетят?

— Что они могут сделать? Убить? Мы и так почти уже мертвые. А я хочу жить.

— Уголовницей? Всеми презираемой?

— Как раз в этом для меня ничего нового нет, — горько улыбнулась Нора.

— Нет, любимая. Всему есть предел.

Она погладила его по спине:

— Я понимаю.

* * *

Две ночи спустя он проснулся в страхе: астероид тряхнуло. Норы рядом не было. Вначале он решил, что это метеорит — штука редкая, но ужасная. Он прислушался, не шипит ли где уходящий в трещину воздух, но в туннелях все еще отдавалось эхо.

Увидев Нору, он сразу обо всем догадался.

— Ты все-таки выстрелила.

Ее трясло.

— Перед тем как стрелять, я сняла «Консенсус» с якоря. Вышла на поверхность. Там что-то жуткое. Пластик течет из жерла кольца в пространство.

— И слушать не желаю.

— Но я должна была это сделать. Ради нас. Прости меня, милый. Клянусь, я никогда больше не обману тебя.

Некоторое время он хмуро молчал.

— Думаешь, прилетят?

— Не исключено. Я только дала нам шанс… —

Нора была расстроена. — Тонны пластика. Вылезают, как паста из тюбика. Вроде гигантского червя.

— Случайность, — сказал Линдсей. — Запомни, нужно будет сказать, что все вышло случайно.

Она виновато взглянула на него:

— Теперь я разрушу пушку.

Он печально улыбнулся и потянулся к ней:

— Что сделано, то сделано. Будем ждать.

ESAIRS XII 17.07.17

Сквозь сон до слуха Линдсея донеслись мерные глухие удары.

Нора, как обычно, проснулась первой и тут же стряхнула с себя остатки сна.

— Что-то шумит, Абеляр.

Линдсей просыпался мучительно, веки никак не хотели разлепляться.

— Что там? Утечка?

Она выпуталась из простыней, оттолкнулась босой ногой от его бедра и зажгла свет.

— Вставай, милый. Что бы там ни было, это надо встретить достойно.

Нет, не так предпочел бы Линдсей встретить смерть. Но вместе с Норой… Он облачился в шнурованные штаны и пончо.

— Тяги нет, — сказал он, трудясь над сложным

шейперским узлом. — Это не декомпрессия.

— Значит, спасатели! Механисты!

Они устремились к шлюзу.

Один из спасателей — наверное, самый смелый — сумел протиснуться в шлюз и пробраться в загрузочную камеру. Он неловко балансировал на носках громадных, похожих на птичьи лапы башмаков скафандра. Линдсей в изумлении взирал на него из туннеля, сощурившись и козырьком ладони прикрыв глаза.

У пришельца имелся мощный фонарь, водруженный на «переносицу» вытянутого шлема. Луч света, вырывавшийся из фонаря, был ярок, словно сварочный электрод, — жесткий, зеленовато-голубой, переходящий в ультрафиолет. Коричневый с серым скафандр, собранный складками на сочленениях пришельца, был усеян разъемами.

Луч фонаря выхватил их из темноты, и Линдсей, сощурившись, отвернулся.

— Вы можете называть меня «лейтенант», — сказал пришелец на бейсик-английском, вежливо сориентировав свое тело по вертикали.

Линдсей положил руку Норе на предплечье.

— Я — Абеляр, — представился он. — А это — Нора.

— Как поживаете? Я желаю обсудить это имущество. Пришелец достал из бокового кармана что-то вроде пачки бумаги. По-птичьи быстрым движением он встряхнул пачку, и та развернулась в телеэкран. Он поставил экран у стены. Приглядевшись, Линдсей не обнаружил линий развертки — картинка состояла из миллионов крохотных цветных шестиугольников.

А изображала эта картинка их собственный астероид. Из жерла пускового кольца в пространство тянулась толстая струя застывшего вспененного пластика, почти полукилометровой длины. Верхушку ее увенчивало нечто круглое. Потрясенный Линдсей догадался, что это. Каменная голова Паоло была аккуратно обрамлена венцом из разошедшейся лепестками пусковой бадьи. Композиция накрепко приклеилась к вырвавшемуся из пустышечного цеха пластику, а затем была выдавлена в пространство.

— Понимаю, — сказал Линдсей.

— Автор этой работы — вы?

— Да. — Линдсей указал на экран. — Обратите внимание на тонкий оттеняющий эффект завершающего ожога.

— Мы обратили внимание на взрыв, — сказал пришелец. — Очень необычная изобразительная

техника.

— Мы и сами-то необычны. Я бы сказал — уникальны!

— Я согласен, — вежливо сказал лейтенант. — Редко увидишь работу такого масштаба. Согласны ли вы вести переговоры о продаже?

Линдсей улыбнулся:

— Что ж, давайте поговорим.

Часть вторая. Сообщающиеся анархии
Глава 5

Мало-помалу мир вступал в новую эпоху. Пришельцы милостиво приняли навязанный им человечеством таинственный ореол полубогов. Систему обуяло предчувствие счастливого Тысячелетия. В моду вошла разрядка. Впервые начали поговаривать о Схизматрице — постчеловеческой Солнечной системе, разнообразной, однако единой, в которой воцарится терпимость, и каждый получит свою долю.

Мощь пришельцев — они называли себя Инвесторами — казалось, была беспредельна. Они принадлежали к расе столь древней, что напрочь забыли о тех временах, когда еще не летали к звездам. Могучие корабли пришельцев бороздили обширное экономическое пространство, торгуя с девятнадцатью другими разумными расами. Было ясно, что их технология достигла такого могущества, что при желании они могли бы запросто разнести этот мирок не одну сотню раз. Так что человечеству оставалось лишь радоваться, что пришельцы выглядели такими

безмятежными и приветливыми. Спокойствие и любезность их в данных обстоятельствах немало радовали человечество. Товары, которыми они торговали, почти всегда были безопасны, часто представляли собой немалый — но чисто академический — интерес для искусства либо науки, хотя практической пользы от них было на удивление мало.

Богатства человечества рекой текли пришельцам в казну. К звездам на кораблях Инвесторов отправлялись лишь крохотные посольства, которым никогда ничего существенного добиться не удавалось, и они так и оставались крохотными — кораблевладельцы заламывали за проезд суммы поистине астрономические.

Инвесторы же оборачивали богатства, выкачанные из человеческой экономики, и постепенно откупали человеческие предприятия. Одна-единственная техноновинка из их обширного арсенала могла превратить индустрию, пребывающую при последнем издыхании, в отрасль, акции которой ракетой взмывали в небо. Различные группировки ожесточенно грызлись промеж собой за пришельческую благосклонность; миры же, не желавшие сотрудничать с Инвесторами, очень скоро поняли, как легко и

бесповоротно могут быть обойдены остальными.

При Замирении Инвесторов пышным цветом расцвела торговля. Откровенная война стала считаться вульгарной; на смену ей пришла благопристойная скрытность наглого промышленного шпионажа. Грядущий Золотой Век казался все ближе и ближе — вот-вот, только руку протянуть. А годы текли, текли…

Государство Совета Голдрейх-Тримейн 03.04.37

Публика Линдсею понравилась. Пространство вокруг переполняли люди; разноцветные куртки с пеной кружев, ноги в узорных чулках, обутые в изящные ножные перчатки с пятью пальцами, запахи парфюмерии шейперов…

Небрежно прислонившись к стене, обитой расшитым бархатом, Линдсей просунул руку в швартовочную петлю. Одет он был по самой наипоследней моде: парчовая куртка цвета «морской волны», зеленые атласные панталоны, чулки в желтую, булавочной толщины, полоску и элегантные ножные перчатки для невесомости. На фоне жилета поблескивала золотая цепочка видео-монокля.

Его длинные, чуть тронутые сединой волосы были заплетены в косу, перевитую желтым шнурком.

Среди шейперов Линдсей считался гораздо старше своих пятидесяти одного года — его полагали генетическим типом из начала шейперской истории. Таких в Голдрейх-Тримейне, одном из старейших шейперских городов-государств в кольцах Сатурна, хватало.

Из театрального зала в холл выплыл механист, облаченный в цельнокроеный костюм изысканного оттенка красного дерева. Заметив Линдсея, он оттолкнулся ногой от двери и поплыл к нему.

Дружелюбно выставив перед собой, руку, Линдсей помог ему погасить инерцию. Протез правой руки под рукавом тихонько прожужжал, и смолк.

— Добрый вечер, мистер Бейер.

Небрежно-элегантный механист кивнул, продевая руку в петлю:

— Добрый вечер, доктор Мавридес. Всегда рад видеть вас.

Бейер служил в посольстве Цереры унтер-секретарем по культурным связям. Это бесцветное звание являлось всего лишь прикрытием для его работы на разведслужбу мехов.

— Не часто увидишь вас в это время суток, мистер Бейер.

— А я слинял со службы, — с удовольствием

сказал Бейер.

В Голдрейх-Тримейне жизнь не затихала круглые сутки. Период от полуночи до восьми утра здесь был самым разгульным, да и полиции в это время было поменьше. Тут и механист мог смешаться с толпой, не привлекая к себе косых взглядов.

— Вам понравилась пьеса, сэр?

— Триумф! Не хуже, чем у Рюмина, можно сказать. Странно, раньше я об этом авторе — Фернанде Феттерлинге — ничего не слыхал.

— Он местный, из молодых — и из самых талантливых.

— О-о, один из ваших протеже… Ну, по поводу разрядки я его чувства разделяю. Знаете, в конце этой недели в нашем посольстве намечается небольшой прием; я был бы рад пригласить и мистера Феттерлинга. Хочу лично выразить свое восхищение.

Линдсей уклончиво улыбнулся:

— Я всегда рад видеть вас у себя. Нора часто о вас вспоминает.

— Польщен. Доктор-полковник Мавридес — очаровательнейшая хозяйка.

Бейер пытался не выказывать разочарования, однако чувствовалось, что ему явно хочется

поскорей отделаться от Линдсея и наладить контакт с кем-нибудь из столпов местного общества. Линдсей его за это не осуждал — чего уж, работа такая.

Линдсей и сам имел звание доктор-капитана Службы безопасности и занимал должность эксперта по социологии Инвесторов. Даже в эти дни, в дни Замирения Инвесторов, чин в Службе безопасности был обязателен для работников военно-научного комплекса шейперов. Что ж, с волками жить — значит, и выть соответственно.

В ипостаси театрального администратора Линдсей никогда — даже намеком — не упоминал своего чина. Однако ж Бейер был о нем прекрасно осведомлен, и только дипломатическая вежливость позволяла им держаться на дружеской ноге.

Ярко-голубые глаза Бейера обшарили толпу, которая заполонила фойе, и лицо его вдруг сделалось каменным. Линдсей проследил направление взгляда.

Причиной заминки Бейера оказалась некая личность: на губе — микрофон-клипса, в ушах — клипсы-наушники, и явная нехватка элегантности в костюме. Охранник, причем не из шейперов: волосы, гладко зализанные назад,

поблескивают антисептической смазкой, а лицо не по-шейперски перекошено.

Линдсей вставил в правый глаз видеомонокль и начал съемку.

Заметив это, Бейер кисловато улыбнулся:

— Здесь их четверо. Ваша постановка привлекла внимание весьма видного человека.

— Похожи на обитателей Цепи, — сказал Линдсей.

— Официальный визит, — пояснил Бейер. — Но здесь он — инкогнито. Глава государства, Республики Моря Ясности, Филип Хури Константин.

Линдсей отвернулся:

— Не имею чести знать этого джентльмена.

— Он — не из сторонников разрядки. Я знаю его лишь с чужих слов, и представить вас не могу.

Держась к толпе спиной, Линдсей поплыл вдоль стены.

— Я должен быть в кабинете. Не откажетесь покурить в моем обществе?

— То есть втягивать дым в легкие? Не имею привычки.

— В таком случае прошу прощения…

Линдсей удалился.

* * *

— Ведь двадцать лет прошло…

Нора Мавридес сидела за консолью: мундир Службы безопасности, черный плащ небрежно накинут на плечи поверх янтарного цвета блузки.

— Что это он вдруг? — проговорил Линдсей. — Мало ему Республики?

Нора начала рассуждать вслух:

— Причина его визита сюда, наверное, в милитантах. Они хотят, чтобы он поддержал их здесь, в столице. Во-первых, он имеет вес, во-вторых, не сторонник разрядки.

— Правдоподобно. Если дела обстоят противоположным образом; Если милитанты полагают Константина ручным, лояльным к ним генералом-дикорастущим и понятия не имеют о его амбициях. И о его возможностях. На самом-то деле как раз он ими манипулирует.

— Он тебя видел?

— Не думаю. Сомневаюсь, что он вообще меня сможет узнать. — Линдсей медленно погрузил ложку в коробку с йогуртом. — Возраст сильно изменил мою внешность.

— У меня сердце не на месте после просмотра

того, что ты снял. Абеляр, столько лет все у нас было замечательно… Если он поймет, кто ты такой… Он же нас уничтожит.

— Не факт. — Сморщившись, Линдсей заставил себя проглотить йогурт, приготовленный специально для нешейперов, чей кишечник и желудок прошли антисептическую обработку, и ужасно горчивший от ферментов. — Ну, разоблачит меня Константин — а дальше? У нас останутся пришельцы. Инвесторам плевать и на мои гены, и на мое образование… Они нас прикроют.

— Он же — убийца! На него нужно напасть первым.

— Не нам, дорогая моя, обсуждать такую возможность. — Механическая рука Линдсея взяла картонку, тонкие стенки слегка вогнулись. — Я всегда старался избегать с ним столкновения. По возможности. Я нарвался совершенно случайно. Это — как кости бросить.

— Не говори так! Неужели мы ничего не можем сделать?

Линдсей побарабанил железными пальцами по столу. Вот и рука — тоже часть маскировки. Когда-то этот древний протез принадлежал Верховному судье; древность вещи как бы намекала посторонним на преклонные годы ее носителя…

На стене кабинета Норы медленно проворачивался Сатурн — телезапись вращения была сделана со спутника. Золотистую дымку, окутывавшую поверхность, бороздили ярко-оранжевые токи ветров.

— Может, в конце концов, уехать отсюда? — предложил Линдсей. — Не сошелся же свет клином на Голдрейх-Тримейне. Ущелье Кирквуда — тоже, между прочим, неплохо. Или Кластер Кассини.

— И пусть все, чего мы здесь достигли, пойдет прахом?

Линдсей рассеянно взглянул на экран.

— Мне хватит того, что со мной — ты.

— Абеляр, я не могу без этого места. Без должности профессора-полковника. И потом — как же дети? И — наша лига? Они ведь полностью зависят от нас…

— Ты права. Наш дом — здесь.

— Именно. И не делай из мухи слона. Он скоро уедет в свою Республику. Не будь Голдрейх-Тримейн столицей, Константин вообще бы сюда не сунулся.

В соседней комнате раздался взрыв детского смеха. Нора убавила звук.

— С Филипом мне не ужиться, — задумчиво

сказал Линдсей. — Слишком многое мы друг о друге знаем.

— Не будь таким фаталистом, милый. Я не собираюсь сидеть сложа руки, когда какой-то дикорастущий выскочка является и начинает угрожать моему мужу.

Поднявшись из-за консоли, она подошла к нему. Центробежное тяготение в половину земного одернуло подол ее юбки. Усадив жену на колени, Линдсей взъерошил пальцами своей «природной» руки ее волосы:

— Забудем про него, Нора. Иначе опять дойдет до смертоубийства.

Она поцеловала его:

— Раньше ты был один. А теперь многое изменилось. За нами — Полночная лига. За нами — Мавридесы, Инвесторы и мой чин в «Безопасности». Мы уверены в себе, и жизнь принадлежит нам!

Государство Совета Голдрейх-Тримейн 13.04.37

Филип Константин наблюдал отправление своего корабля в видеомонокль. Монокль ему нравился — стильная штучка. Ему было до боли обидно, что приходится жить в стороне от таких замечательных новшеств. Мода, что ни говори, мощный фактор воздействия.

Особенно — на шейперов. За кормой его «Фрэндшип Серен» комплекс Голдрейх-Тримейна неспешно вращался против часовой стрелки. Константин внимательно изучал вид города, транслируемый на его монокль с камеры, установленной на корпусе корабля.

Этот орбитальный город был прямо-таки наглядным пособием по истории шейперов.

«Ядром» служил темный, из толстой брони цилиндр — прибежище первопоселенцев, отчаянных пионеров, прибывших добывать минералы в кольцах Сатурна, несмотря на высокую радиацию и тяжелейшие электромагнитные бури. Цилиндрическое ядро Голдрейх-Тримейна было темным, словно упрямый желудь, выживший и разросшийся в совершенно фантастическое растение. Ныне «желудь» опоясывали кольцом металлические сферы, по поверхности его плавно скользили установленные на рельсах радарные установки, вокруг него на белых керамических стеблях вращались два громадных взаимно уравновешивающихся трубчатых «пригорода». Внутренний комплекс окружала россыпь жилых комплексов, лишенных тяготения. За пузырями пригородов вставали стены нематериальной Бутыли.

«Фрэндшип Серен» достиг прохода в Бутыль. В монокле сверкнули разноцветные струи помех, и Голдрейх-Тримейн исчез. Видимым осталось только отсутствие Голдрейх-Тримейна: лепешка черного тумана на фоне белых ледяных глыб Кольца. Черный туман и был собственно Бутылью: магнитное токамак-поле восьми километров в длину, защищавшее город-государство шей-перов «паутиной» на термоядерной энергии.

На таком громадном расстоянии от Солнца от энергии светила толку было немного. Шейперы обзавелись собственными солнцами, яркими ядрами, для каждого государства Совета — своим. Для Голдрейх-Тримейна, Дермотт-Голд-Мюррея, Фазы Тельца, Ущелья Кирквуда, Синхрониса, Кластера Кассини, Кластера Энке, Союза старателей, Арсенала… Константин знал на память их все.

Включились двигатели, еле заметное ускорение чуть встряхнуло корабль. Метеостанция Голдрейх-Тримейна дала разрешение на вылет, значит, страшных молний, проскакивающих иногда между элементами Кольца, не ожидается. Радиационный фон невысок. А путешествие на новых, шейперских, двигателях займет каких-то несколько недель.

В каюту вошел Зенер и сел рядом.

— Вот и все… — сказал он.

— Что, Карл, уже ностальгия? — Константин поднял взгляд на высоченного драматурга.

— По Голдрейх-Тримейну — да. А по тамошнему народу… Это другой вопрос.

— В один прекрасный день ты вернешься сюда триумфатором.

— Очень любезно со стороны вашего превосходительства.

Зенер поскреб подбородок, и Константин отметил, что стандартные бактерии Республики уже пометили его шею.

— Давай без чинов, — сказал Константин. — В Совете Колец так принято, но в Республике это отдает аристократизмом. А такая идеология у нас не поощряется.

— Понимаю, доктор Константин. И буду поосторожнее.

Гладко выбритое лицо Зенера дышало безликой шейперской красотой. Костюм его был чрезмерно изыскан, в тускловатых коричневых и бежевых тонах.

Константин спрятал монокль в карман расшитого бронзовой нитью бархатного жилета. На спине под льняным вышитым пиджаком

выступил пот; кожа спины шелушилась там, где омолаживающий вирус пожирал старые клетки. Уже два десятка лет бродила эта инфекция по его организму — первая награда за лояльность к шей-перам. В местах, где поработал вирус, оливково-смуглая кожа становилась гладкой, как у младенца.

Зенер осмотрел стены каюты. Толстый слой изоляции был украшен пуантилистскими гобеленами, изображавшими виды Республики. Буйные фруктовые сады под небом в белоснежных облаках, солнце, с церковной торжественностью озирающее с высоты золото пшеничных полей, сверхлегкий летательный аппарат, несущийся вдаль над каменными особняками, крытыми красной черепицей…

— А как же выглядит эта ваша Республика на самом деле?

— Глухая дыра, — ответствовал Константин. — Осколок прошлого. До нашей революции она здорово загнила. Не только в социальном смысле, физически — тоже. Столь огромная экосистема требует тотального генетического контроля. Но основатели о будущем не задумывались. На их век хватило — и ладно. — Константин сложил кончики пальцев. — И мы унаследовали этот бар-

дак. Цепь миров высылала своих прожектеров и мечтателей. Например, генетиков-теоретиков, сформировавших Совет Колец… Цепь слишком уж привередничала и к настоящему моменту профукала всю свою силу. Превратилась в полуколонии…

— Доктор, вы думаете, мы, шейперы, победим?

— Да. — Константин улыбнулся Зенеру, а улыбался он исключительно редко. — Потому что мы понимаем, за что идет борьба. За жизнь. Нет, я не хочу сказать, что мехи будут разом уничтожены. Они могут доживать свое еще века и века. Но все равно вымрут. Превратятся в киберов, перестанут быть живыми людьми из плоти и крови. А это — тупик, ведь пропадает сила воли. Ни императивов, ни воображения — одни программы.

Драматург кивнул:

— Логично. Не то что лозунги, которые вы, должно быть, слышали на днях в Голдрейх-Тримейне. Единство в разнообразии… Все группы составляют одну огромную Схизматрицу… Род людской заново объединяется перед лицом пришельцев…

Константин заерзал в кресле, пытаясь тайком почесать зудящую спину.

— Да, я слышал подобные упражнения в ри-

торике. Со сцены. Тот продюсер, о котором вы говорили…

— Мавридес? — оживился Зенер. — Могущественный клан. Голдрейх-Тримейн, Джастроу-Стейшн, Ущелье Кирквуда… Они никогда не были представлены в Совете, но имеют общие гены с Гарза, Дрейперами и Феттерлингами. А Феттерлинги очень влиятельны.

— Вы говорили, этот человек — только по браку Мавридес. Что он не генетический.

— Одиночка, вы хотите сказать. Не из линии. Да. И ему не позволено вносить в линию свои гены. — Зенер рассказывал сплетню с явным удовольствием. — К тому же Инвесторы в нем души не чают. И еще он — цефеид.

— Цефеид? То есть из Службы безопасности?

— Доктор-капитан Абеляр Мавридес, цефеид, доктор философии. Чин для его возраста — не бог весть какой… Говорят, когда-то он был бродягой, потом — горняком-кометчиком. Где-то на границе Системы встретился с пришельцами, каким-то образом пролез к ним в доверие… Буквально через несколько месяцев после первого своего появления они привезли этого Мавридеса с женой в Голдрейх-Тримейн на одном из своих звездолетов. И с того момента он все идет и идет

в гору. Корпорации нанимают его для посредничества в делах с пришельцами. Он преподает инвесторологию и бегло говорит на их языке. И достаточно богат, чтобы напустить тумана на свое прошлое.

— Шейперы из старых ревностно оберегают свою личную жизнь…

Зенер помрачнел.

— Он — мой враг. Он сломал мне карьеру.

Константин обдумал услышанное. Он-то знал о Мавридесе гораздо больше, чем Зенер, и этого последнего выбрал не наугад. Вполне естественно, что у Мавридеса не может не быть врагов, а значит, куда легче отыскать их, чем создавать новых.

Вот Зенер — он жестоко разочарован. Первая его пьеса с треском провалилась, а вторую так и не поставили. К закулисным махинациям Мавридеса и его Полночной лиги не допущен. Ярый антимеханист. Генетическая линия катастрофически пострадала во время войны. Сторонники разрядки его отвергают…

А Константин его приблизил и обласкал. Заманил в Республику, суля богатые театральные архивы и живые драматургические традиции, которые Зенер сможет невозбранно осваивать

и воплощать в жизнь. Конечно же, этот шейпер был ему благодарен, и чувство признательности превратило его в пешку Константина.

Константин молчал. Мавридес не давал ему покоя. Щупальца влияния этого человека оплели весь Голдрейх-Тримейн.

Нет, такие совпадения — за гранью возможного. Они складывались во вполне осмысленный сюжет.

Человек, пожелавший назваться именем Абеляр. Театральный импресарио. Ставящий политические пьесы. И супруга его — дипломат.

Слава богу, Константин точно знал, что Абеляр Линдсей мертв! Его агенты в Дзайбацу зафиксировали смерть Линдсея от рук Гейша-Банка. И он, Константин, даже разговаривал с женщиной, приказавшей убить Линдсея, шейпером-ренегаткой по фамилии Кицунэ… Он знал всю эту печальную историю от и до: связь Линдсея с пиратами, в припадке отчаяния — убийство бывшей главы Гейша-Банка… Смерть Линдсея была ужасна.

Но — почему все-таки наемный убийца, нанятый Константином, так и не вернулся из Дзайбацу? Он не допускал, что этот человек подался в бродяги. Наемным убийцам имплантированы

«предохранители»; выживают очень немногие.

Многие годы Константин провел в постоянном страхе перед этим пропавшим наемником. Элита Службы безопасности Совета Колец уверяла его, что этот убийца мертв. Константин не поверил и никогда больше с ними не связывался.

Многие годы он проникал все глубже и глубже в скрытый от постороннего взгляда мир тайных операций шей-перов. Наемные убийцы и телохранители, зачастую это были одни и те же люди, освоившие смежную профессию. Они-то и стали его ближайшими союзниками.

Он знал их уловки, знал, кто и кому фанатически предан. Он постоянно боролся за их доверие. Он укрывал их в Республике, прятал их от преследований со стороны пацифистов. Он использовал свой престиж для осуществления их милитаристских целей.

Некоторые шейперы до сих пор презирают его за то, что гены его не спланированы. Уважения большинства остальных он все же сумел добиться. Личная вражда его не волновала. Беспокоило то, что его могут внезапно остановить, прежде чем он будет готов помериться силой с миром. Прежде чем он достигнет высот, которые владели его помыслами с самого детства.

Кто же прознал про этого Линдсея, единственного человека, который когда-то был другом Константина… В те времена, когда он, Константин, был молод, когда воля его еще не окрепла, когда мягка еще была броня недоверия к окружающим, Линдсей был его ближайшим другом. Кто же выпустил на свободу этот призрак? Для чего?

Государство Совета Голдрейх-Тримейн 26.12.46

Гости, собравшиеся на свадьбу, заполонили сад. Из своего укрытия за кустами карликовой магнолии Линдсей заметил жену; несколько легких прыжков, и она уже стояла с ним рядом — гравитация была в половину нормы. Зеленые ветви шуршали по распростертым крыльям Нориной шляпки. Нора была в плотном вязаном платье цвета охры, шитом серебром и с ажурными янтарными рукавами.

— У тебя все в порядке, дорогой?

— Кайма на рукаве, чтоб ей сдохнуть… Танцевал — и вот, как-то умудрился оторвать.

— А то я смотрю, тебя нет. Может, помочь?

— Сам справлюсь, — ответил Линдсей, отчаянно сражаясь со сложным переплетением. — Осилю как-нибудь потихоньку.

— Давай помогу.

Шагнув сквозь кусты, она вытащила из шляпки

богато украшенные спицы и заработала ими над его рукавом с ловкостью и сноровкой, о каких Линдсей не мог даже мечтать. Вздохнув, он аккуратно спрятал собственные спицы обратно в галун.

— Регент про тебя спрашивал, — сообщила она. — И прибыли генные старейшины.

— Куда ты их определила?

— На веранду. Пришлось выгонять оттуда детей. — С этими словами она завершила работу. — Вот. Сойдет?

— Ты у меня — просто чудо.

— Нет-нет, не целуй меня, Абеляр, всю косметику смажешь. Потом. — Она улыбнулась. — Ты потрясающе выглядишь.

Пальцами механической руки Линдсей пробежал по завиткам своих седых волос. Стальные суставы сверкали драгоценными камнями; среди проволочных сухожилий искрились жгуты волоконной оптики. Одет Линдсей был в официальную академическую гофрированную мантию Голдрейх-Тримейна: на лацканах — значки, означавшие чин, — и в темно-коричневые панталоны. Коричневые чулки смягчали величественность костюма, едва заметно переливаясь.

— Я танцевал с невестой, — сказал он. — Гости,

похоже, удивились.

— Я слышала возгласы, дорогой.

Улыбнувшись, она взяла его под руку, положив кисть ему на рукав, чуть выше обнаженной стали локтя. Они покинули сад.

В патио невеста с женихом танцевали на потолке, вниз головами. Ноги их так и мелькали на танцплощадке, оборудованной специальными петлями. Глядя на невесту, Линдсей почувствовал неожиданный прилив счастья, почти граничащего с болью.

Клео Мавридес… Юная невеста была клоном погибшей женщины, унаследовавшим гены и имя покойной. Порою Линдсей словно бы видел в задорном взгляде молодой Клео нечто неуловимо старческое — так звон в бокале, сойдя на нет, еще заставляет вибрировать его хрустальные стенки. Что ж, Линдсей сделал все, что мог. С момента производства Клео находилась под его особой опекой. Пришлось им с Норой удовлетвориться хоть такой компенсацией… Это было больше чем искупление — слишком уж много они потратили усилий. Это была любовь.

Жених танцевал мощно; все гены Феттерлингов обеспечили его медвежьи силу и сложение. Фернанд Феттерлинг был одаренным человеком,

выдающимся даже на общем фоне сообщества гениев. Двадцать лет знал Линдсей этого человека — как драматурга, архитектора и члена лиги. Созидательная энергия Феттерлинга и по сию пору внушала Линдсею благоговение, граничащее со страхом. Интересно, подумал он, сколь долговечен будет их брак? Легкая, изящная Клео и спокойный, серьезный Феттерлинг с острым, точно стальная секира, умом… Конечно, они любят друг друга, но и расчет в этом браке сыграл немалую роль. В их брак вложен значительный капитал — как экономически, так и генетически.

Нора провела его сквозь толпу детишек, гонявших жужжащие волчки, подхлестывая их изящно сплетенными кнутиками. Выигрывал, как обычно, Паоло Мавридес. Лицо девятилетнего мальчика светилось исключительной, прямо-таки сверхъестественной сосредоточенностью.

— Нора, юлу мою не задень, — сказал он.

— А Паоло играет нечестно, — сообщила Рэнда Феттерлинг, плотно сбитая шестилетняя девочка с озорной улыбкой, выдававшей отсутствие передних зубов.

— У-у, — протянул Паоло, не поднимая глаз. — А Рэнда — ябеда.

— Играйте дружно, — сказала Нора, — не мешайте старшим.

Старейшины сидели на веранде вокруг стола в стиле «буль» и говорили взглядами. Непривычному человеку беседа на этом языке действительно показалась бы лишь чередой косых взглядов. Кивнув собравшимся, Линдсей заглянул под стол. Под столом двое детишек возились с петлей из длинной веревки. Работая в четыре руки и используя пальцы ног, они соорудили из веревки сложную паутину.

— Очень мило, — сказал Линдсей. — Но лучше идите-ка вы играть в паучат где-нибудь в другом месте.

— Ладно, — нехотя согласился тот, что постарше.

Осторожно, стараясь не испортить работу, дети поползли к выходу, держа опутанные веревкой руки перед собой.

— Я им тут дал леденцов, — сказал Дитрих Росс, когда дети ушли, — так они сказали: мол, сберегут на потом! Где это слыхано, чтобы дети в этом-то возрасте берегли леденцы «на потом»?! Куда мир катится?..

Усевшись за стол, Линдсей раскрыл небольшое зеркальце и извлек из кармана мантии пуховку

с пудрой.

— Эк ты взопрел, однако, — заметил Росс. — Нет, Мавридес, ты уже не тот, что был раньше.

— Ты, Росс, старый мошенник, — ответил Линдсей. — Сам протанцуй четыре танца, а потом говори.

— У Маргарет свежая мысль по поводу твоей скульптуры, — сказал Чарльз Феттерлинг.

Бывший регент после смещения явно сдал. Выглядел он неопрятным и желчным, старомодная прическа была изъедена сединой.

— И что же вы о ней думаете, госпожа канцлер? — поинтересовался Линдсей.

— Эротика.

Канцлер-генерал Маргарет Джулиано, перегнувшись через инкрустированную столешницу, указала на плексигласовый гермокупол. Под куполом располагалась замысловатого вида скульптура. С того момента, как Инвесторы подарили ее Линдсею, рассуждения и догадки на предмет ее содержания не иссякали.

Подарок, вырезанный из обычного льда, был покрыт сверкающим кристаллическим аммиаком. Специальные устройства поддерживали под куполом температуру в сорок градусов по шкале Кельвина. Состояла скульптура из двух

приплюснутых комков, покрытых тончайшими, острыми кристаллами изморози, образующими филигранный узор. Изображение покоилось на волнистой поверхности — возможно, представлявшей некий невообразимо холодный океан. С одной стороны над поверхностью этого океана выступал еще один, совсем маленький, комок, который вполне мог бы изображать локоть.

— Обратите внимание, их здесь двое, — сказала шейпер-ученая. — Уверена, что прочие подробности происходящего тактично скрыты под водой. Точнее, под этой жидкостью.

— Они не очень похожи друг на друга, — возразил Линдсей. — Скорее уж один поедает другого. Если они вообще живые.

— А я что говорил? — проскрежетал Зигмунд Фецко.

Регент из механистов, намного старше всех шестерых, возлежал в своем кресле, совершенно измученный. Слова он выговаривал с огромным трудом, их буквально выжимал из его груди дыхательный корсет, скрытый под тяжелым пиджаком.

— На втором, — продолжал он, — какие-то впадины. Скорлупа вдавливается внутрь, это его высасывают.

Кто-то из детей Феттерлингов вбежал в комнату в погоне за убегающим волчком. Феттерлинг взглядом попросил Невилла Понпьянскула сменить тему. Ребенок убежал.

— В самом деле, замечательный брак, — сказал Понпьянскул. — Изящество Мавридесов плюс решительность Феттерлингов… Кто может устоять против такого сочетания? Кстати, по-моему, Михаила Феттерлинг выглядит многообещающе. Какая у нее пропорция?

Такие вещи Феттерлинг знал назубок:

— Шестьдесят от Феттерлингов, тридцать от Мавридесов и десять от Гарца, по обмену. Но я присмотрел, чтобы гены Гарца были близки к ранним феттерлинговским. Никаких нам этих новых Гарца! Пока не выдержат проверки на прочность.

— Молодая Аделаида Гарца — просто восхитительна, — возразила Маргарет Джулиано. — Одна из лучших моих студенток. Сверхспособные просто удивляют, регент. Настоящий квантовый скачок!

Она огладила изящными, в мелких морщинках, руками лацканы усыпанной медалями мантии.

— В самом деле? — спросил Росс. — Я некогда был женат на Аделаиде-старшей.

— Что же случилось с Аделаидой? — осведомился Понпьянскул.

— Увяла, — пожал плечами Росс.

По комнате точно пробежал холодок. Линдсей решил сменить тему.

— Мы хотим пристроить еще одну веранду. Эта нужна Норе под кабинет.

— Ей нужно так много места? — спросил Понпьянскул.

— Работа такая, — кивнул Линдсей. — А здесь — самый лучший район. Уэйкфилдовский Дзайбацу проверил его на подслушивающую аппаратуру. Иначе пришлось бы вызывать техников и переворачивать все вверх дном…

— Строим в кредит? — спросил Росс.

— Конечно, — улыбнулся Линдсей.

— Теперь в ГТ все и все делают в кредит, — сказал Росс. — Не понимаю я этого.

— Ну, конечно, — сказал Феттерлинг. — Ты-то, Росс, за восемь десятков лет ничего в своей берлоге не поменял. В этих крысиных норах, что на осевой, и повернуться негде. Вот мы, Феттерлинги… Жених только что доставил нам проект и спецификации нового комплекса пузырей.

— Хлипкое дерьмо… — хмыкнул Росс. — Нет, в ГТ все одно теперь слишком тесно. Слишком мно-

го этих «молодых акул». Дела, конечно, выглядят неплохо, но — нутром чую — назревает крах. Если что, я сматываю удочки и отправляюсь к кометчикам. А то давненько мне не приходилось пытать удачу.

Понпьянскул глянул на Линдсея, всеми морщинками век выразив снисходительное пренебрежение к непрестанному хвастовству Росса своей удачей. Лет сто назад Россу крупно повезло с шахтами, и до сих пор он никому не позволяет об этом забыть. Других постоянно подзуживает, а сам рискует разве что в выборе и ношении этих своих странноватых жилетов…

— У меня есть кандидат в лигу, — сказал Феттерлинг. — Благовоспитан, учтив. Карл Зенер.

— Этот драматург? — осведомилась Маргарет Джулиано. — Мне его вещи не нравятся.

— Иными словами, он не за разрядку, — пояснил Феттерлинг. — И не гармонирует с твоим пацифизмом. Мавридес! Вы, несомненно, его знаете.

— Знаком, — отвечал Линдсей.

— Зенер — фашист, — сказал Понпьянскул. Новый предмет разговора прямо-таки гальванизировал престарелого доктора; он живо подался вперед, скрестив перед собою руки. — Он — чело-

век Филипа Константина. Много лет проживал в Республике. В этом рассаднике шейперов-милитантов.

— Успокойся, Невилл, — нахмурился Феттерлинг. — Уж я-то Цепь знаю, сам оттуда… То, что там проделал Константин, следовало сделать еще сто лет назад.

— В смысле — заселить свой сельскохозяйственный мирок вышедшими в тираж наемниками?

— Привести еще один мир в сообщество шейперов!

— Это попросту культурный геноцид… — Понпьянскул совсем недавно прошел омоложение; все его худощавое тело трепетало от, неестественного прилива энергии. Линдсей не спрашивал, какой техникой он пользуется; кожа сделалась гладкой, но какой-то не слишком живой, приобрела своеобразный смуглый оттенок, не встречающийся в природе. Костяшки пальцев были морщинистые, как спущенные воздушные шарики. — Орбитальную республику следовало бы оставить как есть, в качестве музея. Это было бы самым верным решением. Разнообразие необходимо, и нет ничего страшного в том, что не каждая образующаяся у нас общественная структура оказывается жизнеспособной.

— Невилл, — веско сказал Зигмунд Фецко, — ты разговариваешь как ребенок.

Понпьянскул откинулся на спинку кресла:

— Признаюсь, после последнего омоложения я перечитывал свои старые речи.

— За которые тебя вычистили, — заметил Феттерлинг.

— Ты о моем пристрастии к старине? Теперь уже и мои собственные речи — седая древность. Однако прежние проблемы так никуда и не делись. Политики сводят мир воедино, технологии же его дробят. Крохотные анклавы навроде Республики не следует трогать. Чтобы, если мы прикончим себя собственными руками, было кому собирать обломки.

— Есть Земля, — напомнил Фецко.

— Какой смысл говорить о варварах, — с этими словами Понпьянскул отхлебнул фраппе с транквилизатором.

— Будь у тебя, Понпьянскул, достаточно мужества, — заявил Росс, — ты бы отправился в Республику и занялся этим вопросом сам.

— Могу поспорить, — хмыкнул Понпьянскул, — что соберу там просто убийственные улики.

— Чушь, — сказал Феттерлинг.

— Это что, спор? — Росс смерил обоих взгля-

дом. — Тогда я буду судьей. Если вам, доктор, удастся найти улики, которые проймут даже мою носорожью чувствительность, мы все согласимся, что правда на вашей стороне.

— Давненько я не… — заколебался Понпьянскул.

— Испугался? — захохотал Росс. — Тогда сиди себе и делай загадочный вид. Тебе же нужен фасад загадочности, так? Иначе кто-нибудь из молодых акул схарчит тебя за завтраком — и дело с концом.

— Один раз после чистки были уже такие желающие позавтракать, — заметал Понпьянскул. — Подавились.

— Так это ж двести лет назад, — продолжал подзадоривать его Росс. — Я вспоминаю некий эпизод с — как это там было? — с бессмертием через применение кельпа.

— Что?

Понпьянскул моргнул. Постепенно воспоминания, похороненные под грудой десятилетий, пробились наверх.

— Кельп, — сказал он. — Волшебное растение из земного океана. — Он продолжал, цитируя сам себя:

— Друзья! Что изменит ваш каталитический

баланс? Ответ: кельп. Чудесное растение, рожденное морем и измененное генетически, способное ныне произрастать в pane — соляном растворе, от которого прослеживается происхождение самой крови… Господи боже мой, дальше не помню.

— Он торговал пилюлями из кельпа, — поведал обществу Росс. — Устроил себе контору в какой-то надувной трущобе. Радиация там была такая — можно яичницу на переборках жарить…

— Плацебо, — сказал Понпьянскул. — В те времена Голдрейх-Тримейн был полон дикорастущих. Горняки, беженцы, прожаренные радиацией. Тогда Бутыль нас еще не защищала. А если пациент выглядел уж совсем безнадежно, я примешивал немного обезболивающего.

— Всем нам не дожить до таких лет без некоторых процедур, — сказал Линдсей.

— К черту воспоминания, Мавридес, — рыкнул Феттерлинг. — Росс, я желаю знать, на что спорю. Что я выиграю, если у Понпьянскула ничего не выйдет?

— Мой дом, — сказал Понпьянскул. — В Колесе Фицджеральда.

Феттерлинг широко раскрыл глаза:

— А что поставлю я?

— Проиграв, ты публично разоблачишь Кон-

стантина и Зенера. Плюс возмещение дорожных расходов.

— Твой чудесный домик, — протянула Маргарет Джулиано. — Невилл, как же ты расстанешься с ним?

Понпьянскул пожал плечами:

— Если будущее — за Константином и его дружками, мне все равно здесь не жить.

— Не забывай, что ты лишь недавно прошел курс, — с беспокойством сказал Феттерлинг. — И действуешь с излишней поспешностью. А мне не слишком-то по нутру выгонять человека из его берлоги. Можем отложить пари, пока…

— Отложить… — проговорил Понпьянскул. — Вот в чем наше проклятие — всегда мы все откладываем на потом… И это когда молодые вгрызаются, впиваются в каждый год так, словно не было никакого «вчера»… Нет, регент, я подтверждаю пари.

Он протянул Феттерлингу руку.

— Заметано! — Ладошка Понпьянскула утонула в лапище Феттерлинга. — А вы, вчетвером, свидетели.

— Я отправляюсь с ближайшим кораблем, — сказал Понпьянскул, поднимаясь. Его зеленоватые глаза лихорадочно блестели. — Мне нужно

приготовиться. Очаровательный праздник, Мавридес.

— Спасибо, сэр, — ошарашено ответил Линдсей. — Шляпа ваша, я думаю, у робота.

— Я должен поблагодарить хозяйку.

С этими словами Понпьянскул покинул веранду.

— Совсем чокнулся, — сказал Феттерлинг. — После этой новой процедуры у него крыша съехала. Впрочем, бедняга никогда не отличался стабильностью…

— Какую процедуру он проходил? — прохрипел Фецко. — На вид в нем столько энергии…

— Из непроверенных, — улыбнулся Росс. — Он не может позволить себе зарегистрированной процедуры. Я слышал, он договорился с человеком побогаче и предоставил себя для эксперимента. И они поделили расходы.

Линдсей глянул на Росса. Тот спрятал лицо, поднеся ко рту канапе.

— Рискованно, — сказал Фецко. — Потому-то молодые нас еще и терпят. Мы берем их риск на себя. Расчищаем им путь. Отсеиваем негодные процедуры… ценой своих жизней.

— Могло быть и хуже, — сказал Росс. — Он мог нарваться на один из этих кожных вирусов. Сбра-

сывал бы сейчас кожу не хуже змеи, хе-хе!

Из звукопоглощающего поля, заслонявшего дверной проем, выступил Паоло Мавридес:

— Нора сказала: приходите проводить Клео и мистера Феттерлинга.

— Спасибо, Паоло.

Джулиано и регент Феттерлинг направились к дверям, обсуждая на ходу строительные расходы. За ними засеменил Фецко; ноги его довольно громко жужжали. Росс придержал Линдсея за локоть:

— Минутку, Абеляр.

— Слушаю вас, гуманитар-лейтенант.

— Нет, Абеляр, я не по службе. Ты ведь не скажешь Джулиано, что это я Понпьянскула подбил?

— На незарегистрированную процедуру? Нет, не скажу. Хотя с твоей стороны это было жестоко.

Росс ухмыльнулся с глуповатым самодовольством.

— Понимаешь, несколько десятков лет назад я почти женился на Маргарет… Невилл говорил, что времена моей супружеской жизни могут теперь в любой день наступить снова… Послушай, Мавридес, мне все покоя не дает, как ты послед-

ние годы выглядишь. Ты же, между нами говоря, развалина!

Линдсей коснулся своих поседевших волос.

— Не ты первый мне об этом говоришь.

— Вопрос — не в деньгах?

— Нет. — Линдсей вздохнул. — Не желаю, чтобы инспектировали мою генетику. Сейчас столько наблюдателей от Службы безопасности, а я, откровенно говоря, не совсем такой, каким выгляжу…

— Что за хрень, в таком-то возрасте?.. Слушай, Мавридес, я давно подозревал нечто в этом роде. Ведь не зря тебе не позволено иметь собственное потомство. Я тут разузнал об одном месте, очень тихом и конфиденциальном. Конечно, это стоит приличных денег, но зато не задают никаких вопросов и не заводят документации. Все делается втихую. В одном догтауне.

— Ясно. При таком риске…

— Ты же знаешь, — пожал плечами Росс, — что я не очень в ладах с остальными из моей генолинии. Они мне своей документации не дают, приходится проводить исследования самому. Может, провернем кое-что вместе?

— Я не против. Но у меня нет секретов от жены. Ей можно сказать?..

— Конечно, конечно… Значит, договорились?

— Я свяжусь с тобой.

Линдсей положил руку-протез на плечо Росса. Тот еле заметно вздрогнул.

* * *

Новобрачным удалось добраться лишь до беседки, где они застряли в толпе поздравляющих. Линдсей, приобняв Клео, придержал левой рукой за предплечье Фернанда Феттерлинга:

— Береги ее получше, она же у нас совсем еще маленькая.

Фернанд взглянул ему в глаза:

— В ней — моя жизнь.

— Молодец, правильно говоришь. А ту новую пьесу мы пока отложим. Любовь важнее.

Нора чмокнула Фернанда, смазав его косметику. Тем временем молодежь, что собралась в доме, разошлась не на шутку. Танцы на потолочных петлях перешли чуть ли не в драку: молодые шейперы, визжа от смеха, пихались изо всех сил; каждый старался столкнуть соседа с танцтакелажа. Те, кто уже упали, цеплялись за других, болтаясь в половинной гравитации.

Веселые ребята, подумал Линдсей. Скоро многие из них тоже женятся; кое-кто даже сможет,

подобно Фернанду, удачно совместить при этом любовь с политикой… Пешки. Пешки в династических играх старейшин, где правила определены капиталами и генетикой.

Он оглядел собравшихся, оценивая каждого из них с точностью, приобретенной за три десятка лет общения с шейперами. Часть толпы была скрыта за деревьями сада, прямоугольника буйной зелени, окруженного мозаичными плитами патио. Четверо детей Мавридесов мучили робофициантa — он, несмотря на все толчки и подножки, никак не желал ронять свой поднос с бокалами. Половинная гравитация позволила Линдсею легко подпрыгнуть вверх и взглянуть, что делается по ту сторону сада.

А там заварился нешуточный спор: человек в черном комбинезоне дискутировал с полудюжиной молодых шейперов. Беда. Подойдя к дорожке, ведущей через крышу сада, Линдсей вспрыгнул на потолок. С привычной легкостью цепляясь за рукояти и переставляя ноги из углубления в углубление, он поспешил к компании. На несколько мгновений его задержали трое детишек, промчавшихся, громко хихикая, в ту же самую сторону. Один ребенок обогнул Линдсея слева, другой — справа, а третий перебрался

прямо через него. Кружева на рукаве снова оторвались.

— Да чтоб он сгорел, этот рукав, — пробормотал Линдсей, спрыгивая на пол. Правда, к этому времени не многим удалось сохранить свой костюм в целости… Он направился к спорщикам.

Взятый в осаду молодой механист был одет в элегантный атласный комбинезон с черной тесьмой и легонькой оторочкой из шейперских кружев у ворота. Линдсей узнал его: из учеников Рюмина, прибыл из гастролирующего по Системе «Кабуки Интрасолар», назвался Уэллсом.

Внешне Уэллс сильно напоминал бродягу: дерзок, коротко стриженные волосы спутаны, живой взгляд, размашистость движений говорит о привычке к невесомости. На плечах комбинезона — эмблемы в виде масок «Кабуки». И, кажется, пьян.

— Да о чем тут говорить! — громко настаивал Уэллс. — Когда Инвесторов использовали как предлог для прекращения войны — это одно. Но для тех из нас, кто знает этих пришельцев с детства, истина очевидна. Они далеко не ангелы. Все их игры с нами — только ради их собственной выгоды.

Пока что спорящие не замечали Линдсея. Он

держался сзади, внимательно к ним присматриваясь. Обстановка, судя по всему, накалялась. Шейперами, окружившими Уэллса, были Африэль, Бесежная, Уорден, Парр и Ленг — его, Линдсея, выпускной класс. Лингвистика пришельцев. Они слушали механиста с вежливым презрением. Очевидно, объяснить ему, кто они такие, не удосужились, хотя докторантские мантии говорили за себя сами…

— Так, значит, по-вашему мнению, их не стоит и благодарить за разрядку? — спросил Саймон Африэль, холодный и практичный молодой милитант, уже зарекомендовавший себя в военно-научном комплексе шейперов. Однажды он поведал Линдсею, что хочет получить назначение в какую-нибудь чужую звездную систему. Да и все они к этому стремятся: среди девятнадцати известных рас чужаков, конечно же, найдется хоть одна, с которой шейперам удастся установить надежные взаимоотношения. И тогда весь мир будет у ног того дипломата, что вернется с такого задания в здравом уме.

— Да я, можно сказать, горой стою за разрядку, — заверил Уэллс. — Я просто желаю, чтобы и человечество участвовало в прибылях. Ведь — тридцать лет эти Инвесторы нас покупают и

продают, как хотят! А получили мы хоть что-то из их секретов? Межзвездный двигатель? Или их историю? Нет! Вместо этого они пудрят нам мозги бесполезными игрушками да весьма дорогими прогулочками к звездам. Эти чешуйчатые жулики наживаются за счет слабости и раздробленности человечества. И не один я так полагаю! Сейчас новое поколение в картелях…

— И что из этого? — спросила Бесежная, богатая девица, уже освоившая восемь языков плюс инвесторский, образцовая шейперская светская дама в платье с «боярскими» рукавами и крылатой бархатной шляпке. — В картелях большинство составляют старшие, их отношение к нам не изменилось, им так привычнее. Если бы нас не защищали Инвесторы…

— Именно так, госпожа без пяти минут докторша. — Уэллс был вовсе не так уж пьян. — Нас, желающих увидеть, что же такое Кольца в действительности, — сотни. Хватает и тех, кто безоглядно восхищается вами. К нам нелегально проникают ваши позапрошлогодние моды, ваше третьесортное искусство. Очень жаль! Мы так много можем друг другу предложить… Но Инвесторы выжимают из сложившегося положения все, что только могут. Они уже начали поддер-

живать поджигателей войны: положили конец перелетам «Кольца — картель», вдохновляют экономические войны… Поймите: самого факта, что я здесь, достаточно, чтобы на всю жизнь опозорить меня и даже объявить агентом Службы безопасности Колец — «микробом», как вы их называете. В картеле мне теперь пожизненный надзор обеспечен…

Африэль заметил Линдсея и громко сказал:

— Добрый вечер, господин доктор-капитан.

Постаравшись принять благодушный вид, Линдсей выступил вперед.

— Добрый вечер, господа докторанты. Добрый вечер, мистер Уэллс. Хотелось бы надеяться, что вы не обременены юношеским цинизмом. Мы живем в счастливые времена…

Уэллс явно занервничал. Все механисты жутко боялись агентов Службы безопасности Колец, не сознавая, что военно-научный комплекс столь тесно вплетается в жизнь шейперов, что к Службе безопасности, тем ли, иным ли образом, принадлежит четверть населения. Вот, например, Бесежная, Африэль и Парр, записные лидеры полувоенных молодежных организаций Голдрейх-Тримейна. У Уэллса куда больше оснований опасаться их, чем Линдсея, с большой

неохотой согласившегося принять капитанский чин… Однако Уэллс был насквозь проникнут недоверием и бормотал какие-то пустопорожние вежливости, пока Линдсей не отошел от компании.

Что хуже всего — Уэллс прав. И студенты-шейперы это отлично понимали, хотя вовсе не собирались рисковать с таким трудом доставшимися докторскими степенями, публично выражая согласие с простодушным механистом. Еще бы: если желаешь получить от Совета Колец разрешение на полет к звездам, идеологически ты должен быть безупречен.

Конечно же, Инвесторы — просто рвачи. Человечеству их приход не принес ожидаемого Золотого века. Их даже и умными-то особенно не назовешь. Берут они исключительно непрошибаемой наглостью да сорочьей жадностью на все, что блестит. Слишком алчны, чтобы чего-либо стесняться, точно знают, чего хотят, и в этом их решающее преимущество.

Раздули их силу и значение свыше всякой меры, вот и все. И Линдсей тоже к этому руку приложил. Вспомнить хоть, как они с Норой выторговали за свой гиблый астероид три месяца уроков языка плюс бесплатный проезд до Совета

Колец, где Линдсей, немедленно прославившись как первый друг пришельцев, сделал все, чтобы окружить их ореолом таинственности… А значит, он и сам виноват в этом мошенничестве.

Он ведь даже самих Инвесторов обманул! Его инвесторское имя и по сию пору состоит из скрежета с присвистом, означающего «Художник». И до сих пор у него есть друзья-Инвесторы — или, по крайней мере, те, кому доставляет удовольствие его общество…

Инвесторы обладают чем-то похожим на чувство юмора и, несомненно, по-садистски наслаждаются своими надувательскими сделками. И скульптура, подаренная ими и помещенная на почетном месте в его доме, вполне может оказаться всего-навсего парой кусков инопланетного говна!

Бог его знает, какому сбрендившему чужаку втюхали они ту каменную голову. И мало удивительного, что такой горячий юнец, как Уэллс, хочет правды и орет об этом на каждом углу. Не представляет себе парень последствий или же просто на них плюет — слишком еще молод, чтобы жить по лжи. Ну, положим, ложь еще малость продержится. Невзирая даже на новое, выросшее при Замирении Инвесторов поколение, так и

рвущееся срывать покровы, не подозревая, что рвут-то они тот самый холст, на котором написан их мир.

Линдсей поискал жену. Она нашлась в своем кабинете, в тесном кругу своей банды заговорщиков, состоящей из профессионалов-дипломатов. Профессор-полковник Нора Мавридес раскинула над Голдрейх-Тримейном обширную паутину. Рано или поздно в ней окажутся все дипломаты столицы. Она была самой известной среди лоялистов своего класса и главным борцом за их дело.

Линдсей прикрывался своей таинственностью. Насколько ему было известно, он единственный из зарубежного отдела остался в живых. Если же уцелели где-нибудь другие дипломаты не из шейперов, то только потому, что старались не высовываться.

Ради приличия он на минуту задержался в кабинете, но безупречные манеры присутствующих, как всегда, действовали на нервы. Он прошел в курительную, где труппа феттерлинговских «Пастушьих Лун» приобщала двоих завзятых театралов к новомодному пороку.

Линдсей сразу же окунулся в роль театрального импресарио. Эти-то верят в то, что видят: старик, немного заторможенный, без присущей прочим

искры гения, однако щедрый и окруженный ореолом таинственности. Таинственность — это ведь так романтично! Доктор Абеляр Мавридес на то и рассчитывал.

Он дрейфовал от одной беседы к другой: генетическая брачная политика, интриги Службы безопасности Колец, соперничество городов, научные стычки между «сменами» города, артистические лиги, — различные нити одной и той же ткани. Блеск этой ткани, сложное изящество социальных переплетений убаюкивали его. Порою такие приступы безмятежности настораживали: может, это возраст? Дряблость, предшествующая распаду? Ему, Линдсею, уже шестьдесят один…

Свадебное гулянье подходило к концу. Актеры отправились на репетиции, расползлись по своим древним норам старейшины, и орды детей разбежались по детским садам своих генетических линий. Наконец и Линдсей с Норой смогли добраться до спальни. Нора была слегка пьяна, глаза ее блестели. Присев на краешек кровати, она завела руки за спину, расстегнула платье и потянула. Сложная «шнуровка» на спине с легким шуршаньем разошлась, как паутина.

Первое омоложение понадобилось Норе два-

дцать лет назад, в тридцать восемь, а второе — в пятьдесят. Кожа ее спины зеркально поблескивала в розоватом свете ночника. Линдсей вынул из верхнего ящика тумбочки свой старый видеомонокль и снял с него футляр. Тем временем Нора высвободила свои изящные руки из расшитых бисером рукавов и принялась откалывать шляпку. Линдсей начал съемку.

— Ты еще не разделся? — Она обернулась. — Абеляр, что ты делаешь?

— Хочу запомнить тебя вот такой, — ответил он. — Как в этот прекрасный момент.

Со смехом Нора отшвырнула шляпку, ловко выдернула из волос украшенные драгоценными камнями заколки, и косы ее темными волнами упали на плечи. Линдсей почувствовал прилив новых сил. Отложив монокль, он выскользнул из одежд. Начали они не спеша, с ленцой. Но в эту ночь Линдсей особенно чувствовал, что смертен, и это чувство подгоняло его, словно шпора. Его охватила страсть, и он любил жену с небывалым пылом, и она отвечала тем же. Жестко вбиваясь в нее напоследок, он созерцал сквозь пульс оргазма собственную железную руку на ее глянцевитом плече. Хватая ртом воздух, он слышал, как громко стучит его сердце.

Когда он отстранился, она со вздохом потянулась и рассмеялась:

— Чудесно. Как я счастлива, Абеляр!

— Я люблю тебя, жизнь моя, — ответил он.

Нора приподнялась на локте.

— Милый, у тебя все в порядке?

Глаза Линдсея жгло.

— Сегодня вечером я говорил с Дитрихом Россом, — осторожно начал он. — Он предложил испробовать на мне новую процедуру омоложения.

— О-о, — с радостью сказала она. — Хорошие новости.

— Штука рискованная.

— Дорогой, старость — вот действительно рискованная штука. Все остальное — вопрос тактики. Тебе не требуется ничего особенного, лишь незначительный деката-болизм; с этим справятся в любой лаборатории. И можно будет не думать об этом еще лет двадцать.

— Но это означает — снять перед кем-то маску. Росс обещал строгую конфиденциальность, но я ему не доверяю. Феттерлинг с Понпьянскулом устроили сегодня довольно эксцентричную сцену. При подстрекательстве Росса.

Нора принялась расплетать одну из своих кос.

— Ты вовсе не стар, дорогой, просто слишком долго притворялся, что стар. И скоро тебе уже не придется притворяться. Дипломаты возвращают себе свои права, а ты ведь теперь — Мавридес. Вот регент Феттерлинг тоже дикорастущий, и никто из-за этого не думает о нем хуже.

— Ну да!

— Может, совсем немного… Хотя это неважно. Абеляр, у тебя глаза отекли. Ты принял ингибиторы?

Линдсей молчал. Опершись на не знающую усталости железную руку, он сел в постели.

— Я смертен, — сказал он. — Когда-то это имело для меня очень большое значение. И это — все, что осталось от меня прежнего, от прежних моих убеждений…

— И что же ты думаешь: старея, ты будешь меньше изменяться? Если хочешь сохранить свои прежние чувства, нужно оставаться молодым.

— По-моему, есть только один способ. Способ Веры Келланд.

Руки ее замерли, коса осталась наполовину нерасплетенной.

— Извини, — сказал Линдсей, — но это все время где-то здесь, рядом со мной, в тени… Я боюсь, Нора. Стань я снова молод, все изменится. Все эти

годы, принесшие нам столько радости… Я заморожен здесь, залегши на дно, с тобой, в счастье и безопасности. Рискнув же снова стать молодым — я буду у всех на виду…

Она погладила его по щеке.

— Дорогой, не волнуйся. Я — с тобой. Я не дам тебя в обиду. Кто бы ни задумал причинить тебе вред — только через мой труп.

— Я понимаю, и рад этому, но никак не могу прогнать это чувство… Может быть, это вина? Вина за то, что все у нас так прекрасно? Что мы любим друг друга, тогда как другие умирают, словно крысы, загнанные в угол? — Голос его задрожал. Он опустил взгляд к пятну света ночника на охряном покрывале. — Сколько еще продлится Замирение? Старики нас презирают, молодые глядят на нас как на пустое место. Все меняется — и вряд ли изменится в лучшую для нас сторону… Милая… — Он взглянул ей в глаза. — Я отлично помню дни, когда у нас не было ничего, даже воздуха для дыхания, и все вокруг нас заполняла гниль. То, что мы приобрели с тех пор, является нашей чистой прибылью, но все это не настоящее… Реальны лишь отношения между тобой и мной — и более ничего. Скажи: если все остальное пойдет прахом, ты ведь останешься

со мной?..

Она взяла мужа за руки, положив его протез поверх своего локтя.

— Откуда у тебя эти мысли? Опять Константин?

— Феттерлинг хочет ввести в лигу одного из его людей.

— Так и знала, что тут не обошлось без этого деспота. Значит, это его ты боишься? Вспомнил прежние трагедии… Ну что ж, так-то лучше, теперь я знаю, с кем имею дело.

— Дорогая, дело не только в нем. Видишь ли, Голдрейх-Тримейн не вечно будет на вершине. Замирение Инвесторов рушится; вновь начнется открытая борьба шейперов с механистами. Милитаристское крыло готово снова воспрянуть. Мы потеряем статус столицы…

— Это — безосновательная паника, Абеляр. Мы еще ничего не потеряли. Сторонники разрядки в Голдрейх-Тримейне сильны, как никогда. Мои дипломаты…

— Я знаю, ты сильна. Скорее всего, ты победишь. Но если проиграешь, если придется уйти в бродяги…

— В бродяги? Мы, дорогой, не какие-нибудь беженцы, мы — генетические Мавридесы! При

должностях, имуществе и состоянии! Здесь — наша крепость! И нельзя оставить ее просто так, когда она нам столько дала… Ничего, после процедуры ты перестанешь тревожиться. Вернув себе молодость, ты посмотришь на мир иначе.

— Я знаю, — согласился Линдсей. — Это-то меня и пугает.

— Я люблю тебя, Абеляр. Обещай мне завтра же позвонить Россу.

— О, нет, — возразил Линдсей. — Нельзя показывать, что слишком торопишься.

— Но когда же?

— Ну, скажем, лет через несколько. По меркам Росса, это — ничто.

— Но, Абеляр, мне больно видеть, как возраст съедает тебя. Слишком далеко зашло. Это просто неразумно… — Глаза ее наполнились слезами.

Линдсей удивился и даже немного встревожился:

— Не плачь, Нора… Сама себе делаешь больнее…

Он обнял ее.

Она прижалась к нему:

— Неужели мы не сможем удержать, что имеем? Я уж сама засомневалась.

— Я — просто дурак, — сказал Линдсей. — Я в

прекрасной форме; нет никакого смысла спешить. Извини, что я тебе тут наговорил всякого…

— Победа будет за мной! — глаза ее снова были сухи. — За нами! Мы оба будем юными и сильными. Вот увидишь.

Государство Совета Голдрейх-Тримейн 16.04.53

Эту встречу Линдсей откладывал сколько мог. Но теперь ему уже недостаточно было одних ингибиторов да диеты. Ему шел шестьдесят девятый год.

Демортализационная клиника располагалась на окраине Голдрейх-Тримейна, в растущей грозди надувных пузырей. Пузыри, связанные между собой трубами, могли возникать либо исчезнуть за одну ночь — идеальное обиталище для Черных Медиков и прочих сомнительных компаний.

Здесь скрывались механисты, желавшие продлить себе жизнь шейперскими способами — и не желавшие при этом попадать под юрисдикцию шейперов. Спрос и предложение порождали коррупцию, а тем временем Голдрейх-Тримейн богател, обрастал жирком и расслаблялся. Столица тратила больше, чем зарабатывала, бреши в экономике латались теневыми деньгами.

Страх вынудил-таки Линдсея пойти на это, страх оказаться в немощи, когда все развалится

окончательно.

Росс обещал полную анонимность. Все будет сделано мгновенно, за день, максимум — за два.

— Я не хочу ничего серьезного, — сказал он пожилой даме. — Просто декатаболизм.

— Документация по вашей генетической линии у вас с собой?

— Нет.

— Это осложняет дело. — Теневая деморталистка взирала на него, странно, совсем по-девчоночьи склонив голову набок. — Геном определяет природу возможных осложнений. Старение — естественное или по совокупности повреждений?

— Естественное.

— Тогда можно попробовать процедуру погрубее. Гормонотерапия плюс вымывание свободных радикалов антиоксидантами. Быстро и грязно, зато это вернет вам живость.

Линдсей вспомнил странноватую кожу Понпьянскула.

— А какой процедурой пользуетесь вы сами?

— Это секрет.

— Сколько вам лет?

Дама улыбнулась.

— Не нужно спрашивать о таких вещах. Чем

меньше мы друг о друге знаем, тем лучше.

Линдсей послал ей взгляд. Дама взгляда не уловила. Он взглянул снова… И понял: она не знает этого языка. По спине Линдсея пробежал холодок беспокойства.

— Нет, так я не могу, — сказал он. — Я вам не очень доверяю.

Линдсей поплыл к выходу из пузыря, прочь от сканеров и пробоотборников, служивших ядром этого маленького небесного тела.

— Неужели вас смущают наши цены, доктор Абеляр Мавридес? — сказала дама вдогонку.

Сознание заработало в бешеном темпе. Сбылись самые худшие предположения! Он обернулся, решив ее осадить:

— Вас кто-то ввел в заблуждение.

— У нас имеется собственная разведслужба.

Он внимательно к ней пригляделся. Морщинки на лице чуточку не на месте, не совпадают со структурой лицевых мышц.

— Вы молоды, — сказал Линдсей. — Только выглядите старо.

— Значит, мы с вами — собратья по одному и тому же мошенничеству. Впрочем, для вас оно — лишь одно из многих.

— Росс уверял меня в вашей надежности. Зачем

же рисковать работой, оскорбляя меня?

— Нам нужна правда.

Он пристально посмотрел на нее:

— И всего-то? Попробуйте дедуктивный метод. А в данный момент давайте говорить разумно.

Молодая женщина разгладила свою медицинскую куртку морщинистыми руками.

— Представьте, что я — зритель в театре, доктор Мавридес, и расскажите мне о своей идеологии.

— Нет у меня никакой идеологии.

— А как же с Замирением Инвесторов? Со всеми этими пацифистскими пьесами? Думаете, это инвесторское мошенничество излечит Схизму?

— Вы, оказывается, еще моложе, чем я думал. Задавать такие вопросы может лишь тот, кто никогда не видел войны.

Она перешла на крик:

— Нас вырастили при Замирении! Нам с детского сада твердили, что война побеждена любовью и разумом! Но мы читали историю! И не в обработке Джулиано — а как все было на самом деле! Вы знаете, что случилось с сообществами, в которых нововведения не прижились? В лучшем случае их загнали на какие-нибудь ужасные аванпосты! В худшем — их травят, уничтожают поодиночке, науськивают друг на друга…

Правдивость этих слов ранила больно.

— Но некоторые живут!

Девушка рассмеялась:

— Вы ведь дикий, для чего же вам заботиться о нас? Жизнь и душа ваши — глупость.

— Вы из людей Маргарет Джулиано, — сказал Линдсей. — Из сверхспособных.

Линдсей с интересом разглядывал ее: раньше он никогда не встречал сверхспособных. Считалось, что они строго изолированы, что их непрерывно изучают.

— Маргарет Джулиано… — проговорила она. — Из вашей Полночной лиги. Она помогла нас сконструировать. Она — за разрядку. Падет Замирение, падем и мы вместе с ней. За нами постоянно подглядывают, шпионят, ищут наши ошибки… — Глаза, обрамленные морщинами, дико пылали. — Вы представляете себе наш потенциал? Ни законов, ни душ, ни границ! Но нас окружили кольцом догм. Фальшивые войны, дурацкие лояльности. Куча хлама, именуемая Схизматрицей. Другие погрязли в ее болоте, прячась от полной свободы, но мы хотим всей правды, без оговорок. Мы принимаем действительность такой, как она есть. Мы должны раскрыть глаза всем, и если для этого потребуется

некий катаклизм, то тысячи людей готовы…

— Нет уж, подождите, — перебил ее Линдсей. Если она из сверхспособных, ей не больше тридцати… Его ужаснула фанатичность, с которой девушка готова была повторить его ошибки. Его — и Веры… — Вы слишком молоды для однозначных, окончательных решений. Ради бога, не нужно пуризма, не нужно запальчивости, пусть все утрясется, подождите лет пятьдесят. Подождите сто лет. Времени у вас — сколько угодно.

— Мы не приемлем того образа мыслей, которого от нас ждут. И поэтому нас хотят убить. Но прежде, чем это у них получится, мы вскроем череп мира и введем туда свои иглы.

— Подождите, — остановил ее Линдсей. — Возможно, Замирение обречено. Но себя-то вы можете спасти! Вы умны. Вы можете…

— Жизнь — анекдот, друг мой. А смерть — его кульминация.

Девушка подняла руку и исчезла.

— Что вы?.. — ахнул Линдсей — и осекся. Голос его прозвучал как-то странно. Казалось, в помещении изменилась акустика. Однако машины все так же тихонько жужжали и попискивали.

Линдсей подплыл к ним.

— Алло, девушка! Давайте сначала побеседуем.

Поверьте, я в состоянии вас понять!

Голос его стал явно другим — пропала слабая старческая хрипотца. Он тронул горло левой рукой — оказалось, подбородок оброс густой щетиной. Удивленный, он подергал ее — да, волосы его, настоящие.

Подплыв поближе к машинам, он дотронулся до одной. Металл смялся под пальцами. Линдсей яростно сжал кулак. Корпус немедленно раскрошился, сквозь дыру он увидел хрупкие конструкции из целлюлозы и пластика. Он рванул другую машину. Снова — макет. А в центре комплекса прилежно гудел и попискивал детский магнитофончик. Подхватив его левой рукой, Линдсей вдруг почувствовал свою руку: мышцы заныли.

Он сорвал с себя пиджак и рубашку. Живот был плоским и мускулистым, седые волосы с груди были тщательно удалены. Он вновь ощупал свое лицо. Бороды он никогда не носил, но щетина была как минимум двухнедельной давности.

Похоже, девушка каким-то образом мгновенно привела его в состояние полной беспомощности и бесчувственности. Затем некто прочистил его клетки, реверсировал катаболизм, переместил предел Гайфлика для кожи и важнейших органов, одновременно подвергая его бесчувственное

тело нагрузкам для восстановления мышечного тонуса. После того, как все было кончено, этот некто придал ему прежнее положение и неким образом моментально привел в чувства.

Сознание Линдсея охватил запоздалый шок; казалось, все вокруг окуталось неясным мерцанием. Выглядели перемены — реальнее некуда. Гораздо легче было бы усомниться в реальности своего имени, поступков и факта пребывания в живых. Бороду — в качестве календаря мне оставили, подумал он. Если только и она не поддельна, наряду со всем прочим.

Он глубоко вздохнул. Легкие упруго расправились. Наверное, очистились от табачной смолы…

— Господи, — сказал Линдсей вслух. — А как же Нора?

Впрочем, период паники у нее уже был должен пройти; сейчас она полна ненависти к его похитителю, кем бы тот ни был… Линдсей поспешил к выходу из пузыря.

Гроздь дешевых надувных полостей, сильно напоминающая виноградную, была подсоединена к междугородней трубе. Проплыв по отлакированному коридору, он прошел через мембранную дверь и оказался в прозрачном вздутии перекрестка. Внизу лежал Голдрейх-Тримейн, с

колесами Бесежного и Паттерсона, неспешно и величаво вращавшимися в пространстве, со всеми своими похожими на молекулы пригородами, пурпурными, золотыми, зелеными, окружавшими город, словно разноцветные бусы… Что ж, по крайней мере, он все еще в Голдрейх-Тримейне. Линдсей направился домой.

Государство Совета Голдрейх-Тримейн 18.09.53

Этот хаос казался Константину отталкивающим. Эвакуации всегда выглядят неприятно. Стыковочный узел был завален кучами хлама: одежда, расписания рейсов, чехлы от респираторов, пропагандистские листовки… Ограничение багажа час от часу ужесточалось. Как раз в эти минуты неподалеку четверо шейперов занимались облегчением своих чемоданов, выдергивая из них вещи и злобно разбивая их о сиденья и переборки.

К биржевым терминалам змеились длинные очереди. Сеть была страшно перегружена, а каждая секунда работы на терминале стоила больших денег. Кое-кто из беженцев обнаруживал, что продажа его покачнувшихся акций обойдется дороже, чем стоимость самих акций.

Синтетический голос системы оповещения объявил очередной рейс к Союзу старателей. Порт

в момент превратился в ад. Константин улыбнулся. Туда же отлетал и его корабль, «Френдшип Серен». Но ему, в отличие от прочих, место было гарантировано. И не только на корабле, но и в новой столице.

Голдрейх-Тримейн слишком много тратил. Слишком уж он полагался на свое положение столицы. Теперь, когда этот статут был перехвачен милитантами соперничающего города, выяснилось, что ГТ нечем расплачиваться за долги.

Константину нравился Союз старателей, кружащийся на орбите Титана, над его кроваво мерцающими тучами. Источник богатства Союза был надежен и всегда под рукой: небо Титана просто задыхалось от органики, настолько оно ею было насыщено. И эту органику при помощи термоядерных драг можно было черпать из атмосферы сотнями тонн. Метан, этан, ацетилен, цианоген — целая планета сырья для полимерных фабрик Союза.

Наконец те, кто прибыл, высадились — жалкая горстка по сравнению с толпой отбывающих, да и сам вид прибывших оставлял желать лучшего. Через таможню проплыла группа людей в мешковатых униформах. Ясно: бродяги, и даже не из шейперов — вон как блестит кожа от антисепти-

ческих масел.

Четверо телохранителей Константина тихонько переговаривались по рации, оценивая прилетевших. Охранникам явно действовало на нервы, что хозяин не торопится улетать. Множество местных врагов Константина были близки к отчаянию: банки Голдрейх-Тримейна пребывали на грани краха. Охране приходилось быть постоянно на взводе.

Но Константин медлил. Он разгромил шейперов на их собственной территории и испытывал от этого невыразимое удовольствие. Да, вот ради таких моментов и стоит жить. Он, пожалуй, был единственным в этой двухтысячной толпе, у кого на душе царили мир и покой. Никогда еще не чувствовал он такой власти над людьми.

Враги, недооценив его, связали сами себя по рукам и ногам. Они прикинули его возможности — и полностью ошиблись. Константин и сам не знал пределов своих возможностей. Именно это и гнало его вперед.

Он стоял и вспоминал своих врагов, одного за другим. Милитанты избрали его для атаки на Полночную лигу, и успех его был полным и подавляющим. Первым пал регент Чарльз Феттерлинг, считавший себя неуязвимым. Вдохновленный

Карлом Зенером, он поддержал милитантов, и власть Полночной лиги была подорвана изнутри. Она развалилась на враждующие лагери. Те, которые не хотели менять своих позиций, подвергались атакам радикалов.

Механист-перевертыш Зигмунд Фецко увял. Теперь всякий, вызывающий его резиденцию, получает лишь изысканные отговорки и просьбы повременить с визитом. И то — от системы, управляющей домом. Образ Фецко еще жив, но сам человек мертв. Хоть и слишком вежлив, чтобы признаться в этом публично.

Невилл Понпьянскул умер в Республике — убит по приказу Константина.

Канцлер-генерал Маргарет Джулиано просто исчезла. Кто-то из ее личных врагов постарался. По этому поводу Константин недоумевал до сих пор: в день ее исчезновения ему привезли большую посылку без обратного адреса. Ящик, со всеми предосторожностями вскрытый телохранителями, содержал в себе куб льда с элегантно вырезанной — прямо на льду — надписью: «Маргарет Джулиано». С того дня ее никто не видел.

Профессор-полковник Нора Мавридес несколько переиграла. Ее супруг, фальшивый Линдсей, пропал, и она обвинила Константина в его по-

хищении. Когда же ее супруг вернулся с дикой сказкой о сверхспособных-ренегатах и теневых клиниках, ее репутация была безнадежно испорчена.

До сих пор Константин не слишком хорошо представлял себе, что там стряслось. Скорее всего, Нору Мавридес подставили ее же дружки, прогоревшие дипломаты. Увидели, к чему идет дело, и устроили своей покровительнице ловушку — в надежде, что новый режим Союза старателей скажет им за это «спасибо». И очень ошиблись.

Константин обвел взглядом станцию, настроив видео-очки на крупный план. В зале появлялось все больше и больше людей, резко выделявшихся на фоне дико, бессмысленно выряженных, беспомощно суетящихся шейперов. Ясненько, новоприбывшие бродяги. То здесь, то там убого одетые идеологические анахронизмы, широко улыбаясь, примеряли к себе расшитые кружевами одежды или хищно, внаглую зависали над облегчающими свой багаж эвакуантами.

— Крысы, — процедил Константин, подавленный зрелищем. — Нам пора, джентльмены.

Охрана провела его через огороженный барьерами коридор к отдельному пандусу. «Липучие» подошвы башмаков Константина захрустели и

зашуршали о ткань обивки.

Проплыв посадочным рукавом к шлюзу «Френдшип Серен», он поднялся на борт, устроился в своем любимом противоперегрузочном кресле и подключился к видео, чтобы полюбоваться отлетом.

Корабли, стоявшие в очереди к посадочным рукавам, казались совсем крошечными рядом с изящной громадой звездолета Инвесторов. Константин вытянул шею, и камеры на обшивке «Френдшип Серен», рабски повинуясь его движению, повернулись под нужным углом.

— А, этот их корабль, значит, все еще здесь? — вслух, с улыбкой спросил Константин. — За дешевизной гоняются?

Он сдвинул видеоочки на лоб. В кающе его охранники, сгрудившись под подвесным резервуаром, вдыхали успокаивающий газ из дыхательных «намордников». Один из них поднял взгляд. Глаза красные…

— Мы уже можем отдыхать, сэр?

Константин раздраженно кивнул. С тех пор, как возобновилась война, охранники совсем перестали понимать шутки…

Торговый звездолет Инвесторов 22.09.53

Нора подняла взгляд на мужа, развалившегося

в высоком кресле над ее головой. Лицо его скрывала темная борода и большие солнечные очки. Волосы его были коротко острижены, а одет он был в механистский десантный комбинезон. Старый, исцарапанный атташе-кейс покоился неподалеку на вытертом плюше палубы. Муж взял его с собой. Он уезжал.

От высокой гравитации в корабле Инвесторов тело наливалось свинцом.

— Нора, брось расхаживать, — сказал он. — Только вымотаешься.

— Отдохну позже, — отвечала она.

Мышцы ее шеи и плеч бугрились от напряжения.

— Лучше — сейчас. Сядь во второе кресло. Закроешь глазки, поспишь немного — и не заметишь, как время пройдет.

— Я не лечу с тобой.

Сняв свои темные очки, она потерла пальцами переносицу. Освещение в каюте было обычным для Инвесторов: бело-голубое сияние сумасшедшей яркости, сплошной ультрафиолет.

Она ненавидела этот свет. Вопреки всякой логике, она всегда недолюбливала Инвесторов, лишивших гибель ее Семьи всякого смысла. А те три месяца, проведенные ею однажды на

подобном этому корабле, были самым жутким периодом ее жизни. Линдсей, закаленный бродяга, быстро приноравливался к любой обстановке и был готов иметь дело с пришельцами, как, впрочем, и с кем угодно другим. Тогда она этому удивлялась. Теперь они вернулись к тому же самому.

— Ты же пришла сюда, — сказал Линдсей. — Ты бы не сделала этого, если бы не хотела лететь со мной. Я же знаю тебя, Нора. Ты такая же, как и прежде, хотя я — изменился.

— Я пришла сюда потому, что хочу пробыть с тобой подольше, до самого конца.

Нора боролась со слезами, лицо ее закаменело. Сейчас она не чувствовала ничего, кроме черной тоски и тошноты. Слишком много невыплаканных слез, думала она. Когда-нибудь я в них утону.

Да, Константин использовал все слабые места в Голдрейх-Тримейне. А моим слабым местом был этот человек, думала она. Когда Абеляр вернулся из клиники омоложения, после того как пропадал три недели, вернулся настолько изменившимся, что даже роботы-домоправители отказались его впустить… Но даже это было не столь ужасно, как дни без него, в поисках его… Обнаружить, что

пузырь, где должна была быть подпольная клиника, в которую он отправился, спущен и убран… Гадать, какая «звездная палата»[4] разбирает его по винтику…

— Это я во всем виновата, — сказала она. — Я обвинила Константина, не имея на руках доказательств, и он поставил меня в унизительное положение. Что ж, впредь мне наука.

— Константин тут совершенно ни при чем, — возразил он. — Я же помню, что видел в клинике. Они были из сверхспособных.

— Я не верю в этих катаклистов. Сверхспособных стерегут, как не знаю что. У них нет возможности устраивать заговоры. То, что ты видел, — спектакль, разыгранный исключительно для меня. И я купилась…

— Ты, Нора, придаешь себе слишком много значения и поэтому не хочешь понять очевидного. Катаклисты похитили меня, а ты не желаешь даже признать, что они существуют. Ты не сможешь победить, потому что время нельзя повернуть вспять. Черт с ними со всеми! Летим вместе!

— После того, что Константин сделал с лигой…

---

[4] Примечания: 4

«Звездная палата» — тайный гражданский и уголовный суд в Англии XV–XVII вв. (по названию палаты Вестминстерского дворца, разукрашенной звездами). В переносном значении — тайное судилище.

— Ты в этом не виновата. Господи, боже мой, ну чего, спрашивается, ради ты хочешь взвалить весь этот кошмар на свои плечи? Голдрейх-Тримейн — в прошлом! А жить нам нужно — сейчас! Сколько лет назад я предупреждал тебя, что дело этим не кончится, и вот предупреждения сбылись!

Он широко развел руками. Левая бессильно повисла под собственной тяжестью, другая — с легким жужжанием описала правильную дугу.

Тема эта поднималась далеко не однажды. Она ясно видела: нервы его истрепаны до предела. Процедура заставила его годами наработанное терпение исчезнуть в яркой вспышке фальшивой юности. Он кричал:

— Ты — вовсе не Господь Бог! И не сама История! И не Совет Колец! Перестань себе льстить! Теперь ты — ничто, мишень ходячая, козел отпущения! Бежим, Нора! Переквалифицируемся в бродяги!

— Я нужна клану Мавридесов, — отвечала она.

— Без тебя им будет гораздо легче! Теперь ты — позор для них. Так же как и я.

— А дети?

— Мне очень жаль их, — ответил он после короткой заминки. — Слов нет как жаль. Но они уже взрослые люди и могут сами о себе поза-

ботиться. Проблема не в них, а в нас! Облегчив нашим врагам жизнь, ускользнув, испарившись, мы будем благополучно забыты. И возможность переждать у нас есть.

— И пусть эти фашисты творят, что хотят? Эти наемники, эти убийцы? Сколько времени пройдет, пока Пояс снова не наполнится агентами шейперов и в каждом углу не вспыхнут локальные войны?

— А кто сумеет этому помешать? Ты?

— А как же ты, Абеляр? Переоделся в какого-то вонючего механиста, ценную информацию шейперов в чемоданчик спрятал, и гори оно все огнем?! Ты о других-то хоть немного подумал, не о своей собственной жизни? Почему бы тебе не встать за беспомощных, которых ты сейчас предаешь? Думаешь, мне без тебя будет легче? Я не оставлю борьбы, но без тебя я потеряю смелость, решимость…

— Послушай, — простонал он, — ты же знаешь, кем я был до встречи с тобой и каково мне было ходить в бродягах… Я не хочу этой опустошенности… Когда никто тебя не любит и не понимает… А предательством больше, предательством меньше… Нора, мы почти сорок лет были вместе! Здесь нам было хорошо, но теперь Голдреих-Тримейн

развалился! Когда-нибудь снова придут хорошие времена. Нам надо только дождаться! Времени у нас хватит! Ты хотела, чтобы у меня было больше жизни, — я пошел и добился. А теперь ты требуешь, чтобы я ее выбросил. Нора, я не пойду в мученики. Кто бы меня ни просил.

— Ты столько говорил о том, что человек смертен… Теперь ты говоришь по-другому.

— Потому что тебе этого хотелось.

— Но не так. Я не хотела видеть тебя изменником.

— Мы же погибнем, абсолютно ни за что…

— Как и все другие, — сказала она и тут же об этом пожалела. Перед ними встало все то же старое чувство вины, такое близкое и знакомое. Те, другие, для кого долг был превыше жизни. Те, кого они бросили; те, которых они убили там, на аванпосте шейперов. Именно это преступление они оба всеми силами старались забыть, именно оно и свело их вместе. — Я знаю, чего ты от меня хочешь. Снова ради тебя предать мой народ.

Вот. Сказано, и назад пути нет. С болью ждала она слов, которые освободят ее от него…

— Мой народ — это ты, — сказал он. — Мне следовало знать, что я не смогу нигде долго продержаться. Я — бродяга, такова моя жизнь, но

для тебя она не подходит. Я знал, что ты со мной не пойдешь. — Он склонил голову, подперев ее железными пальцами искусственной руки, ярко блестевшими в сумасшедшем пронизывающем свете. — Тогда оставайся и дерись. По-моему, ты сможешь победить.

Первый раз в жизни он ей соврал…

— И я действительно могу победить, — сказала она. — Будет нелегко, мы никогда не вернем всего, что у нас было, но силы у нас пока есть. Пожалуйста, Абеляр, останься. Прошу тебя! Ты нужен мне. Проси меня о чем хочешь, кроме того, чтобы сдаться.

— Я не могу просить тебя стать другой, — ответил ей муж. — Люди меняются только со временем. Когда-нибудь то, что нас неотвязно преследует, сойдет на нет. Если мы доживем. Я считаю, любовь сильнее вины. Коли это так, найди меня, когда почувствуешь, что выполнила свои обязательства. Найди меня…

— Обещаю тебе, Абеляр. Скажи, что никогда не забудешь меня, если ты выживешь, а меня убьют вместе с остальными.

— Никогда. Клянусь всем, что было между нами.

— Тогда — до свидания.

Вскарабкавшись на огромное инвесторское кресло, она поцеловала его. Стальная рука мужа обвила ее талию, словно кандалы. Поцеловав его, она отстранилась, и он убрал руку.

Глава 6

Торговый корабль Инвесторов 29.09.53

Линдсей лежал на полу пещерообразной каюты, глубоко и трудно дыша. Перенасыщенный озоном воздух щипал нос, сильно обгоревший, несмотря на все кремы. Стены каюты были сооружены из черного металла, испещренного отверстиями. Из одного такого струился родничок дистиллированной воды. Струйка при такой тяжести круто падала вниз.

Судя по всему, каютой до него пользовались долго и основательно. Слабые царапины на полу и стенах тянулись до самого потолка, образуя причудливую клинопись. Очевидно, не только люди бывали пассажирами на кораблях Инвесторов.

Если новейшая шейперская экзосоциология верна, даже сами Инвесторы — не первые хозяева этих звездолетов. Каждый корабль, украшенный от носа до кормы роскошными мозаиками и барельефами из металла, казался не похожим на все

остальные. Однако более тщательные обследования выявили скрытую базовую конструкцию: округлые шестиугольники носа и кормы, шесть длинных прямоугольных стенок. Исходя из этого, предполагали, что корабли Инвесторов куплены или найдены. Или украдены.

Корабельный лейтенант выдал ему койку — широкий плоский матрас с узором из коричневых и белых шестиугольников. Изготовлен он был для Инвесторов и поэтому — жестче джута. Вдобавок от матраса слегка припахивало инвесторским маслом для чистки чешуи.

В размышлениях о царапинах Линдсей обследовал стены каюты. Поверхность их была чуть зернистой, но молнии от его перчаток для ног скользили по металлу, как по стеклу. Хотя металл при предельных температуре и давлении может становиться несколько мягче. Какой-нибудь большущий, когтистый зверюга, плававший в жидком этане под высоким давлением, вполне мог наделать на этих стенах царапин в попытках прорваться наружу.

Гравитация была просто мучительной, но свет в каюте убрали. В громадном пространстве каюты не было никакой мебели, и вещи Линдсея, кое-как развешанные на магнитных подвесках,

казались жалкими лоскутками.

Странно, что Инвесторы оставили каюту пустой, даже если она и выполняет порой функции вольера… Лежа неподвижно и стараясь дышать пореже, Линдсей размышлял об этом.

Бронированный люк загремел и сдвинулся. Линдсей приподнялся на искусственной руке, единственной части тела, не страдавшей от тяготения, и улыбнулся:

— Слушаю вас, лейтенант. Есть новости?

Тот вошел в каюту. Для лейтенанта он был пожалуй что маловат, всего на локоть выше Линдсея; жилистость его фигуры еще больше подчеркивалась клеванием носом на птичий манер. С виду он более походил на матроса, нежели на лейтенанта. Линдсей с интересом его рассматривал.

Ученые до сих пор строили различные предположения относительно иерархии Инвесторов. Капитанами кораблей всегда были женщины, хотя других женщин на кораблях не было. Массивного сложения, они вдвое превосходили габариты матросов. Росту сопутствовало неторопливое спокойствие, немногословная властность. Ступенью ниже шли лейтенанты, что-то наподобие дипломатов и министров в одном лице.

Прочие члены команды составляли нечто вроде мужского гарема. Снующие повсюду матросы со своими ярко блестящими глазами весили втрое больше человека, но на фоне своих чудовищных повелительниц казались чем-то воздушным.

Будучи рептилиями, Инвесторы имели на затылке полосатые кожные складки — полупрозрачные, отливающие всеми цветами радуги и испещренные сетью кровеносных сосудов. Эти-то «пелеринки» и выражали всю их мимику, как у человека — лицо. В ходе эволюции пелеринки служили для температурного контроля; они могли расправляться и поглощать солнечный свет либо открываться в тени, чтобы отдавать излишнюю теплоту тела. Для цивилизованных Инвесторов они являлись не более чем атавизмом, подобно человеческим бровям, развившимся некогда для защиты глаз от пота. Теперь же они, опять-таки подобно бровям, имели первостепенное значение для общественной жизни.

Пелеринки вошедшего в каюту лейтенанта не давали Линдсею покоя. Слишком уж часто они трепетали. Частый трепет обычно интерпретировался как знак веселого расположения. У людей неуместный смех — признак сильного стресса. Линдсей, несмотря на профессиональное

любопытство, не имел ни малейшего желания стать первым очевидцем припадка истерики у Инвестора и от души надеялся, что у этого типа просто дурные манеры. Как-никак корабль впервые посетил Солнечную систему, и команда его не привыкла к людям.

— Нет новостей, Художник, — с заметным трудом ответил лейтенант на пиджин-английском. — Дальнейшее обсуждение платежа.

— Хорошее дело, — сказал Линдсей по-инвесторски. От высоких свистящих звуков сразу же начинало болеть горло, но все равно это было лучше, чем слушать, как лейтенант пытается овладеть языком людей.

Этот лейтенант был совсем не таким, как встреченный им в первый раз. Тот был деликатен и обходителен, обладал словарем, прямо-таки переполненным гладкими штампами, нахватанными из человеческих видеотрансляций. А этому, новому, язык явно давался с трудом.

Для первого контакта Инвесторы, несомненно, послали самого лучшего. Но, похоже, после тридцати семи лет знакомства Солнечная система превратилась во вполне безопасное место для их серой публики.

— Капитан желает тебя на пленке, — сообщил

лейтенант по-английски.

Линдсей непроизвольно потянулся к тонкой цепочке на шее. На ней висел видеомонокль с таким теперь драгоценным фильмом о Норе.

— У меня есть лента, но она почти чистая. Отдать ее я не могу, но…

— Наша капитан очень любить свою пленка. Ее пленка имеет много других изображение, но ни одного вашего вида. Она станет изучать.

— Я хотел бы еще раз встретиться с капитаном, — сказал Линдсей. — Первая встреча была слишком короткой. Я с радостью готов засняться. Вы принесли камеру?

Лейтенант мигнул. Светлая мигательная перепонка на миг заслонила темное выпяченное глазное яблоко. Похоже, в этой каюте ему было темновато.

— Я принес пленку. — Открыв наплечную сумку, он извлек из нее плоскую, круглую коробку и, ухватив двумя громадными большими пальцами, поставил на вороненую сталь пола. — Вы откроете коробку. Вы станете затем производить забавные и характерные для вашего вида движения, которые пленка будет увидеть. Продолжайте делать так, пока пленка не поймет вас.

Линдсей покачал из стороны в сторону нижней

челюстью, имитируя инвесторский аналог кивка. Инвестор был, похоже, удовлетворен.

— Язык не нужен. Пленка не слышит звука. — Он повернулся к выходу. — Я вернусь за пленкой через два ваших часа.

Оставшись один, Линдсей внимательно осмотрел, коробку. Ее остроконечная позолоченная крышка имела ширину в две пяди. Прежде чем ее открывать, он помедлил, дрожа от отвращения — к хозяевам и в равной мере к себе.

Инвесторы вовсе не просили обожествлять их, просто хотели подзаработать. О существовании человечества они знали уже несколько веков. Будучи намного старше людей, они, однако же, сознательно избегали вмешательства, пока не увидели, что смогут выжать из данного вида приличную прибыль. С точки зрения Инвесторов, действия их были прямы и честны.

Линдсей открыл коробку. Внутри ее лежала катушка серо-стальной ленты с десятью сантиметрами желтоватого ракорда на конце. Линдсей отложил крышку — тонкий металл при инвесторской гравитации казался тяжелее свинца — и замер.

Лента зашуршала. Кончик ракорда взмыл вверх, повернулся, лента стала разматываться.

Она поднималась вверх, треща и со свистом рассекая воздух, по ней пробегали радужные отблески. В несколько секунд она образовала яркую груду, покоящуюся на жесткой решетчатой конструкции.

Линдсей, не подымаясь с колен, опасливо за ней наблюдал. Белый кончик, насколько он понял, был головой создания, названного лейтенантом «пленкой». И эта голова описывала в воздухе широкую, вытянутую петлю, озирая каюту в поисках какого-нибудь движения.

Тварь, именуемая «пленкой», неустанно двигалась, распуская петли, наподобие вращающегося штопора. Высвободившись из коробки окончательно, она превратилась в пухлый крутящийся клубок в человеческий рост высотой. Опорные витки ее тихонько посвистывали, скользя по полу.

Вначале Линдсей решил, что это — некий механизм. И механизм, судя по бритвенно-тонким краям свистящей, в воздухе ленты, опасный. Однако в движениях ленты чувствовалась живая незапрограммированная свобода.

Линдсей по-прежнему стоял на коленях, не делая никаких движений. И пленка его, похоже, не видела.

Потом он резко встряхнул головой, и тяжелые светозащитные очки, сорвавшись со лба, пролетели через каюту. Голова пленки тут же нацелилась на них.

Мимикрирование началось с хвоста. Пленка съежилась, смялась, как тонкая бумага, и сформировала некое подобие очков, плотно свитое из ленты. Набросок… Но, еще не завершив работы, она утратила интерес к объекту. Колеблясь, она некоторое время наблюдала за неподвижными очками, затем снова образовала бесформенную, бурлящую массу.

Затем она походя скопировала скрючившегося Линдсея, свившись в шероховатую скульптуру в натуральную величину. Цветная лента на мгновение повторила цвет его — ржавчина на черном — комбинезона. Голова пленки просканировала каюту, и скульптура распалась на части, ежесекундно меняя цвета.

Пленка затрепетала. Белая голова ее проворачивалась медленно, почти незаметно. Тварь окрасилась в грязно-коричневый цвет кожи Инвесторов. В ход пошла память — либо биологическая, либо кибернетическая. Пленка подобралась и скомкалась в новую форму.

Появился образ маленького Инвестора. Линдсей

задрожал от возбуждения: еще ни один человек не видел инвесторского младенца. Вероятно, они встречались очень уж редко. Но вскоре Линдсей понял, что, судя по пропорциям, пленка изображает зрелую женскую особь. Пленка была маловата для изготовления полномасштабной копии, но точность модели, по колено в высоту, изумила его. Крохотные волдыри на ленте имитировали жесткую кожу на черепе и на шее; два подкрашенных вздутия изображали маленькие, очень выразительные глаза.

Линдсей почувствовал холодок тревоги. Он узнал эту личность. А глаза ее выражали тупую животную боль.

Пленка изобразила Инвестора-капитана. Она задыхалась; похожая на бочонок грудная клетка тяжело вздымалась и опадала. Она как-то очень уж неудобно сидела на корточках, вытянув когтистую руку поперек вздымающихся коленей. Рот судорожно раскрывался и закрывался, демонстрируя не очень четко вылепленные зубы.

Командир корабля была больна. Никто еще не видел больного Инвестора. Наверное, подумал Линдсей, именно из-за своей необычности образ и вклинился в память пленки. Такой возможности нельзя было упускать. Медленно, едва

заметными движениями он раздвинул борта комбинезона, вынул видеомонокль и начал снимать.

Чешуйчатое брюхо напружинилось, и края ленты у основания тяжелого хвоста раздвинулись. Показалось округлое, мокрое, блестящее тело белого цвета — продолговатый, плотно скрученный комок ленты. Яйцо…

Процесс был долгим и болезненным. Кожистое яйцо прогибалось под давлением судорожно сжимающегося яйцевода. Наконец оно высвободилось, однако оставалось связанным с телом родителя прозрачным отрезком пленки. Капитан обернулась, шаркая ногами, и склонилась, в хищном, болезненном напряжении разглядывая яйцо. Медленно протянув громадную руку, она поцарапала яйцо ногтем и обнюхала палец. Пелеринка ее начала вздыматься вверх, твердея от прихлынувшей крови. Руки ее задрожали.

Она напала на яйцо — яростно вгрызлась в острый конец, взрезав кожистую скорлупу плохо скопированными зубами. Желтая лента изобразила сыроподобный желток.

Капитан пировала. Руки ее были перепачканы желтком и слизью. Пелеринка на затылке стояла торчком, затвердев от ярости. В мерзости ее

преступления ошибиться было нельзя — оно не зависело от межвидовых барьеров, как и понятие «богатство».

Линдсей отложил монокль. Пленка, привлеченная движением, выпростала наружу голову и слепо уставилась на него. Линдсей взмахнул руками, и модель распалась на угловатые витки ленты. Поднявшись, он принялся, волоча ноги по полу, расхаживать взад-вперед, пригибаемый книзу высокой гравитацией. Пленка наблюдала за ним, сворачиваясь и мерцая.

Картель Дембовской 10.10.53

Нетвердой походкой Линдсей спустился по пандусу. Старые, истертые перчатки для ног скользили. После светового буйства на борту корабля зал для прибывающих казался мрачным и темным, словно глубокий омут. К горлу подступила тошнота, голова закружилась. С невесомостью он бы еще справился, но в слабенькой гравитации астероида Дембовской желудок дергался и чуть ли не переворачивался.

Зал пестрел приезжими из других механистских картелей. Ни разу еще Линдсею не доводилось видеть стольких мехов одновременно, и помимо воли зрелище настораживало. Впереди багаж и пассажиры проходили таможенный

досмотр. За ними маячили стеклянные витрины беспошлинных магазинов.

Внезапно Линдсея пробрала дрожь. Никогда еще воздух вокруг не бывал столь холодным. Ледяной сквозняк пронизывал его тонкий комбинезон и мягкую ткань перчаток для ног. Изо рта и ноздрей валил пар. Беспомощно дрожа, он направился к таможне.

Здесь его ожидала молодая женщина, легко и непринужденно балансирующая на одной ноге, обутой в сапожок. Одета она была в темные колготки и куртку с меховым воротником.

— Доктор-капитан? — спросила она.

Линдсей с трудом затормозил, вцепившись в ковер пальцами ног.

— Сумку, пожалуйста.

Линдсей отдал ей старинный атташе-кейс, набитый информацией, украденной из архивов Космоситета. Она на дружеский манер взяла его за руку и провела мимо таможенных сканеров в одну из дверей без таблички.

— Я — сотрудница полиции Грета Битти. Ваш офицер связи.

Спустившись на один пролет, они попали в какой-то кабинет. Там она отдала кейс некой даме в форме и взамен получила конверт со штампом.

Затем она повела его вниз, в пассаж беспошлинных магазинов, на ходу вскрывая конверт лакированным ноготком.

— Здесь ваши новые документы. — Она подала ему кредитную карточку. — Теперь вы — аудитор Эндрю Бела Милош. Добро пожаловать в Картель Дембовской.

— Благодарю вас, госпожа офицер.

— Довольно и Греты. Можно, я буду называть вас — Эндрю?

— Лучше — Бела, — сказал Линдсей. — Кто выбирал имя?

— Его родители. Эндрю Милош умер на днях в картеле Беттины. Но документов о его смерти вы не найдете. Родственники продали его личность гаремной полиции Дембовской. Все идентификационные данные в документации заменены на ваши. Официально он эмигрировал сюда. — Она улыбнулась. — Я должна помочь вам свыкнуться с новой обстановкой. Позаботиться, чтобы все у вас было в порядке.

— Я замерзаю, — признался Линдсей.

— Это мы сейчас.

Открыв матовую стеклянную дверь, она ввела его в магазин одежды. Оттуда Линдсей вышел в новом комбинезоне — из толстой стеганой ткани,

собранной складками у щиколоток и на запястьях. Неброский серый цвет как нельзя лучше сочетался с новыми сапогами на меху. К карману яркой пластпуховой куртки были прицеплены перчатки, а на кремовом лацкане красовался микрофон.

— Теперь — волосы, — сказала Грета Битти, несшая его новую дорожную сумку на молнии. — Они у вас в ужасном состоянии.

— Были седые, — объяснил Линдсей, — а потом вдруг начали от корней темнеть. И я сбрил их. Дальше они росли как росли.

— Бороду хотите оставить?

— Да.

— Как вам угодно.

На некоторое время Линдсей был отдан в распоряжение парикмахера-модельера, который с помощью бриллиантина уложил его волосы назад и подровнял бороду.

Линдсей внимательно наблюдал за своей спутницей. В движениях ее чувствовались уверенность и покой, резко противоречившие внешней молодости. Несмотря на усталость и перенапряжение, веселая приветливость Греты передалась и ему. Он вдруг обнаружил, что губы расплываются в невольной улыбке.

— Проголодались, наверно?

— Есть немного.

— Тогда идемте в «Перископ». Вы, Бела, прекрасно выглядите. И скоро совсем приспособитесь к гравитации Дембовской. Держитесь ближе ко мне. — Она взяла его под руку. — У вас замечательная старинная рука.

— Вы надолго со мной?

— Пока не прогоните.

— Понятно. А если я попрошу вас уйти?

— Вы действительно думаете, что так будет лучше?

Линдсей оценил обстановку.

— Нет. Простите, госпожа офицер.

Он чувствовал смутное раздражение. Новая личность вызывала досаду — никогда еще ему не навязывали чужой личности. Тренинг, пройденный в старые времена, побуждал поскорее мимикрировать под местного, однако за все эти годы Линдсей утратил квалификацию.

Грета вела его в глубину астероида. Они спустились на два пролета по эскалатору. Пол и стены, железные и порядком обшарпанные, были обшиты полосами новой липучки.

Люди внизу передвигались длинными, плавными прыжками, наверху — мчались, цепляясь за

потолочные петли… Они последовали за древним стариком, неторопливо катившим по стене в инвалидной коляске с колесами, обтянутыми липучкой.

— Сейчас поедим, — сказала Грета Битти, — и настроение у вас улучшится.

Может, стоит подражать ее мимике и манере движений? Он, конечно, подзабыл, как это делается, однако вполне справится. Да, пожалуй, это — самое лучшее. Вести себя в точности как она, легко и непринужденно. Вот только не хотелось. Мешала острая, сидящая где-то в глубине боль.

— Грета, ваша легкость и открытость меня удивляют. Отчего же вы…

— Офицер полиции? О, вначале я не работала на Службу безопасности. Я была женой Карнассуса. Чисто эротическая связь. А потом пошла на повышение. Я не шпионка, а только офицер связи.

— И много у вас было клиентов до меня?

— Порядочно. В основном — бродяги. Не высокопоставленные ученые-шейперы. — Так, значит, вы знакомы с Майклом Карнассусом?

— Только с его телом, — чуть улыбнулась она. — Мы пришли. Полиция гарема имеет здесь постоянные столики. Наверное, вы хотите сесть у окна?

Глазам Линдсея, буквально выжженным за последнее время, интимный полумрак «Перископа» показался темнее ночи. От пищи на столиках подымался пар. Он надел на левую руку перчатку. В таком холоде он не бывал еще никогда.

Из вогнутых внутрь, похожих на выпяченные глаза окон сочился холодный голубой свет. Мельком посмотрев наружу сквозь метагласс, Линдсей увидел каменную пещеру, наполовину залитую водой. С потолка-пещеры свисал шар величиной с дом. Позади него на изгибающихся вдоль потолка полозьях висела целая батарея голубых софитов. Линдсей сунул ноги в стремена кресла. Сиденье начало нагреваться — под войлоком скрывались обогреватели.

Грета улыбнулась ему через стол. В темноте ее голубые глаза казались невообразимо большими. Улыбка была дружеской — без заигрывания, да и вообще безо всяких задних мыслей. Ни страха, ни стеснения. Ничего, кроме мягкой доброжелательности. Ее светлые волосы были расчесаны на прямой пробор и по местной моде опускались чуть ниже мочек. Волосы казались едва ли не стерильно чистыми. Невольно хотелось провести по ним пальцами, словно по корешку книги.

На темной столешнице вспыхнули огненные

письмена — меню. Линдсей положил на стол руку в перчатке — поверхность была из какого-то липкого полимера. Он дернул руку обратно; клей вначале ее удержал, затем отпустил. На столе не осталось ни следа. Линдсей обратил внимание на меню:

— Цен нет…

— Счет оплатит полиция гарема. Мы вовсе не желаем, чтобы у вас сложилось дурное мнение о нашей кухне. — Она кивнула в сторону зала:

— Тот джентльмен в биопанцире, за столиком справа, — Льюис Мартинес с супругой Лидией. Он возглавляет «Мартинес Корпорейшн», руководит финансами. А она, говорят, родилась на Земле!

— Выглядит она хорошо…

С откровенным любопытством Линдсей уставился на зловещую пару, о чьей искушенности в промышленном шпионаже ходили легенды. Они тихонько переговаривались в перерывах между блюдами, улыбаясь друг другу с самой неподдельной любовью… Сердце Линдсея заныло.

— Там, за столиком, у которого стоит робофициант, — координатор Брандт, — продолжала Грета, — а эта группа у соседнего окна — из «Кабуки Интрасолар». Тот, в дурацкой куртке, Уэллс…

— А Рюмин здесь тоже обедает?

— О нет. — Она коротко усмехнулась. — Он в таких кругах не вращается.

Линдсей почесал подбородок.

— Надеюсь, у него все в порядке?

— Не знаю, — вежливо сказала она, — но с виду он счастлив. Давайте я вам что-нибудь закажу.

Грета набрала заказ на клавиатуре рядом со столиком.

— Почему здесь так холодно?

— История. Мода. Дембовская — старая колония, испытавшая когда-то экологическую катастрофу. Кое-где я могу показать вам слои мгновенно замороженной плесени, до сих пор шелушащиеся на стенах. Худшие виды гнили приспособились к определенной температуре. В таком холоде они пассивны. Хотя эта причина — не единственная. — Она указала в сторону окна. — Вот это тоже влияет.

Линдсей посмотрел за окно.

— Это что, плавательный бассейн?

— Это экстратеррариум, — вежливо засмеялась Грета.

— С ума сойти!..

Линдсей внимательно вглядывался сквозь метагласс. Грубо вырубленная в скале пещера была залита желтоватой тягучей жидкостью, поначалу

принятой им за воду.

— Так вот где держат этих чудищ… А обзорный шар — дворец Карнассуса, правильно?

— Конечно.

— Какой он маленький…

— Точная копия наблюдательного центра экспедиции Чайкина. Вы правы, он невелик. Но представляете, сколько Инвесторы запросили за провоз? Бела, Карнассус живет очень скромно. Что бы там ни говорили ваши спецслужбы.

Дипломатические инстинкты приказывали ему смолчать, но он не выдержал и спросил:

— А как же две сотни жен?

— Считайте, что мы — психиатрическая служба, аудитор. Супруга Карнассуса — это не положение, это должность. Дембовская зависит от него, а он — от нас.

— А могу я с ним встретиться? — спросил Линдсей.

— Это — к начальнику полиции. Только зачем? Ему очень тяжело говорить. Карнассус — совсем не то, что болтают о нем на Кольцах. Он человек мягкий, к тому же переживший ужасное потрясение и искалеченный. Когда он понял, что его посольская миссия вот-вот провалится, он принял экспериментальное лекарство, PDKL-95.

Оно должно было помочь ухватить образ мыслей пришельцев, но вместо этого превратило его в калеку. Он был храбрым. Нам всем его очень жаль. А сексуальный аспект — дело десятое.

Линдсей обдумал услышанное.

— Понятно. Имея две сотни жен, среди которых, наверно, есть и любимицы, это должно происходить крайне редко. Где-то раз в год…

— Не то чтобы так уж редко, — спокойно ответила она, — но общую идею вы уловили. Бела, это действительно так и есть. Карнассус для нас не правитель, а единственное наше богатство. Гарем правит Дембовской, потому что мы общаемся с Карнассусом, и разговаривает он только с нами. — Она улыбнулась. — И это не матриархат. Мы не матери, мы — полиция.

Линдсей снова взглянул в окно. По поверхности жидкости побежала рябь. Жидкий этан. Прямо здесь, рядом, сдерживаемый лишь метаглассом. Минус 180°С — мгновенная смерть. Человек в этом рыжеватом бассейне за какие-нибудь десятые доли секунды превратится в бесформенный комок льда. А серые прибрежные камни — это замерзшая вода!

В тусклом голубоватом свете, пробив поверхность жидкого этана, на берег выбралось какое-то

существо, напоминающее пучок изломанных прутьев. Движения твари даже при здешней слабой гравитации выглядели заторможенными. Линдсей показал на существо рукой.

— Морской скорпион, — пояснила Грета. — Эвриптероид по-научному. Нападает вон на ту шишку на берегу. А эта черная слизь — растение. — Хищник с медлительностью паралитика полз и полз из «пруда». Прутья оканчивались клешнями, половинки их были сцеплены меж собой, как клыки саблезубого тигра. — Его жертва собирает силы для прыжка. Это займет некоторое время. Нападение, по стандартам их экосистемы, молниеносное. Бела, обратите внимание на размеры головогруди.

Тем временем морской скорпион выволок из-под воды свой широкий, похожий на тарелку панцирь. Его крабовидное тело имело поперечник около полуметра. За ромбовидными фасеточными глазами располагалось длинное раздутое брюхо, защищенное налезающими друг на друга поперечными кольцами.

— Длина — три метра, — сказала Грета, перед которой робофициант только что поставил первое блюдо. — Если с хвостом, то еще длиннее. Размер для беспозвоночного более чем прилич-

ный. Ешьте суп.

— Я лучше посмотрю.

Клешни вытягивались, приближаясь к жертве с медлительной точностью гидравлической двери. Но жертва, внезапно всколыхнувшись, подпрыгнула вверх и с плеском шлепнулась в бассейн.

— Шустро прыгает! — удивился Линдсей.

— Скорость у прыжка только одна, — улыбнулась Грета Битги. — Физика… Ну, ешьте же! Возьмите хлебную палочку.

Но Линдсей глаз не мог оторвать от эвриптероида, лежавшего на берегу. Клешни его перепутались; скорпион был неподвижен и, видимо, вымотан до предела.

— Мне его жаль, — сказал Линдсей.

— Он прибыл сюда в виде яйца, — терпеливо сказала Грета. — И не вырос бы до таких размеров, питаясь одними хлебными палочками. Карнассус хорошо заботится обо всех этих тварях. Он был экзобиологом при посольстве.

Линдсей зачерпнул суп ложкой-непроливайкой.

— И вы, похоже, кое-чему от него научились.

— Экстратеррариумом интересуется каждый дембовскианец. Это наша местная гордость. Конечно, туристов с тех пор, как кончилось За-

мирение Инвесторов, почти нет. Но беженцы…

Линдсей печально смотрел в бассейн. Еда была великолепная, но у него пропал аппетит. Эвриптероид слабо пошевелился. Вспомнив скульптуру, подаренную ему Инвесторами, Линдсей усмехнулся. Интересно, как выглядит кал этой твари?

От столика, где сидел Уэллс, до него донесся взрыв смеха.

— Я бы хотел переговорить с Уэллсом, — сказал Линдсей.

— Оставьте это мне. Уэллс замечен в контактах с шей-перами. Информация может просочиться в Совет Колец. — Она значительно взглянула на него. — Не хотите же вы рисковать легендой еще до того, как она установится?

— Вы не доверяете Уэллсу?

Она пожала плечами:

— Это не ваши заботы. — Скрипучий робот с подошвами на липучках доставил второе блюдо. — Как я люблю эти старинные сервомеханизмы! А вам нравятся? — Она выдавила густой сметанный соус на мясной пирог и подала ему тарелку. — Вы в диком напряжении, Бела. Вам нужно поесть. Поспать. Сходить в сауну. Жить в свое удовольствие. А то вы весь какой-то задерганный. Расслабьтесь.

— Жизнь у меня такая, что некогда расслабляться, — сказал Линдсей.

— Но не теперь. Теперь вы — со мной. Съешьте что-нибудь, доставьте мне удовольствие.

Чтобы она отвязалась, Линдсей рассеянно надкусил пирог. Пирог оказался восхитительным. Аппетит снова вернулся к нему.

— У меня есть дела, — сказал он, борясь с желанием проглотить весь кусок сразу.

— Думаете, без сна и еды вы справитесь с ними лучше?

— Наверное, вы правы.

Он поднял взгляд; она подала ему тюбик с соусом. Он выдавил соус на пирог; она передала ему бокал.

— Попробуйте. Местный кларет.

Линдсей попробовал. Кларет был не хуже марочного синхрониса с Колец.

— А технология-то — краденая, — заметил он.

— Вы — не первый перебежчик. У нас здесь спокойнее. — Она кивнула в сторону окна. — Взгляните на этого ксифосурана. — Через бассейн с невозмутимым, тягучим спокойствием греб большой краб, та самая «шишка». — Вот вам урок.

Линдсей молча смотрел на краба и размышлял.

* * *

Дом Греты располагался семью уровнями ниже. Серебряный домашний робот принял у Линдсея дорожную сумку. В гостиной стоял отделанный мехом диван в стиле барокко со скользящими стременами и два заякоренных за скобы в полу кресла, обитых темно-красным бархатом. На липучем кофейном столике стоял ингалятор и полочка с кассетами.

Ванная комната была оборудована сауной и убирающимся в стену унитазом с системой всоса и подогреваемым эластичным ободом. С потолка светили розовым инфракрасные обогревательные лампы. Стоя на ледяном кафеле, Линдсей стряхнул с руки перчатку. Она медленно, с заметным отклонением от вертикали, опустилась на пол. Вертикали помещения не совпадали с местным тяготением. Этот крохотный штришок авангардизма в организации интерьера вызвал внезапный приступ тошноты. Подпрыгнув, Линдсей уцепился за потолок, закрыл глаза и пережидал, пока пройдет головокружение.

— Хотите сауну? — крикнула Грета через дверь.

— Что угодно, лишь бы согреться!

— Управление — там, слева.

Раздевшись, Линдсей ахнул — ледяной металл протеза коснулся обнаженного бока. Отставив руку подальше, он шагнул в клубящийся пар. Воздух при слабом притяжении загустел от капель воды. Закашлявшись, Линдсей судорожно зашарил вокруг в поисках дыхательной маски. Она оказалась заряженной чистым кислородом; он мгновенно почувствовал, что море ему по колено, и повернул рукоять — и тут же по нему шибанула струя мелкого снега. Закусив язык, чтобы не завизжать, он повернул рукоятки в прежнее положение, поварился некоторое время в мокрой жаре и вышел. Сауна автоматически подняла температуру до точки кипения, самостерилизуясь.

Окрутив мокрые волосы тюрбаном из полотенца, он машинально завязал его концы в пышный — по моде Голдрейх-Тримейна — бант. В шкафчике нашлась пижама его размера; ярко-синий цвет ее очень шел к меховым муклукам.

Грета тем временем успела сменить колготки и меховую куртку на стеганый ночной халат с огромным воротником.

Впервые он обратил внимание на ее руки — обе были оборудованы механическими имплантами.

На правой располагалось нечто вроде оружия — ряд коротких параллельных трубок чуть выше запястья. Спускового устройства не наблюдалось — вероятно, эта штука приводится в действие нервным импульсом. Из левого рукава подмигивал красный биомонитор.

Механисты просто-таки фанатически поклонялись биологической обратной связи. Она входила чуть ли не в каждую программу продления жизни… Линдсей испытал некоторое потрясение — до сих пор он не думал о Грете как о механистке.

— Спать не хотите?

Линдсей зевнул:

— Немного.

Она привычным движением подняла правую руку. В ладонь ее прыгнул пультик дистанционного управления, и Грета включила видеосистему. Стена показала экстратеррариум, вид сверху, снятый из дворца Карнассуса.

Линдсей подсел к ней, сунув ноги в муклуках в подогретые стремена.

— Нет-нет, только не это, — сказал он, поежившись. Она нажала кнопку. Видеосистема потемнела, а затем на ней появилась поверхность Сатурна. Красные потоки сплетались с янтарными. Его заполнила волна ностальгии. Он

отвернулся.

Она сменила изображение. На стене появился скалистый пейзаж, громадные ямы посреди выжженной, припорошенной хлопьями пепла земли, прорезанной двумя гигантскими ущельями.

— Эротика, — объяснила она. — Кожа, увеличенная в двадцать тысяч раз. Одно из моих любимых. — Она ткнула пальцем в кнопку, и изображение, поехав вбок, остановилось у подножия высокого столба с делениями. — Видите купола?

— Да.

— Бактерии. Ведь это кожа механиста.

— Ваша?

— Да, — улыбнулась она. — Вот это для шейпера тяжелее всего. Здесь вы не сможете сохранить свою стерильность; мы полностью зависим от этих крошек. У нас нет ваших внутренних перестроек организма. Мы этого не хотим. Придется и вам послужить жилищем для бактерий. — Она взяла его за руку. Ладонь ее была теплой и чуть влажной. — Вот это — заражение. Неужели так уж страшно?

— Нет.

— Лучше уж покончить с этим сразу. Вы со-

гласны?

Линдсей кивнул. Обняв его за шею, она поцеловала его. Он коснулся губ фланелевым рукавом пижамы.

— Это уже не относится к медицине.

Развернув его тюрбан, она бросила полотенце роботу.

— Ночи на Дембовской холодные. Вдвоем в постели гораздо теплее.

— Я женат.

— Моногамия? Как старомодно! — Она сочувственно улыбнулась. — Взгляните фактам в лицо, Бела. Дезертирство уничтожило вашу связь с генолинией Мавридесов. Теперь вы — никто. Для всех, кроме нас.

Линдсей помрачнел. Он представил себе, как Нора, одна, ворочается сейчас с боку на бок в постели, сна — ни в одном глазу, а враги — все ближе и ближе… Он покачал головой.

Грета успокаивающе погладила его волосы:

— Попробуйте только начать, и аппетит вернется. Хотя, конечно, лучше не торопить событий.

Она выказывала вежливое разочарование, ровно столько же, как, скажем, хозяйка дома — гостю, отказавшемуся от десерта. А Линдсей был совсем измучен. Несмотря на возобновлен-

ную юность, все тело его до сих пор болело после инвесторской гравитации.

— Я покажу вам вашу спальню. Идемте. Спальня была отделана темным мехом, в балдахин над кроватью вмонтирован видеоэкран. В изголовье — пульт управления всеми последними технонновинками для сна. И энцефалограф, и следящие приспособления для искусственных частей тела, и флюорографы для очистки крови…

Он сбросил с ног муклуки и забрался в постель. Простыни смялись под тяжестью тела, опеленывая его.

— Приятного сна, — пожелала Грета, прощаясь. Что-то коснулось макушки; балдахин над головой мягко замерцал и, пробудившись к жизни, вывел на экран кривые его мозговой активности — сложные волны с загадочными надписями. Одна из кривых была выделена розовато-красным. Стоило ему, расслабившись, присмотреться к ней, кривая начала увеличиваться. Интуитивно догадавшись, что именно в его мозгу заставляет кривую расти, он «накормил» ее и заснул.

Проснувшись утром, он обнаружил рядом в постели Грету, мирно спящую в ночном колпаке, подключенном к домашней охранной сигнализации. Он выбрался из постели. Кожа жутко

чесалась, язык — словно волосами оброс… Ну вот, началось нашествие бактерий…

Картель Дембовской 24.10.53

— Ну, Федор, вот уж не думал, что увижу тебя таким!

Лицо Рюмина под действием видеокосметики сияло поддельным здоровьем. Имитация была превосходной, но наметанный глаз Линдсея тут же опознал компьютерную графику во всей ее пугающей безупречности. Губы Рюмина двигались в общем соответственно словам, но некоторые характерные мелочи выглядели ужасно фальшиво.

— И давно ты записался в механисты?

— Лет десять уже. Проволочки меняют ощущение времени. Знаешь, даже не припомню, где оставил свой родной мозг. Наверняка в самом неподходящем месте… — Рюмин улыбнулся; — Должно быть, он где-нибудь на Дембовской. Иначе бы получилось запаздывание.

— Мне нужно поговорить с тобой с глазу на глаз. Как по-твоему, сколько людей нас подслушивает?

— Только полиция, — заверил Рюмин. — Ты же — на одной из квартир гарема; все их звонки идут напрямую через банк данных Главного. Для Дембовской это — приватней некуда. Особенно

для того, мистер Дзе, чье прошлое так же темно, как ваше.

Линдсей промокнул нос платком. Какая-то из новых бактерий здорово врезала по его носоглотке, ослабленной озонированным воздухом Инвесторов.

— На Дзайбацу все было не так. Там мы были рядом.

— Провода все меняют, — сказал Рюмин. — Мир превращается в систему входных данных. Мы все больше и больше склоняемся к солипсизму. Не обижайся, пожалуйста, если я вдруг и в тебе начну сомневаться.

— Ты давно на Дембовской?

— С тех пор как Замирение пошло на закат. Понадобилась тихая гавань, и эта оказалась самая подходящая.

— Значит, старик, путешествиям — конец?

— И да, и нет, мистер Дзе. Утрата мобильности компенсируется расширением сферы чувств. Захочу — могу подключиться к зонду на орбите Меркурия. Или в атмосфере Юпитера. Собственно, я это частенько и делаю. Раз — и я там, причем самым настоящим образом. Таким же настоящим, как, скажем, я сейчас в своей собственной комнате. Сознание, мистер Дзе, это совсем не то,

что ты думаешь. Ты его связываешь проволокой, а оно куда-то перетекает. И данные всплывают пузырями откуда-то из самых его глубин… Жизнь, конечно, не совсем настоящая, однако и она имеет свои преимущества.

— А «Кабуки Интрасолар» ты бросил?

— Дело идет к войне, а потому звездные дни для нашего театра на время кончились. Большую часть нашего времени занимает Сеть.

— Ты занялся журналистикой?

— Да. Мы, проволочники, или, абстрагируясь от пропагандистских кличек, которые на нас повесили шейперы, — старейшие механисты, — имеем свои методы передачи информации. Сети новостей. Порою это очень близко к телепатии. Я — здешний обозреватель церерской «Дей-таком Нетуорк». Я — гражданин Цереры, хотя юридически иногда гораздо удобнее считаться чьей-нибудь электронной аппаратурой. Вся жизнь наша есть информация. Даже деньги. Жизнь и деньги для нас — одно и то же.

Синтезированный голос старого механиста звучал спокойно и бесстрастно, но Линдсея охватила тревога.

— У тебя что, неприятности? Может, я чем-то могу помочь?

— Мальчик мой, — сказал Рюмин, — за этим экраном — целый мир. Черты его столь расплывчаты, что даже жизни и смерти приходится отойти на галерку. Среди нас есть такие, чей мозг разрушился годы и годы назад. Они ковыляют до сих пор лишь на прежних инвестициях да заранее составленных программах общего назначения. Если об этом узнают — объявят их юридически мертвыми. Но мы своих не выдадим. — Он улыбнулся. — Считай нас, мистер Дзе, чем-то вроде ангелов. Духов на проволоке. Иногда так легче.

— Я здесь чужой. Надеялся, что ты мне поможешь, как тогда. Мне нужен совет. Мне нужна твоя мудрость.

Рюмин вздохнул с точностью прямо-таки автоматической.

— Я познакомился с Дзе, когда мы оба ходили в жуликах. Я верил ему. Я восхищался его дерзостью. Тогда и ты был мужчиной, и я. Теперь — не то.

Линдсей прочистил нос и с дрожью отвращения отдал засморканный платок роботу.

— В те времена я был готов на все — даже умереть, — но остался жив. Я продолжал искать — и нашел. Нашел себе жену, и между нами не было

притворства. Мы были счастливы вместе.

— Рад за тебя, мистер Дзе.

— А когда появилась опасность, я бежал. И теперь, через четыре десятка лет, я снова бродяга.

— Сорок лет… Целая жизнь для человека, мистер Дзе. Не заставляй себя быть человеком. Наступают времена, когда с этим приходится расстаться.

Взглянув на протез руки, Линдсей медленно, один за другим, сжал пальцы в кулак.

— Я и сейчас люблю ее. Нас разлучила война. И если снова наступит мир…

— Ну, пацифистские сентиментальности нынче не в моде.

— Рюмин, ты оставил всякую надежду?

— Слишком стар я для разных страстей, — отвечал Рюмин. — И не проси меня ввязываться в рискованные дела, мистер Дзе, или кто ты там теперь. Оставь мне мои потоки информации. Я есть то, что есть, ничего назад не вернуть и сначала не начать. Эти игры — для тех, кто еще сохранился во плоти. Кто еще может излечиться.

— Ты уж извини, — сказал Линдсей, — но мне нужны союзники. Знание — сила, а я знаю вещи, которых никто другой не знает. Я буду бороться. Нет, не с врагами. С обстоятельствами. С самой

историей. Я хочу вернуть свою жену, Рюмин. Мою супругу — шейпера. Свободной, чистой, без всяких пятен и теней. И если ты не поможешь мне, кто поможет?

— Есть у меня друг, — после некоторых колебаний ответил Рюмин. — Фамилия его Уэллс…

Картель Дембовской 31.10.53

До пришествия людей Пояс астероидов самоорганизовался согласно физике дисперсных систем. Части его классифицировались по степеням десятки. На каждый астероид, начиная от тысячекилометровой Цереры до триллионов не нанесенных на карты булыжников, двигавшихся в гравитационном поле Солнца с относительной скоростью пять километров в секунду, приходилось по десятку втрое меньших.

Дембовская принадлежала к третьему рангу, около двухсот километров в поперечнике, и, подобно всем прочим телам, на гелиоцентрической орбите, отдавала дань законам вероятности. Еще во времена динозавров по Дембовской шарахнуло нечто довольно крупное. В долю секунды визитер появился и был таков, оставив после себя куски расплавленного взрывом и разбрызгавшегося пироксена, вкрапленные в кору астероида. В точке взрыва кремний основного тела Дембов-

ской был расколот, и астероид раскрылся рваным вертикальным ущельем двадцати километров в глубину — до самого никелево-железного своего ядра.

Ныне большая часть ядра была выгрызена ненасытной промышленностью. В ущелье располагался Картель Дембовской. Вниз, уровень за уровнем, в ослабевающее притяжение уходили длинные террасы; с изменением уклона то, что было стеной, переходило в пол, покуда — в точке, наиболее близкой к невесомости, — понятия «пол» и «стена» не теряли всякий смысл. У дна ущелья мир расширялся, образуя гигантскую пещероподобную выработку, полое сердце Дембовской, из которого многие поколения автоматических горнодобывающих машин выгрызали металлы и руды.

Это нора была слишком велика, чтобы заполнять ее воздухом. Здесь, в невесомости и вакууме вблизи центра астероида, располагалась новая тяжелая промышленность — криогенные заводы, претворявшие намеки и воспоминания, вытянутые из выжженного сознания Майкла Карнассуса, в постоянный и неуклонный подъем ценных бумаг картеля Дембовской на мониторах сотни миров.

Утроба Дембовской, укрытая под многокилометровой каменной толщей, надежно хранила промышленные секреты. Жизнь, словно замазка в трещину, заползла в глубь планетки, выгрызла ее сердце и заполнила пустоту машинами.

Для центральной полости дно ущелья являлось нижним ярусом внешнего мира. Здесь и располагалась контора Уэллса, откуда его служащие двадцать четыре часа в сутки перехватывали все информационные потоки Союза картелей под квазинациональной эгидой церерской «Дейтаком Нетуорк».

Стены кабинетов были сплошь покрыты экранами и липучкой; тускло мерцая, они заполняли воздух непрерывным бормотаньем. Под ногами и над головой к липучке были прилеплены распечатки; репортеры в наушниках переговаривались по аудиосвязи или энергично колотили по компьютерным клавишам. Все выглядели молодо, а одеты были с рассчитанной экстравагантностью. Сквозь разговоры, частый треск принтеров, жужжанье дататайпов пробивалась негромкая музыка — хрупкий звон синтезаторов. В холодном воздухе стоял запах роз.

Секретарь доложил об их приходе. Его волосы выбивались из-под свободного механистского

берета. Объемистость берета заставляла предположить наличие в черепе разъемов. На лацкане секретаря красовался патриотический значок с изображением большеглазого лица Майкла Карнассуса.

Кабинет Уэллса был защищеннее прочих. Видеосистемы в нем демонстрировали бурлящую мозаику из заголовков, перемежающихся прямоугольничками данных, которые можно было задержать и увеличить по своему усмотрению. Одет Уэллс был в комбинезон-клеш с шейперскими кружевами у горла. По серой ткани комбинезона были разбросаны темно-серые стилизованные эвриптероиды. На пальцах, поверх элегантных перчаток, — управляющие, набитые электроникой кольца.

— Добро пожаловать в церерский «Дейтаком Нетуорк», аудитор Милош. И вы, госпожа офицер связи. Позволите предложить вам горячего чаю?

Линдсей принял грушу с благодарностью. Чай оказался хоть и синтетическим, но хорошим. Грета же, взяв грушу, пить не стала. Она смотрела на Уэллса со сдержанной осторожностью.

Уэллс тронул переключатель на липкой невесомостной столешнице. Большая лампа на гусиной шее гибкого штатива повернулась с плавной

змеиной грацией и уставилась на Линдсея. Под колпаком ее оказались человечьи глаза, вделанные в гладкую среду из темной плоти. Моргнув, лампа перевела взгляд на Грету. Та почтительно склонила голову.

— Монитор начальника полиции, — пояснил Уэллс для Линдсея. — За важными делами — а ваши новости, по вашим словам, именно таковы — она предпочитает наблюдать собственными глазами. — Он обратился к Грете:

— Итак, госпожа офицер, ситуация на контроле. — Дверь-гармошка раскрылась за ее спиной.

Поджав губы, Грета еще раз поклонилась лампе, коротко глянула на Линдсея и, оттолкнувшись ногой от стены, вылетела из кабинета. Дверь за Гретой задвинулась.

— Как вас угораздило связаться с этой дзенской монахиней? — спросил Уэллс.

— Прошу прощения?..

— Ну, с Битти. Она не рассказывала о своем культе? О дзен-серотонине?

— Нет, — поразмыслив, ответил Линдсей. — Она очень сдержанна.

— Странно. Ведь на вашей родине этот культ прочно укоренился. Вы ведь с Беттины, так?

Линдсей взглянул ему в глаза:

— Вы меня знаете, Уэллс. Припомните-ка Голдреих-Тримейн.

Ухмыльнувшись уголком рта, Уэллс сжал свою грушу, выстрелив янтарной струей чая в рот. Зубы у него оказались крупными и ровными, так что зрелище получилось довольно-таки плотоядное.

— Я так и думал. Есть в вас что-то от шейпера. Если вы — катаклист, не ляпните чего-нибудь неразумного на глазах начальника полиции.

— Я — жертва катаклистов, — сказал Линдсей. — Они продержали меня в заключении целый месяц. Это испоганило все мои дела. И тогда я бежал.

Он стащил перчатку с правой руки.

Уэллс тут же узнал старинный протез.

— Доктор-капитан Мавридес… Какая приятная неожиданность! По слухам, вы безнадежно спятили. Что меня, честно говоря, порадовало — как же, Абеляр Мавридес, инвесторский любимчик… Где ж ваши драгоценности и шитье, доктор-капитан?

— Теперь я путешествую налегке.

— И пьес больше не ставите?

Уэллс выдвинул ящик стола, извлек оттуда портсигар и предложил гостю сигарету. Линдсей

ее с благодарностью принял.

— Театр вышел из моды…

Они закурили, и Линдсей беспомощно закашлялся.

— Должно быть, доктор, я оскорбил вас, явившись на свадьбу агитировать ваших студентов?

— Это у них всякие там убеждения, а не у меня. Но вот за вас я боялся.

— Зря боялись, — улыбнулся Уэллс, выпустив дым. — Эта ваша студентка, Бесежная, стала одной из нас.

— Пацифисткой?

— Мы, доктор, думаем теперь несколько иначе. Старые категории — шейперы, механисты — сильно обветшали. Жизнь развивается через образование подвидов. — Он улыбнулся. — Потомков. Такое случалось в свое время с прочими успешно развившимися животными, а теперь настала очередь человечества. Группировки до сих пор борются друг с другом, однако, упомянутые категории уже отжили свое. И ни одна из этих группировок не может более утверждать, что именно ее путь предпочтителен для человечества. Человечества больше нет.

— Вы рассуждаете как катаклист…

— Некоторые рассуждают и вовсе как безумцы.

А именно — власть предержащие. И в картелях, и в Совете Колец. Раздирать Схизматрицу ненавистью им легче, чем осознать наши возможности. Наши миссии к чужакам окончились провалом — оттого что мы даже с собственными кровными братьями не можем сговориться. Мы дробимся на подвиды. Нужно признать этот факт и объединиться заново, на новой основе.

— Что же способно объединить человечество после развала?

Взглянув на видеосистему, Уэллс при помощи кольца зафиксировал одну из статей.

— Вам доводилось слышать об уровнях сложности? Уровнях Пригожина?

Сердце Линдсея провалилось куда-то вниз.

— Я никогда не питал склонности к метафизике. Ваши религиозные воззрения — ваше личное дело. У меня была любимая женщина и надежное жилище. Все прочее — абстракции.

Уэллс всматривался в экран. По нему бежало сообщение об очередном скандальном случае ренегатства — на Церере.

— Да-да, ваша жена, профессор-полковник… Тут я вам ничем не могу помочь. Для этого нужен опытный похититель людей. Здесь вам такого не найти. Поищите на Церере или на Беттине.

— Моя жена — дама упрямая. Подобно вам, она имеет идеалы. Только мир может объединить нас снова. А мир в нашем мире может обеспечить один-единственный фактор. Инвесторы.

Уэллс коротко хохотнул.

— Все то же самое, доктор-капитан? — Внезапно он перешел на плохой инвесторский:

— Ценность вашего аргумента упала.

— У них есть слабые места, Уэллс. — Линдсей повысил голос. — Неужели вы думаете, что я не такой отчаянный, как катаклисты? Спросите вашего друга Рюмина, умею ли я распознавать слабые места и упущу ли возможность ими воспользоваться? Да, я приложил руку к Замирению Инвесторов. И получил от него все, что хотел. Я был цельной личностью, вы не понимаете, что это для меня значило… — Несмотря на холод, Линдсей покрылся потом.

Уэллс был, похоже, ошеломлен. Линдсей с удивлением понял, что нарушил сейчас все законы дипломатии. Эта мысль доставила ему какое-то дикое удовольствие.

— Вы, Уэллс, знаете правду. Все эти годы мы были пешками для Инвесторов. Пора бы перевернуть доску.

— То есть напасть на них?

— А что же еще?! По-вашему, у нас есть какой-нибудь выбор?

— Абеляр Мавридес, — произнес женский голос из основания лампы, — вы арестованы.

* * *

Двери лифта со свистом захлопнулись. Кабина помчалась вверх; ускорение слегка прижало их к полу.

— Пожалуйста, руки — на стену, — вежливо сказала Грета. — Ноги отставьте назад.

Линдсей молча повиновался. Старомодный лифт с лязгом одолевал рельсы, ведущие вверх, вдоль вертикального склона ущелья Дембовской. Километра через два Грета вздохнула:

— Вы, должно быть, сделали нечто очень уж радикальное.

— Не ваша забота.

— По всем правилам, я обязана перерезать жилы вашей железной руки. Но — пусть будет как есть. Я, наверное, тоже виновата. Сумей я создать для вас подходящую обстановку, вы бы не были столь фанатичны.

— В моем протезе нет оружия. И вы наверняка осмотрели его, пока я спал.

— Бела, я не понимаю такой подозрительности.

Неужели я плохо к вам относилась?

— Грета, расскажите мне о дзен-серотонине.

Она едва заметно напряглась.

— Я не стесняюсь, что принадлежу к Недвижению. Я бы рассказала вам и раньше, но мы не занимаемся миссионерством. Мы завоевываем души своим примером.

— Что достойно всяческой похвалы.

— В вашем случае, — нахмурилась она, — следовало сделать исключение. Я сочувствую вашей боли. Я знаю, что такое боль. — Линдсей хранил молчание. — Я родилась на Фемиде. Была знакома с катаклистами — из одной их механистской группировки. Ледовые убийцы. Военные обнаружили одну из криокамер, где они просветляли одного из моих учителей посредством билета в будущее, и я, не дожидаясь ареста, бежала на Дембовскую. Здесь меня взяли в гарем. Оказалось, что я должна быть шлюхой Карнассуса, хотя об этом сначала речи не шло… Но тут я обрела дзен-серотонин.

— Серотонин — это какая-то там мозговая химия, — заметил Линдсей.

— Это — философия, — возразила она. — Шейперы и механисты — все это не философия. Это технологии, ставшие политикой. Все дело в

технологиях. Наука расколола человечество на части. С разгулом анархии люди стали объединяться. Политики искали себе врагов, чтобы связать своих последователей ненавистью и террором. Одной общности недостаточно, когда из каждой электронной схемы, из каждой пробирки рвутся наружу тысячи новых образов жизни. Без ненависти не было бы ни Совета Колец, ни Союза картелей. Согласованность невозможна без кнута.

— Жизнь развивается через подвиды… — пробормотал Линдсей.

— Этот Уэллс со своим винегретом из физики и этики… Нам необходимы: движение, спокойствие, ясность. — Она продемонстрировала ему свою левую руку:

— Этот биомонитор — еще и капельница. Страх для меня — ничто. С этим биомонитором я могу анализировать что угодно и чему угодно глядеть в глаза. Дзен-серотонин представляет жизнь в свете разума. И люди — особенно в критическую минуту — приходят к нам. Каждый день Недвижение приобретает новых приверженцев.

Линдсею вспомнились кривые ритмов его мозга, виденные в спальне у Греты.

— Значит, вы — в постоянном состоянии аль-

фа?

— Конечно.

— А вы видите когда-нибудь сны?

— У нас свои способы прозрения. Мы видим новые технологии, ломающие жизнь человека. И бросаемся в эти течения. Возможно, каждый из нас — лишь ничтожная частица, но вместе мы образуем отложение, способное замедлить поток. Многие инноваторы глубоко несчастны. Приобщаясь к дзен-серотонину, они теряют свою невротическую потребность соваться куда не следует.

Линдсей мрачно улыбнулся:

— Значит, меня не случайно поручили именно вам?

— Вы глубоко несчастны. Отсюда все ваши беды. Недвижение имеет в гареме заметный вес. Присоединяйтесь к нам. Мы вас спасем.

— Когда-то я был счастлив. Так, Грета, как вам и не снилось.

— Неистовство чувств не для нас, Бела. Мы хотим спасти весь род человеческий.

— Ни пуха, ни пера, — сказал Линдсей.

Кабина остановилась.

* * *

Старый акромегалик отступил назад, чтобы полюбоваться своей работой.

— Ну как, бродяга? Не жмет? Дышать можешь?

Линдсей кивнул, отчего экзекуционный контакт болезненно вдавился в основание черепа.

— Эта штука читает задние доли мозга, — сказал великан.

Гормоны роста изуродовали его челюсть; голос, из-за бульдожьего прикуса, звучал невнятно:

— Ноги волочи по полу. Никаких резких движений. Даже не думай дергаться, тогда башка будет цела.

— И давно ты этим кормишься? — поинтересовался Линдсей.

— Да уж не первый день.

— Ты — тоже принадлежишь к гарему?

Гигант поднял брови в свирепом удивлении:

— Ну да, а как бы ты думал? Трахаю Карнассуса. — Громадная его пятерня полностью накрыла лицо Линдсея. — Ты видал когда-нибудь со стороны своей собственный глаз? А то — могу один вытащить. Начальник тебе потом новый пересадит.

Линдсей вздрогнул. Великан ухмыльнулся,

обнажив ряд кривых зубов.

— Видал я таких. Ты — шейперский антибиотик. Когда-то такому вот удалось меня обхитрить. Может, ты полагаешь, что и контакт обхитришь. Может, считаешь, что убьешь начальника, не двигаясь. Не забудь: чтобы выйти отсюда, придется идти мимо меня. — Охватив ладонью голову Линдсея, он отодрал его от липучки. — Или, может, ты меня держишь за дурака?

— Прибереги это для блядей, якудза, — сказал Линдсей на пиджин-японском. — Может, ваше сиятельство соблаговолит снять с меня контакт и побеседовать на равных?

Великан, удивленно рассмеявшись, аккуратно поставил Линдсея на ноги.

— Извини, друг. Не признал своего.

Линдсей миновал шлюз. Внутри воздух был нагрет до температуры тела. Было душновато; пахло потом, фиалками и духами. Тоненькое подвывание синтезаторов внезапно оборвалось.

Комната состояла целиком из живой плоти. Атласная смуглая кожа местами была украшена ковриками из блестящих черных волос и розовато-лиловыми слизистыми оболочками. Все было скручено и согнуто; кресла представляли собой округлые подушки из плоти, усеянные

лиловыми отверстиями. Под ногами пульсировали, прокачивая кровь, артерии с хорошую трубу толщиной.

На локтевом суставе, обтянутом гладкой кожей, поднялась знакомая уже лампа. Темные глаза ее внимательно осмотрели Линдсея. В гладкой заднице скамеечки для ног раскрылся рот:

— Дорогой, сними свои липучки. Щекотно.

Линдсей где стоял, там и сел.

— Кицунэ, это ты?

— Ты ведь узнал меня, когда взглянул в мои глаза в кабинете Уэллса.

На этот раз мурлычущий голос исходил из стены.

— Нет; я понял кое-что, только увидев твоего телохранителя. Столько времени прошло… Извини за башмаки. — Подавшись вперед, он осторожно разулся, изо всех сил стараясь скрыть дрожь: кресло из плоти было ощутимо, по-живому теплым. — Где ты?

— Вокруг тебя. Мои глаза и уши повсюду.

— Но где твое тело?

— От него пришлось избавиться.

Линдсей вспотел. В такую духоту да после месяца на холоде…

— А ты сразу узнала меня?

— Из тех, кто меня когда-то покинул, — только тебя хотелось удержать, милый. Как же мне было тебя не узнать?

— Ты здорово устроилась, — сказал Линдсей, внезапно вспомнив полузабытую дисциплину и скрыв наполнивший его ужас. — Спасибо, что убила того антибиотика.

— Ничего сложного, — отвечала она. — Я всех убедила, что это был ты. — Она помолчала в раздумье. — Гейша-Банк купился на твой трюк. Ты поступил разумно, забрав с собой голову яритэ.

— Мне хотелось, — осторожно сказал Линдсей, — сделать тебе прощальный подарок — абсолютную власть.

Он оглядел груды лоснящейся плоти. Нигде не было даже намеков на лицо. Пол и стены слегка гудели от синкопированного глухого перестука полудюжины сердец.

— А ты не расстроился, что я предпочла тебе власть?

Мысль Линдсея заработала в бешеном темпе.

— С тех пор ты стала куда мудрее… Да, я примирился с этим. Должен был наступить тот день, когда тебе пришлось бы выбирать между мною и собственными амбициями. И я прекрасно знал, что ты выберешь. Или я ошибся?

После непродолжительного молчания несколько ртов захохотало со стен.

— Ты для всего найдешь благовидный предлог, дорогой. Подарок… Нет. С тех пор у меня было множество фаворитов. Ты был хорошим оружием, но не единственным. Я прощаю тебя.

— Спасибо, Кицунэ.

— Можешь быть свободен. Арест отменен.

— Твоя щедрость не знает границ.

— Кстати, что за бред насчет Инвесторов? Или ты не понимаешь, насколько вся Система зависит сейчас от них? Любая группировка, задумавшая встать у них на пути, с тем же успехом может просто повеситься.

— Мой замысел гораздо тоньше. Думается мне, их самих можно заставить преградить себе путь.

— То есть?

— Шантаж.

Несколько ртов ее нервно хохотнули.

— По какому поводу, дорогой?

— Половых извращений.

Глаза приподнялись на своей органической турели. Линдсей отметил расширившиеся зрачки — верный признак, что он угодил в цель.

— Есть доказательства?

— Могу хоть сейчас представить, — объяснил

Линдсей, — вот только контакт… Стесняет, понимаешь…

— Сними. Я его давно отключила.

Расстегнув зажим-убийцу, Линдсей аккуратно положил его на подрагивающий подлокотник кресла. Пройдя босиком к ложу, он расстегнул рубашку и извлек видеомонокль на цепочке.

В изголовье ложа открылись карие глаза, а из мягких, поросших волосами отверстий вытянулись две лоснящиеся руки. Одна из них, приняв монокль, вставила его в глаз.

— Прямо с этого места, — сказал Линдсей.

— Но это же не начало пленки.

— Сначала там…

— Да, — голос ее стал ледяным. — Вижу. Жена?

— Да.

— Неважно. Согласись она уехать с тобой, все могло бы пойти иначе. Но теперь она поцапалась с Константином.

— Ты его знаешь?

— Конечно. Он битком набил Дзайбацу жертвами своей чистки. Шейперы из Совета Колец все не умерят гордыню. Они никак не хотят поверить, что дикорастущий может сравниться с ними в искусстве махинаций… Можешь считать свою жену мертвой.

— Может быть, и…

— Вздор. Ты прожил свое в покое и мире, теперь его очередь… О! — Она помолчала. — Это было на корабле Инвесторов? Том, что доставил тебя сюда?

— Да. Сам отснял.

— Аххх… — Стон был исполнен нескрываемого сладострастия. Громадное сердце, располагавшееся под ложем, забилось сильнее. — Это же их матка, капитан… Ох эти инвесторские бабы с их гаремами; что за наслаждение сокрушить такую! Грязные твари… Ты — просто чудо, Лин Дзе, Мавридес, Милош…

— Меня зовут Абеляр Малкольм Тайлер Линдсей.

— Знаю. Константин сказал. Я убедила его, что ты мертв.

— Спасибо, Кицунэ.

— И — что нам в именах? Меня называют начальником полиции. Дело не в фасаде, дорогой, а во власти. Ты надул шейперов из Совета Колец. А моя жертва — механисты. Я перебралась в картели. Я наблюдала и выжидала. И однажды нашла Карнассуса. Единственного, вернувшегося живым из той миссии.

Она весело засмеялась — тем самым знакомым

смехом, высоким и переливчатым.

— Механисты отбирали туда самых лучших. Но эти лучшие были слишком сильными, слишком жесткими, слишком хрупкими. Чуждое окружение в союзе с изолированностью сломало их. Карнассусу пришлось убить двоих остальных, и потому он до сих пор кричит во сне. Даже в этой комнате… Его компания обанкротилась. Я купила и его, и все его странные трофеи, а так бы их просто выкинули на свалку.

— На Кольцах говорят, что он — здешний правитель.

— Еще бы — я сама им это сказала. Карнассус принадлежит мне. Им занимаются мои хирурги. В нем нет ни нейрона, не выжженного наслаждением. Жизнь для него — непрекращающийся праздник плоти.

Линдсей обвел взглядом комнату.

— И ты — его фаворитка.

— Дорогой, разве я стерпела бы иное положение?

— Тебя не тревожит, что другие жены практикуют дзен-серотонин?

— Мне плевать, что они думают или говорят. Они подчиняются мне, а идеология меня не волнует. Меня волнует только будущее.

— Вот как?

— Настанет день, когда мы выжмем из Карнассуса все что можно. А крионическая продукция потеряет с распространением технологии прелесть новизны.

— На это уйдет много лет.

— На все уходит много лет. Вопрос только в том — сколько именно. Корабль, доставивший тебя сюда, покинул Солнечную систему.

— Это точно? — упавшим голосом спросил Линдсей.

— Так утверждает мой банк данных. Кто его знает, когда он вернется…

— В конце концов, — сказал Линдсей, — я могу и подождать.

— Двадцать лет? Тридцать?

— Сколько угодно.

Однако известие подействовало на Линдсея подавляюще.

— К тому времени от Карнассуса не будет никакой пользы. Мне понадобится новый фасад. И что может быть лучше инвесторской матки? Да, ради этого стоит рискнуть. Этим займешься ты. Вместе с Уэллсом.

— Конечно, Кицунэ.

— Получишь все, что понадобится. Но не смей

тратить ни киловатта на спасение той женщины.

— Попробую думать только о будущем.

— Мне и Карнассусу понадобится укрытие. Сначала займешься этим.

— Можешь положиться, — ответил Линдсей, подумав: «Мне и Карнассусу, вот, значит, как».

Картель Дембовской 14.02.58

Линдсей изучал последние материалы, поступившие из редколлегии. Опытным взглядом он просматривал информацию, глотал резюме, прогонял по экрану статьи, подчеркивал худшие примеры технического жаргона — словом, работал как проклятый.

Вся слава доставалась Уэллсу, предоставившему ему место главы отдела в Космоситете и пост редактора «Джорнел оф Экзоархозавриан Стадиз».

Рутина полностью завладела Линдсеем. Он был рад административной и исследовательской работе, не оставлявшей ему времени на воспоминания, причиняющие боль. Он колесил в кресле по своей конторе в ущелье, пригороде новоотстроенного Космоситета, вылавливая слухи, улещивая, подмазывая, обмениваясь информацией. «Джорнел» уже сделался крупнейшим из

незасекреченных банков данных об Инвесторах, а его секретные файлы пышно расцветали на догадках и разведданных. И в центре его стоял Линдсей, работавший с энергией юноши и терпеливостью старика.

Вот уже пять лет, с самого прибытия на Дембовскую, Линдсей наблюдал, как стремительно идет в гору Уэллс. За отсутствием государственной идеологии, влияние Уэллса и его Углеродной лиги распространилось на всю колонию, включая искусство, средства массовой информации и академические круги.

Группировка Уэллса страдала повальной амбициозностью. Линдсей вступил в лигу без особой охоты, однако планами лиги, как и местными бактериями, заразился быстро. И модами — тоже. Теперь волосы его были гладко напомажены, а сквозь усы проглядывал приклеенный к губе микрофон-бусинка. Морщинистые пальцы левой руки были унизаны кольцами видеоконтроля.

Работа съедала годы. Когда-то время для Линдсея было плотным и ощутимым, словно свинец; теперь же оно ускользало меж пальцев. Линдсей чувствовал, что его собственное ощущение времени начинает совпадать с чувством времени старейшин-шейперов, знакомых по Гол-

дрейх-Тримейну. Для истинной старости время не плотнее, чем воздух. Всего лишь посвистывающий в ушах разрушительный ветерок, уносящий прошлое и не щадящий даже воспоминаний о нем. Время набирало скорость. И замедлить его могла только смерть. И истина сия была горше амфетамина.

Он вернулся к статье: переоценка известного фрагмента инвесторской чешуи, найденного в вещах неудачного механистского межзвездного посольства. Проанализировано более чем исчерпывающе. Статья «Проксимодистальные градиенты и адгезивность эпидермальных клеток» поступила из картеля Диотима, от очередного шейпера-перебежчика.

Стол зазвонил. Прибыл посетитель.

Ненавязчивость охранной системы в контроле Линдсея носила характерные черты Уэллсова подхода к делу. Посетитель был снабжен изящным венцом, пришедшим на смену неуклюжему экзекуционному контакту. На лбу гостя, невидимый для него, светился крохотный красный огонек, указывающий автоматическому оружию, приличия ради скрытому в потолке, потенциальную цель.

— Профессор Милош?

Одет посетитель был странно: белый официальный костюм с круглым открытым воротом и гармошками складок на локтях и коленях.

— Вы — доктор Морриси из Цепи Миров?

— Республика Моря Ясности. Меня послал доктор Понпьянскул.

— Понпьянскул мертв, — заметил Линдсей.

— Так говорят, — согласно кивнул Морриси. — Убит по приказу председателя Константина. Но у доктора нашлись друзья в Республике. Так много, что теперь он контролирует нацию. Титул его — блюститель, а нация переродилась в Неотеническую Культурную Республику. Я был, так сказать, квартирьером революции. — Он помешкал. — Наверное, я должен передать слово доктору Понпьянскулу.

— Наверное, — ошеломленно подтвердил Линдсей.

Достав видеопластину, Морриси подключил ее к своему портфелю. Пластина засветилась, и он подал ее Линдсею. На ней появилось лицо Понпьянскула. Его морщинистая рука откинула в сторону волосы.

— Абеляр! Как дела?

— Невилл… Ты жив?

— Да, до сих пор квартирую во плоти. В портфе-

ле у Морриси интерактивная экспертная система. Она должна, за отсутствием меня самого, обеспечить пристойную беседу с тобой от моего имени.

Морриси кашлянул:

— Я как-то не привык еще к этим механизмам. Полагаю, мне не следует нарушать приватность вашей беседы.

— Да, так будет лучше.

— Я подожду в холле.

Линдсей проводил его взглядом. Костюм Морриси его забавлял. Он уже забыл, как и сам, когда жил в Республике, носил что-то подобное.

Линдсей всмотрелся в экран:

— Неплохо выглядишь, Невилл.

— Спасибо. Мое последнее омоложение организовал Росс. А провели — катаклисты. Та же группа, что и с тобой работала.

— Работала? Да они меня в каталажку какую-то засунули!

— В каталажку? Странно. Катаклисты пробудили меня. Никогда еще не чувствовал себя таким живым, как сейчас, когда, по общему мнению, я мертв. И так — уже десять лет, Абеляр. А может, — пожал плечами Понпьянскул, — одиннадцать.

Линдсей послал видеопластине взгляд. Изображение на взгляд не отреагировало, и ощущение

волшебства сильно померкло.

— Значит, ты повел наступление на Республику, — медленно проговорил Линдсей, — через террористические организации катаклистов?

Видеопластина улыбнулась характерной улыбкой Понпьянскула.

— Должен признать, катаклисты тоже сыграли свою роль. Ты оцени, Мавридес: я сыграл на молодежи. Этак лет сорок — пятьдесят назад существовала политическая группировка под названием «презервационисты». Ими воспользовался для захвата власти Константин, однако шейперов они ненавидели не меньше, чем механистов. Смех, конечно, но на деле они просто хотели жить почеловечески. Новое их поколение выросло под властью шейперов и здорово этим недовольно. Однако благодаря шейперской демографической политике молодежь составляет большинство. — Понпьянскул засмеялся. — Константин устроил из Республики отстойник шейперов-милитантов. И вообще — такую политическую кашу тут заварил… Когда разгорелась война, милитанты устремились обратно на Совет Колец, а вместо них прибыли сверхспособные — катаклисты. Константин слишком много времени проводил на Кольцах и оторвался от местной обстановки…

Катаклистам понравилась моя идея заповедника культуры. Там, в новой конституции, обо всем этом есть. Мой посланец тебе ее передаст.

— Спасибо.

— А у остатков Полночной лиги дела плохи. Давно мы с тобой не беседовали… Я разыскал тебя через твою бывшую жену.

— Александрину?

— Как? — Программа была сбита с толку; изображение на долю секунду замигало. — Пришлось повозиться, за Норой постоянно следят.

— Секунду… — Линдсей поднялся, чтобы наполнить свой бокал. Воспоминания о Республике водопадом обрушились на него, и первая жена, Александрина Тайлер, вспомнилась автоматически. Но в Республике ее, конечно же, нет. Вместе с прочими жертвами Константиновой чистки она была вывезена на Дзайбацу.

Он повернулся к экрану. Тот продолжал:

— Росс, как только ГТ спекся, подался к кометчикам. Фецко увял. Феттерлинг лижет задницы фашистам в Союзе старателей. Маргарет Джулиано взяли ледовые убийцы. До сих пор ждет разморозки… Я захватил здесь власть, но это не может возместить наших потерь.

— А что с Норой? — спросил Линдсей.

Поддельный Понпьянскул помрачнел.

— Она воюет с Константином там, где он наиболее силен. Если б не она, мой переворот не удался бы. Она его отвлекла… Я надеялся, что смогу заманить ее сюда, и тебя тоже. Она всегда была так приветлива… Лучшая наша хозяйка.

— Она не поедет?

— Она вышла замуж.

Бокал треснул в железных пальцах Линдсея. Шарики виски медленно поплыли к полу.

— Из политических соображений, — продолжило изображение. — Ей не приходится пренебрегать ни одним потенциальным союзником. Во всяком случае, организовать твое присоединение ко мне было бы сложно. В Неотенической Культурной Республике не может быть граждан старше шестидесяти. За исключением меня и моих уполномоченных.

Линдсей выдрал шнур из гнезда видеопластины, а затем помог маленькому кабинетному сервороботу убрать осколки.

Гораздо позже он снова пригласил в кабинет Морриси. Тот был в смущении.

— Вы совсем закончили, сэр? Мне дано указание стереть все из памяти после просмотра.

— С вашей стороны очень любезно было взять

на себя этот труд. — Линдсей приглашающим жестом указал на кресло. — Спасибо, что подождали.

Морриси уничтожил память конструкта и спрятал пластину в портфель, внимательно следя за лицом Линдсея.

— Надеюсь, я не принес дурных новостей.

— Новости просто изумительные, — заверил его Линдсей. — Наверное, по их поводу даже следует выпить.

По лицу Морриси скользнула тень.

— Простите, — сказал Линдсей. — Наверное, я был несколько бестактен.

Он отставил бутылку в сторону. Оставалось в ней — едва на донышке.

— Мне — шестьдесят, — сообщил Морриси, сидя в неудобной позе. — И меня выселили. Очень вежливо выселили. — Он болезненно улыбнулся. — Когда-то я был презервационистом. В первую революцию мне было восемнадцать… Ирония судьбы, не так ли? Теперь я — бродяга.

— Некоторую власть я здесь имею, — осторожно сказал Линдсей. — И кое-какие средства — тоже. Дембовская приняла много изгнанников. И для вас место найдем.

— Вы очень любезны. — Лицо Морриси напря-

женно застыло. — Я был биологом. Работал над разрешением национальных экологических проблем. Учился у доктора Константина. Но, боюсь, я очень отстал от времени.

— Это поправимо.

— Я принес вам статью для «Джорнел».

— О-о. Вы интересуетесь Инвесторами, доктор?

— Да. Надеюсь, мой труд соответствует вашим требованиям.

Линдсей изобразил улыбку:

— Мы вместе над ней поработаем.

Глава 7

Государство Совета Союз Старателей 13.05.75

Это приближалось. Затылок сводило от напряжения, и по коже бежали мурашки. Фуга![5] Обстановка плыла и дрожала — головы зрителей, сидящих внизу, под его личной ложей, образующие подобие барельефа с фоном из темных вечерних костюмов, округлая сцена с актерами в темно-красном и золотом, их жесты… Медленнее,

---

[5] Примечания: 5

Фугой в психиатрии называют специфическое состояние сознания, характеризующееся очень быстрым перескоком мыслей и ассоциации, наступающее обычно при выходе из эпилептического припадка или после потери памяти.

медленнее — и вот все замерло.

Страх… Нет, даже не это, не совсем это. Скорее грусть — кости брошены. И хуже всего было ждать… Шестьдесят лет ждал он, чтобы возобновить старые свои связи, — он, «проволочник», радикальный старец Республики. Теперь проволочные лидеры вроде него пробрались к власти над мирами. Шестьдесят лет… Ничто для проволочного сознания. Время — ничто… Фуга… Да, они не забыли своего друга, Филипа Хури Константина.

Ведь это он освободил их, изгнав аристократов среднего возраста, чтобы финансировать дезертирство от проволочных. Воспоминания, воспоминания… Они были лишь информацией — такие же свеженькие на своих хранящихся где-то катушках, как и заклятая его противница Маргарет Джулиано, у катаклистов на ледяном ложе… Мысли об этом возбудили всплеск удовлетворения, внезапный и острый — настолько острый, что, несмотря даже на состояние фуги, пробился из глубин мозга в сознание. Единственное в своем роде удовлетворение, возникающее лишь при падении соперника…

И вот, неуклюже тащась за несущимися вскачь мыслями, лениво появляется легкая дрожь стра-

ха. Нора Эверетт, жена Абеляра Мавридеса… Семнадцать лет назад она здорово навредила ему с этим переворотом в Республике, хотя он и сумел опутать ее обвинениями в государственной измене… Теперь эта сопливая Республика его не интересовала — все эти добровольно-невежественные детограждане, грызущие яблоки и пускающие змеев под присмотром старого чокнутого шарлатана Понпьянскула… Они не представляют собой проблемы, мир будущего просто обойдет их стороной, и останутся они живыми ископаемыми, безвредными и никому не нужными.

Но вот катаклисты… Страх окреп, расцветя пышным цветом, неясные тревоги разрослись, обретя эмоциональную плотность, расплываясь в сознании, словно капля чернил в воде. Ладно, эмоциями он займется потом, когда придет в норму, а сейчас — суметь бы закрыть глаза… Все не в фокусе, дымка, похожая на слезы, застилает замершие фигуры актеров, веки опускаются медленно, словно в кошмарном сне, нервные импульсы сбиты с толку несущимся вскачь сознанием… Да, катаклисты… Они относятся к происходящему, точно к вселенских масштабов шутке, играют в прятки в Республике, маскируясь

под плебеев и фермеров. Гигантский интерьер цилиндрического мира производит на них такое же ошеломляющее впечатление, как и хорошая доза любимого их наркотика PDKL-95… Катаклистский образ мышления, вскормленный на писанине об идеальной справедливости; Неотеническая Республика, путешествующая в прошлое человечества, — антипод ледового убийства с его билетом в один конец, в будущее…

Ну вот, сейчас голова придет в норму. Им овладело странное, ломающее чувство психического бунта; корка сознания уже не выдерживала напора изнутри. Последние микросекунды фуги принесли с собой эйдетическую вспышку: изображения, переданные зондами с поверхности Титана. Красные склоны вулканов из тяжелого углеводорода, рассеченные аммиачной лавой, рвущейся из глубин планеты. Титан… Любимое украшение для стен в Союзе старателей…

Все. Константин подался вперед, к барьеру ложи, и прокашлялся. Резко встряхнувшись, отрясая замешкавшийся страх, он нюхнул ацетаминофена, чтобы предотвратить мигрень, и сквозь мокрые от слез ресницы взглянул на часы. Четыре секунды фуги.

Он отер глаза и, вспомнив о том, что рядом

сидит жена, взглянул на нее. Прекрасное, по-шейперски изваянное лицо застыло в недоумении. Знает ли она, что эти четыре секунды он не воспринимал окружающего? Нет. Думает, что он тронут пьесой, и удивлена таким всплеском эмоций со стороны своего железного супруга… Константин одарил жену улыбкой. Слегка раскрасневшись, она склонилась вперед, положив унизанные драгоценностями руки на колени, и внимательно следила за ходом пьесы. После она попробует ее с ним обсудить. Натали Константин, юная и талантливая, потомок милитантской генетической линии. Она уже привыкла к своему мужу и его требованиям.

Не то что первая жена, предательница… Эту старую аристократку Константин оставил в Республике, терпеливо взлелеивая ее жестокость, пока совершенный им переворот не позволил ему обратить эту жестокость против других аристократов. Теперь она, по слухам, в любовницах у Понпьянскула, окрутила его липовой шейперской привлекательностью и жалкой интимной старческой близостью. Впрочем, кому все это теперь интересно. Годы затупили иголки ревности, а сегодняшний удар — если он будет нанесен — куда важнее какого-то хлама, болтающегося на

окололунной орбите.

Девятилетняя дочь его, Вера, наклонилась к Натали и что-то ей зашептала. Константин пристально посмотрел на созданного им ребенка. Половина генов дочери принадлежала Вере Келланд и была извлечена из чешуек кожи, взятых им перед ее самоубийством. Многие годы бережно хранил он краденые гены, а когда приспело время, они расцвели в его дочери. Она была любимицей, первым его потомком. Подумав, на что может обречь ее неудача отца, он снова ощутил страх, еще острее, чем прежде, потому что теперь испугался не за себя.

А на сцене происходила какая-то дурь. Наигранная, неестественная беготня вокруг душевнобольного негодяя из сверхспособных, упавшего, стиснув руками голову. Незаметно для окружающих Константин почесал подошвой ножной перчатки щиколотку. С годами кожный вирус стал изводить меньше; теперь его побочные эффекты ограничивались небольшими сухими лишаями на руках и ногах.

Пьеса, написанная Зенером, вгоняла в тоску. Привычка к театру была перенята Союзом старателей от Голдрейх-Тримейна, чему немало поспособствовали бежавшие из сокрушенной

бывшей столицы драматурги. Но современный театр был безжизнен. Например, Фернанд Феттерлинг, автор «Белой Периопы» и «Технического советника», зачах в угрюмом молчании рядом со своей опальной супругой из рода Мавридесов. Прочие мастера сцены с пацифистскими склонностями платили теперь за свою опрометчивость штрафами или же отсидками под домашним арестом. Некоторые переметнулись, а некоторые «ушли из времени», присоединяясь к бригадам катаклистских боевиков, орудовавшим по ночам.

Но катаклисты, потеряв сплоченность, опустились до банального террора. Их сверхспособная элита подвергалась нескольким нападениям. Погромы сверхспособных с нарастанием истерии становились все более и более основательными. Их покровитель и воспитатели сделались, в политическом смысле, пустым местом. Многие из них стали жертвами мести самих сверхспособных.

Сверхспособные были чересчур гениальны, чтобы жить как все, они требовали дробящей мир на куски анархии суперменов. Как такое стерпеть? И Константин организовал нетерпимость. Никогда еще жизнь его не была лучше: высокий пост, собственная генолиния Константинов,

руки свободны для любых антимеханистских действий, а для нелояльных — расставлены собственные его колючие сети.

И сегодня вечером он всем этим рискует. Неужели новостей еще нет? Как он их услышит? Из наушников, от телохранителя? Через краденые механические импланты в мозгу, позволяющие слышать информационное перешептывание проволочных? Или…

Происходило что-то необычное. Размахивавший знаменами кордебалет после внезапной заминки распался; цветные логотипы корпораций и значки генолиний перепутались. Танцоры, повинуясь чьим-то приказам, хаотически подались назад. Кто-то плыл к краю подиума. Ну да, этот жалкий негодяй, Чарльз Феттерлинг; старческая физиономия раздулась от торжества и лакейской важности…

Да. Вот оно! Феттерлинг что-то кричит! Герой пьесы подает ему микрофон, и голос Феттерлинга внезапным ревом сотрясает аппаратуру:

— …Войны! На механистских рынках — паника! Астероид Ниса объявил войну Совету Колец! Повторяю: картель Нисы отошел от Союза механистов! Просит о признании его Государством Договора о Совете Колец! На сессии Совета…

Слова его потонули в реве публики и бряцанье пряжек — ошеломленные зрители отстегивались от кресел и поднимались. Феттерлинг пытался совладать с микрофоном. Обрывки его слов прорывались сквозь общий шум:

— …Капитуляция… при посредстве банков Союза старателей… индустриальная… новая победа!

Началось с актеров. Герой пьесы указал поверх голов публики на ложу Константина, неистово крича что-то остальным исполнителям. Какая-то женщина захлопала в ладоши. Аплодисменты были подхвачены. Аплодировал весь актерский состав. Лица исполнителей сияли. Феттерлинг, услышав, обернулся взглянуть, тут же ухватил положение дел, и лицо его расплылось в широчайшей улыбке. Драматическим жестом он простер руку к ложе:

— Константин! Дамы и господа, канцлер-генерал!

Ухватившись за железные перила позади прозрачного щита, Константин встал во весь рост. При виде его толпа взорвалась криками и аплодисментами. Все понимали: это — его победа. Счастье победы, мгновенного, яркого освобождения от темных тягот войны захлестнуло людей столовой. Впрочем, стоило ему проиграть, они с

той же страстностью разорвали бы его на куски… Но понимание этого мрачного факта тоже утонуло в восторге победы. Теперь, когда он выиграл, прошлый риск только обострял наслаждение.

Он повернулся к жене. В глазах ее стояли слезы — от гордости за своего мужа. Неторопливо, не отпуская перил, он протянул ей руку. Пальцы их соприкоснулись, он взглянул в ее лицо — нет, глаза ее не лгали. С этого момента его власть над нею стала абсолютной.

Она села с ним рядом. Вера дернула его за рукав. Глаза дочери были широко раскрыты. Он поднял ее, подхватив левой рукой, и коснулся губами ее уха:

— Запомни этот день, — горячо шепнул он.

Беспорядочные крики утихли, заглушенные четким ритмом аплодисментов — долгих, мерных, ритуальных аплодисментов, какие завершают каждое заседание самого Совета Колец, аплодисментов вечных, торжественных, подавляющих и не терпящих возражений. Музыка власти… Константин поднял вверх руку жены и закрыл глаза.

Это был счастливейший момент его жизни.

Картель Дембовской 15.05.75

Чтобы привыкнуть к новой руке, Линдсей иг-

рал на клавишных. Новая рука была куда лучше старой; отличная избирательность нервных сигналов даже сбивала с толку. Исполняя одну из композиций Кицунэ, он с каждым ударом по клавише испытывал короткое пьянящее ощущение, схожее с резким жаром.

Отняв руки от клавиатуры, он размял их. По проводам пробежало легкое покалывание. Кончики новых пальцев сплошь покрывали мелкие соты сенсоров, и эти сенсоры были гораздо чувствительнее плоскостей обратной связи старого протеза.

Перемена раздражала. Он окинул взглядом запущенную, неухоженную квартиру. В продолжение двадцати двух лет она была для него всего лишь местом для привала и для ночлега, не более. Все в ней, и полосатые обои, и металлические кресла на тонких ножках, уже лет двадцать как вышли из моды. В ногу со временем шагали лишь охранные системы — последние из Уэллсовых разработок.

Поизносился и сам Линдсей. Девяносто лет; десятилетия привычного напряжения оставили глубокие следы на лице, особенно возле глаз и губ, волосы и борода покрыты инеем седины…

Он совершенствовался в игре на клавишных.

К задаче овладения музыкой он подошел со своеобычным нечеловеческим упорством. Многие годы работал он на износ, но современная технология биомониторинга позволяла отследить и предотвратить возможный срыв за месяцы до его приближения. Об этом заботилась кровать, генерировавшая яркие, непонятные сны, оставлявшие его к утру опустошенным, успокоенным и абсолютно здоровым.

С тех пор как его жена вышла замуж во второй раз, прошло восемнадцать лет. Это обстоятельство никогда не доставляло ему особенной боли. В Совете он был шапочно знаком с ее нынешним мужем: Грэхем Эверетт, бесцветный сторонник разрядки с мощными клановыми связями. Нора воспользовалась его влиянием для отражения нападок милитантов. Даже печально: Линдсей не помнил этого человека достаточно хорошо, чтобы ненавидеть.

Предупредительный сигнал прервал его игру: в передней ждал посетитель. Сканеры заверили, что он — вернее, она — имеет в теле лишь безобидные механические импланты: бляшкоочистительные артериальные микроботы, старомодные коленные чашечки из тефлона, пластиковые суставы пальцев и пористый ввод для

внутривенных инъекций на сгибе левого локтя. Большая часть волос ее тоже была искусственной — имплантированные блестящие оптико-волоконные нити.

Он приказал домашнему роботу впустить женщину. Странноватый цвет лица, часто встречающийся у пожилых механисток, — гладкая, чистая кожа, смахивающая на превосходно подогнанную бумажную маску. Рыжие волосы переливаются в медно-красной подсветке оптических волокон. Одета она была в серый костюм без рукавов, меховой жилет и белые, до локтя, термические перчатки.

— Аудитор Милош? — спросила она с акцентом Цепи миров.

Он подвел ее к дивану, и она грациозно села. Движения ее были отшлифованы годами до мелочей.

— Да, мадам. Чем могу служить?

— Простите мое вторжение, господин аудитор. Моя фамилия — Тайлер. Я работаю клерком в «Лимонов Край-оникс». Но к вам у меня дело личного характера. Я хочу просить вас о помощи. Я слышала о вашей дружбе с Невиллом Понпьянскулом.

— А, так вы — Александрина Тайлер. Из Республики Моря Ясности.

Она удивленно приподняла тонкие дугообразные брови:

— Вы уже знакомы с моим делом, господин аудитор?

— Вы не хотели бы, — Линдсей опустился в снабженное стременами кресло, — сперва выпить?

Да, это была его первая жена. На некоем глубоко захороненном в сознании рефлекторном уровне зашевелилась давно уже мертвая личность, тончайший пласт фальши, которой ему приходилось от нее отгораживаться, когда они состояли в браке. Александрина Тайлер, его жена, кузина его матери.

— Нет, спасибо, — сказала она, оправляя на коленях юбку. Да, колени, помнится, доставляли ей сильное неудобство, она тогда еще вставила в них тефлон…

Знакомый жест напомнил ему о брачной политике аристократов Республики. Александрина была старше его на пятьдесят лет; брак их был тесной клеткой утомительного политеса и мрачного мятежа. Линдсею уже девяносто, гораздо больше, чем было ей в день женитьбы… Сейчас, оценивая все это с позиций настоящего, он почувствовал, какую боль причинял ей тогда.

— Я родилась в Республике и почти полвека назад, во время шейперских чисток, потеряла гражданство. Я люблю Республику, господин аудитор, и никогда ее не забывала… Я вышла из очень влиятельной семьи, но, наверно, теперь, с установлением новой власти, это все уже ничего не дает?

— Вы были женой Абеляра Линдсея?

Глаза ее округлились.

— Значит, вы хорошо осведомлены… Вам известно, что я подавала прошение об эмиграции? От правительства Понпьянскула я не получила никакого ответа. Я пришла просить о помощи вас, господин аудитор. Я не принадлежу к Углеродной лиге, но знаю, какую она имеет власть. Ваше влияние выше законов.

— Должно быть, мадам, ваша жизнь весьма нелегка. В Схизматрице, без всякой поддержки…

Она моргнула. Веки фарфоровой белизны, словно бумажные ширмы, прикрыли на миг глаза.

— Нет. С тех пор, как я в картелях, все не так уж и плохо. Конечно, нельзя сказать, что я счастлива. Я не забыла усадьбу, деревья, сады…

Линдсей переплел пальцы рук, не обращая внимания на непрерывное покалывание в правой.

— Не хотелось бы вселять в вас пустые надеж-

ды, мадам. Неотеническое законодательство не допускает отклонений. Республике не нужны люди нашего возраста, так или иначе изменившие первозданному человеческому состоянию. Верно, я сделал кое-что для Неотенического правительства. Относительно переселения граждан Республики, достигших шестидесятилетия. «На вымирание во внешний мир», так это у них сформулировано. И поток переселенцев строго односторонен. Весьма сожалею.

Она помолчала.

— Вы хорошо знаете Республику, господин аудитор? Тон ее ясно говорил, что она смирилась с неудачей.

Теперь она желала одних лишь воспоминаний.

— Достаточно, чтобы знать, что жену Абеляра Линдсея там осудили. Ваш бывший муж буквально канонизирован, он — мученик, пострадавший за дело презервационизма. Вас же считают пособницей механистов, главной виновницей изгнания и смерти Линдсея.

— Ужасно… — Глаза ее наполнились слезами, она поднялась на ноги. — Я… Извините… Нельзя ли воспользоваться вашим биомонитором?

— Слезы меня не пугают, мадам, — мягко отве-

тил Линдсей. — Я не дзен-серотонист.

— Муж… Он был такой способный… Мы думали, что поступаем правильно, отправляя его учиться к шей-перам. Я так и не поняла, что там с ним сделали, но это было ужасно. Я изо всех сил старалась сохранить семью, но он был такой хитрый и изворотливый, что мог извратить любое мое слово или же направить его на совершенно противоположную цель. Он и в остальных вселял страх. Они были уверены, что он разорвет наш мир на части. Зря мы послали его к шейперам!

— Но я уверен, что с позиций того времени вы поступили очень умно, — сказал Линдсей. — Республика уже находилась в зоне влияния механистов; следовало восстановить равновесие.

— Но не за счет сына моей кузины! Мало им было плебеев вроде Константина? — Палец ее поднялся к губам. — Извините. Все это, конечно, аристократические предрассудки. Простите, господин аудитор. Я погорячилась.

— Понимаю, — сказал Линдсей. — В вашем возрасте дела давно минувших дней могут вызывать неожиданные приливы чувства. Мне очень жаль, мадам, с вами обошлись несправедливо.

— Спасибо, сэр. — Она приняла поданную роботом салфетку. — Я глубоко тронута вашим со-

чувствием. — По-птичьи точными движениями она промокнула глаза. — Мне начинает казаться, что я знаю вас очень давно.

— Ложная память… Некогда я был женат на женщине, весьма похожей на вас.

Последовал неторопливый взгляд. Вне вербального уровня сказано было очень много. Истина, мелькнув на поверхности, скрылась за необходимым фасадом недоговорок.

— Жена… — Лицо ее ярко вспыхнуло. — Она не поехала сюда с вами?

— Брак на Дембовской — совсем другое.

— Я была замужем здесь. По пятилетнему брачному контракту. Полигамному. Он истек в прошлом году.

— И теперь вы не замужем.

Она кивнула. Широким жестом правой руки, сопровождаемым тихим жужжанием, Линдсей обвел комнату.

— Я — тоже. Результат, по-моему, налицо. Служебные дела сделали мою жизнь пустынной.

Она едва заметно улыбнулась.

— А как вы отнесетесь к тому, чтобы вести здесь хозяйство? Должность помощника аудитора, полагаю, оплачивается гораздо лучше той, что у вас сейчас.

— Да, пожалуй.

— Скажем, так: шестимесячный испытательный срок, а впоследствии домоправительский пятилетний контракт; стандартные условия, брак моногамный. Контракт могут отпечатать в моей конторе завтра утром.

— Это так неожиданно.

— Вздор, Александрина. Если в нашем возрасте все откладывать на потом, так ни к чему и не придешь. Что для нас пять лет? Мы уже доросли до свободы.

— Можно, я выпью? — спросила она. — Для моей программы поддержки здоровья это не очень полезно, но сейчас, по-моему, мне это просто необходимо.

Она нервозно взглянула на него, и он уловил во взгляде вымученный намек на близость.

Бумажный глянец кожи, тщательно уложенные волосы… Да, запоздалая попытка искупить прошлые грехи добавит в его жизнь новую тоскливую рутину. Он подавил вздох.

— Я найду вас, когда понадобится обсудить пункты, касающиеся наших половых отношений.

Государство Совета Союз Старателей 23.06.83

Константин заглянул в резервуар. За стеклом

окошка плавала разбухшая от воды голова Паоло Мавридеса. Темные вьющиеся волосы, характерная особенность генолинии Мавридесов, вяло шевелились над затылком и плечами. Налитые кровью зеленые глаза были открыты. Инъекции парализовали зрительный нерв. Спинальный блок сохранил ему способность чувствовать, но не двигаться. Слепой и глухой, недвижный, окруженный водой, имеющей температуру тела, Паоло Мавридес пребывал в сенсорной изоляции уже две недели.

Кислород подавался прямо в трахею. Капельницы в венах предохраняли от истощения.

Константин коснулся черного переключателя на резервуаре, и динамики, установленные специально для этого случая, ожили. Молодой боевик разговаривал сам с собой, бормоча на разные голоса что-то вроде литании.

— Паоло, — окликнул его Константин.

— Я занят, — отвечал тот. — Зайдите позже.

— Хорошо, — хмыкнул Константин, щелкнув по микрофону, чтобы изобразить звук отключаемого динамика.

— Нет, погодите, — тут же сказал Паоло. Константин улыбнулся, уловив в его голосе легкий испуг. — Все равно спектакль испорчен. «Пасту-

шьи луны» Феттерлинга.

— Ее давным-давно не ставят, — сказал Константин. — Ты в это время был совсем ребенком.

— Я выучил ее в девять лет.

— Надо же, какая память. И ведь катаклисты во все это верят. Проверка внутреннего мира воли… Ты долго пробыл здесь. Очень долго.

Константин выжидающе замолчал.

— Сколько же? — вырвалось у Мавридеса.

— Почти сорок восемь часов.

Мавридес коротко засмеялся, и Константин подхватил его смех.

— Ну конечно же, оба мы понимаем, это неправда. Нет, почти год! Ты страшно исхудал.

— Попробуй как-нибудь сам. Может, это решит проблемы с кожей.

— Это, молодой человек, последняя из моих трудностей. Я совершил тактическую ошибку, установив такую хорошую систему охраны. Ты не поверишь, как много дураков попадало до тебя в эту бочку. Ты сделал глупость, Паоло.

— А скажи-ка лучше, отчего твой голос звучит как глас божий?

— Такая техника. Мои слова поступают непосредственно к твоему внутреннему уху. Поэтому ты не можешь слышать собственного голоса.

Аппаратура считывает его для меня с нервных окончаний твоей гортани.

— Понятно, — сказал Паоло. — Проволочные сработали.

— Ничего необратимого. Но поговорим о тебе, Паоло. Кто состоит в твоей бригаде?

— Я не катаклист.

— У меня твое оружие. Вот. — Вынув из кармана полотняной куртки маленькую таймер-ампулу, Константин покрутил ее в пальцах. — Обычное для катаклистов. Что это? PDKL-95?

Паоло молчал.

— Возможно, тебе этот препарат известен под названием «облом»?

— Перестроить твое сознание? — засмеялся Паоло. — Мне бы и в голову не пришла такая глупость. Сумей я оказаться с тобой в одной комнате, поставил бы на пять секунд, и обоим нам крышка.

— Аэрозольный токсин, да? Надо же, какая самоотверженность…

— Есть вещи поважнее жизни, плебей.

— Какая трогательная старомодность. Вижу, вы хорошо покопались в моем прошлом. Давненько ничего подобного не слыхал. Ты еще назови меня дикорастущим.

— Нет нужды. Все это нам рассказала твоя жена.

— Прошу прощения?

— Твоя жена, Натали Константин. Может, слыхал? Ей нелегко было примириться с пренебрежением. И она стала первой шлюхой Союза старателей.

— Я сейчас заплачу от огорчения.

— А откуда, по-твоему, я узнал, как войти в твой дом? Эта блядь просто умоляла, чтобы я тебя прикончил.

Константин засмеялся.

— Тебе бы хотелось, чтобы я причинил тебе боль, не так ли? Боль стала бы хоть какой, но опорой. Нет, молодой человек, тебе следовало оставаться в Голдрейх-Тримейне. В пустых залах и заброшенных кабинетах. Боюсь, что ты начинаешь меня утомлять.

— Позволь, прежде чем ты уйдешь, сказать, о чем я жалею. Я жалею о своей близорукости. У меня тут было время подумать. — Последовал глухой смех. — Я купился на твою пропаганду. Вот, скажем, астероид Ниса. На первый взгляд так замечательно! Но Совет Колец не знал, что картель Нисы был просто свалкой для перегоревших проволочных из захолустья. Ты до сих

пор лижешь жопу аристократам из Республики. При всех своих должностях и званиях ты остался просто дешевым доносчиком, рабом и лакеем.

Константин ощутил знакомое напряжение и дрожь в затылке. Коснувшись затылочного контакта, он полез в карман за ингалятором. Ни к чему ему фуга, когда мальчишка разболтался и вот-вот расколется.

— Продолжай, продолжай.

— Все твои достижения на поверку оказывались простым очковтирательством. Ты ведь ничего ни разу не создал сам. Ты — ничтожество, Константин. Полное ничтожество. И я знаю человека, под чьим ногтем поместится десяток таких, как ты.

— Кто же это? Твои друг, Феттерлинг?

— Бедняга Фернанд, твоя жертва… Конечно, он в тысячу раз лучше тебя, но такое сравнение нечестно. У тебя никогда не было ни капли артистического таланта. Нет, я имею в виду другого. Человека, специализирующегося в твоем главном искусстве. Политики и шпионажа.

— Какой-нибудь катаклист… — устало отмахнулся Константин.

— Нет, не катаклист. Абеляр Линдсей.

Жгучий приступ мигрени скрутил Констан-

тину голову. Поверхность резервуара медленно поплыла к нему. Тусклый ледяной блеск металла. Он падал. Собрав все силы, Константин попробовал поднять руки, но бешеный удар фуги, растянувшийся, казалось, на целый месяц, отсек нервные импульсы. Придя в себя, он почувствовал под щекой холод и услышал, что Мавридес все еще говорит:

— …всю эту историю от Норы. Пока ты здесь судил артистов за измену, Линдсей одержал величайшую победу в истории. Перебежчик от Инвесторов… Он получил в свои руки перебежчика от Инвесторов, матку звездного корабля.

— Слышал я это, — откашлявшись, сказал Константин. — Механистская пропаганда. Бред.

Мавридес истерически расхохотался.

— Спекся ты к растакой матери! — громко сказал он. — Спекся. От тебя не останется ни-хе-ра, кроме сноски в учебнике истории, двух строчек мелким шрифтом. Это же Линдсей организовывал революцию в вашем мире, пока ты возился со всяким говном, разводил мошек-брошек и строил планы, как бы присвоить всю честь себе. Ты же мелочь, гнида. Не стоило и возни убивать тебя, но мне никогда не везло.

— Линдсей мертв. Шестьдесят лет как мертв.

— Ну да, плебей. Он хотел, чтобы ты так думал. — Смех, извлекаемый непосредственно из нерва, металлом гремел из динамиков. — Я жил в его доме, придурок, и он меня любил.

Константин открыл резервуар, повернул таймер ампулы, бросил ее в воду и захлопнул люк. Отвернувшись, он пошел прочь. Дойдя до двери, он услышал резкий, неистовый всплеск. Токсин сделал свое дело.

Народная Корпоративная Республика Царицын Кластер 03.01.84

Ничего ровнее и чище этой длинной, сверкающей линии сварки Линдсей в жизни не видел. Плавая в пузыре обзора, он наблюдал за копошащимися в вакууме строительными роботами. Механические машины имели длинные комариные носы, добела раскаленные сварные кончики которых заливали вороненую обшивку дворца царицы дрожащим голубоватым светом.

Шла постройка полномасштабной копии звездолета Инвесторов, корабля без двигателей, который никогда никуда не полетит сам по себе. К тому же — черного, без малейшего следа аляповатых мозаик настоящего инвесторского корабля. На этом настояли другие Инвесторы, приговорив матку-перебежчицу к заточению в

темной тюрьме корабля-суррогата.

После долгих исследований Линдсей кое-как разобрался в истинной сути преступления капитана.

Матки откладывают яйца в чревоподобные «сумки» самцов. Самцы оплодотворяют яйца и носят в сумках до срока. Бесполые лейтенанты регулируют овуляцию посредством сложной гормональной псевдокопуляции.

Преступная же матка в припадке страсти убила своего лейтенанта и заменила его обычным самцом. Но без настоящего лейтенанта циклы ее сексуальности исказились. Линдсей отснял ее за уничтожением одного из яиц с пороком развития. Для Инвестора это гораздо хуже извращения и даже убийства: это — ущерб для бизнеса.

И Линдсей представил улику так, что она била в самое сердце инвесторской этики. Смущение — эмоция, не свойственная Инвесторам. Они были потрясены. Но Линдсей не мешкал с предложением средства правозащиты: изгнание! И завуалированно пригрозил предать свою запись гласности, посвятив в подробности все инвесторские корабли и человеческие группировки.

О скандале знало лишь избранное число богатых маток и лейтенантов, но даже это было

сквернее некуда. Посвящать же в такую кошмарную историю впечатлительных самцов было просто немыслимо. И сделка состоялась.

Матка так никогда и не узнала, кто на нее донес. Подход к ней нужен был еще более тонкий, на пределе талантов Линдсея. Вовремя подаренная груда драгоценных камней еще больше разожгла в провинившейся даме жадность — основной жизненный инстинкт всех Инвесторов. Бизнес на ее корабле шел из рук вон плохо: униженная, растерявшаяся команда, никудышный бесполый лейтенант…

И тут прибыл Линдсей, вооруженный Уэллсовыми схемами и диаграммами, статистически предсказывающими достояние, которое совсем легко выжать из города-государства, не зависимого ни от одной группировки. Экспоненциальные кривые вздымались прямо к загребанию дух захватывающих богатств. Он сказал, что ничего не знает о ее бесчестии — знает лишь, что соотечественники прямо-таки жаждут поместить ее под арест. Вдобавок намекнул, что, накопив достаточно, она сможет вернуть благосклонность сородичей.

Мало-помалу он помог ей понять, что это — ее наилучший шанс. Чего она стоит без команды

и лейтенанта? Зачем отказываться от активной поддержки маленьких, вежливых чужаков? Общественные инстинкты этих хилых стадных млекопитающих приведут их к признанию ее своей королевой-маткой — да-да, именно! Уже сейчас Совет управляющих готов выполнить любую ее прихоть; все они свободно говорят по-инвесторски и прямо-таки рвутся засыпать ее богатствами!

Но жадность — это только для разгона, окончательно подчиниться воле Линдсея ее вынудил страх — страх перед маленьким мягкокожим чужаком с темным пластиком на мякоти глаз и готовыми ответами на любой вопрос. Казалось, он знает ее народ лучше, чем она сама!

Неделей позже последовало оглашение и внезапный — с мясом и кровью — перенос столицы к месту ссылки. Матку прозвали «Царицей» (с подачи Рюмина), а ее городом стал Царицын Кластер, возникший из ничего на внутренней кромке Пояса и уже четыре месяца переживавший непрекращающийся подъем. Народная Корпоративная Республика Царицын Кластер, совершив то, что Уэллс называл «скачком Пригожина» и «переходом на высший уровень сложности», скакнула из виртуального в реальное существование. Теперь

Совет управляющих был перегружен делами, а транспортные линии — перебежчиками, ищущими политическое убежище и возможность начать жизнь с чистой страницы. Присутствие Инвестора накладывало на этот мир отпечаток необычного, отгораживало его крепостной стеной престижа, покуситься на который не решались ни механисты, ни шейперы.

Недоделанный дворец тесно окружали разношерстные скваттерские жилища: сети тугих шейперских пузырей-пригородов; хищные пиратские суденышки, бесстыдно совокупляющиеся посредством гофрированных абордажных рукавов; грубые соты притащенных на буксире механистских конструкций из никеля и железа; черепахо-образные строительные времянки, липнущие к каркасной решетке городского комплекса, только-только сошедшего с чертежной доски. Город должен был стать столицей, околосолнечным вольным портом, последним оплотом бродяг. Он, Линдсей, основал его. Но не для себя.

— Что, приятель, зрелище волнует кровь?

Линдсей взглянул направо. В обзорный пузырь прибыл человек, некогда называвшийся Уэллсом. На месяцы приготовлений Уэллс скрылся под тщательно подготовленной маской. Теперь он

был Уэллспринг, двухсот лет от роду, рожден на Земле; человек-загадка, делец милостью Божьей, ясновидец и даже пророк. Ничто меньшее просто бы не годилось. Для операции такого масштаба требовалась легенда. Иными словами — жульничество.

— Дело двигается, — кивнул Линдсей.

— Скоро начнется настоящая работа. Вот только не слишком мне нравится этот Совет управляющих. Уж больно они негибки, работают без души. У некоторых полно амбиций. Смотреть за ними нужно.

— Конечно.

— Может, ты этим и займешься? Пост координатора для тебя открыт. Ты справишься.

— Я предпочитаю держаться в тени, Уэллспринг. Роль вашего масштаба выдвинет меня слишком близко к рампе.

— Философия доставила мне достаточно проблем, — помолчав, ответил Уэллспринг. — Не гожусь я, пожалуй, для мифа. Мне нужен ты и эта самая твоя тень.

Линдсей посмотрел в сторону, на двух строительных роботов, тянувших шов навстречу друг другу, чтобы соединиться в раскаленном добела поцелуе электродов.

— Моя жена мертва, — сказал он.

— Александрина? Как жаль. Я потрясен…

Линдсей вздрогнул.

— Да нет же. Нора. Нора Мавридес. Нора Эверетт…

— О! — сказал Уэллспринг. — Когда ты узнал?

— Я обещал ей, что обеспечу нам подходящее место. Помнишь, я говорил о возможном расколе Совета Колец?

— Да.

— Все готовилось тихо, насколько это было возможно, — и все же недостаточно тихо. Константин как-то разнюхал и предотвратил раскол. Ее обвинили в измене. Следствие впутало бы и всех прочих членов ее клана. И она предпочла самоубийство.

— Мужественно…

— Ей больше ничего не оставалось.

— Да, пожалуй.

— Она ведь любила меня, Уэллспринг. Хотела ко мне приехать. И совсем уже собралась, но Константин убил ее.

— Я понимаю твое горе, — сказал Уэллспринг. — Но жизнь — штука длинная. Не стоит забывать о высших конечных целях.

— Ты же знаешь, — угрюмо ответил Линдсей, —

я не придерживаюсь этой посткатаклистской линии.

— Постгуманистской, — поправил Уэллспринг. — Ты ведь за жизнь, не правда ли? Если нет, то позволишь боли себя подчинить, восстанешь против Константина и умрешь, как Нора. Прими ее смерть и оставайся с нами. Будущее принадлежит постгуманизму, а не национальным государствам и группировкам. Оно принадлежит жизни, а жизнь развивается образованием подвидов.

— Я уже слышал эти басни, Уэллспринг. Смирившись с утратой в нас человеческого, мы придем к куда худшим различиям, ссорам и войнам.

— Нет, если новые виды смогут достичь согласия, как познающие системы четвертого пригожинского уровня сложности.

Линдсей молчал, спорить с этим человеком было бесполезно.

— Ну что ж, — сказал он наконец. — Остается пожелать тебе удачи. Постарайся защитить пострадавших. Может, что-нибудь из всего этого и выйдет.

— Подумай, Линдсей, перед нами целая вселенная неиспользованных возможностей. Ни

законов, ни ограничений…

— Пока он жив — нет. Прости.

— Придется тебе это делать самому.

Торговый корабль Инвесторов 14.02.86

— Это не предпочитаемый нами вид сделок, — сказал Инвестор.

— Мы не встречались раньше, лейтенант? — спросил Линдсей.

— Нет. Но я был знаком с вашим учеником. Доктор-капитан Саймон Африэль. Весьма образованный джентльмен.

— Я хорошо помню Саймона.

— Он умер в посольстве. — Инвестор смотрел на Линдсея. Темные глаза его враждебно поблескивали в белых ободках его мигательных перепонок. — Жаль. Я всегда получал удовольствие от бесед с ним. Хотя — это его стремление всюду соваться… Вы называете это любопытством. Позыв к собиранию бесполезной информации. Существо с таким изъяном подвергается излишнему риску.

— Несомненно, — согласился Линдсей.

До этого он не слыхал о смерти Африэля. Известие доставило ему горькое удовольствие: нет еще одного фанатика, бессмысленно погиб еще один талантливый человек…

— Ненависть понять гораздо проще. Странно, что ты, Художник, стал ее жертвой. Это заставляет усомниться в моем суждении о вашем виде.

— Сожалею, что послужил источником недоразумения. Канцлер-генерал Константин сумеет объяснить все это гораздо лучше.

— Я поговорю с ним. Он со своими людьми только что прибыл на борт. Хотя он — не характерный образец для составления мнения о человеческой природе. Сканирование показывает, что он пошел на очень серьезные перестройки организма.

Теперь так делают многие, подумал Линдсей. Даже из самых молодых. Словно существование Неотенической Республики с ее принудительной человечностью освободило прочие группировки от необходимости притворяться.

— Вы находите это странным для космической расы?

— Нет. Вовсе нет. Поэтому-то их и осталось так мало.

— Девятнадцать, — уточнил Линдсей.

— Да, число исчезнувших рас, входивших в нашу торговую сферу, на порядок больше. Хотя артефакты их сохранились. Как, например, тот, что мы предполагаем предоставить вам в аренду. — Инвестор обнажил бороздчатые шипообразные

зубы — признак отвращения и неприязни. — Мы надеялись на долгосрочную торговлю с вашим видом, но не можем отвратить вас от порывов в вопросах метафизики. Вскоре нам придется наложить на вашу систему карантин, чтобы не быть вовлеченными в ваши трансмутации. В то же время нам придется пренебречь некоторыми из своих принципов, чтобы оправдать свои капиталовложения.

— Вы меня пугаете, — сказал Линдсей. Это он уже слышал: туманные угрозы Инвесторов, намеревающихся заморозить человечество на текущем уровне развития. Забавно: Инвесторы проповедуют презервационизм… — Конечно, война — весомейшая угроза.

— Нет. И мы представили вам доказательства этого. Наш межзвездный двигатель дал вам понять, что ваши представления о пространстве-времени неверны. Ты, Художник, должен об этом знать. Задумайся на минуту о последних достижениях в математическом описании того, что вы называете гильбертовым пространством и ур-пространством преконтинуума… Они не могли миновать твоего внимания.

— Математика — мое слабое место.

— И наше. Но нам известно, что эти открытия

— тревожный признак неизбежного перехода к иной форме бытия.

— Неизбежного?

— Да. Вопрос лишь нескольких столетий.

Значит, столетий… Да, как легко забыть, насколько древни Инвесторы. Глубочайшее их нежелание перемен обеспечивает им широкий, но поверхностный кругозор. Им неинтересна собственная история, они не хотят сравнивать свою жизнь с жизнью предков, потому что не предполагают, что их жизнь или же побуждения хоть в малейшей степени изменились. Есть у них туманные легенды и невнятные, перевранные технические сведения, касающиеся наиболее ценимых ими объектов, но даже эти фрагменты истории затерялись в лихорадочной погоне за добычей.

— Не все вымершие расы совершили этот переход, — продолжил лейтенант, — и те, кто изобрел Арену, вероятно, умерли насильственной смертью. Об этом мы не имеем информации; только технические данные об их форме восприятия, позволяющие нам сделать Арену понятной для нервной системы человека. В этом нам оказал помощь Департамент неврологии Космоситета Государства корпоративного договора Ниса.

Константиновы наемники, подумал Линдсей. Проволочные жулики с Нисы, перебежавшие от механистов к шейперам и сочетающие механистскую технику с фашистской структурой шейперского военно-научного комплекса.

— Самые подходящие люди, вернее существа, для этой работы.

— Канцлер-генерал сказал то же самое. Кстати, его группа уже собралась. Не следует ли присоединиться к ним?

Группа Константина общалась с группой Линдсея в одной из пещерообразных гостиных. Помещение было заставлено высокой мебелью — ошеломляюще декорированными канапе и столами на изогнутых ножках, покрытыми ребристыми куполами и стилизованными волютами. Все это было настолько большим, что никак не могло быть использовано посетителями-людьми, и те опасливо жались к подножию мебели, стараясь ничего не трогать. Войдя в гостиную, Линдсей обратил внимание, что вся мебель покрыта тонким слоем лака для защиты от кислорода.

Ему пока что не доводилось видеть молодых представителей генолинии Константина. Тот привел с собой десять человек: пять мужчин

и пять женщин. Родственники были выше Константина, и волосы имели более светлые — наверняка, привнесение генов от другой линии.

Все они обладали особым шейперским обаянием, акробатической ловкостью и гибкостью. Но что-то в их телосложении — плечи, тонкие руки — говорило о генетическом наследии Константина. Одеты они были экстравагантно и пышно: круглые бархатные шляпы, рубиновые серьги, шитые золотом парчовые пиджаки. Наряжались явно ради Инвесторов, высоко ставящих богато выглядящих клиентов.

Одна из женщин, стоявшая к Линдсею спиной, разглядывала высокие ножки мебели. Прочие стояли спокойно и непринужденно, обмениваясь с людьми Линдсея ничего не значащими любезностями. Линдсей привез с собой разношерстную группу ученых и специалистов по Инвесторам из Царицына Кластера. Была среди них и Александрина. Она беседовала с самим Константином и держалась, как обычно, безукоризненно. Ничто не указывало, что все эти люди — секунданты, свидетели, собранные сюда, чтобы поединок был честным.

Два года борьбы и продолжительных и деликатных переговоров потребовались для организации

встречи с Константином. Наконец было определено, что инвесторский звездолет — поле боя, приемлемое для обеих сторон. Здесь обман пользы не принесет никому. Сама Арена оставалась в руках Инвесторов; техники Нисы работали по данным, к которым обе партии имели свободный доступ. Расходы делились по соглашению, причем большую их часть — взамен преимуществ в правах на технологические новинки — принял на себя Константин. Линдсей получал данные через два уровня подставных лиц — в Царицыном Кластере и на Дембовской, — чтобы запутать возможных наемных убийц. К чести Константина, тот не послал ни одного.

Система поединка была согласована с большими сложностями. Разнообразные предложения тщательно обсуждались в кругу посвященных. От физического боя, как не соответствующего соображениям чести и достоинства сторон, отказались сразу. Те, кто был знаком с популярными азартными играми шейперского дна, высказывались за игру и самоубийство проигравшего. Однако отдать дело на волю случая — значит, признать равенство сторон, на что ни одна из них не хотела соглашаться.

Настоящая дуэль должна закончиться победой

достойнейшего. Предлагались тесты на быстроту реакции, силу воли и гибкость ума, являющиеся основными качествами, необходимыми в современной жизни. Объективные тесты вполне возможны, но где гарантии, что одна из сторон не подготовится к ним заранее или же не окажет давления на судей? В сообществе проволочных существовали разнообразные формы поединков сознания, но они зачастую продолжались десятилетиями и требовали радикальных изменений в организме. Тогда было решено посоветоваться с Инвесторами.

Вначале Инвесторы никак не могли уловить суть дела. Затем, как и ожидалось, предложили экономическую войну: обе стороны получают равные начальные капиталы и возможность их увеличить. По истечении оговоренного времени более бедный предается казни.

Это предложение особого восторга не вызвало. Тогда еще один Инвестор предложил следующее: обеим сторонам попробовать читать «...(непереводимо)... литературу». Тут тоже возникло сомнение: победивший и выживший сможет повторить что-либо из прочитанного и станет, таким образом, опасным для остального человечества. И тогда в одном из заваленных добычей

отсеков инвесторского корабля, находившегося в Солнечной системе, отыскалась Арена.

Изучение быстро выявило все ее преимущества. Чужой внутренний мир был малопонятен даже для лучших представителей общества — эмиссаров к другим мирам. Необычайно высокий процент смертности в этой группе подтверждал, что Арена — сама по себе тест. Внутри создаваемого Ареной мира оба дуэлянта смогут драться в паре пришельческих тел, гарантированно равных по возможностям, из чего следует, что победа достанется лучшему стратегу.

Константин, стоя под одним из высоких столов, потягивал из самоохлаждающегося серебряного бокала дистиллированную воду. Подобно своим расфуфыренным согенетикам, он был одет в мягкие панталоны с кружевами и шитый золотом камзол со знаком различия на высоком стоячем воротнике. Его круглые красивые глаза поблескивали черными светозащитными линзами. Лицо его, подобно лицу Линдсея, годы привычного напряжения пометили складками и морщинами, глубоко избороздившими кожу.

Линдсей был одет в мышастого цвета комбинезон без каких-либо знаков. Глаза его были защищены от бело-голубого сияния темными

очками, а лицо — смазано маслом.

Он пересек каюту и подошел к Константину. Воцарилось молчание, но Константин вежливым жестом велел своим согенетикам не прерывать беседы.

— Здравствуй, кузен, — сказал Константин.

Линдсей кивнул в ответ:

— Замечательная группа согенетиков, Филип. Прими поздравления.

— Получилось неплохо, — согласился Константин. — Они прекрасно ладят с этим притяжением.

Он взглянул на жену Линдсея, тактично отступившую к другой группе, — колени ее явно болели от напряжения.

— Столько времени я занимался генетической политикой, — заметил Линдсей, — а в ретроспективе она кажется лишь аристократическим фетишизмом.

Глаза Константина сузились.

— Продолжив линию Мавридесов чуть далее, можно было бы добиться превосходных результатов.

— Их предали, — ответил Линдсей в приступе холодной ярости.

— Я понял твою иронию, Абеляр, — вздохнул

Константин. — Если бы ты много лет назад сдержал свое обещание Вере Келланд, не произошло бы ни одной из этих аберраций.

— Аберраций? — холодно усмехнулся Линдсей. — Очень мило с твоей стороны, кузен, заниматься после меня приборкой. Подбирать оставленные мною концы.

— Ничего удивительного. Ты их много разбросал в свое время, и все они один хуже другого. — Константин глотнул воды. — Например, твоя политика умиротворения. Разрядка. Как это по-твоему: сладкими речами подвести народ к краю пропасти и смыться в бродяги перед самым крушением.

— Это что, новая линия партии? — поинтересовался Линдсей. — Возлагать на меня вину за Замирение Инвесторов? Весьма польщен. Но так ли уж мудро ворошить прошлое? Зачем напоминать всем, как ты профукал Республику?

Костяшки пальцев Константина, сжимавших бокал, побелели.

— Вижу, ты так и остался ценителем и хранителем старины. Странно, что ты заодно с Уэллспрингом и его бандой анархистов.

— Я знаю, — кивнул Линдсей, — что ты напал бы на Царицын Кластер при первой возможности.

Твое лицемерие просто поразительно! Ты ведь не шейпер. И не только потому, что дикорастущий; взять хотя бы твое пресловутое пристрастие к механистской технике. Ты — живой пример силы разрядки. Тащишь лучшее отовсюду. Но другим в этом праве отказываешь.

— Я не шейпер, — улыбнулся Константин. — Я — их страж. Такова моя судьба, и я давно примирился с этим. Всю жизнь я был один. У меня не было никого, кроме тебя да Веры. Какими мы тогда были дураками.

— Дураком был я. Я убил Веру ни за что. Ты-то сделал это, чтобы утвердиться в своей силе…

— Цена высока, но дело того стоило. И с тех пор я успел возместить ущерб.

Осушив бокал, он протянул его вперед.

Бокал приняла… Вера Келланд. Шею ее украшал золотой филигранный медальон — тот самый, что был на ней в момент катастрофы. Тот самый, что должен был обеспечить смерть Линдсея.

Линдсей окаменел. До этого он не видел лица девушки — та стояла к нему спиной.

Она старалась не встречаться с ним глазами.

А Линдсей глядел на нее как завороженный. Сходство было сильным, но не полным. Девушка повернулась и отошла.

— Это не совсем полный клон, — выдавил Линдсей.

— Конечно. Вера Келланд была дикорастущей.

— Ты взял ее гены.

— Что я слышу, кузен? Зависть? Ты хочешь сказать, что ее клетки любили тебя, а не меня? — захохотал Константин.

Линдсей оторвал взгляд от девушки. Грация и красота ее больно ранили его. Он был оглушен и даже напуган.

— Что же с ней будет, когда я тебя убью?

— Отчего бы не поразмыслить над этим во время боя? — спокойно улыбнулся Константин.

— Я дам тебе обещание. Клянусь, что, победив, я позабочусь о твоих согенетиках.

— Мой народ лоялен к Совету Колец. А сброд из твоего Царицына Кластера — их враги. Конфликт неизбежен.

— Не стоило бы нам с тобой усугублять эту невеселую перспективу.

— Не будь наивен, Абеляр. Царицын Кластер должен пасть.

Линдсей окинул внимательным взглядом группу Константина:

— С виду они неглупы, Филип. Интересно, не обрадуются ли они твоей смерти? Не устроят ли

по ее случаю всеобщий праздник?

— Праздные умствования всегда меня утомляли.

Линдсей взглянул на него.

— Тогда пора бы проверить на деле.

Один из огромных иносистемных столов был покрыт тяжелой материей, спадавшей до самого пола. Под столешницей, где свет сиял не столь ослепительно, были заранее установлены два гидравлических лежака — для нейтрализации сильного притяжения.

Сама Арена представляла собой маленький, размером с кулак, додекаэдр. Треугольные грани его, непроницаемо-черные, слегка поблескивали в пастельных тонах. От двух металлизированных углублений на противоположных вершинах устройства тянулись провода, подключенные к паре защитных шлемов с очками и длинными воротниками. Шлемы были совершенно одинаковы и выглядели чисто функционально, типичные изделия механистов.

Выиграв жеребьевку, Константин взял правый шлем. Затем извлек из кармана шитого золотом камзола плоский изогнутый ромб из бежевого пластика и прицепил к имеющимся на нем петлям эластичную ленту.

— Пространственный анализатор, — пояснил он. — Одна из моих привычек. Это позволяется?

— Да. — С этими словами Линдсей достал из нагрудного кармана связку помеченных точками клейких дисков. — PDKL-95. Двести микрограммов.

Константин удивленно поднял брови:

— «Облом»? От катаклистов?

— Нет. Из запасов Майкла Карнассуса. Из самой первой механистской партии. Для посольств. Интересует?

— Нет. — Казалось, Константин был потрясен. — Я протестую. Я пришел драться с Абеляром Линдсеем, а не с его раздробленной личностью.

— Вряд ли это что-то решает. Ведь бой будет насмерть, Константин. Мое человеческое начало мне только помешает.

Константин пожал плечами:

— Тогда я выиграю, безо всяких сомнений.

С этими словами он надел свой анализатор. Специально подогнанный, он плотно лег на затылок. Его микроштеккеры плавно вошли в гнезда, соединенные с правым полушарием мозга. При пользовании анализатором пространство приобретало фантастическую четкость, каждое движение виделось со сверхчеловеческой ясно-

стью. Подняв шлем, Константин остановил взгляд на блеснувшем рукаве. Линдсей увидел, что он помедлил, разглядывая сложную структуру ткани. Казалось, Константин загипнотизирован золотым шитьем. Наконец, еле заметно вздрогнув, он сунул голову в шлем.

Линдсей прилепил к запястью первую дозу и надел свой. Он почувствовал прикосновение липких захватов для глаз, а затем — онемение от местной анастезии; в это время нити постепенно твердеющего биогеля скользнули за глазные яблоки, пробираясь к зрительному нерву. Последовал слабый, затухающий звон — другие нити ползли по барабанным перепонкам, обеспечивая необходимый хемотактильный контакт с нейронами.

Оба легли на гидравлические ложа и принялись ждать, пока воротники просочатся в заранее проделанные микроскважины седьмого шейного позвонка. Микронити безболезненно прорастали сквозь миелиновые покрытия аксонов позвоночника, сплетаясь в студенистую паутину.

Линдсей лежал, не двигаясь. PDKL начал действовать. Постепенное отключение позвоночника размягчало тело, точно воск, нервные окончания в мускулах, по мере того как ворот от-

ключал их, посылали в мозг последние всплески теплоты, последние проявления человеческого начала, слишком слабые для того, чтобы называться болью. «Облом» помогал забыть. Делая новым все, он в то же время лишал все новизны. Ломая предрассудки, он усиливал понимание — настолько, что единственный момент интуитивного прозрения бурно разрастался в целую интуитивную философию.

Наступала темнота. Во рту появился привкус паутины. Накатила короткая волна головокружительного страха, но «облом» тут же унес ее прочь, оставив Линдсея на ничейной земле, где страх его странным образом превратился в сокрушительное ощущение физической тяжести.

Он притаился у подножия титанической стены. Впереди, с колоссальной арки, мерцали тусклые отблески какого-то сияния. Рядом находились балюстрады из ледяных глыб, опутанные паутиной из тонких, покрытых пылью веревок. Линдсей хотел было потрогать стену и, вытянув руку, с вялым удивлением отметил, что рука его превратилась в мертвенно-бледную двухсуставчатую клешню, покрытую тусклой броней.

Он начал карабкаться на стену. Гравитация развернулась вместе с его телом. С новой точки

зрения мостики трансформировались в изогнутые колонны, петли свисающих веревок стали жесткими горизонтальными дугами.

Все вокруг было старым. В мозгу его словно открылся некий новый канал восприятия. Он мог видеть время — блестящий лак на поверхности мира, застывшие пятна, вырванные из контекста движения, а затем изображенные на холодных камнях какими-то инопланетными красками. Стены превратились в полы, балюстрады — в ледяные баррикады… Неожиданно оказалось, что у него слишком много ног. Ноги появились на месте ребер, а «копошение» в животе было копошением буквальным: это ощущение вызывали движения второй пары конечностей.

Он попытался осмотреть свое тело. Нагнуться не получилось, зато спина с поразительной легкостью выгнулась, и глаза без век уставились на броневые сегменты, перемежающиеся межсегментальным мехом. Из спины торчали два каких-то сморщенных органа на стебельках. Он приблизил к ним морду и внезапно ощутил головокружительный желтый запах. Тогда он попробовал крикнуть, но кричать было нечем.

Он плюхнулся обратно на холодные камни и, подчиняясь инстинкту, поспешно пополз голо-

вой вперед по серым пористым булыжникам к безопасному мраку громадного выдающегося вперед карниза и чего-то вроде клетчатой полки из проржавевших железных прутьев. Он барахтался в ослепительной вспышке интуиции, утратив всякое ощущение пропорций, осознав внезапно, что стал совсем крохотным, до невозможности маленьким; что эта титаническая по сравнению с ним каменная кладка и сама ничтожно мала — так мала, что…

Он ударил клешней по пористому камню. Камень был тверд, очень тверд в своей утомленной вековечности, пережившей многие безжалостные зоны, припорошенной тонкой пылью рассыпавшихся от времени громадных машин…

Он обонял запах вечности — даже чувствовал его, словно давление или страх. Запах был тяжеловесен и тверд, и Линдсей внезапно подумал о воде: стремительный поток воды может быть тверже стали. Затем мысли его ракетой рванулись вперед; он подумал об идентичности скорости и материи, о кинетической энергии атомов, дающих форму твердому камню, камню, который на деле не более чем пустота. Все — абстрактная структура, вечная форма, уровень за уровнем, пустота, пронизанная возмущениями

пустоты, волны, кванты. Он почувствовал камень до последней мелочи, и поверхность его была не более чем застывший дым, туман, окаменевший от плененных камнем эонов. Там, под поверхностью, дальнейшие тонкие уровни, деталь на детали бесконечно уменьшающейся паутины…

И тут на него напали. Враг оказался сверху. Клешни его страшно рванули Линдсея; боль чуждого, непривычного тела, искаженная при переводе в знакомые структуры нервных импульсов, наполнила мозг ужасом и тошнотой. Он забился в предсмертных судорогах, лицо его разъехалось в стороны, словно в кошмарном сне, рассеченное бритвенно-острыми жвалами. Увидев чужую ногу, он рассек ее по сочленению; он обонял жгучий голод, и боль, и яркое горячее сияние хлещущих из его тела соков, а после — холод, истечение жидкости, и яркая вспышка, померкшая, соединившись со старым камнем, и вечность, и тьма.

Внешний микрофон шлема уловил голос Константина и передал его на нервные окончания:

— Абеляр!

Горло Линдсея было забито ржавчиной.

— Слушаю тебя.

— Ты жив?

Блокада нервов в области шеи наполовину исчезла, и он почувствовал свое тело, нематериальное, словно пар. Он пошарил по ложу в поисках дермадисков, и перфорированный пластик показался не толще ленты. Отодрав следующий диск, он кое-как прижал его к основанию большого пальца.

— Попробуем еще раз.

— Что ты видел, Абеляр? Я должен знать.

— Залы. Стены. Темные камни.

— А бездну? Черную бездну, что больше самого Бога?

— Я не могу говорить. — Следующая доза начала действовать: язык обрушился, внезапный приступ сомнения разрушил хитросплетение несообразных исходных посылок, удар наркотика снял все законы грамматики. — Заново!

Он вернулся назад. Теперь он чуял врага, ощущая его присутствие как неверный далекий шум. Свет стал ярче, потоки грандиозного сияния струились сквозь камень, изъеденный временем, словно обыкновенная тряпка. Линдсей брезгливо провел клешнями по полипам вокруг рта, очищая их от сырой грязи. Он почувствовал голод — настолько всепоглощающий, что весы пришли в равновесие, и он осознал, что жажда жить и

убивать так же огромна, как окружающие его своды.

Он обнаружил врага, притаившегося в щели между сильно разрушенным настилом моста и поддерживающими его балками. Он почувствовал запах страха.

Противник занял невыгодную позицию. Он цеплялся за стену в фальшивой перспективе, воспринимая бесконечный горизонт как зияющую бездну. Бездна была нескончаемой. Хаос из стен, палат, площадок, повторяющих друг друга, созданных из ничего, ужасающее разрастание бесконечности.

Линдсей напал, глубоко вгрызшись в спинные пластины; вкус горячей слизи вверг его в неистовство. Враг хлестнул назад, попятившись и скрежеща бледными клешнями о камень. Рванувшись, Линдсей высвободил челюсти. Враг изо всех сил старался оттолкнуть его, сбросить в горизонт. В какой-то момент Линдсей увидел окружающий мир под его углом зрения и внезапно понял: если упадет, то будет падать вечно. В бездну, в ужас и поражение, и кружащемуся лабиринту не будет конца, а сознание застынет в беспредельном страдании, путанице нескончаемых ощущений, нескончаемого испуга, неумолимых стен, залов,

лестниц, сводов, пандусов, склепов, коридоров, холодных как лед…

Он отодвинулся от края. Противник отчаянно сопротивлялся; гальванизированный болью, он судорожно скреб клешнями. Собственные клешни Линдсея срывались — камень, ставший внезапно скользким, не давал им опоры. И тут последовал внезапный прорыв сознания. Линдсей увидел мир таким, как он есть. Его когти с призрачной легкостью вошли в камень, прорезая его, словно дым.

Скольжение прекратилось — противник беспомощно, бесцельно толкнул его еще раз, и пустился бежать.

Наслаждаясь ароматом его отчаяния, Линдсей тут же настиг врага, схватил и разорвал. От вражьей плоти заструились миазмы пыли и ужаса. Линдсей оторвал его от стены, мгновение подержал на весу в экстазе ненависти и победы, а затем низверг в бездну.

Часть третья. Выращивает подвиды
Глава 8

Неотеническая Культурная Республика 17.06.91

Сны, теплые и светлые животные сны, проникнутые вечностью, доставляли несказанное наслаждение.

Сознание возвращалось покалывающей болью, словно кровь, хлынувшая в вены затекшей до онемения ноги. Он изо всех сил старался обрести цельность, снова принять на себя бремя существования в виде Линдсея. Болезненность процесса заставляла терзать ногтями траву, брызгая грязью на собственную кожу.

Вокруг ревел хаос — реальность в первозданной форме, оглушающая и слепящая. Задыхаясь, он упал спиной на траву. Там, вверху, мир малопомалу обретал резкость: зеленый свет, белый свет, коричневая краска ветвей… Мир вновь обрел осязаемость. Он увидел живые переплетения ветвей и листьев — формы красоты столь фантастической, что внушали трепет благоговения. Он пополз к шершавому стволу, протаскивая свое

обнаженное тело сквозь мягкую траву. Крепко обняв дерево, он прижался заросшей щетиной щекой к коре.

Его охватил экстаз. Прижимаясь к дереву лицом, он неистово зарыдал, раздираемый на части восторгом. Сознание слилось в единое целое, заставив со смертельной внезапностью проникнуться ощущением жгучего единства с этим живым существом. Общение с его плотной, величественной сущностью наполнило Линдсея беспомощной радостью.

* * *

Он позвал на помощь. На прерывистые крики пришли двое молодых шейперов в белых халатах. Подхватив его под руки, они помогли кое-как добраться через лужайку к полукруглому дверному проему в каменной стене клиники.

Линдсей потерял дар речи. Мысли его были ясны, но вот со словами как-то не ладилось. Он узнал здание. Это была усадьба клана Тайлеров. Значит, он снова в Республике. Он хотел было заговорить с санитарами, спросить, как он сюда попал, но мозг никак не мог привести в порядок словарный запас. Слова дрожали от нетерпения на кончике языка, не хватало какой-то мало-

сти…

Его ввели в холл, полный схем и экспонатов на застекленных стендах. Левое крыло усадьбы, прежде занятое спальнями, было теперь битком набито медицинским оборудованием. Линдсей беспомощно взглянул на человека слева — пошейперски грациозного, с пронзительными глазами сверхспособного.

— Вы… — внезапно вырвалось у Линдсея.

— Успокойся, друг. Ты — в безопасности. Доктор уже идет.

Улыбнувшись, он накинул на плечи Линдсея больничный халат и быстро и ловко завязал тесемки. Линдсея усадили под церебральный сканер. Второй санитар подставил ему ингалятор.

— Вдохни, кузен. Это меченая глюкоза. Радиоактивная. Для сканирования. — Сверхспособный нежно похлопал по белому куполу прибора. — Нужно тебя осмотреть. До самой сердцевины.

Линдсей послушно вдохнул из ингалятора. Пахло чем-то сладким. Сканер зажужжал, опускаясь по направляющим, и замер, коснувшись головы.

В комнату вошла женщина с деревянным инструментальным чемоданчиком, одетая в свободную медицинскую куртку, короткую юбку и забрызганные грязью пластиковые сапоги.

— Заговорил? — спросила она. Линдсей узнал ее генолинию.

— Джулиано, — с трудом выговорил он.

Улыбнувшись, она открыла свой чемоданчик. Древние петли его скрипнули.

— Да, Абеляр, — сказала она, посылая ему взгляд.

— Маргарет Джулиано… — Он не смог понять взгляд, и это, добавив адреналина в кровь, оживило в нем тонкую струю страха. — Катаклисты, Маргарет… Они поместили тебя в лед.

— Правильно. — Порывшись в чемоданчике, она вынула темную конфету в гофрированной бумажной чашечке. — Хочешь шоколадку?

Рот Линдсея заполнился слюной.

— Пожалуйста, — ответил он.

Она запихнула конфету ему в рот. Конфета была приторно-сладкой. Он с отвращением ее разжевал.

— Мотайте отсюда, — сказала Джулиано санитарам. — Управлюсь сама.

Сверхспособные, улыбаясь, ушли. Линдсею наконец удалось проглотить конфету.

— Еще?

— Никогда не любил консе… кон-фе-ты.

— Хороший симптом. — Она захлопнула чемо-

данчик, взглянула на экран сканера и выдернула из распущенных светлых волос световой карандаш. — Последние пять лет эти шоколадки составляли главный смысл твоей жизни.

Потрясение было сильным, но Линдсей был к нему готов. В горле пересохло.

— Пять лет?!

— Счастье еще, что от тебя хоть что-то осталось. Лечение было долгим; восстановить мозг после большой дозы PDKL-95 — не шутка. Дело осложняли изменения в твоем восприятии пространства, спровоцированные Ареной. Да, это была проблемка. И обошлось в копеечку. — Она внимательно смотрела на экран, покусывая кончик карандаша. — Но с этим все в порядке. Счета оплатил твой друг Уэллспринг.

Да, изменилась она поразительно. Трудно было признать Маргарет Джулиано, аккуратную и выдержанную пацифистку из Полночной лиги, в этой спокойной, беззаботной женщине с прилипшими к коленям травинками и грязными распущенными волосами.

— Ты пока много не разговаривай, — сказала она. — Твое правое полушарие управляет речевыми функциями через комиссуру. Возможна нехватка словарного запаса, компенсируемая

неологизмами и образованием идиолекта… В общем, если что, не пугайся.

Она обвела карандашом что-то на экране и нажала клавишу. Замелькали поперечные разрезы его мозга, раскрашенные оранжевым и голубым.

— Сколько людей в комнате?

— Ты и я, — ответил Линдсей.

— Нет ощущения, что слева и позади кто-то стоит?

Линдсей повернул было голову и больно оцарапал лоб обо что-то внутри колпака сканера.

— Нет.

— Хорошо. Значит, комиссура поставлена верно. В подобных твоему случаю порой наблюдается фрагментация сознания, в восприятие вклиниваются навязчивые образы. Если чувствуешь что-то подобное — не молчи, говори сразу.

— Нет. Но там, снаружи, я чувствовал…

Он хотел было рассказать о минуте внезапного пробуждения, прозрения и проникновения в суть жизни и себя самого. Видение все еще сияло перед глазами, но слов, чтобы его описать, не было. Внезапно он понял, что никогда и никому не сможет поведать всю истину до конца. Слова ее просто не вместят.

— Легче, легче, — сказала она. — Пусть идет как

идет. У нас много времени.

— Рука! — внезапно спохватился Линдсей.

Только сейчас он почувствовал, что правая — металлическая — рука его превратилась в живую плоть. Он поднял левую — та была металлической. Его переполнил невыносимый ужас. Наизнанку вывернули!!!

— Аккуратнее, — сказала она. — Могут быть затруднения с ориентацией в пространстве, с восприятием правого — левого. Результат влияния комиссуры. К тому же ты подвергся новому омоложению. За последние пять лет мы проделали уйму работы. Так, ради времяпрепровождения.

Беззаботная легкость ее слов ошеломила.

— Ты что, Бог? — спросил Линдсей.

— С тех пор появились кое-какие новшества, Абеляр. — Она пожала плечами. — Многое изменилось. В обществе, в политике, в медицине. Все это в наше время — одно и то же, понятное дело, но посмотри на это как на спонтанную самоорганизацию, социальный скачок Пригожина на новый уровень сложности…

— О нет… — застонал Линдсей.

Она переключила сканер, и полушарие с жужжанием поднялось, освобождая голову Линдсея. Усевшись в старинное деревянное кресло против

него, она подобрала ногу под себя.

— Ты точно не хочешь шоколадку?

— Нет!

— Тогда я сама. — Вытащив из чемоданчика конфету, она с удовольствием принялась жевать. — Хорошие, — с набитым ртом продолжала она. — Вот один из замечательнейших моментов жизни, Абеляр. Вот для чего меня, наверное, разморозили.

— Ты изменилась…

— Это все — ледовое убийство. Правильно сделали катаклисты, что выдернули меня из всего этого. А то совсем было закостенела… Но вот — плыву раз по математическому факультету с полными руками распечаток к себе в кабинет, мозги трещат от мелких проблем, забот, графиков, планов… Вдруг голова закружилась, смотрю, а вокруг все пропало. Голо, пустынно… Распечатки под пальцами рассыпаются, одежда пыльная, Голдрейх-Тримейн в руинах, компьютеры выключены, студентов нет… Мир мгновенно перепрыгнул на тридцать лет вперед, это был полный катаклизм. Три дня я гонялась за новостями, пыталась отыскать нашу лигу, узнала, что я — уже достояние истории, а потом — словно волна такая накатила… Предрассудки мои рас-

сыпались в прах. Я не нужна была миру; все, что я полагала важным, ушло. Жизнь стала совсем пустой. Но зато — свобода!

— Свобода… — проговорил Линдсей, пробуя слово на вкус. — Свобода… Константин! Мой враг…

— Он, можно сказать, мертв, — сообщила Маргарет Джулиано. — Но это — вопрос терминологии. Его согенетики прислали мне его историю болезни. Повреждения очень серьезные. Он погружен в затянувшееся состояние фуги и страдает от ускорения сознания, длящегося, должно быть, уже несколько субъективных столетий. Сознание его не справилось с информацией, полученной от Арены. Все это длится так долго, что личность его стерлась. Он, говоря образно, забыл себя вдребезги.

— Это они тебе сказали? Его родня?

— Времена меняются, Абеляр. В мире снова разрядка. Генолиния Константина — в беде и нужде, а мы хорошо заплатили за эту информацию. Союз старателей больше не столица. Столица — Джастроу-Стейшн, и там полно дзенских серотонистов. Они терпеть не могут волнений.

Новости были просто поразительные.

— Пять лет… — Линдсей возбужденно поднялся. — Ладно, что такое пять лет?!

Он пошел по комнате неверными шагами. Контузия левого полушария сделала его неуклюжим. Подтянувшись, он попытался овладеть своим телом. Ничего не вышло. Он повернулся к Джулиано:

— Мои навыки, подготовка…

— Да, — кивнула она.

— Мы почти сразу обнаружили их остатки. Раннешейперская психотехническая обработка. По современным стандартам весьма неуклюжая. Она мешала твоему выздоровлению. За эти годы мы ее полностью вычистили.

— То есть… совсем?

— Да. Нам и без твоих навыков, кстати, дающих дуализацию мышления, хватало дел с церебральной дихотомией. Лицемерие как второе состояние сознания и всякое такое. — Она фыркнула. — И вообще все это дурь.

Линдсей рухнул в кресло сканера.

— Но всю мою жизнь… А теперь ты все уничтожила. Пекно… — Он прикрыл глаза, подыскивая слово. — Технологией.

— И что с того? — причавкивая еще одной конфетой, возразила она. — Технология дала, технология взяла. Теперь ты снова такой, какой есть. Так чего же тебе еще надо?

В открытую дверь, шурша тяжелой тканью, вошла Александрина Тайлер. Одета она была в наряд из своих девичьих времен: пышная длинная юбка и жесткий кремовый жакет, расшитый входными разъемами, с круглым, облегающим шею воротом. Она опустила взгляд к полу:

— Маргарет! Ноги…

— О, извини, дорогая, — ответила Джулиано, рассеянно глядя на осыпавшуюся с сапог засохшую грязь.

Внезапная необходимость совмещать и сопоставлять их обеих вызывала головокружение. Тухлый неприятный пузырь дежа вю всплыл из каких-то затопленных лекарствами глубин мозга, и на несколько секунд Линдсей, похоже, отключился. Придя в себя, он почувствовал явное улучшение — словно некий грязный, парализующий осадок исчез из головы, освободив место свету.

— Александрина… — Он ослабел, но чувствовал себя некоторым образом более реально. — Ты была время? Все это здесь?

— Абеляр… — Она была удивлена. — Ты говоришь?

— Пытаюсь.

— Мне сказали, что тебе лучше. Я принесла

тебе одежду. Из гардероба Музея. — Она показала старинный костюм, обернутый пластиком. — Видишь? Это один из твоих собственных, семидесятипятилетней давности. Сохранился у одного из мародеров, разграбивших усадьбу Линдсеев. Примерь, дорогой.

Линдсей пощупал жесткую, побитую временем ткань.

— Музейный экспонат…

— Ну конечно.

Маргарет Джулиано глянула на Александрину.

— Может быть, его будет удобнее одеть в форму санитара? Он сможет затеряться, смешавшись с местной обстановкой.

— Нет, — возразил Линдсей. — Я буду носить это.

— Александрина все продумала заранее, — сообщила Джулиано, пока он боролся с брюками, просовывая босые ноги через жесткие, армированные проволокой коленные гармошки. — Она каждый день приходила кормить тебя тайлеровскими яблоками.

— После дуэли я привезла тебя сюда, — сказала Александрина. — Срок нашего брака истек, но я теперь управляю Музеем. Такая моя новая должность. — Она улыбнулась. — Усадьбы разграбили,

но семейные сады до сих пор целы… Мариетта, сестра твоей бабки, всегда клялась фамильными яблоками.

Линдсей натянул рубашку. Та лопнула по шву на плече.

— Ты так ел эти яблоки — просто чудо, — сказала Джулиано. — С семечками, с черенками, ничего не оставлял.

— Значит, ты дома, Александрина, — сказал Линдсей.

Она так хотела домой… Он был рад за нее.

— Это был дом Тайлеров, — сказала Александрина. — Левое крыло и парк отошли под клинику. Это работа Маргарет. А я — куратор. Управляю остальным. Собрала все, напоминающее о нашей прежней жизни, — все, что пощадили ударные отряды Константина. — Она помогла ему просунуть голову в скафандроподобный ворот официального костюма. — Идем. Я покажу.

Джулиано, сбросив сапоги, осталась в съехавших носках.

— Я с вами. Хочу оценить его реакции.

Бальный зал превратили в выставочный. Стеклянные стенды, портреты основателей первых кланов, с потолка свисает старинный сверхлегкий самолет с педалями… Пятеро шейперов

охают и ахают над ящиком грубых инструментов для монтажа на лунной орбите…

Шикарная шейперская одежда для слабого притяжения, гротескно обвисающая под влиянием центробежного тяготения Республики…

— Взгляни на пол, — шепнула Александрина. — Здорово? Это я его натерла сама! Сюда мы роботов не пускаем.

Взглянув на стену, Линдсей замер на месте — он увидел основателя собственного клана, Малкольма Линдсея. В детстве лицо первопроходца, исполненное древней мудрости, ухмыляющееся с туалетных столиков и книжных полок, внушало ему ужас. Теперь, в мгновенном болезненном прозрении, он осознал, как молод был этот человек. Умереть в семьдесят… И вся родина Линдсея сляпана в жуткой спешке людьми, едва-едва вышедшими из детского возраста!

— Это же анекдот! — закричал он в истерическом смехе, размягчающем мозг, разбивающем мысли на маленькие осколки боли.

Александрина торопливо покосилась на озадаченных шейперов.

— Наверное, ему еще рано, Маргарет…

— Он прав, — засмеялась Джулиано. — Это анекдот. Спроси катаклистов. — Она взяла Линдсея

под руку. — Идем, Абеляр. Идем гулять.

— Это анекдот, — повторил Линдсей. Теперь язык ничто не сковывало и слова выговаривались свободно. — Невероятно. Эти несчастные придурки даже не представляли… Да и откуда бы им? Они умерли, так и не получив шанса увидеть! Что нам пять, десять, сто лет…

— Ты заговариваешься, дорогой. — Джулиано вывела его в холл и далее, сквозь каменную арку, к пятнам солнечного света и траве. — Смотри под ноги. Ты у нас не единственный пациент. Есть такие, которые не приучены проситься в туалет.

У высокой, поросшей мохом стены совершенно обнаженная молодая женщина целеустремленно рвала траву, прерываясь лишь для того, чтобы обсосать с пальцев грязь.

Линдсей ужаснулся. Он почувствовал вкус земли на собственном языке.

— Мы выйдем из парка, — сказала Маргарет. — Понпьянскул не возражает.

— Он позволил тебе остаться здесь? А эта женщина — шейпер? Катаклистка? Он в большом долгу перед катаклистами. И ты заботишься о них от его имени?

— Дорогой, не разговаривай слишком много. Еще повредишь что-нибудь. — Она открыла же-

лезную калитку. — Катаклистам здесь нравится. Что-то такое в пейзажах…

— Ох, господи…

Республика несколько одичала. Полный обзор до этого момента ему закрывали нависающие над усадьбой ветви деревьев. Теперь панорама развернулась на целых пять километров вдаль — ошеломляющее множество беспорядочно вздымающейся ветвистой зелени; три длинные панели сияли в тройных перекрестьях лучей отраженного солнечного света. А он и забыл, какое яркое солнце на окололунной орбите…

— Деревья… — выдохнул Линдсей. — Господи, гляньте!

— Ну, они с твоим отъездом вовсе не переставали расти, — сказала Джулиано. — Идем. Я хочу показать тебе кое-что новое.

Линдсей инстинктивно взглянул на свой родной дом. Вид сверху: просторный приусадебный парк, окруженный постройками, некогда бывшими оживленным лабиринтом дешевых ресторанов третьего сорта… И рестораны опустели, и дом Линдсея лежит в руинах… Видны были даже зияющие дыры в красных черепичных крышах. Частная посадочная площадка на крыше четырехэтажного «небоскреба» вся заросла плющом.

В северном конце мира, вверху, на отлогой стене, бригада рабочих, кажущихся отсюда не крупнее муравьев, лениво разбирала остатки каркаса одной из клиник проволочных. Стаи туч закрывали старую силовую станцию и те места, где были когда-то Хляби.

— Пахнет как-то по-другому, — понял Линдсей. Споткнувшись на проложенной вдоль стены Музея велосипедной дорожке, он посмотрел на ноги. Ноги были в грязи.

— Мне нужно вымыться.

— Ну, ты либо заражен, либо нет, правда? Если носишь в себе бактерии, что страшного в лишней щепотке грязи? Лично мне нравится. — Она улыбнулась. — Как здесь просторно, да? Конечно, Голдрейх-Тримейн в десять раз больше, но простор… Большой, полный опасностей мир.

— Я рад, что Александрина вернулась домой, — сказал Линдсей.

Их брак был успешным — он дал ей то, чего она хотела. В конце концов, грехи следует искупать, и это всегда связывало Линдсея по рукам и ногам. Теперь же он был свободен.

Республика так изменилась, что не переставала наполнять его странным возбуждением. Да, простор, подумал он, и все же как мало его, этого

простора. Он сгорал от нетерпения, от неистового влечения к чему-то громадному и первозданному. Он проспал пять лет, и теперь каждый час этого долгого отдыха переполнял его неудержимой, живительной энергией. Колени у Линдсея подогнулись, и Джулиано подхватила его крепкими шейперскими руками.

— Осторожнее, — сказала она.

— Все в порядке.

Они миновали ажурный мостик над сияющим метаглассом, разделявшим две земляные панели. Линдсей увидел под облаками то место, где были Хляби. Некогда мерзкая, прокисшая трясина, они превратились в оазис буйной, ослепительно-зеленой растительности, казалось сиявшей даже в тени облаков. Вдоль проволочной ограды, окружавшей Хляби, бежал долговязый нескладный мальчишка в мешковатом костюмчике, волоча за собой на бечевке большого коробчатого змея.

— Ты — не первый, кого я вылечила, — говорила Джулиано по дороге к ограде. — Я же говорила, мои сверхспособные ученики — с большими задатками. Некоторые работают здесь. Пробный проект. Я хочу показать тебе, что они сделали. Они подошли к ботанике с точки зрения пригожинской теории сложности. Новые виды, новый

хлорофилл, интересные, надежные конструкции.

— Погоди. Хочу поговорить с этим молодцем.

Линдсей наконец разглядел змея. На нем был тщательно изображен обнаженный человек, явно задыхающийся в тесных рамках несущих плоскостей.

Из-за ограды выглянула женщина в измазанном грязью вельветовом комбинезоне. Она помахала Джулиано секатором:

— Маргарет! Иди взгляни!

— Сейчас вернусь, — сказала Маргарет, обернувшись к нему. — Никуда не уходи.

Линдсей поковылял к мальчику, который уже стоял на месте и ловко управлялся со змеем.

— Привет, старик! — сказал мальчик. — У тебя есть записи?

— Какие записи?

— Ну, видео, аудио, что-нибудь с Совета Колец. Ты же оттуда, верно?

Линдсей машинально попытался прибегнуть к дипломатическим навыкам и при помощи несложной сети спонтанной *лжи* создать для мальчика достоверный образ. Но в сознании было пусто. Он поперхнулся. Время шло, пришлось выпалить первое пришедшее в голову:

— Я — бродяга. С Царицына Кластера.

— Да? Постгуманизм! Уровни сложности Пригожи-на! Основные принципы пространства-времени, фрактальные масштабы, ур-пространство преконтинуума! Верно говорю?

— Мне нравится твой змей, — уклончиво ответил Линдсей.

— Древняя катаклистская эмблема, — пояснил мальчик. — Старых катаклистов у нас тут уйма. Этот змей привлекает их внимание. А вот цикада мне попадается первый раз.

Цикада… Ах да, гражданин ЦК. Царицына Кластера. Уэллспринг всегда питал слабость к сленгу.

— А ты здешний?

— Точно. Меня звать Абеляр. Абеляр Гомес.

— Абеляр… Необычное имя.

Мальчик засмеялся:

— Может, у вас в ЦК и необычное. А у нас в Республике каждого пятого зовут Абеляр. В честь Абеляра Линдсея, большой исторической шишки. Да ты и сам, наверное, слышал. — Мальчик слегка помедлил. — Он одевался точь-в-точь как ты. Я видел картинки.

Линдсей обратил внимание на одежду мальчика. Юный Гомес носил поддельный костюм для

низкой гравитации, жутко обвисший.

— Да я знаю, что отстал от моды, — сказал он. — А что, они тут очень с этим Линдсеем носятся?

— Ты себе представить не можешь, — отвечал Гомес. — Вот хоть в школе. Здесь школа полностью древняя. Заставляют читать книгу Линдсея. Шекспир — называется. Перевод на современный английский Абеляра Линдсея.

— А что, очень скучно? — спросил Линдсей, чувствуя покалывание дежа вю.

— Тебе, старик, крупно повезло. Ты не обязан был ее читать. А вот я прочел эту хрень от начала до конца. Там ни слова о спонтанной самоорганизации.

— Просто ужас, — кивнул Линдсей.

— И там же одни старики. То есть не поддельно старые, как презервационисты, и не старые психи, как старик Пони…

— Ты имеешь в виду Понпьянскула?

— Ну да, хранителя… Нет; там в книжке все очень быстро снашиваются. Злятся, дергаются, болеют… В общем, тоска.

Линдсей кивнул. Все возвращается на круги своя…

— Ты возмущен контролем над твоей жизнью, — предположил он. — Ты и твои друзья

— радикалы. Ты хочешь изменить положение вещей.

— А зачем? Я же тут у них всего на шестьдесят лет. А проживу — сотни. И такого еще наделаю! Только на это нужна уйма времени. Большие дела! Великие! А не как у этих худосочных людишек из прошлого.

— Какие же это будут дела?

— Распространение жизни. Разрушение планет. Строительство миров. Терраформинг.

— Понятно…

Самоуверенность мальчишки была просто поразительной для его молодых лет. Должно быть, сказывалось влияние катаклистов. Они всегда были охочи до немыслимых, на грани сумасшествия планов, так и кончающихся ничем…

— Но сделает ли это тебя счастливым?

— Ты не из дзенских серотонистов? — Взгляд мальчика сделался подозрительным. — «Счастье»… Что за фигня такая? К черту счастье! Мы говорим о вселенной. Ты — за жизнь, или как?

— Это что, политика? — улыбнулся Линдсей. — Политике я не верю.

— При чем тут политика? Я говорю о биологии. О вещах, которые живут и растут. Об организмах. Интегрированных формах.

— А как насчет людей?

Мальчик раздраженно махнул рукой и поймал спикировавшего змея.

— Да забудь ты про людей! Я говорю о первоосновах. Вот — дерево. Ты — за него, против неорганики?

Воспоминания о недавнем прозрении все еще были свежи, поэтому Линдсей понял, что вопрос задан искренне.

— Да. За него.

— Значит, ты понимаешь, зачем нужен терраформинг?

— Терраформинг, говоришь? — медленно проговорил Линдсей. — Видел я эти теории. Высосанные из пальца. Думаю, все это вполне возможно. Но мы-то здесь при чем?

— Истинные деяния в пользу жизни требуют духовного акта созидания, — оттараторил Гомес.

— Кто-то успел научить тебя лозунгам, — улыбнулся Линдсей. — Планеты — реальные объекты, а не картинки на чертежной доске. Усилия понадобятся титанические. Сверхчеловеческого масштаба.

— Насколько ты высок? — нетерпеливо перебил, мальчик. — Выше ли ты, чем нечто инертное?

— Но это займет века…

— По-твоему, дерево колебалось бы? И сколько у тебя времени?

Линдсей обезоруженно рассмеялся.

— Ладно, хорошо. Что ты хочешь — прожить ничтожную жизнь маленького человека или же использовать свой потенциал?

— Был бы я человеком, — заметил Линдсей, — не дожил бы до моего возраста.

— Правильно. Ты высок настолько, насколько высоки твои помыслы. Мечты. Так говорят в ЦК, верно? Ни законов, ни ограничений. Посмотри на мехов и шейперов. — В голосе мальчика мелькнуло презрение. — У них вся власть, а они все ловят друг дружку за хвост. К черту все их войны и лилипутские идеологии! Постчеловечество выше этого. Спроси хоть их. — Мальчик кивнул в сторону проволочной ограды. — Конструирование экосистем. Перестройка жизни для новых условий. Немного биохимии, немного статистической физики — совсем несложно, зато как интересно! Живи Абеляр Линдсей сейчас, именно этим он бы и занимался!

Ирония происходящего больно уколола Линдсея. Он вспомнил себя в этом возрасте, и его охватила тревога за судьбу мальчика. Захотелось

защитить паренька от той катастрофы, до которой его обязательно доведет вся эта риторика…

— Ты думаешь?

— Конечно. Говорят, он был пламенным презервационистом, но ушел в бродяги, едва почувствовал нечто лучшее. Так ведь? Он не остался здесь, чтобы «умереть естественной смертью». Да и никто теперь этого не делает.

— Даже здесь? В колыбели презервационизма?

— Конечно. Все, кому за сорок, шастают по черным рынкам, чтобы продлить жизнь. А после шестидесяти уматывают на Царицын Кластер. Цикадам плевать и на прошлое и на гены. Они принимают всех подряд. Мечта важнее.

Мечта… Мечты презервационизма обратились в поиски бессмертия на черном рынке. Мечты Замирения Инвесторов проржавели и рухнули. А мечта о терраформинге сохранила еще свой блеск. Не знает маленький Гомес, что и она неизбежно потускнеет…

Хотя, подумал Линдсей, либо мечтай, либо не выживешь.

И, подхваченный волной новой жизни, он понял, что выберет.

К ограде подошла Маргарет Джулиано.

— Абеляр! Абеляр, иди сюда! Ты должен по-

смотреть.

Удивленный мальчишка принялся быстро сматывать бечеву на руку:

— Вот повезло! Старая психотехша хочет мне что-то показать за оградой!

— Ступай, — сказал Линдсей. — Скажи ей, что я велел показать тебе все, что захочешь, понятно? А я, скажи, ушел побеседовать с Понпьянскулом. Хорошо?

Мальчик медленно кивнул:

— Спасибо, старик цикада. Ты — из наших.

* * *

Кабинет Понпьянскула представлял собою громадную мусорную корзину. Возле деревянного стола были свалены заплесневелые тома свода законов Цепи миров, к старинным панелям в беспорядке пришпилены схемы и графики производительности. В углу зевнул и начал точить о ковер когти трехцветный кот. Линдсей, чей опыт общения с этими животными был почти нулевым, с опаской на него покосился.

Понпьянскул был одет так же, как и Линдсей, разве что костюм был поновее и сшит вручную. Со времен Голдрейх-Тримейна он успел облысеть; смуглая макушка его тускло блестела. Взяв

со стола пачку листов, он сколол их скрепкой. Пальцы его были тонкими и сморщенными.

— Бумаги, бумаги… — пробурчал он. — Последние дни все пытаюсь провести декомпьютеризацию. Не верю этим железякам. Только включи компьютер — тут же в дверь постучится мех с новыми софтами. А там — лиха беда начало, Мавридес… То есть Линдсей.

— Да, Линдсей — лучше.

— Но, согласись, уследить за тобой тяжело. Здорово ты их на Кольцах кинул, примазавшись к одной из главных генолиний.

Он послал Линдсею взгляд, который тот даже частично понял. Возраст и опыт несколько возместили утрату навыков.

— Когда же мы с тобой говорили в последний раз? — спросил Понпьянскул.

— Э-э… А какой сейчас год?

— Неважно, — нахмурился Понпьянскул. — Как бы там ни было, тогда ты был на Дембовской. Но согласись, Мавридес, не так уж плохо у нас, при неотениках, а? Кое-что разрушилось, но для туристского бизнеса оно даже к лучшему — эти, с Совета Колец, прямо торчат. Правду сказать; нам пришлось малость порушить старую усадьбу Линдсеев, для романтики. Мышей развели… Да

ты хоть знаешь, что такое мыши? Мы снова из лабораторных вывели диких. Ты знаешь, что у них, у диких, глаза не красные? И смотрят так забавно… Вроде как моя жена.

Вытянув ящик стола, Понпьянскул упрятал в него стопу бумаг, вытащив взамен мятую пачку каких-то диаграмм.

— А это еще что? Еще неделю назад надо было сделать… Ладно, ерунда. Так на чем мы остановились? Да, на женах. Я, кстати, женился на Александрине. Она замечательная презервационистка. Никак нельзя было упускать.

— И прекрасно, — сказал Линдсей.

Его брачный контракт истек, и новый ее брак был очень разумным шагом. О ревности Линдсей и не думал — в контракте об этом не говорилось. Он был рад, что ей удалось упрочить свои позиции.

— Жен никогда не бывает слишком много, это первая житейская мудрость. Взять, например, Георгину, первую жену Константина. Уговорил ее принять чуточку «облома» — не больше двадцати микрограммов, ей-богу, — на ее характер это поразительно подействовало. Теперь она исключительно мила. — Он серьезно взглянул на Линдсея. — Хотя много вокруг стариков — тоже

нельзя. Вредно для идеологии. Тут и с катаклистами этими пакостными да их постгуманистскими планами бед хватает… За оградой их держу, в карантине. И то ребятишки туда шастают.

— Очень любезно с твоей стороны — принимать их.

— Так нужен же международный обмен. ЦК финансирует их исследования. Не шибко, правда, многого они добились. Эти сверхспособные ни на чем не могут долго сосредоточиться. — Фыркнув, он сгреб со стола какую-то накладную. — Деньги нужны. Вот погляди: импорт углекислоты. Эти чертовы деревья ее просто жрут. — Он вздохнул. — Хотя — без них не обойтись. Их масса улучшает орбитальную динамику. Эти окололунные орбиты — чистый кошмар.

— Я рад, что дела в надежных руках.

— Да уж надеюсь, — тоскливо улыбнулся Понпьянскул. — Никогда ничего не выходит как запланировано. Хотя — оно и хорошо, иначе механисты давно бы тут все захапали. — Кот вскочил к нему на колени, и Понпьянскул почесал ему за ушами. Животное издало рокочущий звук, до странного умиротворяющий. — Это мой кот, Сатурн. Сатурн, поздоровайся с Линдсеем.

Кот не обратил на гостя ни малейшего вни-

мания.

— Вот не думал, что ты любишь животных.

— Вначале я его терпеть не мог. Шерсть с него лезет, суется всюду, грязный как свинья… Да, кстати, а свинью-то ты видел когда? Я тут импортировал нескольких. Невероятные создания. Туристы в полном отпаде.

— Обязательно взгляну перед отъездом.

— Животные, животные, животные — это сейчас прямо в воздухе носится. То есть не буквально, хотя как-то, было дело, свиньи у нас удрали и влезли в зону невесомости… Нет, я имею в виду эту биомораль из Царицына Кластера. Очередной катаклистский бзик.

— Думаешь?

— Н-ну, — задумчиво протянул хранитель, — может, и нет. Стоит начать возню с экологией, так потом поди остановись вовремя. Вот послал полоску кожи с этого кота на Совет Колец. Нужно выклонировать целую гено-линию. Из-за мышей. А то эта зараза нас всех тут сожрет.

— На планете было бы лучше, — заметил Линдсей. — Места больше.

— Не хочу связываться с гравитационными колодцами, — отмахнулся Понпьянскул. — И для чего больше места — чтобы глупостей больше

наделать? Ты, Мавридес, только не говори, что на это купился.

— Миру нужна мечта, — сказал Линдсей.

— Ты мне еще расскажи про уровни сложности.

— Не буду, — улыбнулся Линдсей.

— Ну и слава богу. Когда ты явился — немытый и босой — я уж предположил худшее.

— Говорят, у меня со свиньями много общего.

Понпьянскул удивленно вытаращил глаза и расхохотался:

— Ну, рад видеть, что ты не держишься за свою гордость. Гордость — это вредно. Фанатики никогда не смеются. Надеюсь, ты не утратишь способности смеяться, когда начнешь обуздывать миры.

— А не я, так кто-нибудь другой посмеется.

— Во всяком случае, юмор тебе пригодится. Потому что такие вещи никогда не проходят как задумано. Действительность — громадная стая мышей, грызущая фундамент твоей мечты… Знаешь, что я хотел здесь построить? Заповедник человечества и человеческого образа жизни, вот что. А кончилось все громадным цирком для туристов да этими наркоманами-катаклистами.

— Попробовать все равно стоило.

— Давай-давай, разбивай сердце старика… Ну что тебе стоило соврать мне что-нибудь в утешение?

— Извини. Я утратил навыки.

— Тогда поспеши приобрести новые. Там, снаружи, — громадная злобная Схизматрица. Разрядка, не разрядка, а… Дурачье это с Царицына Кластера… Продались пришельцам. Куда только мир катится? Говорят, какой-то идиот хочет продать Юпитер.

— Как, извини?

— Как-как — продать каким-то разумным пузырям. Дикость, правда? Некоторые на что угодно пойдут, лишь бы к пришельцам подмазаться… Ох, извини, не хотел тебя обидеть. — Он взглянул на Линдсея и убедился, что тот нисколько не оскорблен. — И ничего это не даст. Не будет толку от наших посольств к пришельцам. К счастью, у них, похоже, много больше здравого смысла, чем у нас. Исключая, пожалуй, Инвесторов. Тоже мне, Инвесторы. Шайка межзвездных паразитов, в любую дырку сующих нос… Если пришельцы заявятся сюда целой гопой, я, клянусь, помещу всю Республику в жесточайший карантин, какой и Совету Колец никогда не снился. И подожду, пока все они там деградируют окончательно. Ну

я-то к тому времени увяну, но наши, местные, смогут выйти и подобрать обломки. Вот тогда-то они, наконец, поймут, каков был смысл в моих презервационистских забавах.

— Ясно. Подстраховываешь ставки человечества. Ты всегда играл умно, Невилл.

Старый шейпер был польщен. Он оглушительно чихнул; испуганный кот, сорвавшись с его колен, прыгнул на стол, раздирая когтями бумаги.

— Извини, — сказал Понпьянскул. — Бактерии, шерсть кошачья… Никак не могу привыкнуть.

— Хочу попросить тебя об одном одолжении. Я уезжаю на Царицын Кластер и хотел бы взять с собой одного из местных.

— Из тех, что «на вымирание во внешний мир»? На Дембовской ты их всегда прилично устраивал. Забирай, конечно.

— Нет, молодого.

— Тогда невозможно. Опасный прецедент. Подождика… Это что, Абеляра Гомеса?

— Именно его.

— Ясненько. Тревожит меня этот малец. Ты знаешь, что в нем кровь Константина? Я слежу за местной генетикой. А в этой линии что ни дите, то гений.

— Значит, это я делаю тебе одолжение.

— Похоже на то. Жаль, что ты уезжаешь, Абеляр, но при нынешней твоей идеологии ты дурно повлиял бы на общественность. Ты ведь здесь, как ни говори, культурно-исторический герой.

— Я покончил со старыми мечтами. Энергия ко мне вернулась, а моя новая мечта — на Царицыном Кластере. Если я не сумею поверить в нее сам, то хоть помогу тем, кто верит. — Он поднялся и осторожно отодвинулся от кота, принявшегося изучать его ноги. — Удачи тебе с твоими мышами, Невилл.

— И тебе того же, Абеляр.

Глава 9

Народная Корпоративная Республика Царицын Кластер 15.12.91

Механизмы богатства работали в полную силу. Мир захлебывался в потоках сокровищ. Кривые роста летели вверх с обманчивой, как всегда, скоростью, ошеломляя своей противоестественной быстротой неосторожных и настораживая бдительных.

Население Солнечной системы достигло 3,2 миллиарда человек. Оно удваивалось каждые

двадцать лет и обещало снова удвоиться. Четыре сотни главных механист-ских астероидов гнали в мир громадную приливную волну продукции, вырабатываемой восемью миллиардами самовоспроизводящихся горнодобывающих роботов и четырьмя тысячами полномасштабных автоматических заводов. Миры шейперов, измерявшие свое богатство иным образом, трещали по швам от невероятных двадцати миллиардов тонн продуктивной биомассы.

Первоначальный курс солярно-орбитального килобайта возрос до астрономической цифры, выразимой удобнее всего как 9,45×1018. Мировые запасы информации, считая только хранящиеся в открытых для всеобщего доступа банках данных и исключая гигантские массивы секретных данных, составляли в совокупности 2,3×1027 бита, что эквивалентно ста пятидесяти среднего объема книгам на каждую звезду в каждой галактике обозримой вселенной.

Чтобы удержать популяцию в целом от разложения в этой оргии изобилия, приходилось принимать строгие меры.

Многие мегаватты энергии, достаточные для снабжения государств Совета, радостно растрачивались на высокоскоростные трансорбитальные

лайнеры. Эти космические корабли, достаточно большие, чтобы обеспечить сотням пассажиров все мыслимые удобства, возводили себя в достоинство национальных государств и тоже переживали взрыв перенаселенности.

Но ни одно из последних материальных достижений не шло ни в какое сравнение с социальным воздействием научного прогресса. Открытия в области статистической физики доказали объективность существования четырех уровней сложности Пригожина и постулировали существование пятого. Возраст космоса был вычислен с точностью до плюс-минус четырех лет. Предпринимались малопонятные для непосвященных попытки оценить квазивремя существования ур-пространства преконтинуума.

Стали возможны межзвездные путешествия с досветовой скоростью. Было отправлено пять экспедиций, укомплектованных малогабаритными добровольцами-проволочными. Интерферометрия со сверхдлинной базой, проведенная радиотелескопами кораблей проволочных, измерила точные параллаксы большинства звезд орионского рукава галактики. Изучение рукавов Персея и Центавра выявили тревожные участки, где расположение звезд отличалось подозритель-

ной упорядоченностью.

Новые исследования галактик локального Суперкластера уточнили постоянную Хаббла. Мелкие расхождения привели некоторых визионеров к заключению: развитие вселенной подвергается грубому вмешательству со стороны.

Знание было силой. Завладев знанием, человечество обрело силу — яркую и неистовую, точно провод под высоким напряжением. Ставки были, как никогда, высоки: перспективы были ослепительнее, потенциалы — богаче, а возможные последствия — серьезнее, чем когда бы то ни было в прошлом.

Но и человеческий разум не до конца еще исчерпал свои ресурсы. Средства к дальнейшему выживанию найдены были не только острым восприятием вооруженных арсеналом «растягивающих мозг» биохимических препаратов шейперов, не только передовой кибернетикой и неумолимой логикой искусственных разумов механистов. Мир оставался цел и невредим благодаря фантастической способности человеческого разума. Способности скучать.

Человечество всегда окружали чудеса. И ничего особенного из этого не проистекало. Жизнь, пусть

даже осененная космическими откровениями, продолжала вращаться в уютной повседневной рутинности. Раскольнические группировки становились все более причудливыми, но люди, ко всему привыкающие, вскоре переставали им ужасаться. Откровенно антигуманные подвиды, наподобие Призрачных интеллигентов, Омаров или Кровавой бани, тем или иным образом входили в каталог возможного и даже становились предметом анекдотов.

И все же в мире чувствовалась напряженность. Новые, разрозненные человечества неслись, не разбирая дороги, к непонятным целям, скорость кружила им головы. Износились до дыр старые предрассудки, прежние ценности устарели. Целые общества были парализованы слепящими перспективами неограниченных возможностей.

Напряженность принимала разные формы. Для катаклистов — тех самых, первыми почувствовавших ее, сверхспособных — она была неистовым объятием Бесконечности, не заботящейся о последствиях. Даже саморазрушение — и то облегчало несказанную боль. Дзенские серотонисты попросту отказались от перспектив ради блаженного покоя и мира. Для прочих напряженность не выражалась ни в чем конкретном.

Разве что вызывала покалывающее беспокойство на рубеже сна и яви или яростные слезы, когда внутренние запреты сняты спиртным либо наркотиком…

А для Абеляра Линдсея сиюминутное проявление этой напряженности выражалось в том, что он сидел, пристегнувшись к столику, в «Маринере», одном из баров Царицына Кластера. Бар помещался в невесомости надувной сферы, на стыке четырех длинных переходов, и был чем-то наподобие полустанка посреди россыпи жилых модулей, составляющих кампус Космоситета метасистем Царицына Кластера.

Навалившись на куполообразный столик, он прижал липучие налокотники своего костюма к скатерти. Линдсей дожидался Уэллспринга.

Ему шел сто седьмой год. Последнее омоложение не изгладило полностью внешних признаков старости. От уголков глаз лучиками разбегались морщины, от крыльев носа к углам рта пролегли глубокие складки. Переразвитые лицевые мышцы окаймляли его подвижные темные брови. Он носил небольшую бородку, а длинные седеющие волосы были сколоты булавками, украшенными драгоценными камнями. Морщины прорезали бледную, словно вощеный пергамент, кожу жи-

вой руки. Протезная же была покрыта сотами сенсорных пластинок.

Он разглядывал стены. Владелец «Маринера» сделал внутреннюю поверхность бара непрозрачной и превратил в планетарий. Вокруг Линдсея и дюжины других посетителей простирался пустынный марсианский ландшафт, прямая трансляция с Марса, круговая панорама в цвете, создававшая полный эффект присутствия.

Месяцами неустанная робокамера колесила по краю кратера Маринер, транслируя его виды. Линдсей сидел к громадному провалу спиной: титанические масштабы и извечная безжизненная пустота вызывали у него весьма болезненные ассоциации. Валуны предгорий, проецируемые на круглую стену напротив, гигантские каменные столбы и источенные ветром барханы словно в чем-то его упрекали. Чувство ответственности за целую планету было для него новым. Три месяца он в ЦК, а никак не привыкнет к масштабам этой мечты…

Из-за соседнего столика, отстегнувшись, поднялись в воздух трое космоситетских ученых. Один из них, заметив Линдсея, подплыл к нему:

— Прощу прощения, сэр. Уверен, что я вас знаю. Профессор Бела Милош, не так ли?

Незнакомец, подобно многим шейперам-перебежчикам, производил впечатление человека с налетом высокомерия и фанатизма.

— Да, я был известен под этим именем.

— Я — Евгений Наварре.

— Припоминаю… Специалист по мембранной химии? Какая приятная неожиданность. — Линдсей знал Наварре по Дембовской, но только через видеообмен. Сейчас Наварре показался ему сухим и бесцветным. Да ведь и сам он тоже стал за эти годы таким… — Присаживайтесь, профессор.

Наварре пристегнулся к сиденью.

— Как любезно с вашей стороны вспомнить мою статью для «Джорнел». «Поверхностные везикулы и их роль в коллоидном катализе экзоархозавров». Одна из первых моих работ.

Светясь спокойным благовоспитанным удовлетворением, Наварре сделал знак официанту, семенившему на многочисленных пластиковых ножках через зал. Конструкцией робот повторял — в миниатюре — марсианский исследовательский зонд. Из вежливости Линдсей заказал выпивку.

— Давно ли вы в ЦК, профессор Милош? По вашим мускулам можно сказать, что вы привыкли к высокой гравитации. Работали с Инвесторами?

Псевдогравитация Республики не прошла для Линдсея бесследно.

— Я не волен этого разглашать, — загадочно улыбнулся он.

— Понимаю, — с серьезным видом ответил ему Наварре. — Очень рад, что вы здесь, в Космоситете. Будете работать на нашем факультете?

— Да.

— Думаю, нашим исследователям Инвесторов крупно повезло.

— Честно говоря, профессор Наварре, изучение Инвесторов потеряло для меня новизну. Я собираюсь участвовать в разработках терраформинга.

— Господи! — удивленно воскликнул Наварре. — Неужели вы не могли подобрать себе что-нибудь поинтереснее?

— Вы полагаете?

Подражая собеседнику, Линдсей подался вперед. От навыков не осталось и следа. Рефлекторный порыв смутил его, и Линдсей уже в сотый раз решил бросить эти штучки.

— Отдел терраформинга, — продолжил Наварре, — прямо кишит чокнутыми посткатаклистами. А вы всегда были человеком основательным, аккуратным, хорошим организатором. Ну зачем, спрашивается, вам такая компания?

— Понимаю. А что привело в Царицын Кластер вас, профессор?

— Н-ну, я и лаборатории Джастроу-Стейшн разошлись во мнениях по поводу патентных прав. Мембранная технология. Производство искусственной кожи Инвесторов — она здесь как раз в моде, вот, например, обратите внимание на сапожки той юной леди.

Студентка-цикада в вышитой юбке, с ярко раскрашенным лицом, потягивала фраппе на фоне оранжевой каменистой пустыни. Ландшафт позади нее неожиданно наклонился, следуя движению зонда. Почувствовав головокружение, Линдсей ухватился за столик.

Наварре слегка покачнулся и продолжал:

— Царицын Кластер более дружелюбен к предпринимателям. Вот я здесь всего восемь месяцев — и уже избавился от псов!

— Поздравляю, — сказал Линдсей.

Советники Матки держали большинство иммигрантов под наблюдением «псов» по два года. В догтаунах, на окраинах, были целые районы, нашпигованные камерами, где каждый находился под непрестанным надзором видеопсов. Обширнейшая сеть мониторов была частью общественной жизни Царицына Кластера. Но

полноправные граждане могли укрываться от надзора в «приватах», последних пристанищах частной жизни в ЦК.

Линдсей поднес к губам бокал.

— Чтобы предупредить возможные недоразумения, я должен сказать, что пользуюсь теперь фамилией Линдсей.

— Что? Как Уэллспринг?

— Прошу прощения?

— А вы не знакомы с подлинной личностью Уэллспринга?

— Конечно, нет, — ответил Линдсей. — Насколько я понимаю, все документы пропали на Земле, где он родился.

Наварре довольно расхохотался:

— Но это же — в верхах ЦК — ни для кого не секрет! Во всех приватах об этом говорят. Уэллспринг — родом из Цепи миров. Его настоящее имя — Абеляр Малкольм Тайлер Линдсей.

— Поразительно.

— Уэллспринг играет весьма тонко. Его террансское прошлое только камуфляж.

— Вы меня удивляете.

— Легок на помине, — заметил Наварре. Из туннеля слева от Линдсея вырвалась шумная толпа. Это с группой студентов, раскрасневшихся

и громко хохочущих, прямо с какой-то попойки прибыл Уэллспринг. Молодые цикады в длинных развевающихся пальто, штанах с разрезами и блестящих жилетах из кожи рептилий казались живописным подвижным зелено-голубым клубком.

Заметив Линдсея, Уэллспринг поплыл к нему. Матовая грива его черных волос была охвачена венцом из меди и платины. Поверх рукава костюма, украшенного печатным орнаментом из листьев, была надета повязка-плейер, извергавшая оглушительную квазимузыку из треска сучьев и криков животных.

— Линдсей! — заорал он. — Линдсей! Вот ты и снова с нами! — Он крепко обнял Линдсея и пристегнулся к сиденью.

С виду Уэллспринг был пьян. Лицо раскраснелось, ворот распахнут, что-то копошится в бороде — какие-то крохотные существа, похоже — металлические блохи.

— Как съездил? — спросил Линдсей.

— Совет Колец — тоска зеленая! Извини, не успел тебя встретить. — Он подозвал официанта. — Что ты пьешь? Фантастический все-таки кратер, этот Маринер, верно? Даже его ответвления и те размером с Гранд-Каньон в Аризоне. — Он

указал за спину Линдсея, на расщелину между отвесных стен, с которых ледяной ветер сдувал клубы тонкой охряной пыли. — Представь там водопад; такие радуги выйдут! Дрожь берет, как подумаешь.

— Да, конечно, — снисходительно улыбнулся Наварре.

— Есть у меня, — сообщил Уэллспринг Линдсею, — упражненьице для духа маловеров вроде Евгения. Следует каждый день повторять про себя: «Столетья… столетья… столетья…»

— Я — человек прагматичный, — сказал Наварре, поймав взгляд Линдсея и значительно приподнимая бровь. — Жизнь течет ото дня к дню, а не от столетия к столетию. Энтузиазма на столетия не хватает. Плоть и кровь такого не вынесут. Ваши амбиции, — он обратился к Уэллспрингу, — просто не уместятся в жизнь.

— Естественно. Как и положено. Жизнь они включают в себя.

— Совет управляющих более практичен, — заметил Наварре, глядя на Уэллспринга с высокомерием.

Авторитет Совета управляющих со времен основания Царицына Кластера значительно вырос, и Уэллспринг предпочитал не бороться за власть,

но уступить. И теперь, пока Совет возился во дворце царицы с повседневными управленческими мелочами, Уэллспринг дневал и ночевал в догтаунах и приватах. Зачастую он пропадал на целые месяцы, чтобы появиться потом, ведя за собой банду каких-нибудь темных постлюдей и странных личностей, навербованных на дне общества. Наварре это шокировало.

— Мне нужна должность, — сказал Линдсей Уэллспрингу. — Только без политики.

— Найдем, обязательно найдем.

Линдсей огляделся по сторонам и вдруг понял:

— Не нравится мне этот Марс…

Уэллс сразу посерьезнел:

— Ты сознаешь, что все судьбы будущего могут споткнуться на этом сиюминутном высказывании? Именно из таких семян свободной воли, следуя законам причинности, и произрастает будущее.

— Там слишком сухо, — улыбнулся Линдсей. Как раз в этот момент толпа ахнула: камера быстро скользнула вниз по ненадежному склону, и весь мир зашатался. — И еще он дергается.

Уэллспринг был обеспокоен. Он застегнул ворот, но Линдсей успел заметить на его шее небольшой кровоподтек со следами зубов.

— Ты знаешь, что нельзя одновременно считать два мира лучшими, — сказал Уэллспринг, выключая нарукавник.

Наварре недоверчиво рассмеялся.

Линдсей, не обращая внимания на Уэллспринга, глядел ему за спину и рассматривал его спутников. Молодой шейпер в форме Космоситета с ворсистыми липучими налокотниками зарылся лицом в разлетевшиеся светло-рыжие кудри молодой женщины. Склонив голову набок, она восторженно хохотала. Позади нее Линдсей разглядел печальную физиономию Абеляра Гомеса. Его сопровождали два пса-наблюдателя, скорчившихся на стене, сверкая металлическими ребрами и фиксируя мордами-камерами любое его движение. Линдсеем овладела жалость и тоска о мимолетности вечных человеческих истин.

А Уэллспринг, со страстью пустившись в спор, извергал мощный фонтан риторики, сметавшей и крушившей ехидные замечания Наварре. Он соловьем разливался про астероиды — глыбы льда, с хороший город каждая, которые, будучи обрушены на поверхность Марса по нисходящим кривым, всеми своими камнедробильными мегатоннами вобьют в пустыню оазисы влажности. Пар и прочие летучие вещества насытят исто-

щенную атмосферу, а ледяные полярные шапки превратятся в газообразную двуокись углерода. Появятся реки, озера. Воронки с оазисами будут укомплектованы бригадами ученых, которые вызовут к жизни целые экосистемы. В первый раз человечество станет превыше жизни: целый живой мир будет обязан своим существованием человеку, а не наоборот. Это Уэллспринг рассматривал как моральную обязанность, как уплату долга. Расходы не имеют значения: деньги — лишь символ. Реальна единственно жизнь.

— Но человеческий фактор, — перебил его Наварре, — победит вас! Вы забыли о материальных стимулах — обычная ошибка всех реформаторов. Вы могли бы править Царицыным Кластером. Вместо этого вы упустили власть, и теперь Совет управляющих, эти механистские… — заметив псов, сопровождающих Гомеса, Наварре осекся, — …джентльмены управляют государством с присущим им умением. Но, абстрагируясь от политики, ваш вздор лишает ЦК возможности заниматься достойными науками! Реальными разработками, приносящими новые изобретения для защиты ЦК от врагов. Мы расшвыриваем ресурсы на терраформинг, в то время как милитанты — и шейперские, и механистские — строят

против нас заговор за заговором. Да, я согласен, эта ваша мечта очень мила. Да, она даже общественно полезна как относительно безвредная государственная идеология. Но в конце концов она лопнет, а вместе с ней — и ЦК.

Глаза Уэллспринга сверкнули.

— Ты, Евгений, переутомился и потерял широту взглядов. Возьми отпуск лет этак на десять; как знать, может, время даст новое направление твоим мыслям.

Наварре побагровел.

— Видите? — воззвал он к Линдсею. — Катаклизм! Последнее замечание — вы сами слышали — не что иное, как намек на ледовое убийство! Идемте, Милош! Вам, безусловно, нельзя оставаться с этими бездельниками и пустозвонами!

Линдсей не реагировал. В былые времена он смог бы обратить эту беседу к собственной выгоде, но теперь навыки пропали. И возобновлять их ему не хотелось.

Что толку в словах? К черту слова! Словами его больше не возьмешь. Он понял, что здесь нужно отбросить всякие правила.

Взлетев в воздух, он принялся срывать с себя одежду.

Наварре, кипя от возмущения, ушел. Одежды

Линдсея разлетелись по помещению, пиджак и брюки медленно кружили над соседними столиками. Посетители со смехом уворачивались. Вскоре Линдсей остался совершенно голым. Нервозный смех публики стих; воцарилось неуверенное беспокойство. Отодвигаясь от псов Гомеса, посетители смущенно шептались.

Не обращая на них внимания, Линдсей поудобнее устроился в воздухе и, закинув ногу на ногу, принялся рассматривать стену. Студенты Уэллспринга, бормоча извинения и оглядываясь, покинули бар. Даже сам Уэллспринг пришел в замешательство и удалился, а за ним и все остальные.

Линдсей остался наедине с роботом, юным Гомесом и его псами.

— Царицын Кластер вовсе не такой, как я думал в Республике, — сказал Гомес, пододвигаясь ближе.

Линдсей медитировал, разглядывая пейзаж.

— Они приставили ко мне этих псов. Потому что я, видите ли, могу представлять опасность. Вас псы не стесняют, нет? Вижу, нет. — Гомес с дрожью вздохнул. — Три месяца прошло, а все меня до сих пор сторонятся. В лигу свою не посвящают… Вы ведь видели эту девушку, Мелани

Омаха? Доктор Омаха, из Космоситета. Удивительная девушка! Но ей плевать на тех, кто ходит под псами. Кому приятно, когда Служба безопасности следит? Я бы правую руку отдал за десять минут наедине с ней… Ой, простите…

Он смущенно покосился на механическую руку Линдсея.

— Помните, — продолжал он, стирая красные полосы косметики со щек, — я вам рассказывал про Абеляра Линдсея? Так, по слухам, он — это вы. И, по-моему, это правда. Вы — Линдсей. Тот самый.

Линдсей глубоко вздохнул.

— Я понимаю, — продолжал Гомес, — вы скажете, что это неважно. Важно лишь дело. Но вот послушайте! — Он выдернул из кармана пальто, разрисованного листьями ивы, блокнот и громко, с отчаянием зачитал:

— Развитие диссипативной самоорганизующейся системы происходит через когерентную последовательность пространственно-временных структур. Следует различать четыре типа пространственно-временных структур: самовоспроизведение, онтогенез, филогенез, анагенез. — Он яростно скомкал бумагу. — Это из лекций по поэтике!

Гомес на несколько секунд умолк и затем выпалил:

— Может, это и есть тайна жизни! Но если так, сможем ли мы это вынести? Сможем достигнуть целей, поставленных перед собой? Выполнить планы, рассчитанные на века? А как же с простыми вещами? Смогу я понять и почувствовать радость одного дня, когда надо мной висят призраки всех этих веков? Все это слишком велико, да, даже ты… Ты! Который привез меня сюда. Почему ты не сказал, что Уэллспринг — твой друг? Из скромности? Но ты — Линдсей! Сам Линдсей! Я и не поверил сначала. А когда решил, что так и есть, пришел в ужас! Словно моя собственная тень заговорила со мной! — Несколько секунд Гомес молчал. — Все эти годы ты прятался, но теперь открыто пришел в Схизматрицу, так? Пришел делать великие дела, изумлять мир… Это пугает. Словно видишь скелет математики под плотью мира. Но если принципы и верны, то как же с плотью? Плоть — это мы! Как же с плотью?!

Линдсей молчал, ответить ему было нечего.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказал, наконец, Гомес. — Думаешь: «Любовь разбила ему сердце, и история эта стара как мир. Только время поможет ему понять себя». Ты так думаешь, да? Ну

да, конечно.

Гомес замолчал, потом заговорил вновь — спокойно и сосредоточенно:

— Начинаю понимать. Этого не заключить в слова, верно? Можно лишь ухватить все разом. И я когда-нибудь пойму все целиком. Когда-нибудь, когда этих псов давно уж не будет. Когда даже Мелани Омаха станет воспоминанием, не более… — Странная смесь тоски и восторга звучала в его голосе. — Я слышал их разговоры, когда ты… выкинул эту штуку. Эти так называемые интеллектуалы, гордые цикады, может, они и знают научный жаргон, но мудрость — за тобой. — Гомес сиял. — Спасибо вам, сэр.

Линдсей едва дождался, когда Гомес уйдет. Он уже не мог дальше держаться. Казалось, смех его не кончится никогда.

Глава 10

Картель Дембовской 21.02.01

Несмотря на свою роль в основании Царицына Кластера, Кицунэ никогда его не посещала. Подобно Уэллспрингу, она имела большую власть над ЦК в его первые дни. В отличие от него, она рассталась с властью нелегко. В то время как

Уэллспринг отстранился от повседневных забот, считая, что с такой ерундой и без него справятся, Кицунэ устроила шумную свару с Советом управляющих.

За те годы, что Линдсей провел на лечении, она достигла некоторого успеха. Она объявила, что планирует переехать в ЦК, но год за годом откладывала ломку привычной рутины, и власть ее мало-помалу пришла в упадок. Дело шло к расколу; судьбы ЦК и Дембовской радикально разошлись.

О превращениях Кицунэ ходили тревожные слухи. Рассказывали, в частности, что она воспользовалась всеобщей расхлябанностью, пришедшей вместе с разрядкой, и освоила новые технологии. Оставаясь номинально членом механистского Союза Картелей, Дембовская постоянно была на грани изгнания; ее терпели исключительно как карантин для перебежчиков с Совета Колец.

Но даже Совет Колец ужаснулся порожденной Дембовской технологии перекройки плоти. Совет Колец, находясь в руках дзенских серотонистов, боролся за стабильность и в результате отстал от времени. Передний край генных технологии захватили Черные Медики — экстремисты с

комет и Колец Урана, а также пышным цветом расцветающие постчеловеческие общины типа Метрополярии, Кровавых братьев и Эндосимбиотиков. Они сбросили с себя все человеческое, как околоплодный пузырь. Раздробленные группки окружали Схизматрицу, словно марь раскаленной до предела плазмы.

Победная поступь науки перешла в безрассудный, стихийный бег. Механисты и шейперы превратились в некое подобие двух противостоящих армий, чей рядовой состав, рассеянный в болотах и джунглях, перестал обращать внимание на приказы одряхлевших своих генералов. Новые философии — постгуманизм, дзен-серотонин, галактизм — стали сигнальными кострами для заблудившихся. Философии дезертиров… Костер Линдсея светил ярко и привлек своим светом многих. Они назвали свою группировку лигой Жизнелюбивых.

По своей силе лиги Царицына Кластера были сравнимы с группировками. Лиги образовывали теневое правительство ЦК, моральную параллель отвлеченного, формального правления Совета управляющих. Элита лиг действовала за сценой, подражая своему идеалу, Уэллспрингу, и состязаясь в изощренности легенд. Форма и содержание

власти были деликатно разъединены. Арбитры Полиуглеродной лиги, лиги Жизнелюбивых или Зеленой камарильи одним вскользь брошенным намеком либо движением брови могли творить чудеса.

Дошло до того, что группы, замыслившие перебежать в ЦК, прежде чем официально просить политического убежища, консультировались с лигами. Обычно эти дела относились к епархии Уэллспринга.

Однако в настоящий момент Уэллспринг отсутствовал — уехал набирать рекрутов. Линдсей, будучи знаком с существом дела, согласился встретиться с представителем откалывающейся группы на нейтральной территории Дембовской.

Свита состояла из его первого заместителя Гомеса, трех аспирантов и дипломатического наблюдателя от Совета управляющих.

Дембовская изменилась. Высадившись и направляясь к таможне среди редкой толпы пассажиров лайнера, Линдсей был поражен теплом. Воздух был нагрет до температуры тела и едва заметно пах кожей Кицунэ. Запах принес с собою воспоминания. На лице Линдсея блуждала меланхолическая улыбка. Воспоминания были

дряхлы, не тверже бумаги, — еще бы, восемьдесят пять лет прошло. Казалось, что вовсе и не с ним, Линдсеем, все это происходило.

Линдсеевы жизнелюбивые получали багаж. Два аспиранта-механиста наговаривали в нагубные микрофоны свои первые впечатления. Прочие пассажиры ожидали у таможенных кабин.

К их группе приблизились двое встречающих. Линдсей шагнул вперед:

— Полиция гарема?

— Стенорожденные, — сказал первый, мужчина. Он был одет в тонкое кимоно без рукавов, голые руки его были покрыты татуировками, удостоверяющими полномочия. Лицо его казалось знакомым. Присмотревшись, Линдсей узнал потомка Майкла Карнассуса. Переведя взгляд на даму, он увидел юную Кицунэ. Волосы острижены, на смуглые руки нанесены белой тушью знаки отличия.

— Полковник Мартин Дембовский, — представился мужчина. — Моя стеносестра, капитан Мурасаки Дембовская.

— Канцлер Линдсей. А это — члены лиги: Абеляр Гомес, Джейн Мюррей, Глен Сцилард, Колин Сцилард, Эмма Мейер и унтер-секретарь Фидель

Накамура, дипломатический наблюдатель.

Цикады по очереди поклонились.

— Надеюсь, силы ваши не подорваны переменой бактерий, проведенной на борту корабля, — сказала Мурасаки. Говорила она голосом Кицунэ.

— Только незначительные неудобства.

— Мы вынуждены весьма тщательно заботиться о кожных бактериях стеноматери, — объяснил полковник. — Такие значительные площади… Надеюсь, вы понимаете.

— Не могли бы вы представить точные цифры? — с механистской дотошностью и жадностью до точных данных спросил один из братьев Сцилардов. — Данные, имеющиеся в Царицыном Кластере, довольно расплывчаты.

— По последним данным, стеномать весит четыреста тысяч восемьсот двенадцать тонн, — с гордостью ответил полковник. — Желаете о чем-либо заявить таможенникам? Нет? Тогда следуйте за мной.

Проследовав за дембовскианином в спецзал, они оставили там багаж и получили стерильные гостевые кимоно. Затем все босиком поплыли по первому пассажу Дембовской.

И пол, и стены, и потолки пещерного комплекса беспошлинных магазинов были покрыты живой

плотью. Цикады плыли вперед, боязливо, едва-едва касаясь упругой кожи пальцами ног и со скрытой тоской поглядывая в сторону магазинов, безопасных островков металла и камня. Линдсей, загодя вышколивший своих подопечных, втайне гордился сдержанностью их реакции.

Но даже и он, войдя в первый из длинных тунелей, почувствовал позывы к тошноте. Округлая пищеводо-образная конструкция отнюдь не способствовала внутреннему спокойствию. Партия погрузилась в открытые сани, движимые перистальтическими толчками мускулатуры пола.

Скользкая стена через равные промежутки была оборудована сфинктерными клапанами для ввода предварительно переваренной кашки. Мягко и ненавязчиво светили полупрозрачные пузыри, наполненные чем-то флюоресцирующим. Гомес, сидевший рядом с Линдсеем, напряженно изучал местную архитектуру. Внимание его было обострено с помощью препарата, известного у цикад как «Зеленый экстаз».

— Они дошли до крайности, — негромко сказал Гомес. — Да может ли такое обладать еще и личностью? Чтобы управиться со всем этим мясом, нужен мозжечок не меньше полутонны. — Глаза его сузились. — Воображаю, как оно должно себя

чувствовать.

Клонированный потомок Карнассуса, помещавшийся в переднем отделении саней, тронул пульт управления. Плоть влажно расступилась, и сани понеслись вниз, в широкую, с многорядным движением шахту, прерывавшуюся время от времени просторными площадями и жилыми районами.

Мимо проносились конторы и магазины, встроенные во вздутия смуглой, атласной кожи. Повсюду было жарко, пахло надушенным телом. Интимность в промышленном масштабе… Людей попадалось не так уж много — в основном дети, разгуливающие голышом.

Сани резко остановились; группа высадилась на покрытую пушком площадку. Сани скользнули по направляющим назад, и Гомес слегка толкнул локтем Линдсея:

— Смотрите, канцлер: стены имеют уши!

Стены и вправду имели уши. И глаза.

На этом этаже воздух был какой-то другой. Аромат духов здесь просто опьянял. Гомес внезапно почувствовал, как тяжелеют веки, а братья Сциларды, носившие, среди прочего, ленточные наголовники-камеры, сняли их, чтобы промокнуть пот. Джейн Мюррей и Эмма Мейер стали

подозрительно озираться. Линдсей вдруг понял, в чем дело: феромоны. Архитектура сексуально возбудилась.

Группа проследовала по низкогравитационной пешеходной дорожке. Ее толстая, упругая кожа была сплошь испещрена огромными нескончаемыми завитками папиллярных линий. Потолок же — для передвижения на руках — был покрыт колеблющимся ковром из черных блестящих волос.

Очевидно, данный уровень был местной достопримечательностью: здесь от зданий были оставлены лишь каркасы, служащие плоти, как решетки — плющу. Пышная органика облепила их со всех сторон, мягко, женственно скругляя прямые эвклидовы углы каркасов. Конструкции, выраставшие из пола, изгибались, словно шеи лебедей, арками врастая в глянцевитый потолок. Стены домов покрывали ямочки и впадины, влажно-розовые сфинктеры дверей плавно переходили в кожу стен, покрытую нежным, еле заметным пушком.

Они остановились на волосяном газоне у большого замысловатого здания. Смуглые стены его блестели мозаикой из кости.

— Ваше жилище, — объявил полковник.

Двустворчатые двери распахнулись на мускулистых петлях, наподобие челюстей, в мощном зевке.

Джейн Мюррей, отстав от остальных, замешкалась у входа и взяла Линдсея за руку.

— Мозаика на стенах… Это же зубы!

Лицо ее под голубой и аквамариновой цикадной раскраской побледнело.

— В воздухе рассеяны женские феромоны, — объяснил Линдсей. — Из-за них вы и нервничаете. Реакция мозжечка, доктор.

— Ревность к стенам… — Джейн улыбнулась. — Здесь — словно в гигантском привате.

Несмотря на свою браваду, она явно была напугана. Джейн наверняка предпочла бы этому сомнительному обиталищу любой пользующийся сколь угодно дурной известностью приват в ЦК, какие бы беззакония в нем ни творились.

Они ступили за порог.

— Вы делите жилье с двумя группами торговых агентов — с Диотимы и фемиды, — но в вашем распоряжении целое крыло. Сюда, пожалуйста.

Они последовали за Мурасаки по широкой дорожке из плоских костяных вкраплений. За ребрами потолка глухо стучало одно из бесчисленных сердец Дембовской — промышленного

масштаба кровенапорная станция. Его сдвоенные удары задавали ритм негромкому мелодичному воркованию, доносившемуся из астроидной в стену гортани.

Все оборудование в помещении было биомеханическое. Со стен мерцали биржевые мониторы, отражавшие подъемы и падения наиболее популярных механистских акций. Мебель состояла из сформированных со вкусом возвышений; причудливые кровати из плоти были застелены бельем, расписанным под радужные оболочки.

Просторный номер был поделен на части татуированными перепончатыми ширмами. Полковник щелкнул по делителю одной из них, и перепонка, сморщившись наподобие глазного века, втянулась в потолок. Затем он вежливо указал на одну из кроватей:

— Вся меблировка — образцы эрототехнологии нашей стеноматери. К вашим услугам, для полного комфорта и наслаждения. Хотя должен вам сообщить, что стеномать резервирует за собой право на оплодотворение.

Эмма Мейер, с опаской присевшая на одну из кроватей, поднялась:

— Прошу прощения?

— Мужские эякуляты, — сдвинул брови полков-

ник, — переходят в собственность реципиента. Древнейший принцип женщин.

— О! Понимаю.

Мурасаки поджала губы:

— А что, доктор, вы находите это странным?

— Нет, что вы, — обезоруживающе улыбнулась Мейер. — Напротив, весьма разумно.

— Все дети, — с нажимом продолжала дембовскианка, — зачатые от мужчин вашей группы, станут полноправными гражданами. Все стенорожденные одинаково любимы. Лично я — полностью клонированная, но свой пост я получила по заслугам, в любви к матери. Верно, Мартин?

Дипломатическая хватка полковника была жестче. Он коротко кивнул.

— Вода в ванных стерильна, содержит минимум органики. Пить можно свободно. Водопровод — по образцу мочеполовой системы, но жидкость в нем — не отходы.

Гомес был очарован:

— Я как биоконструктор восхищен вашей оригинальной архитектурой. И не только технической изобретательностью, но самой эстетикой! — И после паузы:

— Успеем ли мы принять ванну до прибытия

багажа?

В ванне цикады весьма нуждались. Бактериальные перемены не совсем еще утряслись, и при плюс тридцати шести все тело жутко зудело.

Отойдя в угол, Линдсей опустил перепончатую перегородку.

Тут же темп его изменился. Отделившись от молодых спутников, он зажил в собственном ритме.

Ему не нужна была ванна. Старческая кожа уже не могла содержать большой популяции бактерий.

Линдсей устало присел на ложе. Он был страшно измотан. Глаза, помимо воли, тускнели. Так, совершенно опустошенный, без единой мысли в голове, сидел он довольно долго.

Наконец он пришел в себя, привычно полез в карман и вытащил эмалевый ингалятор. Две добрых понюшки «Зеленого экстаза» снова пробудили интерес к миру. Медленно обводя глазами помещение, он с удивлением остановил взгляд на голубом кимоно. Оно принадлежало Мурасаки, чье тело на фоне кожи было почти незаметно.

— Капитан… Простите, я вас не заметил.

— Я… — Мурасаки стояла в вежливом молчании. Таких знаменитостей она еще не принима-

ла. — Я имею приказ… — Она указала на складку двери в стене.

— Вы хотите меня куда-то отвести? Мои спутники вполне управятся сами. Я к вашим услугам.

Он последовал за девушкой в кость и шерсть холла.

Здесь она остановилась и провела смуглой ладонью по гладкой коже стены. Под ногами открылся сфинктер, и они мягко упали этажом ниже.

Под общежитием располагались подсобные помещения. Слышалось биение артерий, а стены по временам бурлили, словно кишечник. Мерцали биомониторы, окаймленные складками плоти.

— Оздоровительный центр, — пояснила Мурасаки. — Для стеноматери, конечно. Здесь есть связь с ее сознанием. Здесь она может говорить с вами — через меня. Имейте это в виду и не пугайтесь.

Повернувшись спиной, она приподняла с шеи волну черных волос и продемонстрировала разъем, выступающий у основания черепа.

«Зеленый экстаз» тихонько струился в жилах Линдсея, возбуждая волну подзуживающего любопытства. Это было новейшее средство против скуки, сложное вещество, составляющее

биохимическую основу удивления. Приняв достаточную дозу «Зеленого экстаза», человек мог найти бездну интересного в линиях собственной ладони.

— Чудесно, — в неподдельном восхищении улыбнулся Линдсей.

Мурасаки все еще медлила, вопросительно глядя на него.

— Вы уж не взыщите, что я так глазею, — сказал Линдсей. — Вы так напоминаете мне вашу мать…

— Господин канцлер, а вы — правда, он? Тот самый Абеляр Линдсей, бывший любовник моей матери?

— Да, мы с Кицунэ были дружны.

— А во мне, правда, очень много от нее?

— Клоны — самостоятельные люди, — мягко сказал Линдсей. — Когда-то, в Совете Колец, у меня была семья. Мои согенетики — то есть дети — были клонами. И я любил их.

— Не думайте, что я — просто кусок стены. Клетки стены бедны хромосомами. Химерные бластомы… Стена не совсем человечна, не как изначальная плоть Кицунэ. Или моя. — Она испытующе заглянула в его глаза. — Вы не против начать с разговора со мной? Я вас не утомляю?

— Вовсе нет.

— Прежде мы, стенорожденные, сталкивались с препятствиями. Некоторые иностранцы считали нас монстрами. — Она вздохнула. — А мы, скорее, немного скучноваты.

— Вы полагаете? — сочувственно спросил он.

— Вот в Царицыном Кластере не так. Там же так весело и интересно, да? Постоянно что-то происходит. Пираты. Постлюди. Перебежчики. Инвесторы. Я иногда смотрю фильмы. А как мне нравится ваша одежда!

— Она гораздо красивее на расстоянии, — улыбнулся Линдсей. — Цикады одеваются по социальному положению. Иногда процесс занимает не один час.

— Вы просто предубеждены, господин канцлер Линдсей. Недаром вы изобрели раздевание в обществе.

Линдсей моргнул. Что же это такое?! Теперь он никогда и нигде не избавится от этого ярлыка?!

— Я видела в пьесе, — пояснила девушка. — «Интрасолар» из Голдрейха приезжал на гастроли. Играли «Жалость к тварям земным» Фернанда Феттерлинга. Там герой в кульминационный момент срывает с себя одежду.

Линдсей был огорчен и раздосадован. С тех пор

как Феттерлинг сделался дзенским серотонистом, его пьесы вконец утратили былую энергию. Он рассказал бы об этом девушке, но слишком уж жаль было Феттерлинга. Что за трагическая судьба! По политическим причинам Феттерлинг долгие годы оставался неличностью, и Линдсей не осуждал драматурга, выбравшего покой за любую цену.

— В наши дни это не очень принято, — сказал он. — Утратило всякий смысл. Порой люди раздеваются лишь для расстановки акцентов в беседе.

— Я думала, это чудесно… Хотя на Дембовской обнаженность почти ничего не значит… Но не мне рассказывать вам о пьесах. Ведь это вы создали «Кабуки Интрасолар»?

— Не я. Федор Рюмин.

— Кто это?

— Блестящий драматург. Он умер несколько лет назад.

— Он был очень старый?

— Предельно. Даже старше меня.

— Ох, извините, — смутилась она. — Мне уже пора. Вам и стеноматери многое нужно обсудить. — Она прижала ладонь к стене позади нее и снова обратилась к нему:

— Спасибо, что вы были ко мне снисходитель-

ны. Это очень большая честь для меня.

Из стены выросло щупальце плоти. Плоское утолщение на его конце коснулось шеи девушки. Подняв волосы, она соединила щупальце с разъемом. Лицо ее мгновенно расслабилось.

Ноги девушки подкосились, она начала медленно опускаться на пол, но подключившаяся Кицунэ успела ее подхватить. Тело коротко встрепенулось в судороге обратной связи, затем Кицунэ выпрямила его и огладила ладонями предплечья. Лицо снова обрело выразительность, а тело — грациозность. Старая, свирепая жизненная энергия словно бы электризовала его. Только глаза были мертвы.

— Привет, Кицунэ.

— Тебе нравится это тело, дорогой? — Она блаженно потянулась. — Ничто не возвращает воспоминания так, как это. Быть совсем юной женщиной… Как ты называешь себя теперь?

— Абеляр Линдсей. Канцлер Космоситета метасистем Царицына Кластера, отдел системы Юпитера.

— И еще арбитр лиги Жизнелюбивых?

— Положение в общественных клубах не дает никаких законных прав, — улыбнулся Линдсей.

— Ну, этого положения достаточно, чтобы при-

влечь сюда перебежчика из Союза старателей… Она назвалась Верой Константин. И это имя столько для тебя значит, что ты сам приехал сюда?

— Приехал, — пожал плечами Линдсей.

— Дочь старого врага? И согенетик давно умершей женщины, чьего имени я не помню?

— Вера Келланд.

— А ты помнишь его хорошо… Может, даже лучше наших с тобой отношений?

— Они у нас были разные, Кицунэ. Я помню нашу молодость в Дзайбацу, хотя не так хорошо, как хотелось бы. Я помню те тридцать лет на Дембовской, когда я сторонился тебя из-за твоего превращения и потерянной жены.

— Стоило мне нажать, и ты не устоял бы передо мной, в какой бы форме я ни была. Все эти тридцать лет я только дразнила тебя.

— С тех пор я изменился. Теперь на меня нажимают другие вещи.

— Но и форма у меня теперь лучше. Совсем как старая. — Движением плеч она сбросила кимоно с тела девушки. — Ну что, попробуем? В память о былых временах.

Линдсей приблизился к телу и медленно провел сморщенной ладонью по ее боку.

— Просто прекрасно.

— Оно твое. Наслаждайся.

Со вздохом Линдсей провел по щупальцеобразному отростку, прилипшему к затылку девушки.

— Во время дуэли с Константином на меня тоже устанавливали нечто подобное. При передаче по проводам многое теряется. Ты не ощутишь того же, Кицунэ. Все будет не так, как раньше.

— Как раньше? — Она громко захохотала. Рот открывался, но лицо почти не двигалось. — Я так давно вышла за эти рамки, что забыла их.

— Ну, хорошо. Но и я не смогу ощущать того же. — Отступив назад, он опустился на пол. — Если тебя это утешит, я все еще к тебе что-то чувствую. Несмотря на годы и перемены. Я не могу выразить этого в словах. Но то, что было между нами, и не требовало слов.

Она подобрала с пола кимоно.

— У тех, кто тратит время на поиск слов, никогда не хватает времени жить.

Несколько секунд прошли в обоюдном молчании. Она оделась и села с ним рядом.

— А как Майкл Карнассус? — спросил, наконец, Линдсей.

— Хорошо. С каждым омоложением мы исправляем все больше повреждений от «облома».

Сейчас он часто покидает Экстратеррариум, все надольше и надольше. В моих коридорах он чувствует себя в безопасности. Теперь он даже может говорить.

— Я рад за него.

— Наверное, он любит меня.

— Что ж, этого нельзя не принять во внимание.

— Иногда я думаю, сколько же выгод из него извлекла, и чувствую такую странную теплоту… Лучшая сделка моей жизни. Он был так чудесно податлив… Пусть даже теперь он бесполезен; всякий раз при виде него я ощущаю настоящее удовлетворение. Я решила, что никогда его не оставлю.

— Очень хорошо.

— Для механиста своих дней он был очень одарен. Посол к инопланетянам и должен был быть из лучших. Здесь у него много детей — согенетиков — и все более чем удовлетворительны.

— Я это заметил, когда встретился с полковником Мартином Дембовски. Весьма способный офицер.

— Правда?

— Молод, конечно, — рассудительно сказал Линдсей, — но от этого никуда не денешься.

— Да. А эта балаболка, — тело ткнуло пальцем в собственную грудь, — еще моложе. Всего девятнадцать. Но мои стенорожденные должны расти быстро. Я хочу сделать Дембовскую своим генетическим гнездом. Все прочие должны уйти. Включая твою подружку-шейпера из Союза старателей.

— Ради тебя я заберу ее.

— Это ловушка, Абеляр. У детей Константина нет причин для любви к тебе. Не доверяй ей. Она, как и Карнассус, жила с пришельцами. И это не прошло бесследно.

— Говоря честно, мне просто любопытно, — улыбнулся он. — Возможно, это наркотик…

— Наркотик? Но это не твой излюбленный когда-то вазопрессин. Иначе у тебя было бы лучше с памятью.

— «Зеленый экстаз», Кицунэ. У меня имеются вполне определенные долгосрочные планы… А «Зеленый экстаз» поддерживает к ним интерес.

— Терраформинг…

— Да. Проблема, понимаешь ли, во времени и масштабе. А долго поддерживать фанатизм — тяжело. Без «Зеленого экстаза» разум разъедает фантастическое, низводя его до будничного.

— Понимаю. Твое фантастическое, мое экстати-

ческое… Деторождение — это просто чудо.

— Дарить миру новую жизнь… Это таинство. Истинно пригожинское событие.

— Ты, должно быть, устал, дорогой. Я довела тебя до цикадских банальностей.

— Извини, — улыбнулся Линдсей. — Живешь с ними — привыкаешь.

— Вы с Уэллспрингом устроили отличную витрину. Оба вы — умеете поговорить. Уверена, лекции ты можешь читать часами. Или целыми днями. Но — века?

Линдсей рассмеялся:

— Иногда кажется просто анекдотичным, да? Двое бродяг, объявших предел пределов. Уэллспринг, полагаю, искренне верит. А я… Я стараюсь.

— Возможно, он полагает, что это ты веришь…

— Возможно. И то и другое. — Линдсей намотал прядь своих длинных волос на стальные пальцы. — Когда уходят мечты, постгуманизм приобретает определенную привлекательность. Существование четырех уровней сложности доказано математически. Я видел уравнения.

— Ты уж уволь меня, пожалуйста. Не настолько мы стары, чтобы обсуждать уравнения.

Слова ее проскользнули куда-то мимо. Под

влиянием «Зеленого экстаза» мозг Линдсея на секунду поддался очарованию математики, чистейшего из интеллектуальных наслаждений. В нормальном своем состоянии, невзирая на годы учебы, он воспринимал эти формулы как головоломное, почти непостижимое нагромождение символов. В «Зеленом экстазе» же он объял их разом, хотя после мог вспомнить лишь ослепительное наслаждение понимания. Чувство это было близко к вере.

Через несколько долгих секунд он вырвался из плена.

— Извини, Кицунэ. Что ты сказала?

— Помнишь, Абеляр… Когда-то я говорила, что экстаз — это лучше, чем быть Богом.

— Помню.

— Я была не права, дорогой. Быть Богом — гораздо лучше.

* * *

Не доверяя Вере, Кицунэ и поселила ее соответственно. Молодая шейперская клан-дама уже несколько недель пребывала под домашним арестом. Номер ее был трехкомнатной камерой из камня и железа, вне вселенских объятий Кицунэ.

Сидя у включенного биржевого монитора, она изучала поток сделок в трехмерной сетке. Раньше она никогда не играла на бирже, но Абеляр Гомес, любезный молодой цикада, снабдил ее для времяпрепровождения финансами. Не придумав лучших занятий, она применила к рыночным циркуляциям принципы атмосферной динамики, освоенные на Фомальгауте IV. Что самое странное, получилось. Это приносило доход.

Дверь отперли и отодвинули. В номер вошел старик, высокий и худощавый, что подчеркивала одежда цикад — длинное пальто, темные брюки с разрезами и драгоценные перстни поверх белых перчаток. Морщинистое лицо, борода, серебряный венец из листьев, стягивающий седые, до плеч, волосы… Поднявшись с кресла, Вера поклонилась, изобразив по-цикадски реверанс:

— Добро пожаловать, господин канцлер.

Линдсей оглядел камеру, выразительные брови его удивленно приподнялись. Что-то в комнате — не она, но что-то — встревожило его. Тут же и сама она почувствовала и поняла: снова присутствие. Невольно, понимая умом всю бесполезность этого, она быстро оглянулась в поисках. Что-то, мелькнув в уголке глаза, тут же исчезло.

Улыбнувшись ей, Линдсей продолжал обша-

ривать взглядом помещение. Ей не хотелось рассказывать ему о присутствии. Через некоторое время он оставит поиски, как и все до него.

— Спасибо, — сказал он с запозданием. — Уверен, у вас все в порядке, госпожа доктор-капитан.

— Ваши друзья, унтер-секретарь Накамура и доктор Гомес, были очень внимательны ко мне. Благодарю вас за записи и подарки.

— Не стоит благодарности.

Внезапно ею овладел испуг: а вдруг она его разочаровала? Он ведь не видел ее пятнадцать лет, с самой дуэли. Тогда ей было всего двенадцать. Конечно, и скулы Веры Келланд, и ямочки на подбородке — сохранились, но время изменило ее, да и генотип был нечист — она ведь не полный клон…

Кимоно безжалостно обнажило все перемены, следствие лет, проведенных у инопланетян. Шею уродовали два полукруглых жаберных отверстия, а кожа сохранила специфический восковой оттенок. В посольстве на Фомальгауте она несколько лет провела в воде.

А серые глаза Линдсея все еще шарили по комнате. Да, он чувствует всепроникающий ужас присутствия. Рано или поздно он сочтет источ-

ником этого чувства ее, и тогда не останется никаких надежд на его расположение.

— Сожалею, что дела не удалось решить скорее, — рассеянно сказал он. — В делах перебежчиков спешка только вредит.

Вот, решила она, завуалированный намек на судьбу Норы Мавридес. При этой мысли по спине ее пробежал холодок.

— Я понимаю, господин канцлер.

Клан Константинов не давал Вере официального одобрения — чтобы избежать осуждения остальных на Совете Колец. Жизнь на Союзе старателей стала трудной: с потерей статуса столицы там началась жестокая борьба за остатки власти и интенсивный поиск козлов отпущения. И члены клана Константинов подходили для роли жертв как нельзя лучше.

Когда-то она была любимицей основателя клана, что выражалось во множестве подарков и неослабном внимании Константина.

С тех пор клану несколько раз крупно не везло. Фи-лип Константин поставил свое будущее на возможность убить Линдсея — и проиграл. Клан вложил слишком многое в Верину должность посланника, но она не привезла с Фомальгаута ожидаемых богатств. Вдобавок еще изменилась,

что встревожило всех. Теперь ей можно было рискнуть.

Исчерпав свое могущество, клан продолжал жить в ужасе перед Линдсеем. Он не только выжил после дуэли, но вернулся еще более могущественным, чем до нее. Он казался Константинам каким-то непобедимым гигантом. Но ожидаемого нападения так и не последовало. Стало ясно, что и он не без слабостей. Через нее клан решил сыграть. На его любви к Вере Келланд либо на его вине перед ней. То была последняя и самая отчаянная игра. В случае удачи — убежище. Или месть. Или — и то и другое.

— Но отчего — ко мне? — поинтересовался он. — Есть и другие места. Механисты не так страшны, как их малюют на Совете Колец.

— Механисты обратили бы нас против нашего народа. Они раскололи бы наш клан. Нет. Царицын Кластер лучше всего. Убежище под сенью Матки… Если только вы не будете против нас.

— Понимаю, — Линдсей улыбнулся. — Мои друзья не доверяют вам. Мы же, собственно говоря, ничего на вас не выигрываем. ЦК и так кишмя кишит перебежчиками. Клан ваш не разделяет идеологии постгуманизма. Что еще хуже — многие в ЦК ненавидят фамилию Константин.

Бывшие пацифисты, катаклисты и так далее. Словом, затруднения вам понятны.

— Но те времена прошли, господин канцлер. Мы никому не хотим зла.

Линдсей прикрыл глаза.

— Заверениями можно обмениваться до тех пор, пока солнце не взорвется. — Похоже, он кого-то цитировал. — И все равно никто никого не убедит. Либо мы верим друг другу, либо нет.

Такая прямота возбуждала дурные предчувствия. Вера не знала, что сказать.

— Я привезла вам подарок. — Молчать дальше было уже неловко. — Старинную фамильную драгоценность.

Она пересекла узкую камеру и подняла с пола прямоугольную проволочную клетку, накрытую персикового цвета бархатом. Подняв драпировку, она показала ему сокровище клана — белую лабораторную крысу. Зверек бегал по клетке, переставляя лапки с какой-то неестественной, раз за разом повторяющейся точностью.

— Эта красавица одна из первых получила физическое бессмертие. На ней проводили лабораторную проверку процедуры более трехсот лет назад.

— Вы очень щедры.

С этими словами Линдсей поднял клетку и принялся рассматривать крысу. Та, с возрастом совершенно утратив способность к обучению, вела себя абсолютно механически. Подрагивания мордочки и даже движения глаз полностью подчинялись давным-давно заученной схеме.

Старик внимательно разглядывал зверька. Вера понимала, что никакой реакции он не добьется. Во влажных красных глазках крысы не было ничего, ни малейшего проблеска звериной настороженности.

— Она когда-нибудь выходила из клетки?

— Нет, господин канцлер. Веками. Она слишком ценна.

Линдсей отворил клетку. Привычная повседневная рутина зверька рассыпалась на части. Крыса спряталась за стальной трубкой — поилкой, подвижные мохнатые лапки ее мелко дрожали.

Линдсей поднес к дверце руку в перчатке, пошевелил пальцами.

— Не бойся, — серьезно сказал он крысе, — здесь — целый мир.

Некий древний, почти забытый рефлекс ударил крысе в голову. С визгом кинулась она через всю клетку к руке Линдсея, яростно, конвульсивно

вцепившись в нее когтями и зубами. Вера прыгнула вперед, испуганная его поступком, ужасаясь реакции крысы. Отстранив ее, Линдсей поднял руку, с жалостью разглядывая разъяренное животное. Под рваной перчаткой поблескивали медью и вороненой сталью соты сенсоров протеза.

Мягко и уверенно он подхватил крысу, следя, чтобы она не сломала себе зубы.

— Тюрьма укоренилась в ее сознании. Много понадобится времени, чтобы перед ее глазами не стояли больше прутья решетки — Он улыбнулся. — К счастью, времени у нас более чем достаточно.

Крыса прекратила борьбу. Она тяжело дышала в мучительной судороге некоего животного прозрения. Линдсей осторожно посадил ее на столик рядом с биржевым монитором. Зверек с усилием поднялся на тонкие розовые лапки и возбужденно засеменил, повторяя контуры клетки.

— Она не может измениться, — объяснила Вера. — Иссякла способность к обучению.

— Вздор, — возразил Линдсей. — Просто ей нужен пригожинский скачок к новому типу поведения.

Спокойная уверенность Линдсея в своей идео-

логии внушала страх. Вероятно, это отразилось на лице Веры. Линдсей сдернул с руки разорванную перчатку.

— Нельзя терять надежды, — сказал он. — Надеяться нужно всегда.

— Долгие годы мы надеялись исцелить Филипа Константина. Теперь-то мы знаем… Мы готовы отдать его в ваши руки. В уплату за безопасный переезд.

Линдсей серьезно взглянул на нее:

— Это жестоко.

— Он был вашим врагом. Мы хотим искупить…

— Я предпочел бы не его, а вас.

Значит, он еще помнит Веру Келланд!

— Но не заблуждайтесь. Я не предлагаю вам истинного вознаграждения. Когда-нибудь падет и Царицын Кластер. Нации в нашу эру недолговечны. Долговечен только народ, только замыслы и надежды… Я могу предложить только то, что имею. Безопасности у меня нет. Есть свобода.

— Постгуманизм, — проговорила она. — Ваша государственная идеология. Конечно же, мы адаптируемся.

— Я полагал, у вас есть собственные убеждения. Вы — галактистка.

Пальцы ее невольно коснулись одной из жаберных щелей.

— Политике меня научило пребывание в обзорной сфере. На Фомальгауте. В посольстве. — Она помолчала. — Жизнь там изменила меня больше, чем вы думаете… Кое-что я просто не могу объяснить.

— В комнате что-то есть, — сказал он.

Вера застыла.

— Да, — пробормотала она. — Вы чувствуете? Большинство просто не замечает.

— Что это? Нечто с Фомальгаута? От газовых пузырей?

— Они ничего об этом не знают.

— Но вы — знаете. Расскажите.

Отступать было поздно.

— Впервые я заметила это еще в посольстве, — неохотно начала Вера. — Посольство плавало в атмосфере Фомальгаута-четвертого, газового гиганта, похожего на Юпитер… Нам приходилось жить в воде, чтобы вынести гравитацию. Мы были собраны в кучу, и шейперы и механисты; все в одном посольстве, иного выбора не было. Все менялось, и мы изменились. Прибыли Инвесторы, чтобы отвезти механистов обратно в Схизматрицу… Я думаю, присутствие было на

борту корабля. С тех пор присутствие со мной.

— Оно реально? — спросил Линдсей.

— Думаю, да. Иногда я почти вижу его. Что-то мелькает… Нечто такое, зеркальной окраски.

— А что сказали Инвесторы?

— Все отрицали. Сказали, что я заблуждаюсь. — Она запнулась. — Не они последние так говорили.

Ей не хотелось с ходу рассказывать обо всем, но бремя заметно полегчало. Она смотрела на Линдсея, осмелившись надеяться.

— Значит, это чужак, — сказал он. — Не принадлежащий ни к одному из девятнадцати известных видов.

— Вы верите мне. Вы полагаете, что это — существует.

— Нужно верить друг другу, — сказал Линдсей. — Так легче жить. — Он внимательно, точно проверяя работу глаз, осмотрел комнату. — Выманить бы его наружу…

— Не выйдет. Уж поверьте, я много раз пробовала.

— Здесь не следует пробовать. Любое проявление встревожит Кицунэ. Она чувствует себя в этом мире уютно и безопасно. Нужно считаться с ее чувствами.

Его искренность поражала. Раньше Вере не приходило в голову, что тюремщица ее может что-то чувствовать и что кто-то способен воспринимать эту титаническую груду плоти как личность.

Линдсей подхватил громко, отчаянно заверещавшую крысу и оглядел ее с таким бесхитростным интересом, что Вера, не успев опомниться, почувствовала жалость к нему, порыв обнять, защитить… Чувство это удивляло и в то же время приятно согревало.

— Мы скоро уезжаем, — сказал он. — Ты поедешь с нами.

Он спрятал крысу в карман длинного пальто. Та даже не шелохнулась.

* * *

История Схизматрицы была долгой, мучительной хроникой перемен. Население выросло до девяти миллиардов. Власть над Советом Колец выскользнула из дрожащих рук одурманенных наркотиками дзенских серотонистов. После сорока лет их царствования новые идеологи шейперов схватились за агрессивные планы пророков галактизма.

Новая вера распространялась медленно. Она была рождена в «межзвездных посольствах», где

посланники выходили за рамки человеческого, чтобы осознать образ жизни инопланетян. Ныне пророки галактизма были готовы полностью отбросить человеческое ради достижения галактического сознания, в котором примитивная верность собственному виду устареет и отомрет.

Политика разрядки вновь рассыпалась в прах. Механисты не на жизнь, а на смерть бились с шейперами за благосклонность чужаков. Из девятнадцати инопланетных рас лишь пять выказали хоть какую-то заинтересованность в более близких отношениях с человечеством. Процессоры с Хондрульного Облака были готовы прибыть, но лишь при условии, что Венеру раздробят на атомы для лучшего переваривания. Нервнокоралловые водоплавы выразили осторожный интерес к вторжению на Землю, но это означало бы нарушение священной традиции Интердикта. Культурные призраки с охотой присоединились бы к любым, кто ухитрится выдержать их общество, однако же эффект, оказанный ими на дипкорпус Схизматрицы, поверг всех в полный ужас.

Самыми многообещающими оставались газовые пузыри с Фомальгаута. Изучение их «языка» затянулось на несколько десятилетий. Язык

их точнее всего мог быть описан как комплекс неустойчивых состояний атмосферы. Как только настоящий контакт был установлен, дело пошло быстрее. Фомальгаут был гигантской звездой с обширным поясом астероидов, богатых тяжелыми металлами.

Для пузырей пояс никакой ценности не представлял — космические путешествия им не нравились. Однако они заинтересовались Юпитером и замышляли засеять его аэропланктоном. Инвесторы соглашались организовать перевозки, хотя даже их громадины-корабли могли нести зараз лишь жалкую горстку хирургически уплощенных пузырей.

Спор заварился на десятилетия. У механистов имелась своя галактическая группировка, тужившаяся овладеть головоломной физикой зловещих налетчиков. Те, как и Инвесторы, обладали технологией сверхсветовых перелетов. Инвесторы не прочь были продать свой секрет, но цену запрашивали несусветную. Налетчики издевались над людьми, но иногда ими овладевали приступы болтливости…

Движение людей в ближайший спиральный рукав галактики казалось неизбежным. Одна из двух стратегий должна была оказаться

успешной — либо дипломатические ухищрения шейперов, либо механистский целенаправленный штурм проблемы межзвездных перелетов. Но добиться успеха по силам было лишь этим главным группировкам — более мелким недоставало финансов, опытных профессионалов и дипломатического веса. Новое напряженное противостояние двух сверхсил обрело форму.

Тем временем личинки пузырей в своих яйцеобразных космических кораблях усердно исследовали околосолнечное пространство, а мелкие группы шейперских и механистских ренегатов картографировали богатства Фомальгаута. Ни пузыри, ни люди уже не удовлетворялись одной звездной системой.

Крах разрядки воскресил старую вражду. Разгорелись пограничные войны, и Инвесторы на сей раз не решились их сдерживать. Как грибы росли новые — одна эксцентричней другой — группировки, возглавляемые вернувшимися дипломатами. К плотоядам, коронасферикам и в Армию вирусов охотно шли рекруты из низов.

Вращался калейдоскоп истории, вращался быстрее и быстрее, приближаясь к некоему немыслимому крещендо. Узоры в нем складывались, деформировались — и разлетались на части,

и каждый отблеск был человеческой жизнью.

Народная Корпоративная Республика Царицын Кластер 13.01.54

Семьдесят лет богатства и стабильности миновали. Царицын Кластер вплотную приблизился к катастрофе. Для разработки программы преодоления кризиса элита лиги Жизнелюбивых собралась на тайное совещание.

Аквамариновый приват, цитадель жизнелюбов, был надежно защищен от чего угодно. Все стены зала были покрыты мозаичными изображениями Европы, спутника Юпитера: яркая, словно исцарапанная граблями почва в снежно-белых и смугло-оранжевых тонах, синева и индиго внутренних морей… Над полировкой стола заседаний висел глобус Европы, вокруг которого, на орбитах из серебряной проволоки, тихонько тикали ювелирной работы спутники лиги Жизнелюбивых.

Канцлер Абеляр Гомес, бодрый восьмидесятипятилетний мужчина, взял на себя управление делами лиги. Главными соратниками Гомеса были: профессор Глен Сциларда, советник Матки Фидель Накамура и нынешняя его супруга, Джейн Мюррей, менеджер проекта. На дальнем конце стола сидел Почетный канцлер Абеляр

Линдсей. Морщинистое лицо старого визионера лучилось добродушной, насмешливой улыбкой, вызванной большой дозой «Зеленого экстаза».

Гомес постучал по столу, призывая собрание к порядку. Наступила тишина, нарушаемая лишь громким попискиванием старой крысы, обосновавшейся на плече Линдсея.

— Извините, — пробормотал Линдсей, пряча крысу в карман.

— Фидель, — начал собрание Гомес, — твой доклад?

— Подтверждаю, господин канцлер. Матка исчезла.

Все застонали.

— Бегство или похищение? — резко спросил Гомес.

Накамура утер пот со лба.

— Ее забрал Уэллспринг; только он знает ответ. Мои коллеги-советники, мягко говоря, взволнованы. Координатор созвал псов. Он даже тигров вытащил из нафталина. Уэллспринг в розыске как государственный изменник. Не успокоятся, пока не возьмут.

— Или пока ЦК не рухнет, — добавил Гомес. Все помрачнели. — Тигры… Громадные машины. Могут вспороть эту стену, как лист бумаги. Нам

нельзя собираться снова, пока не вооружимся и не установим охранные системы.

Слово взял Сцилард:

— Наши псы прослеживают выходы из этого модуля. Я — за поголовную проверку на лояльность. Мы можем очистить свой пригород от носителей недружественных идеологий и сделать его нашим бастионом, когда Кластер распадется.

— Крутенько, — заметила Джейн Мюррей.

— Тут уж — либо мы, либо они, — ответил Сцилард. — Как только эта новость распространится, в других группировках начнутся суды Линча, захват укрепленных позиций и отчуждение собственности диссидентов. Грядет анархия. Придется обороняться.

— А что там с нашими союзниками? — спросил Гомес.

— Согласно данным от наших сторонников в Полиуглеродной лиге, — заговорил Накамура, — объявление о перевороте Уэллспринга должно совпасть с первым взрывом астероида на Марсе, это — утро 04.14.54… Распад ЦК — вопрос нескольких недель. Большинство беженцев из Царицына Кластера отправятся к Марсу. Там, на орбите, Уэллспринг держит Матку. Править будет он. Новый Терраформ-Кластер будет сугубо

придерживаться идеологии постгуманизма.

— Механисты с шейперами разорвут ЦК на части, — сказала Джейн Мюррей. — И это разрушение выгодно для нашей философии. Это, друзья, государственная измена. Меня тошнит.

— Люди живут дольше, чем нации, — мягко заметил Линдсей, дышавший не по-человечески ровно: внутренними органами его управляла механистская биокираса. — ЦК обречен. Никакие псы и чистки его не спасут без Матки. Здесь для нас все кончено.

— Почетный канцлер прав, — сказал Гомес. — И нам следует решить, куда мы направимся дальше. Присоединимся к Полиуглеродной лиге, чтобы жить около Марса, под сенью Матки? Или же двинемся к Европе, чтобы претворять в жизнь наши планы?

— Я — за Марс, — сказал Накамура. — В нынешней обстановке постгуманизму понадобится любая доступная поддержка. Дело требует солидарности.

— Солидарности? Скорее уж флюидарности, — возразил Линдсей. Собравшись с силами, он сел прямо. — В конце концов, что такое одна Матка? Существуют инопланетяне и кроме нее. Когда-нибудь постгуманизму потребуется собственная

орбита. Отчего бы не подыскать ее сейчас?

Во время общего спора Гомес, полуприкрыв глаза, задумчиво следил за старым своим наставником. Боль старых ран… Он никак не мог забыть своего долгого брака с любимицей Линдсея, Верой Константин. Слишком много теней было тогда между ним и Верой.

И однажды эти тени рассеялись. Это произошло, когда она призналась, что хотела раньше убить Линдсея. Линдсей не принимал никаких мер самозащиты, и возможностей предоставлялось множество, но почему-то ей всегда казалось, что момент еще не настал. Шли годы, убежденность ее ослабла, похороненная под ворохом повседневных дел. Настал день, и она поняла, что не сможет этого сделать. И все рассказала Гомесу — она ему верила. Они любили друг друга.

Гомес отвлек ее от мести. Она приняла постгуманизм. И даже клан ее изменил свои взгляды — теперь Константины были пионерами лиги Жизнелюбивых, работали в окрестностях Европы.

Но годы взяли свое. Время имеет обыкновение обращать страсть в работу. У Гомеса было все, чего он желал. У него была мечта. Он жил и дышал мечтою и работал на ее бюджет. И потерял Веру

— между ними оставалась еще одна тень.

Вера так и не поправилась окончательно. Год за годом она упорно настаивала на том, что ее преследует некое инопланетное присутствие. Очевидно, это приходило и уходило с переменами в настроении: много дней подряд она могла быть приветливой и веселой, убежденная, что оно «куда-то ушло», но затем Гомес находил ее мрачной и замкнутой, уверенной, что оно вернулось.

Линдсей потакал сумасшествию Веры, заявляя, что верит ей. Впрочем, Гомес тоже верил в присутствие — то есть был уверен, что так выражает она свой уход от реальности. Не зря же она называла это «таким, зеркальным»… Нечто такое, чего нельзя взять — и зафиксировать; нечто неопознаваемо-расплывчатое… Словом, дойдя до точки, Гомес уже и сам начал видеть какое-то мелькание в уголке глаза. Он понял, что это зашло слишком далеко. И они расстались.

Иногда он задумывался: а не спланировано ли все это Линдсеем? Линдсею ли не знать, что лучший капкан для человека — наслаждение и что, вырвавшись из него с потом и кровью, обретаешь истинную силу…

Обожженный болью, Гомес обрел эту силу.

А Сцилард все сыпал и сыпал фактами и цифра-

ми о текущем положении дел на Орбитал-Европе. Будущая обитель жизнелюбивых будет вращаться вокруг спутника Юпитера, представляя собой пену из жестких конструкций, стен и надувных пузырей.

Процветающий клан Константинов уже закончил трубопроводы и готовил к запуску систему жизнеобеспечения… Однако массовый переезд туда тысяч сторонников лиги тут же сожрет все их ресурсы.

Отношения с юпитерианской колонией пузырей были налажены благодаря умению Веры и ее учеников. Но от прочих фракций пузыри — не защита. У них нет к тому ни желания, ни возможностей, ни хотя бы престижа — как у Матки цикад.

Джейн Мюррей призвала взглянуть на вещи с позиций проекта. Поверхность Европы никаких особых перспектив не открывает: что взять с иссушенной вакуумом водноледяной пустыни, омываемой смертельным излучением Юпитера, где от холода мышцы и кости должны ломаться, будто стекло? Но во льду имеются расщелины, темные борозды в тысячи километров длиной… Приливные трещины. Под корой льда есть расплавленный лед, то есть окружающий планету

лавовый океан жидкой воды. Постоянное приливное воздействие Юпитера, Ганимеда и Ио дает достаточно энергии, чтобы разогреть океан Европы до температуры тела. А под кружевом разломов этот стерильный океан омывает ложе из геотермального камня…

Долгие годы жизнелюбивые планировали серию тяжелых ударов по неорганике. Начало должны были положить водоросли. Виды, способные прижиться в комбинации солей, характерной для морей Европы, были уже выведены. Водоросли смогут группироваться вокруг свежих трещин, пропускающих свет, питаясь тяжелыми углеводородами, пузырьки которых бесцельно болтаются в бесплодном море. Далее наступит очередь рыб; для начала — маленькие, выращенные из полудюжины промысловых видов, взятых человечеством в космос. Океанических же ракообразных — таких, как крабы и креветки, — известных лишь по древним учебникам, можно вывести путем умелой манипуляции, генами насекомых.

Линии с дефектами развития можно уничтожать снарядами с орбиты, пробивая в паковом льду дыры и открывая доступ свету. Можно экспериментировать на двенадцати трещинах

разом, отбирая наиболее адаптивные экосистемы методом проб и ошибок.

Это займет столетия… Снова Гомес взвалил на себя бремя лет.

— Биоконструирование еще в колыбели, — сказал он. — Нужно смотреть фактам в лицо. По крайней мере, при Матке Марсианский Кластер обеспечит нам богатство и безопасность. И единственным нашим врагом будет время.

Резко подавшись вперед, Линдсей ударил железным кулаком по столу.

— Мы должны действовать! Наступил критический момент, когда одно-единственное действие определит наше будущее. Перед нами — выбор между рутиной и чудом. Требуйте чудесного![6]

Гомес был оглушен.

— То есть Европа, канцлер? Замыслы Уэллспринга кажутся безопаснее.

— Безопаснее? — засмеялся Линдсей. — Царицын Кластер тоже казался безопасным. Но дело движется вперед, и Матка, влекомая Уэллспрингом, тоже двинулась… Абстрактная мечта будет процветать, но город падет. И те, кто не умеет мечтать, умрут вместе с ним. И потоки крови

---

[6] Примечания: 6

Перефразируется лозунг французской студенческой революции в мае 1968 года: «Требуйте невозможного!»

самоубийц затопят приваты. Самого Уэллспринга могут убить! Агенты механистов захватят целые модули, а шей-перы проглотят индустрию и банки. И все это — такое привычное и прочное — растает как дым… Оставшись с ним, мы с ним и растаем.

— Но что же нам делать?

— Уэллспринг не один такой, чьи преступления — тайна и амбициозность. И не он последний пропал.

— Вы… вы покидаете нас, канцлер?

— С бедствием и катастрофой вы должны справиться сами. Я в этом деле уже бесполезен.

Все были убиты. Наконец Гомес совладал с собой.

— Почетный канцлер прав. Я тоже хотел предложить нечто подобное. Враги сосредоточат атаки на арбитре лиги. Его лучше спрятать.

Остальные автоматически запротестовали; но голос Линдсея был решающим:

— Никакие Уэллспринга и Матки не вечны. Вы должны поверить в собственные силы. Я в них верю.

— Куда же вы отправитесь, господин канцлер?

— В самое неожиданное место. — Он улыбнулся. — Это не первый из моих кризисов. Я повидал

их достаточно. Когда они приближались, я всегда спасался бегством. Долгие годы я наставлял и поучал вас, просил жизни свои посвятить… И все это время знал, что вот этот самый момент настанет. Я никогда не думал, что буду делать, когда мечта обернется кризисом. Уйду ли, как обычно, в бродяги или же буду бороться бок о бок с вами? Час настал. Я должен зачеркнуть свое прошлое. Вы — тоже. Я знаю, как обеспечить вам чудо. И я это сделаю. Клянусь.

Внезапный ужас охватил Гомеса. Давным-давно не видел он в Линдсее такой твердости и решительности. Он неожиданно понял: Линдсей собирается умереть. Не зная планы Линдсея, он, однако, понимал, что они — кульминация жизни престарелого наставника. Это похоже на него — уйти, скрыться во мраке, а непостижимая слава его будет все так же сиять…

— Канцлер, — спросил он, — а когда нам ждать вашего возвращения?

— Мы станем ангелами Европы еще до моей смерти. Так что — до встречи в Раю.

Линдсей открыл герметическую дверь привата. В помещение ворвался шум толпы. Затем дверь с глухим лязгом затворилась. Ушел…

Воцарилась ватная тишина.

Без старика стало как-то пусто. Все молча переживали чувство утраты. Переглянувшись, собравшиеся повернулись к Гомесу. Критический момент миновал, тревога словно рассеялась в воздухе.

— Что ж, — улыбнулся Гомес. — Чудеса — так чудеса.

На стол упруго вспрыгнула крыса Линдсея.

— Оставил… — сказала Джейн Мюррей.

Она погладила зверька. Крыса запищала.

Гомес постучал по столу:

— Крыса призывает к порядку.

Все принялись за работу.

Глава 11

Околоземная орбита 14.04.54

Три человека ожидали внутри корабля: Линдсей, Вера Константин и навигатор из омаров, которого называли просто Пилот.

— Последний заход.

Прекрасный синтезированный голос Пилота исходил из вокодера, прикрепленного к горлу.

Прихваченный ремнями к креслу перед пультом управления, омар представлял собою сплошной сгусток мрака. Он был наглухо закупорен в

постоянный матово-черный скафандр, шишковатый от внутренних механизмов и пестреющий золотыми входными разъемами. Омары, порождения вакуума, были безликими постлюдьми. Глаза и уши их были подключены к сенсорам, пронизывающим скафандр. Пилот никогда не ел. И даже не пил. Все надобности бренного тела были включены в жизнеобеспечивающие ритмы скафандра.

В корабле Пилоту не нравилось — замкнутые пространства приводили омаров в ужас. Однако Пилоту пришлось пожертвовать удобствами ради сладости нарушения запрета.

Сейчас они начинали спуск с орбиты, и наркотическая безмятежность недель путешествия кончилась. Никогда еще Линдсей не видел Веру такой оживленной, и нескрываемое ее восхищение переполняло его удовольствием.

Ей было чему радоваться: присутствие оставило ее. Она не ощущала его с тех пор, как их закупорили в этом корабле. Сейчас она уже уверовала, что избавление от присутствия — к добру. Это было таким же счастьем, как и завершение их заговора.

Линдсей тоже был счастлив — за Веру. Он так и не нашел доказательств объективного суще-

ствования присутствия, но согласился поверить в него — ради нее. И Вера также ни разу не усомнилась в Линдсее. Таким образом, они достигли доверия и взаимопонимания. Он сознавал, что она вполне может убить его, но именно доверие спасло ему жизнь. И многие годы, проведенные вместе, только укрепили это доверие.

— Пожалуй, нормально, — сказал омар. Корабль начало бросать — он вошел в атмосферу Земли. По скафандру омара пробежала волна статических искр. — Воздух… Ненавижу воздух. Я с ним не знаком — и все равно ненавижу…

— Тише, тише, — улыбнулся Линдсей.

Туже затянув ремни своего кресла, он развернул видеоэкран.

Корабль проходил над континентом, некогда называвшимся Африкой. Наступающее море совершенно изменило его очертания: над густой похлебкой задыхающегося от водорослей океана тянулись к тучам пики затонувших, преобразившихся в архипелаги гор. Берег был темен. Реки потоками серого ила вливались в красную от цветущих водорослей воду.

Обзор заслонило яркое белое сияние — обшивка накалилась, слепя алмазно-твердые внешние линзы носового сканера. Линдсей откинулся

назад.

Корабль их, построенный не человеком, был странен и лишен удобств. Корпус яйцеобразной формы беловато поблескивал — он был сделан из стабилизированного металлического водорода, производимого лишь пузырями. Голые палуба и перекрытие несли на себе круглые, зубчато-сегментарные следы изначального Пилота, личинки пузыря. Отправляемая в космические странствия, личинка втискивалась внутрь туго, словно поднимающееся тесто.

Некий пузырь в «беседе» с Верой Константин намекнул на смерть этого астронавта. Неудачливый пузыренок, с его острой чувствительностью к магнитным волнам, ощутил солнечную вспышку и по форме, и по составу счел ее некоторым образом святотатственной. И от отчаяния умер.

Именно нечто подобное и нужно было Линдсею. Услышав от Веры об этом несчастном случае, он среагировал моментально, завербовав несколько омаров через их делового представителя в Царицыном Кластере, тоже омара, называемого ими «Модем».

В обстановке полной секретности между ним и омарами-анархистами было выработано сложное соглашение. Один из их ажурных, безвоздушных

кораблей отыскал мертвую личинку по данным Верой координатам. Линдсей позволил омарам взрезать корабль и забрать в полную безраздельную собственность инопланетные двигатели. Взамен они переоборудовали опустошенный корпус, чтобы пойти на тайную попытку нарушения Интердикта с Землей.

На пузырей Интердикт не распространялся. Они настояли на обследовании всей Солнечной системы, пожаловав такие же права людям — первопроходцам Фомальгаута. Время от времени их наблюдательный корабль посещал Землю, но контактировать с туземными дикарями пузыри не пытались и, удовлетворившись тем, что планета по-прежнему не представляет угрозы, вновь теряли к ней всякий интерес.

Линдсей же, в компании двух спутников, взял на себя новую роль. Чтобы обмануть всю Схизматрицу, он замаскировался под инопланетянина.

Возбуждение и торжество смывали с него целые десятилетия. Он даже так переключил кирасу, чтобы сердце билось в такт с чувствами. Монитор, вживленный в руку, янтарно мерцал от адреналина.

Корабль, скользнув над расползшейся Атлантикой, вошел в атмосферу на границе дня с ночью.

Торможение вдавило Линдсея в ремни кресла-каркаса.

Оборудование омары сработали на скорую руку. Экипаж из трех человек был втиснут в неровную «таблетку» четырех метров в поперечнике. В ней помещались два парника, рециклер и три противоперегрузочных кресла из черной эластосети на железных рамках, приваренных к полу. Остальное пространство занимали двигатели и просторное хранилище для образцов, в котором сейчас находился робот-наблюдатель — один из подводных зондов для Европы.

Устьица покойного астронавта были очищены от тканей и оборудованы камерами и сканирующими системами. В хранилище для образцов был предусмотрен люк, но места для шлюза не нашлось. За ними просто наглухо заварили корпус.

Пилоту это не нравилось. Впрочем, ему можно было доверять. Ему дела не было до Европы и терраформинга, он соблазнился возможностью попытать удачу в гравитационном колодце предков. Он побывал всюду, от турбулентных кромок солнечной короны до кометарного Облака Оорта на самом краешке Солнечной системы. Он, конечно, не человек, но в данный момент — свой.

Сканеры начали приходить в чувство. Тормо-

жение перестало ощущаться за гравитационной хваткой Земли. Линдсей обвис на ремнях, тяжело, со свистом дыша под нажимами кирасы на легкие.

— Гляньте, что делает со звездами эта гадость, — мелодично посетовал Пилот.

Пошарив рядом с креслом, Вера развернула плотно упакованные складные экраны. С хлопком расправив видеопанель, она разгладила складки.

— Смотри, Абеляр! Над нами столько воздуха, что звезд почти не видно! Сколько воздуха… Фантастика!

Линдсей с усилием приподнялся и посмотрел на вид, открывавшийся перед кормовой камерой. Позади до самых пределов тропосферы возвышалась стена грозовых туч. Черные их чрева, обросшие мехом дождя, переходили в крутые бока и далее — в белые, сияющие в последних отсветах вершины. Это было ответвление зоны постоянных бурь, опоясывающей экватор планеты.

Он расширил задний обзор; зрелище теперь заняло всю видеопанель. Оно повергало в благоговейный трепет.

— Посмотри назад, на эти тучи! Из них вылета-

ют громадные вспышки огня. Что же там может гореть?

— Куски растений? — предположила Вера.

— Погоди-ка… Нет. Это — молнии. Как в старом выражении «гром и молния». Те самые. Он был полностью зачарован зрелищем.

— Молнии должны быть оранжевыми и с зазубренными концами, — возразила Вера. — А это — какие-то тоненькие белые прутики.

— Возможно, катастрофа деформировала и их, — сказал Линдсей.

Гроза скрылась за горизонтом.

— Приближаемся к береговой линии, — сказал Пилот.

Солнце совсем исчезло; они переключились на инфравидение.

— Это — часть Америки, — решил Линдсей. — Она называлась Мехико. Или — Техико. Береговая линия до таяния полярных шапок выглядела иначе. Я здесь не узнаю ничего.

Пилот боролся с управлением.

— Мы летим быстрее, чем звук распространяется в этой атмосфере, — сказала Вера. — Помедленнее, Пилот.

— Гадость… — пожаловался Пилот. — Вам обязательно все это разглядывать? А если местные

нас заметят?

— Они — дикари, у них нет инфравидения.

Теперь и Пилот застыл от изумления:

— Так они что, только видимым спектром пользуются?!

Ландшафт внизу состоял из участков густого леса, сияющего в черно-белом, инфракрасном изображении. Дикие заросли порой прорезали темные, едва заметные полосы.

— Тектонические трещины? — спросила Вера.

— Дороги.

Линдсей объяснил методику наземных путешествий в условиях гравитации, рассказав о поверхностях с низким коэффициентом трения. Городов они пока что не замечали, хотя буйная растительность местами становилась реже, образуя подозрительные пятна.

Пилот опустился ниже. Прибавив увеличение, они жадно разглядывали растительность.

— Сорняки, — заявил наконец Линдсей. — После катастрофы рухнула всякая экологическая стабильность… Нахлынули случайные виды. Когда-то все это, вероятно, были поля зерновых.

— Уродливое зрелище, — сказала Вера.

— Зачастую системы после коллапса именно таковы.

— Крупное энергетическое возмущение прямо по курсу, — перебил их Пилот.

На холмах полыхал лесной пожар — темноту разрезали километры оранжевого сияния. Ревущие потоки горячего воздуха взметали вверх хлопья раскаленного пепла, каскады ветвей и листьев. За огненной стеной светились остовы сорняков, вымахавших в целые деревья. Тлели стволы — тугие пучки одеревеневших волокон. Все трое молчали, до глубины души пораженные чудесным зрелищем.

— Растения-бродяги… — сказал Линдсей.

— Что?

— Сорняки — совсем как бродяги. Расцветают на катастрофах. Проникают всюду, где рушатся системы. Вот и после этой катастрофы выжженную землю займет то, что растет быстрее.

— Новые сорняки.

— Да.

Они оставили пожар позади и полетели вдоль горной цепи. Сунув руку в парник, Линдсей набил рот зеленым тестом водорослей.

— Воздушный корабль, — доложил Пилот.

Поначалу Линдсею показалось, что это — пузырь-мутант, причудливый образчик параллельной эволюции. Затем он понял, что это

— летательная машина, наподобие воздушного шара или дирижабля. Длинные веревки, крепившиеся к сшивной оболочке, поддерживали ажурную гондолу. Оболочка была обшита сетью тонких, гибких дисков солнечных батарей. От носа гондолы, словно поникшие усы, спускались длинные швартовочные тросы.

Осторожно приблизившись, они увидели и причал. Город…

Решетка улиц расчерчивала кварталы на клетки. Белые каменные дома выстроились вокруг центрального ядра — четырехугольной каменной пирамиды. Дирижабль был зачален за ее вершину. Город был обнесен высокой прямоугольной стеной. За ней лежали мертвенно-белые поля, удобренные пеплом.

Внизу шла какая-то церемония. На вымощенной камнем площади у подножия пирамиды горел огромный костер. Шеренгами стояли жители — их было тысячи две, не больше. Одежды их, согретые теплом тел, сияли инфракрасным излучением.

— Что это? — спросила Вера. — Почему они не двигаются?

— Должно быть, похороны, — сказал Линдсей.

— А пирамида, наверное, мавзолей? Или индок-

тринационный центр?

— Наверное, и то и другое. Видишь провода? В этот мавзолей проведена информационная линия, единственная в селении. Кто бы в пирамиде ни проживал, вся связь с внешним миром в его руках.

Внезапно Линдсей вспомнил купол-крепость Черных Медиков на Дзайбацу. Сколько уж лет не вспоминал их, но тут в памяти мгновенно всплыла нервозная атмосфера внутри и чувство параноидальной изолированности и фанатизма, из-за отсутствия разнообразия переходящих все границы… Состарившийся, выцветший, выдохшийся мир.

— Стабильность. Терранцы желали стабильности, отсюда и Интердикт. Они отвергли технологию, чтобы она не раздробила их, как нас. Они обвинили ее во всех бедах. В изнурительных войнах, в том, что от избытка углекислого газа растаяли полярные шапки… Они никак не могут забыть своих мертвых.

— Ну, не весь же их мир такой.

— Скорее всего, весь. Любое разнообразие означает опасность перемен. А перемены здесь не допускаются.

— Но у них есть телефоны. И воздушный транс-

порт.

— Технология принуждения.

По дороге к Тихому океану они встретили еще два поселения, разделенные милями гниющих джунглей. Все три оказались одинаковыми, словно микрочипы из одной серии. Неестественно выглядели они в пейзаже — будто их отштамповали на гидравлическом прессе да сбросили сверху.

И снова воздушные шары; Линдсей догадался о настоящем их назначении. Летательные машины, подобно переносчикам чумы, несли идеологический вирус некоей инфекции, парализующей культуру. В сердце каждого города высилась пирамида — громадная, убивающая любые надежды. Памятник легионам мертвых, подавляющий все живое…

На глаза навернулись слезы. Он тихо плакал, не пытаясь себя удержать. Он оплакивал человечество — всех тех слепцов, кто полагал, будто в космосе есть законы и пределы, способные спасти человека от собственной своей свободы. Но от нее не укрыться. Не бывает абсолютных целей. Абсолютны лишь свобода и тщета…

Чуть южнее цепочки скалистых островков Баха Калифорниа они погрузились в океан. Пилот

открыл люк, грузовой отсек заполнила вода, и корабль стал тонуть.

Они начали осмотр величайшей, экосистемы мира, единственного биома, не затронутого человеком!

Поверхностных слоев это, естественно, не касалось. Над затонувшими землями континентальных окраин океанские эквиваленты сорняков — заторы из гнилых мхов и водорослей — жили, душа друг друга. Но глубины остались нетронутыми. В черной всесокрушающей бездне, обширнее всех вместе взятых материков, условия обитания от полюса до полюса были почти одинаковы. И обитатели этого необъятного царства почти не были изучены, так как ни один человек не изобрел способ извлечь из них выгоду.

Но в Схизматрице народ сообразительнее. Линдсей не мог не заметить сходства здешних просторов с темными океанами Европы. Десятилетиями перерывал он древние банки данных ради обрывков знаний. Уцелевшие описания жизни глубин оказались почти бесполезными, восходя ко временам зари биологии. Но даже эти смутные намеки манили Линдсея обещанием чудес. На Европе — тоже мрак и глубины. И обширные затопленные вулканические разломы,

сочащиеся геотермальной энергией.

В этой бездне есть оазисы. Они всегда там были. Понимание этого неспешным подспудным огнем тлело в его воображении. Жизнь. Нетронутая первозданная жизнь, кишащая во всем своем блеске у горячих разломов тектонических плит Земли.

Там, во всем своем невообразимом разнообразии, лежит целая экосистема, гораздо старше человечества. И эту жизнь можно взять себе. Она станет жизнью Европы.

Вначале он отверг такую идею. Интердикт был священен и стар, как несказанный грех древних космопроходцев, бросивших Землю перед лицом катастрофы. Дезертируя, они лишили планету-мать знаний и опыта, которые могли бы ее спасти. За века жизни в космосе грех этот мало-помалу погрузился в темные глубины культурного самосознания, лишь изредка мелькая на поверхности в виде некоей карикатуры, предмета, ритуально отрицаемого или нарочито игнорируемого.

Вслед за расставанием пришла ненависть: космопроходцы были объявлены ворами, ограбившими человечество, а чрезвычайное правительство, соответственно, фашиствующими варварами. Вражда все упрощает: ушедшим в космос стало гораздо легче снять с себя всякую

ответственность, а Земле — свести мириады своих культур до одного-единственного покаянно-серенького режима и бессмысленной стабильности.

Но жизнь не стоит на месте. Линдсей знал это достоверно. Наиболее удачливые виды взрываются, от них отпочковываются виды дочерние — преисполненные радостных надежд монстры, делающие предков своих безнадежно устаревшими. Отказ от перемен означает отказ от жизни.

Именно по этому признаку он понял: земное человечество превратилось в реликт.

За долгое время ржавчина сожрала все, что не успело в срок отсюда убраться. Будущее Земли принадлежит не людям, но чудовищным сорнякам, причудливым, выросшим размером с деревья, а также — крохотным тварям, прыгающим среди них в поисках корма. И, чувствовал Линдсей, это — справедливо.

Они погрузились во тьму.

Давление ничего не значило для инопланетного корпуса. По сравнению со средой обитания пузырей земные океаны — разреженная плазма. Пилот переключился на водяные двигатели, на скорую руку приклеенные к обшивке, и включил радар. Видеопанели высветили четкие зеленые

контуры дна. При виде знакомых геологических структур сердце Линдсея радостно встрепенулось.

— Совсем как на Европе, — пробормотала Вера.

Они плыли над длинным разломом; когда-то в этом месте вырвался из недр земли вулканический базальт, его корявые глыбы тянулись вверх — грубая первородная ярость, не тронутая ветром и дождем. Прямоугольные горы, чуть припорошенные органикой, крутыми обрывами уходили вниз, где контуры их теснились, словно зубья расчески.

Но разлом был мертв. Никаких признаков термальной энергии.

— Давай вдоль разлома, — велел Линдсей. — Поищем горячие места.

Слишком долго он прожил, чтобы быть нетерпеливым — даже в такой момент.

— Включить основные двигатели? — спросил Пилот.

— И вскипятить воду на мили вокруг. Мы — глубоко, Пилот. Эта вода тверда, как сталь.

— Да? — Пилот издал похрюкивающий электронный шум. — Ну ладно. Пусть лучше совсем без звезд; чем звезды в тумане.

Несколько часов следовали они вдоль разло-

ма, но поздних выходов лавы найти не смогли. Вера уснула, да и Линдсей вздремнул ненадолго. Пилот, спавший довольно редко, только по ритуальным обязанностям, разбудил их:

— Горячее место.

Инфракрасная картинка показывала — в глубине этого обрыва действительно есть тепло. Обрыв был очень странным: длинная наклонная совершенно гладкая плоскость, резко вздымающаяся из корявого, приукрытого илом дна. Угловатое подножие обрыва, странным образом деформированное, покоилось на куполоподобном выходе лавы.

— Посылай зонд, — скомандовал Линдсей.

Вера достала из-под сиденья пульт управления и надела видеоочки. Робот, включив фары, устремился к аномальному обрыву. Линдсей переключил видеопанель на его оптику.

Обрыв оказался… крашеным. На нем просматривались белые полосы — длинные, шелушащиеся тире, наподобие разделительной линии.

— Здесь было крушение, — сказал он. — Он сделан человеком.

— Не может быть, — возразила Вера. — Он — с самые большие из космических кораблей. Там могут поместиться тысячи человек.

Но тут же она увидела, что не права. К гладкой, похожей на обрыв палубе громадного корабля была принайтована некая машина. Коррозия столетиями трудилась над ней, однако крылатый силуэт не вызывал сомнений.

— Летательная машина, — сказал Пилот. — Вон двигатели. Это было что-то вроде водного космопорта. Хотя, скорее, воздухопорта…

— Рыба! — воскликнул Линдсей. — Вера, быстрей!

Робот помчался за глубоководным созданием. Длиннохвостая, с тупой головой рыба в локоть длиной стрелой понеслась к укрытию вдоль широкой палубы авианосца и скрылась в ломаной трещине, пересекавшей остатки многоэтажной рубки управления. Робот остановился.

— Подожди-ка, — заговорила Вера. — Если это — корабль, то откуда тепло?

Пилот осмотрел приборы.

— Тепло радиоактивное, — сказал он. — Это что, что-нибудь необычное?

— Ядерная энергия… — сказал Линдсей. — Должно быть, он затонул с ядерным реактором на борту.

Уважение к приличиям воспретило ему предполагать вслух наличие на борту ядерного оружия.

— Приборы показывают растворенную органику, — сказала Вера. — Возле реактора кишат рыбы — тянутся к теплу. — Она рванула руками робота древнюю обшивку. Коррелированный металл подался легко; посыпалась ржавчина. — Сходить за рыбой?

— Нет, — ответил Линдсей. — Мне нужны нетронутые образцы ранней жизни.

Вера вернула робота в отсек. Они отправились дальше.

Время шло. Пейзаж медленно уходил назад. Когда-то такая медлительность повергла бы его в ужас… Линдсей снова вспомнил Царицын Кластер. Порой его тревожило, что отчаяние и страдания там так мало для него значат. ЦК умирал, вся элегантность его раскисла, обратившись в грязь; тонкое, сложнонастроенное равновесие нарушилось, разлетелось на куски, брызнувшие по всей Схизматрице, словно семена. Будет ли злом с его стороны — соглашаться на смерть цветка ради семян?

Конечно, нет. Человеческая жизнь больше ничего не значила для него. И желал он только оставить след своей воли, донести ее свет сквозь зоны до едва пробуждающегося мира и оживить его бесповоротно. А после… пусть идет как идет.

— Вот оно, — сказал Пилот.

Место, наконец, было найдено. Корабль опустился на дно.

* * *

Вокруг повсюду произрастала жизнь — целые джунгли, полностью пренебрегшие солнцем. В лучах прожекторов робота крутые шероховатые стены долины сверкали ярчайшим цветным одеянием: алым, мелово-белым, золотисто-охряным, обсидиановым. Трубчатые черви — выше человеческого роста — колыхались на склонах, точно бамбуковые рощи. Скалы были усеяны моллюсками, разевавшими белые раковины, демонстрируя кроваво-красную плоть. Пульсировали багряные губки; глубоководные кораллы распустили густые ветви, украшенные драгоценными камнями полипов.

Живая вода поднималась из глубин долины. Расщелина, покрытая окислами металлов, испускала горячие серные облака. Дно морское кипело. Бурлящие пузыри пара мерцали сквозь бактериальную дымку. На бактериях держалось все. Именно они — первое, основное звено пищевой цепи. Они путем хемосинтеза извлекли энергию из самой серы, презрев солнце ради произраста-

ния в тепле Земли.

Да, в черной, горячей тьме долины жизнь била ключом. Сам камень казался живым — гирлянды пористых глыб, занесенные илом трещины, змеящиеся черно-красные языки застывшей лавы, зеленоватые, фаллически вздымающиеся столбы изверженных минералов. Мертвенно-бледные крабы с лапами в человеческую руку длиной беззаботно пересекали склоны. Угольно-черная глубоководная рыба, разжиревшая от щедрот природы, неспешно плыла сквозь чащу трубчатых червей. Ярко-желтые медузы, словно срезанные цветы, колыхались в водоворотах бактериального бульона.

— Все, — выдохнул Линдсей. — Все берем!

Вера сбросила очки. Глаза ее застилали слезы. Она дрожала, обвиснув на ремнях кресла.

— Ничего не вижу, — хрипло сказала она, протягивая Линдсею пульт. — Пожалуйста… Это — твое право.

Утвердив очки на носу, Линдсей погрузил пальцы в щели пульта — и разом оказался посреди всего этого морского великолепия. Сканеры робота поворачивались из стороны в сторону, повторяя движение головы. Вытянув вперед манипуляторы и выпустив геноотборные иглы, он

двинулся к ближайшей колонии трубчатых червей. Над шеренгами белых, толщиной в запястье стволов листва их колебалась на развевающихся ветвях — перистых, красных, по-женски элегантных. И им вода дарила жизнь. Белые стебли их были облеплены панцирными — маленькими крабиками, усоногими раками, бахромчатыми зелеными и голубыми червями, а вокруг пастельно светились медузы…

Из джунглей, плавно огибая стволы, появился хищник — черная как смоль глубоководная рыба в ногу длиной, плоская, словно угорь. По бокам ее тянулись полосы фосфоресцирующих пятен. Привлеченная светом, она бесстрастно приблизилась к роботу. Бледно мерцала усеянная зубами пасть, позади головы с огромными выпуклыми глазами мерно пульсировали жабры.

— Вот ты, — обратился к ней Линдсей, — тебя вконец достали, вынудили отступить в бесплодные глубины — и смотри, что ты нашла. Роскошную экосистему. Добро пожаловать в Рай, бродяга.

С этими словами он протянул к рыбе манипулятор. Из него выскочила длинная игла и, коснувшись рыбы, спряталась. Рыба, внезапно вспыхнув золотым и зеленым, сверкнула — и

исчезла.

Линдсей двинулся в лес, касаясь иглой всего, что видел, и забирая образцы бактерий сквозь мягкие всасывающие фильтры. За полчаса он заполнил образцами все капсулы и повернул к кораблю за новой их порцией.

Тут-то он и заметил, как что-то отделилось от обшивки. Вначале он решил, что это просто игра света, рябь солнечных зайчиков. Но оно двинулось к нему — зыбкое, без образа и формы, желеобразное зеркало, серебряный мешочек, наполненный жидкостью. Он услышал крик Веры:

— Присутствие! Видишь? Присутствие!

Оно плыло, толчками, словно амеба, уходя в джунгли. Линдсей поспешно надел очки и взялся за пульт, высветив присутствие прожекторами робота. Бесформенная поверхность существа бриллиантом засияла среди кораллов и раковин.

— Пилот, ты видел? — спросил Линдсей.

Пилот развернул корабль, чтобы изучить странное явление маршрутными локаторами.

— Вижу что-то такое… Отражает на всех частотах. Странная штука. Возьми образец, Линдсей.

— Оно не здешнее. Прилетело с нами. Я видел — оно прицепилось к обшивке.

— К обшивке?.. И перенесло открытое простран-

ство? И нагрев при входе? И вот это давление? Не может этого быть.

— Не может?

— Не может, — заверил омар. — Будь такое на самом деле, я не пережил бы того, что я — не оно.

— Оно наконец показалось! — воскликнула Вера. — Потому, что мы здесь! Видите? Видите? Танцует!

Она засмеялась.

Существо покачивалось над одной из дымящихся расщелин; оно стало площе и словно купалось в обжигающей струе под немыслимым давлением. Горячие пузыри струились под его зеркальное брюхо, легко и беспрепятственно скользя по телу существа наверх. Затем оно скомкалось в неровный шар и, словно струйка жидкости, быстро скользнуло в крохотное отверстие, откуда исходило тепло.

— Ничего не видел, — сказал омар. — Я не видел, как оно скользнуло туда, внутрь! Может, нам пора? То есть, может, попробовать от него уйти?

— Нет, — сказала Вера.

— И верно, — с дрожью согласился Пилот. — А то еще разозлится…

— Но вы видели? — не переставала удивлять-

ся Вера. — Оно же наслаждалось! Оно тоже понимает, что здесь — Рай! — Она дрожала от возбуждения. — Абеляр! Когда-нибудь — там, на Европе, — все это будет нашим! Трогай, щупай, дыши водой, нюхай, пробуй на вкус! Хочу! Хочу быть там, как присутствие… — Она дышала тяжело, лицо сияло от счастья. — Абеляр… Если бы не ты, я никогда бы… Спасибо тебе! И тебе спасибо, Пилот!

— Ага… Ну да, конечно, — неспокойно прожурчал Пилот. — Линдсей, а робот? Оно с ним сюда не проберется?

Линдсей улыбнулся:

— Не бойся, Пилот. Оно оказало тебе услугу: ты видел его возможности, и теперь тебе есть к чему стремиться.

— Но ведь какая мощь… Словно Бог…

— Значит, у нас неплохая компания.

Линдсей ввел робота в отсек, выгрузил в специальные, под давлением, контейнеры генетические капсулы, перезарядил манипуляторы и снова взялся за работу.

Присутствие появилось сбоку от робота, внезапно вырвавшись из другой трещины. Оно приближалось, явно разглядывая его. Линдсей помахал манипулятором, но оно не отвечало и

вскоре, выскользнув из-под лучей прожекторов, растворилось в темноте.

Местных обитателей робот не пугал. Управление переняла Вера. Мягко раздвигая стебли трубчатых червей, она забирала все, что могла. Робот прошел оазис по всей длине, ощупал все его расщелины.

Затем им повезло найти место, где из донной расселины вырывался совсем, видимо, новый горячий ключ, сваривший заживо колонию существ, сгрудившихся над нависающим карнизом. Мертвые твари послужили хорошей приманкой для стервятников; кроме того, из их внутренностей удалось получить пробы кишечных и гнилостных бактерий.

Коллекция их не могла быть полной — оазис был слишком богат для этого, — однако полноты успеха такое обстоятельство не умаляло. Ни единое земнорожденное существо не сможет жить в чужих водах Европы в неизменном виде. Ангелы Европы, жизнелюбивые, должны будут, унаследовав эти генетические сокровища, разобрать их на части и сотворить новые существа для новых условий. А местные — лишь модели, архетипы для нового творения, где искусство и целенаправленность заменят собою миллиарды

лет эволюции.

Разгружая робота в последний раз и поднимаясь к поверхности, они не замечали присутствия. Но Линдсей не сомневался, что оно с ними.

Только во время подъема он почувствовал, как устал. Он ощущал всю непомерную тяжесть самоуверенно взятой на себя задачи гораздо острее своих спутников, шей-пера и бронированного механиста. А кто он, собственно говоря, такой, чтобы дерзать на подобные вещи? Свет притягивал его, он и тянулся к свету, словно растущее дерево, тянул слепо свои листочки к непонятному сиянию. А теперь наступила пора плодоносить, и он был рад этому. Но дерево умирает, если подрубить корни, а его, Линдсея, корни — человеческое начало. Он принадлежит плоти и крови, жизни и смерти, но никак не имманентной воле…

Дерево черпает силу из света, но само светом не является. И жизнь, будучи чередой перемен, не есть перемена. Перемена скорее смерть.

Впереди наконец показалась освещенная солнцем поверхность океана. Пилот, исторгнув из вокодера радостный электронный вой, врубил маршевые двигатели. Вода вокруг взорвалась облаками пара; на поверхности образовался кратер. В несколько секунд корабль разогнался до одного

«маха» и пошел быстрее. Ускорение вдавило их в сиденья. С трудом подняв голову, чтобы посмотреть на видеопанель, Вера вскрикнула:

— Небо! Голубое небо! Стеной над миром! Пилот, пространства!

А море приняло и поглотило силу обрушившегося на него удара — так же, как оно поглощает все и вся.

Неотеническая Культурная Республика 08.08.86

Жизнь развивается через подвиды.

Над Марсом возник Терраформ-Кластер, расколовший монотонность оранжевых пустынь облаками пара, зеленью и голубыми зародышами морей.

Венера перестала быть Планетой Смерти; в ее обжигающем, изъеденном кислотой небе повисли кружева нормальных, честных облаков.

В моря Европы с плеском опустились ледовые корабли со свежевыведенными в лабораториях тварями водными, чтобы растаять в теплых глубинах.

Великое Красное Пятно Юпитера раскалывалось, выпуская необычные расплывчатые тучи красного криля — крохотных созданий, собирающихся в косяки и стада, превышающие объемом

Землю.

А на Неотеническую Культурную Республику из чудовищного корабля высадился Абеляр Линдсей.

Он двигался в невесомости легко и изящно, с бессознательной грацией предельного возраста.

Однако ж, спускаясь по пандусу в цилиндрический мир, мимо отелей и сувенирных лавок, он все тяжелее и тяжелее опирался на голову сопровождавшего его приземистого робота. Так они добрались до уровня земли, глухих зарослей, где древние деревья словно бы выстроились для церемониального марша. Здесь бочкообразная робоняня, кольнув лишенную нервов плоть его ноги, взяла кровь на экспресс-анализ. Медленно шли они по усыпанной листьями дорожке, и машина на ходу делила кровь на фракции, осмысливая полученные данные.

В Республике стало заметно теплее. Тишину нарушал лишь птичий щебет. Отраженные солнечные лучи, падая сквозь листву деревьев, зайчиками пятнали дорожку. Местные неотеники в нарочито древних облачениях отдыхали на источенных лишайниками каменных скамьях, а их подопечные, сенильные шейперы и безнадежно устаревшие механисты, бестолково

толклись в лесу.

Линдсей остановился, хватая ртом воздух; скрытая под темно-синей курткой биокираса помогала грудной клетке и легким. Мешковатые брюки и жесткие ортопедические ботинки скрывали протезы, привязанные к его отслужившим свое ногам. Над головой, около центра мира, легонький самолетик извергал на густую зелень вершин деревьев длинную струю серого кремационного пепла.

К нему никто не подошел. Кальмар и морской черт, вышитые на рукавах куртки, обозначали его принадлежность к Орбитал-Европе, но он прибыл инкогнито.

Кое-как отдышавшись, Линдсей направился к усадьбе Тайлеров. К Константину.

Усадьба заметно разрослась. За стеной, покрытой плющом, возникли новые строения — комплекс богаделен и психиатрических лечебниц. Многие годы, невзирая на все усилия презервационистов, внешний мир неуклонно просачивался внутрь. Главный доход Республики приносили клиники и похороны; тем, кто еще может вылечиться, — лечение, а прочим — спокойный переход в мир иной.

Линдсей пересек двор первой клиники. Группа

Кровавых братьев грелась на солнышке, с животной терпеливостью ожидая обновления кожи. Следующий участок занимали двое молодых структуристов в окружении охранников. Почти соприкасаясь асимметричными головами, они чертили прутиками по песку. Один из них на мгновение поднял взгляд. В глазах юноши не было ничего, кроме леденящей, предельно параноидальной логики.

Опрятные смотрители-неотеники проводили Линдсея в ворота усадьбы Тайлеров. Маргарет Джулиано давно была мертва. В новом директоре Линдсей узнал одного из ее учеников — сверхспособных.

Сверхспособный встретил Линдсея на лужайке. Лицо его было исполнено спокойного самообладания. Дзен-серотонин…

— Я согласовал ваш визит с хранителем Понпьянскулом, — сказал он.

— Предусмотрительно, — оценил Линдсей.

Невилл Понпьянскул тоже был мертв, но говорить об этом было бестактно. Следуя ритуалу Совета Колец, Понпьянскул увял, оставив заранее составленные речи, заявления, видеозаписи и «случайные» телефонные звонки. Неотеники так и не озаботились сместить его с поста хранителя.

Избежав тем самым множества хлопот.

— Позволите ли показать вам Музей, сэр? Бывший его куратор, Александрина Тайлер, оставила нам бесподобную Линдсейниану.

— Чуть попозже. Канцлер-генерал Константин принимает посетителей?

Константин отдыхал в розовом саду. Лежа в шезлонге рядом с ульем, он смотрел на солнце пластиковыми, ничего не выражающими глазами. Время, несмотря на самый лучший уход, не пощадило его. Долгие годы, проведенные в естественном притяжении, сказывались: поверх тонких костей странно бугрились узловатые мускулы.

В отраженном солнечном свете Республики не было ультрафиолета, однако Константин загорел. Его древняя обнаженная кожа была испещрена синевато-багровыми родинками. Он лишился почти всех волос, и вдавленные мозоли в стратегических точках черепа стали доступны всеобщему обозрению. Лечение было долгим и основательным. И вот наконец оно завершилось успехом.

Константин обернулся на звук шагов. Зрачки пластиковых глаз были разного размера — он, очевидно, изо всех сил старался сосредоточить

взгляд на пришедшем.

— Абеляр? Это ты?

— Да, Филип.

Робот опустился на пол рядом с креслом, и Линдсей удобно устроился на его мягкой, упругой голове.

— Вот как… Хорошо добрался?

— Корабль был очень старый, — ответил Линдсей. — Что-то вроде летучего дома для престарелых. Там даже ставили «Белую Периапу» Феттерлинга.

— Хмммм… Не лучшая из его пьес.

— Ты, Филип, всегда отличался хорошим вкусом.

Константин выпрямился.

— Может, позвонить, чтобы принесли халат? Когда-то я выглядел лучше.

— Ты бы посмотрел, что там у меня под этим костюмом, — развел руками Линдсей. — В последнее время я не шибко-то тратился на омоложения. Когда вернусь, пройду полную трансформацию. Я отправляюсь на Европу, Филип. Море!

— Значит, в бродяги? Подальше от людских ограничений?

— Да, можно сказать и так… Я захватил с собой планы. — Линдсей извлек из внутреннего карма-

на брошюру. — Давай посмотрим вместе.

— Хорошо. Чтобы сделать тебе приятное.

Константин принял брошюру.

На центральном ее развороте красовался портрет ангела — подводного постчеловека. Кожа его была гладкой, глянцевито-черной. Ног и тазового пояса не было вовсе: спинной хребет заканчивался длинным мускулистым хвостовым плавником. От шеи тянулись ярко-алые жабры. Распахнутая черная грудная клетка демонстрировала белые крылоподобные сети, укомплектованные бактериями-симбионтами.

На длинных черных руках — красные, голубые, зеленые фосфоресцентные пятна. Пятна были подключены к нервной системе. Вдоль ребер и плавников тянулись две длинные линии. Снабженные множеством нервных окончаний, они обеспечивали ощущение колебаний воды — новое, водное чувство, нечто вроде осязания на расстоянии. Носоглотка вела в легочные мешки с хемочувствительными клетками. Громадные глаза, лишенные век, определили форму перестроенного черепа.

Держа брошюру перед глазами, Константин пытался сфокусировать на ней взгляд.

— Очень элегантно, — сказал он наконец. —

Никаких тебе внутренностей…

— Да. Эти белые сети фильтруют серу для бактерий. Каждый ангел самодостаточен. Черпает жизнь, тепло — все, что нужно, — из воды.

— Ясно. Анархическое сообщество… А говорить они могут?

Линдсей, слегка подавшись вперед, указал на фосфоресцентные пятна:

— Вот это мерцает.

— А размножаться?

— В генетических лабораториях. Подводных. Там можно создавать детей. Но эти создания и сами проживут века.

— Но где же грех, Абеляр? Ложь, ревность, борьба за власть? — Он улыбнулся. — Наверное, они могут допускать бестактности в конструировании экосистем…

— Они не утратили остроты ума, Филип. Если как следует постараются, то изобретут какое-нибудь преступление. Но ведь они не такие, как мы. Их ничто на это не толкает.

— Не толкает… — На щеку Константина села пчела, и он бережно смахнул ее. — Я в прошлом месяце ходил к месту катастрофы. — Он имел в виду место гибели Веры Келланд. — Там деревья. Старые как сам мир.

— Много времени прошло с тех пор…

— Сам не знаю, чего я ждал… Наверно, какого-нибудь золотистого сияния, указывающего, где похоронено мое сердце. Но мы — существа маленькие, и космосу до нас дела нет. Так что никаких признаков не обнаружилось. — Он вздохнул. — Я хотел помериться силами с миром — и погубил то, что могло помешать.

— Тогда мы были другими.

— Нет. Я думал, что смогу измениться… Вот ты, мол, умрешь, и Вера умрет, и я начну все с чистого листа, стану машиной… Этакой пулей, пущенной в лоб истории… Хотел захватить власть над любовью. Заключить все в железо. И попробовал. Но железо сломалось первым.

— Я понимаю. Я тоже познал власть замыслов. Последний замысел моей жизни ждет меня на Европе. — Он забрал брошюру. — Он может стать и твоим. Если ты пожелаешь.

— В послании я признался тебе, что готов к смерти, — сказал Константин. — Ты, Абеляр, привык от всего уворачиваться. Мы вместе прошли долгий путь, далеко позади оставили понятия «друг», «враг»… Я не знаю, как тебя назвать, но зато я тебя понимаю. Понимаю, как никто на свете, включая тебя самого. Столкнувшись с конечной

своей целью, ты увернешься в сторону. Я в этом уверен. Ты никогда не увидишь Европы.

Линдсей склонил голову:

— Пора кончать, Абеляр. Я померился силами с миром; я для этого жил. И неплохую тень оставил за собой. Так?

— Да, Филип, — потрясенно вымолвил Линдсей. — Даже ненавидя тебя, я тобой гордился.

— Но мериться с жизнью и смертью, словно бы я вечен… В этом нет ничего высокого. Что мы перед жизнью? Так, искорки…

— Искры, разжигающие пламя…

— Да. Твое пламя — Европа, и тут я тебе завидую. Но, отправившись на Европу, ты потеряешь себя. Этого ты не вынесешь.

— Но туда можешь отправиться ты. Она может стать и твоей. Там — твой народ, клан Константинов.

— Мой народ… Да, ты привлек их к своим делам.

— Я нуждался в них. В твоем гении… И они присоединились ко мне по доброй воле.

— Да… Смерть в конце концов побеждает нас. Но наши дети — наша месть ей. — Он улыбнулся. — Я старался не любить их. Я хотел видеть

их такими же, как и я, — подобными стальному клинку… Но все равно любил. Не за то, что они подобны мне, напротив. И больше всех — самую не похожую на меня.

— Веру.

— Да. Я создал ее из образцов, украденных отсюда. Клочков кожи. Генов любимой… — Он умоляюще взглянул на Линдсея. — Абеляр, что ты скажешь о ней? Как твоя дочь?

— Моя дочь?

— Да. Вы с Верой были великолепной парой. И мне было очень жаль, что ты умрешь, не оставив потомства. Я тоже любил Веру и хотел оберегать ее ребенка — от того отца, которого она сама выбрала. И поэтому создал твою дочь. Разве я был не прав? Разве этого не стоило делать?

— Почему же, жизнь всегда лучше.

— Я отдал ей все, что мог. Как она сейчас?

Линдсей почувствовал дурноту. Робот всадил иглу в его бесчувственную ногу.

— Она сейчас в лабораториях. Проходит трансформацию.

— О! Это хорошо. Она сделала свой выбор. Как и всем нам положено. — Константин запустил руку под кресло. — У меня тут есть яд. Смотрители дали. Нам пожаловано право на смерть.

Линдсей отрешенно кивнул. Наконец лекарство умерило бешеное биение сердца.

— Да, — сказал он. — Мы все заслужили это право.

— Мы с тобой можем пойти на место катастрофы. И выпьем яд. Тут хватит на двоих. — Константин улыбнулся. — В компании — это будет замечательно.

— Извини, Филип. Мне еще рано.

— Ты, как всегда, не хочешь никаких обязательств, Абеляр. — Константин показал стеклянный сосуд с коричневой жидкостью. — Ну и ладно. А то ходить трудно. После… после Арены у меня трудности с измерениями. Поэтому мне сделали новые глаза. Они за меня различают измерения. — Узловатые пальцы его свинтили с сосуда крышку. — Теперь я вижу жизнь такой, какова она есть. И поэтому понимаю, зачем нужно это сделать. — Он приложил сосуд к губам и глотнул. — Дай мне руки.

Линдсей подал ему руки.

— Что, теперь обе — металлические?

— Извини, Филип.

— А, неважно. Все наши прекрасные машины… — Константин вздрогнул. — Потерпи, я сейчас.

— Я с тобой, Филип.

— Абеляр… Прости меня. За Нору. За эту жестокость…

— Филип, это не… Я прощаю те…

Поздно. Филип Хури Константин был мертв.

Орбитал-Европа 25.12.86

Все, что осталось от жизни на Орбитал-Европе, было собрано в лабораториях. Высадившись, Линдсей нашел таможни в запустении. Орбитал-Европа кончилась, и импорт уже не имел значения.

Он проследовал коридором, змеящимся сквозь наклонные стены из мембран. Коридоры мерцали цветом морской волны. В них было почти пусто.

Мелькали лишь случайные бродяги и скваттеры, прибывшие сюда пограбить. Группа таких, шумно пропиливавших стену, вежливо ему помахала. Среди кораблей прибывших был и инвесторский, но никого из команды на глаза ему не попалось.

Все двигалось наружу. Гигантские ледяные корабли уходили к планете, чтобы мягко скользнуть под воду сквозь свежие трещины. На борту одного из них была и его дочь Вера. Она уже улетела.

От населения осталась лишь горстка последних трансформируемых.

Орбитал-Европу свели до цепочки лабораторий, где они, последние оставшиеся, плавали в мутноватой воде европейских морей.

Остановившись перед шлюзом, Линдсей некоторое время наблюдал за происходящим в лаборатории через выведенный в холл монитор. Трансформированные хирурги помогали рождению ангелов, прослеживая рост новых нервов в изменяемой плоти. Руки их испускали быстрые серии вспышек — шла беседа.

Оставалось лишь нацепить акваланг, пройти шлюз, окунуться в теплую воду и присоединиться к остальным. Так сделала Вера. Так сделал Гомес и все прочие. Они встретят его с радостью. И больно не будет. Все будет легко и просто.

Прошлое висело на волоске.

Но он не мог сделать последнего шага.

Он повернул назад…

… и почувствовал его.

— Ты здесь. Покажись.

Присутствие мягко опустилось с наклонной зелено-голубой мембраны стены, растеклось по полу зеркальной лужицей и завозилось, обретая форму.

Линдсей зачарованно смотрел на него. Присутствие, очевидно, обладало собственной гравитацией — прилепилось к полу, словно кто-то его прижал. Оно корчилось и комкалось, принимая форму ради своего удовольствия, и наконец превратилось в маленького четвероногого зверька. Вроде ласки, подумалось Линдсею. Или лисицы.

— Она ушла, — сказал он зверьку. — Ты ее отпустил.

— Полегче, гражданин, — отвечал лис. Голос его не отдавался эхом — он не был звуком. — Не мое это дело — кого-то там удерживать.

— Европа не в твоем вкусе?

— Хрен его знает. Там у вас, конечно, здорово, чистая сказка, но это копия, а я-то видел оригинальный вариант, помнишь? На Земле. Ну а ты, бродяга? Ты тоже вроде не очень торопишься.

— Я стар. А они молоды. Это — их мир. Я им не нужен.

Лис, потянувшись, покрылся рябью.

— Так я и знал, что ты придумаешь какую-нибудь отговорку. Ну и что же ты скажешь теперь, получив возможность… ну, скажем… пораскинуть мозгами?

Линдсей улыбнулся собственному искаженному отражению в туловище зверька.

— Теперь я вроде как ни при чем.

— Замечательно! — Беззвучный голос залился смехом. — Я так полагаю, тебе сейчас осталось только помереть.

— Да? — Линдсей поразмыслил. — Это может оказаться преждевременным.

— Может, может, — охотно согласилось присутствие. — Значит, поживешь здесь еще несколько сотен лет? В ожидании последнего перехода?

— К пятому пригожинскому уровню сложности?

— Называй как хочешь, слова тут ни при чем. Но это так же далеко от жизни, как жизнь — от инертной материи. Я много раз уже такое видел. И, вижу, оно идет сюда. Чую, как оно витает в воздухе. Люди… Ну, твари, существа; для меня все — люди… Так вот, они задают абсолютные вопросы. Ну, и получают абсолютные ответы, и — до свидания. Это — Божественная Сущность. Или же нечто настолько похожее, что нам с тобой разницы не просечь. Может, ты этого и хочешь, бродяга? Абсолюта?

— Абсолют… — пробормотал Линдсей. — Абсолютные ответы… А твой-то ответ каков, дружок?

— Да нет у меня никакого ответа! Мне плевать, что там, под этой шкурой, творится; я желаю ви-

деть и ощущать! Начала и судьбы, предсказания и воспоминания, жизни и смерти — мне все это как-то до лампочки. Я слишком скользок, меня и время-то не ухватит, сечешь, бродяга?

— Так чего же ты хочешь, присутствие?

— Того, что у меня есть! Вечности, полной чудес. И даже не вечности, а неопределенной длительности, в ней-то самый и кайф. Подожду тепловой смерти Вселенной и погляжу, что будет потом! А все, что произойдет тем временем, — это же кое-что!

— Да, — согласился Линдсей. Сердце его молотом колотило в ребра. Робот снова потянулся к ноге иглой с успокаивающим, но Линдсей со смехом выключил ее и выпрямился. — Это кое-что!

— Я прекрасно провел здесь время, — сказало присутствие, — неплохое у вас тут местечко, под этим маленьким солнышком.

— Спасибо.

— Да нет, гражданин, все «спасибо» — тебе! Но меня ждут другие места. — Присутствие помолчало. — Хочешь со мной?

— Да!

— Тогда держись.

Линдсей протянул к нему руки. Его накрыла серебряная волна, звездный холод, плавящий

жар и…

…освобождение.

Все вокруг стало поразительно новым и свежим.

Он увидел свою одежду, медленно оплывающую на пол. Протезные руки выпали из рукавов, волоча за собой дорогую электронику. Пустой череп, венчающий лесенку позвонков, ухмыляясь, провалился в ворот пальто.

В холле появился Инвестор, подпрыгивающий в невесомости. Линдсей рефлекторно прижался к стене, чтобы не быть замеченным. «Пелеринка» Инвестора вздыбилась. С сорочьей жадностью обшарив кости, он упрятал все, что его заинтересовало, в и без того распухший мешок.

— Всегда поспеют, где что плохо лежит, — сказало присутствие. — Но они тоже ребята полезные, вот увидишь.

Линдсей тем временем осваивался с новым самим собой.

— Рук же нет…

— А на что тебе? — захохотало присутствие. — Давай за ним! Они скоро куда-то отправятся.

Они догнали Инвестора в конце холла.

— А куда? — спросил Линдсей.

— Какая тебе разница? К чудесам!

Рой

— Мне будет не хватать наших разговоров до конца путешествия, — сказал инопланетянин.

Капитан-доктор Саймон Африэль сложил украшенные драгоценностями руки на расшитом золотом жилете.

— Я тоже об этом сожалею, лейтенант, — сказал он на шипящем языке инопланетянина. — Наши разговоры были для меня весьма полезны. Я бы заплатил за такие знания, но вы отдали их даром.

— Но это же всего лишь информация, — инопланетянин скрыл яркие глаза-бусины за толстыми мигательными перепонками. — Мы, Инвесторы, торгуем энергией и драгоценными металлами. Только незрелые расы ценят и ищут одно лишь знание, — он приподнял пелеринку за крохотными ушками.

— Не сомневаюсь в вашей правоте, — сказал Афри-эль, презирая пришельца. — Но мы, люди, в сравнении с другими расами все равно что дети; так что неизбежная незрелость для нас вполне нормальна.

Африэль снял темные очки, чтобы потереть переносицу. Каюту корабля заливал ослепительно-синий свет, практически ультрафиолетовый. Такое освещение предпочитали Инвесторы, и они не собирались его менять ради одного пассажира-человека.

— Вы неплохо справляетесь, — великодушно ответил инопланетянин. — Вы из тех рас, с кем нам приятно иметь дело: молодая, нетерпеливая, пластичная, готовая к широкому разнообразию товаров и переживаний. Мы бы вошли с вами в контакт намного раньше, но ваши технологии все еще оставались слишком слабыми, чтобы заработать на них.

— Сейчас все иначе, — сказал Африэль. — С нами вы разбогатеете.

— Именно, — пелеринка за чешуйчатой головой Инвестора быстро затрепетала — его явно что-то позабавило. — Через двести лет вам хватит средств купить наш секрет межзвездных перелетов. Или, возможно, ваша фракция механистов откроет его сама благодаря исследованиям.

Слова инопланетянина задели Африэля. Ему, как члену фракции перестроенных, было не по душе упоминание противников-механистов.

— Не стоит во всем доверяться одним техни-

ческим знаниям, — сказал он. — Взгляните на языковые способности у нас, шейперов. Благодаря этому наша фракция куда лучше подходит на роль торгового партнера. Для механиста же все Инвесторы одинаковы.

Инопланетянин заколебался. Африэль улыбнулся. Последней фразой он затронул личные амбиции пришельца — и намек был понят. Вот где всегда ошибались механисты. Они пытались относиться ко всем Инвесторам единообразно, каждый раз пользуясь одними и теми же алгоритмами. Им не хватало воображения.

Но что-то с механистами делать придется, подумал Африэль. Одними мелкими, пусть и смертоносными столкновениями отдельных кораблей в Поясе астероидов и ледяных кольцах Сатурна уже не обойтись. Обе фракции постоянно маневрировали, выискивали возможность для решающего удара, переманивали друг у друга лучшие таланты, не брезговали засадами, покушениями и промышленным шпионажем.

Капитан-доктор Саймон Африэль давно был мастером этого дела. Вот почему фракция перестроенных отдала миллионы киловатт, чтобы оплатить его перелет. Афри-эль получил докторские степени по биохимии и инопланетной

лингвистике, магистерскую — по проектированию магнитного оружия. Ему было тридцать восемь лет, во время зачатия его перестроили по передовым технологиям. Гормональный баланс слегка изменили, чтобы компенсировать долгие периоды жизни в состоянии невесомости. У него не было аппендикса. Строение сердца обновили для большей эффективности, а толстую кишку изменили для производства витаминов, которые обычно создают кишечные бактерии. Благодаря генной инженерии и строгой подготовке в детстве его коэффициент интеллекта равнялся ста восьмидесяти. Не самый гениальный из агентов Совета Колец — но один из самых психически стабильных и надежных.

— Обидно, — сказал инопланетянин, — что человеку ваших способностей придется два года гнить на этом жалком и бесприбыльном форпосте.

— Эти годы не пройдут зря, — сказал Африэль.

— Но зачем вы решили заняться исследованиями Роя? Они ничему не могут научить, потому что не могут говорить. У них нет желания торговать, нет инструментов или технологий. Это единственная космическая раса, у которой, по сути, отсутствует интеллект.

— Уже благодаря этому они достойны изучения.

— Значит, вы желаете им подражать? Вы превратите себя в чудовищ, — и снова лейтенант заколебался. — Возможно, у вас и получится. Однако это плохо скажется на бизнесе.

В динамиках корабля раздалась флейтовая трель инопланетной музыки, затем скрежещущий обрывок речи Инвесторов. Слишком высокий для ушей Африэля, потому он ничего не разобрал.

Инопланетянин поднялся, его разукрашенная юбка коснулась когтей на птичьих лапах.

— Прибыл симбиот Роя, — сказал он.

— Благодарю, — ответил Африэль. Когда лейтенант открыл дверь, Африэль и сам все почувствовал без лишних слов; теплый дрожжевой запах нового существа стремительно разошелся в переработанном воздухе корабля.

Африэль быстро посмотрел в карманное зеркальце. Припудрил лицо, поправил круглую бархатную шляпу на рыжевато-светлых волосах, спадающих на плечи. В мочках поблескивали добытые на Поясе астероидов красные рубины-импактиты — толстые, как кончики его больших пальцев. Мундир длиной по колено и жилет были

из золотой парчи; рубашка под ними — поразительного мастерства, связана из красно-золотой пряжи. Он оделся, чтобы впечатлить Инвесторов, которые ожидали и ценили в своих клиентах цветущий вид. Как впечатлить этого нового инопланетянина? Возможно, запахом. Он заново опрыскался одеколоном.

Рядом со вторым шлюзом корабля симбиот Роя быстро щебетал с командиром, старой и сонной Инвесторшей, в два раза крупнее большинства членов своего экипажа. На ее массивной голове покоился шлем в драгоценных камнях. Из-под шлема блестели, как камеры, затуманившиеся глаза.

Симбиот поднялся на шести задних лапах и слабо жестикулировал четырьмя когтистыми передними. Похоже, его беспокоила искусственная гравитация корабля — на треть больше земной. Рудиментарные глаза на стебельках зажмурились от света. Должно быть, он привычен к темноте, подумал Африэль.

Командир отвечала существу на его родном языке. Африэль поморщился — он понадеялся, что симбиот говорит по-инвесторски. Теперь придется учить новое наречие — наречие созданий без языка во рту.

После очередного короткого обмена репликами командир обернулась к Африэлю.

— Симбиот недоволен вашем прибытием, — сказала она Африэлю на языке Инвесторов. — Оказывается, в недавнем прошлом здесь произошли какие-то неприятности в связи с людьми. Однако я убедила его допустить вас в Гнездо. Этот инцидент задокументирован. Оплата моих дипломатических услуг будет оговорена с вашей фракцией, когда я вернусь в вашу родную звездную систему.

— Благодарю вас, Ваше Руководство, — сказал Афри-эль. — Прошу передать симбиоту мои наилучшие пожелания и заверения в безвредности и скромности моих намерений… — он осекся, когда симбиот скакнул к нему и зверски вцепился зубами в левую икру. Африэль вырвался и отскочил назад в тяжелой искусственной гравитации, принимая защитную стойку. Симбиот оторвал от штанины длинную полосу; теперь он присел и тихо ее доедал.

— Он передаст ваш запах и состав своим соотечественникам, — сказала командир. — Это необходимо. Иначе вас примут за чужака, и каста воинов Роя убьет вас на месте.

Африэль быстро расслабился и зажал рукой

колотую рану, чтобы остановить кровотечение. Он надеялся, Инвесторы не заметили его рефлексивного действия. Оно не увязывалось с легендой о мирном исследователе.

— Скоро мы вновь откроем шлюз, — флегматично сказала командир, опираясь на свой толстый рептильный хвост. Симбиот продолжал чавкать клочком ткани. Африэль пригляделся к его сегментированной голове без шеи. У симбиота были пасть и ноздри; круглые атрофированные глаза на стебельках; раскрывающиеся, как жалюзи, щели — возможно, радиоприемники — и два тесных параллельных ряда шевелящихся антенн, которые росли среди трех хитиновых пластин. Их функция была Африэлю неизвестна.

Открылся шлюз. В выходную кабину ворвался густой копченый аромат. Похоже, он не понравился Инвесторам, которые быстро удалились.

— Мы вернемся через шестьсот двенадцать дней по вашему времяисчислению, как и договаривались, — сказала командир.

— Благодарю вас, Ваше Руководство.

— Удачи, — ответила командир на английском.

Африэль улыбнулся.

Симбиот, по-змеиному извиваясь сегменти-

рованным телом, заполз в воздушный шлюз. Африэль последовал за ним. Двери закрылись. Существо ничего не сказало, только продолжало громко жевать. Открылась вторая дверь, и симбиот прыгнул в широкий и круглый каменный туннель, тут же пропав во мраке.

Африэль убрал темные очки в карман и достал инфракрасные гогглы. Закрепил на голове и вышел из шлюза. Искусственная сила тяжести пропала, сменившись почти неощутимой гравитацией астероидного гнезда Роя. Африэль улыбнулся, расслабившись впервые за недели. Большая часть его взрослой жизни прошла в невесомости — в колониях шейперов на кольцах Сатурна.

В темной нише сбоку присело мохнатое существо размером со слона, с головой-диском. Его можно было в деталях разглядеть благодаря инфракрасному свечению, идущему от тепла массивного тела. Африэль слышал, как оно дышит. Оно терпеливо дождалось, пока человек пролетит мимо. Затем заняло место в конце туннеля, надуваясь воздухом, пока разбухшая голова не заткнула выход в космос. Множество ног прочно встали в выемки в стенах.

Корабль Инвесторов отбыл. Африэль остался

здесь — в одном из миллионов планетоидов, которые кружили вокруг гигантской звезды Бетельгейзе опоясывающим кольцом, весившим почти в пять раз больше Юпитера. Как источник потенциального богатства оно превосходило всю Солнечную систему, а принадлежало более-менее одному только Рою. По крайней мере, ни одна другая раса на памяти Инвесторов не оспаривала его права.

Африэль вгляделся в коридор. Тот казался пустым, а без других тел с инфракрасным свечением просматривался плохо. Оттолкнувшись от стены, Африэль нерешительно поплыл вперед.

— Доктор Африэль! — раздался человеческий голос.

— Доктор Мирная! — откликнулся он. — Сюда!

Сперва он увидел семенящую к нему пару молодых симбиотов — их когтистые лапы почти не касались стен. За ними появилась женщина в таких же очках, как у него. Она была молодой и привлекательной, но подтянутой и безликой, как и все генетически усовершенствованные люди.

Мирная что-то крикнула симбиотам на их языке, те замерли в ожидании. Сама же поплыла вперед, и Афри-эль поймал ее за руку, мастерски погасив инерцию.

— Вы без багажа? — нервно спросила она.

Он покачал головой:

— Мы получили ваше предупреждение перед моей отправкой. У меня только та одежда, что на мне, и пара вещей в карманах.

Она окинула его критическим взглядом:

— Вот что сейчас носят люди на Кольцах? Все изменилось сильнее, чем я думала.

Африэль взглянул на парчовый мундир и рассмеялся:

— Вопрос политики. Инвесторы всегда охотнее общаются с человеком, по внешности которого видно, что он готов заниматься бизнесом в крупных масштабах. Сегодня так одеваются все представители шейперов. В этом мы на шаг опережаем механистов; они все еще ходят в своих спецовках.

Он замолк, не желая ее обидеть. Интеллект Галины Мирной доходил почти до двухсот. Мужчины и женщины такого ума иногда становятся ветреными и нестабильными, с легкостью погружаются в личные выдуманные мирки или плетут странные и непостижимые паутины заговоров и доводов. Высокий интеллект — стратегия, которую шейперы выбрали в борьбе за культурное доминирование, и теперь они были вынужде-

ны ее придерживаться, несмотря на отдельные недостатки. Они уже пытались выводить сверхспособных — с коэффициентом за двести, — но те начали дезертировать из колоний шейперов в таких количествах, что фракция остановила их производство.

— Вас наверняка заинтересовала моя одежда, — сказала Мирная.

— Она определенно привлекает своей новизной, — улыбнулся Африэль.

— Сплетена из волокон кокона. Мой собственный гардероб съел симбиот-мусорщик во время происшествия в прошлом году. Обычно я хожу голой, но не хотела задеть вас неожиданной интимностью.

Африэль пожал плечами:

— Я и сам часто хожу голым — не вижу большой пользы в одежде, не считая карманов. При себе у меня есть несколько инструментов, но в основном небольшой важности. Мы — шейперы, наши инструменты — здесь, — он постучал пальцем себе по голове. — Если покажете безопасное место, где можно оставить одежду…

Она покачала головой. Гогглы полностью скрывали ее глаза, а потому понять настроение Мирной было сложно.

— Вот ваша первая ошибка, доктор. Здесь нет личных мест. Ту же ошибку совершили агенты механистов, та же чуть не прикончила меня. Здесь нет понятия приватности или собственности. Это Гнездо. Если захватите любую его часть — для хранения оборудования, сна, чего угодно, — вы становитесь чужаком, врагом. Двое механистов — мужчина и женщина — пытались обезопасить для своей компьютерной лаборатории пустующую пещеру. Воины выбили дверь и сожрали их. Мусорщики подъели все оборудование — стекло, металл и прочее.

Африэль холодно улыбнулся:

— Должно быть, доставить сюда столько материалов стоило целое состояние.

Мирная пожала плечами:

— Они богаче нас. С их машинами, шахтами. Думаю, они хотели меня убить. Тайком, чтобы воинов не потревожило проявление насилия. У них был компьютер, который учил язык ногохвосток быстрее меня.

— Но вы выжили. А ваши записи и отчеты — особенно ранние, когда у вас еще было оборудование, — представляют огромный интерес. Совет поддерживает вас во всем. За время своего отсутствия вы стали на Кольцах настоящей зна-

менитостью.

— Да, я так и думала, — сказала она.

Африэль растерялся и осторожно произнес:

— Если я и нашел в них недостаток, то только по своей специальности — инопланетной лингвистике, — он неопределенно махнул рукой на двух сопровождавших ее симбиотов. — Как я понимаю, вы добились большого прогресса в общении с симбиотами, ведь, похоже, за Гнездо говорят именно они.

Она взглянула на него с непроницаемым выражением лица и пожала плечами.

— Здесь по меньшей мере пятнадцать разных видов симбиотов. Те, что сопровождают меня, называются ногохвостки и говорят только за себя. Это дикари, доктор, которые привлекли интерес Инвесторов только потому, что еще сохранили речь. Когда-то их расе были доступны космические перелеты, но они уже давно об этом забыли. Они нашли Гнездо и были поглощены, стали паразитами, — Мирная похлопала одного по голове. — Этих двух я приручила, потому что научилась воровать и попрошайничать еду лучше их. Теперь они держатся меня и защищают от крупных особей. Они ревнивы, знаете ли. Провели в Гнезде, наверное, десять тысяч лет, но все

еще не уверены в своем положении. Они все еще мыслят, иногда задают вопросы. После десяти тысяч лет у них осталось хотя бы это.

— Дикари, — сказал Африэль. — Вполне могу в это поверить. Один из них укусил меня на борту корабля. Ему еще есть чему поучиться в роли посла.

— Да, я предупредила его о вашем прилете, — сказала Мирная. — Ему не очень понравилась эта мысль, но я смогла подкупить его едой… Надеюсь, он не сильно вас ранил.

— Царапина, — ответил Африэль. — Как я понимаю, опасности заражения нет.

— Очень в этом сомневаюсь. Если только вы не привезли свои бактерии.

— Маловероятно, — обиженно сказал Африэль. — На мне нет бактерий. И я бы в любом случае не принес микроорганизмы в инопланетную культуру.

Мирная отвернулась:

— Я предположила, что у вас могут быть какие-нибудь генетически модифицированные. Думаю, можно идти. Ногохвостка передаст ваш запах изо рта в рот в подсобном зале впереди. Через несколько часов он разнесется по всему Гнезду. Как только он доберется до матки, дальше дело

пойдет очень быстро.

Она уперлась ногами в твердый панцирь молодой ногохвостки и оттолкнулась, поплыв в коридор. Африэль последовал за ней. Воздух был теплым, Африэлю уже стало жарко под многослойной одеждой, но его антисептический пот не имел запаха.

Они вышли в просторный зал, вырубленный в скале; сводчатый и вытянутый, восьмидесяти метров в длину и около двадцати в диаметре. В нем роились жители Гнезда.

Их были сотни. Большинство — рабочие, восьминогие и лохматые, размером с догов. Тут и там мелькали члены воинской касты — мохнатые монстры ростом с лошадь, с тяжелыми клыкастыми головами, размером и формой напоминающими мягкие кресла.

Чуть подальше двое рабочих несли сенсора — существо, чья огромная плоская голова держалась на атрофированном тельце, состоящем в основном из легких. У него были большие глаза-пластины, а из мохнатого хитина росли длинные спиральные антенны, слабо подрагивающие на ходу. Тащившие его рабочие цеплялись за каменные стены зала ногами с крючками и липучками.

Мимо в теплом смердящем воздухе проплыло чудовище с безволосой, безликой головой и конечностями-веслами. Вместо морды у него был кошмар из острых скрежещущих челюстей и тупых армированных кислотных трубок.

— Туннельщик, — сказала Мирная. — Он заведет нас глубже в Гнездо — идите за мной.

Она подлетела к существу и схватилась за меховую сегментированную спину. Африэль последовал за ней в компании двух молодых ногохвосток, вцепившихся в шкуру передними лапами. Его передернуло от теплого маслянистого ощущения вонючей сырой шерсти. Туннельщик продолжал грести вперед — восемь лап-весел вдоль тела перебирали в воздухе, как крылья.

— Их тут, должно быть, тысячи, — сказал Африэль.

— В последнем отчете я сказала, что около ста тысяч, но это было до того, как я исследовала Гнездо целиком. Даже сейчас остаются протяженные участки, которых я не видела. Здесь примерно четверть миллиона обитателей. Этот астероид размером с самую большую базу механистов — Цереру. Внутри до сих пор остались богатые жилы углеродистых материалов. До полной выработки ресурсов еще далеко.

Африэль закрыл глаза. Если он потеряет очки, придется пробираться на ощупь, вслепую, через кишащие, подергивающиеся, корчащиеся полчища.

— Значит, численность населения увеличивается?

— Определенно. Более того, скоро колония выпустит рой. В залах рядом с маткой — три десятка крылатых самок и самцов. Стоит им покинуть Гнездо, как они спарятся и начнут создавать новые Гнезда. Скоро я вас к ним отведу, — Мирная замялась. — Сейчас мы входим в один из грибных садов.

Молодая ногохвостка тихо сдвинулась с места. Хватаясь за мех тунельщика передними лапами, она принялась жевать штанину Африэля. Тот от души ее пнул, и она отдернулась, втягивая глаза-стебельки.

Когда он снова поднял взгляд, то увидел, что они попали во второй зал, куда больше первого. Стены вокруг, вверху и внизу были погребены под бурным изобилием грибка. Самым распространенным типом казались раздутые купола, похожие на бочки, ветвистые густые рощи и спутанная поросль в виде спагетти, которая слегка покачивалась на слабом и пахучем ветерке.

Некоторые из бочек окружал тусклый туман выброшенных спор.

— Видите те спекшиеся кучи под грибами, их питательную среду? — спросила Мирная.

— Да.

— Не уверена, что это: растительная форма или какая-то сложная биохимическая кашица. Суть в том, что оно растет при солнечном свете, на поверхности астероида. Источник пищи, произрастающий в открытом космосе! Вообразите, сколько это будет стоить на Кольцах.

— Словами не описать его ценность, — сказал Африэль.

— Сама по себе эта штука несъедобная, — сказала Мирная. — Однажды я попробовала маленький кусочек. Как пластик ешь.

— А вообще говоря, вы нормально питаетесь?

— Да. Наша биохимия довольно схожа с биохимией Роя. Сами грибы вполне съедобны. Впрочем, погадка питательнее. Внутренняя ферментация в толстом кишечнике рабочих повышает ее пищевую ценность.

Африэль воззрился на нее.

— Ко всему привыкаешь, — сказала Мирная. — Позже я научу вас выпрашивать у рабочих еду. Это простой вопрос рефлекторного перехвата

— в отличие от остального поведения, оно не контролируется феромонами, — она смахнула с лица длинную прядь свалявшихся и грязных волос. — Надеюсь, образцы феромонов, которые я отправляла, стоили своей транспортировки.

— О да. Их химический состав изумителен. Мы сумели синтезировать большую часть компонентов. Я сам состоял в исследовательской группе, — Африэль замялся. Насколько он готов ей доверять? Ей не сообщали об эксперименте, который он задумал со своим начальством. Насколько известно Мирной, он простой безобидный исследователь, как и она. Научное сообщество шейперов подозрительно относилось к меньшинству, замешанному в военных работах или шпионаже.

Вкладываясь в будущее, шейперы разослали ученых по всем девятнадцати инопланетным расам, описанным Инвесторами. Это стоило экономике немалого числа гигаватт драгоценной энергии и тонн редких металлов и изотопов. В большинстве случаев можно было послать только двух-трех исследователей; в семи случаях — лишь одного. Для Роя отобрали Галину Мирную. Она отправилась без оружия, надеясь, что выживет благодаря своему интеллекту и добрым

намерениям. Те, кто ее послал, не знали, будут ли иметь пользу или значение ее открытия. Понимали только, что послать ее необходимо, даже одну, без снаряжения, пока какая-нибудь другая фракция не отправит своих исследователей и не обнаружит, например, какую-нибудь технику или факт решающей важности. И доктор Мирная действительно открыла что-то подобное. Так ее миссия стала вопросом безопасности Кольца. Поэтому Африэль и прибыл сюда.

— Вы синтезировали компоненты? — сказала она. — Зачем?

Африэль обезоруживающе улыбнулся:

— Наверное, просто хотели доказать себе, что можем.

Она покачала головой:

— Не надо со мной играть, доктор Африэль, очень вас прошу. Я отправилась так далеко отчасти для того, чтобы сбежать от подобного. Скажите правду.

Африэль уставился на нее, жалея, что из-за очков не может посмотреть ей в глаза:

— Ну хорошо. Тогда вы должны знать, что Совет Колец приказал мне провести эксперимент, который может подвергнуть угрозе жизни нас обоих.

Мирная на миг замолчала:

— Значит, вы из Службы безопасности?

— У меня звание капитана.

— Так и знала… Знала, когда прибыли те два механиста. Такие вежливые — и такие подозрительные; думаю, они бы убили меня на месте, если бы не надеялись узнать какой-нибудь секрет взятками или пытками. Они перепугали меня до смерти, капитан Африэль… Вы меня тоже пугаете.

— Мы живем в страшном мире, доктор. Это вопрос безопасности фракции.

— Для таких, как вы, все на свете — вопрос безопасности фракции, — сказала она. — Мне не стоит вести вас дальше и что-то показывать. Это Гнездо, эти существа — они не *разумны*, капитан. Они не могут мыслить, не могут учиться. Они невинны — по-первобытному невинны. Они не знают о добре и зле. Они *ничего* не знают. Последнее, что им нужно, — стать пешками во внутренней борьбе за власть какой-то другой расы, в световых годах от них.

Туннельщик свернул на выход из грибных залов и медленно греб в теплой темноте. В противоположном направлении проплыла группа существ, похожих на серые спущенные баскетбольные мячи. Одно уселось на рукав Африэля,

вцепившись в ткань хрупкими щупальцами, напоминающими кнутики. Африэль аккуратно его смахнул, и оно отвалилось, роняя ручеек зловонных красноватых капель.

— Разумеется, в принципе я с вами согласен, доктор, — аккуратно начал капитан. — Но задумайтесь о механистах. Некоторые из их радикальных фракций — машины уже больше чем наполовину. И вы ожидаете от них гуманистических мотивов? Они хладнокровны, доктор. Это хладнокровные и бездушные существа, способные разрезать живого человека на кусочки и не почувствовать чужой боли. Большинство их фракций ненавидит нас. Называет расистами и сверхлюдьми. Вы бы предпочли, чтобы одна из таких сект сделала то, что должны сделать мы, и обратила результаты против нас?

— Это демагогия, — Мирная отвернулась. Вокруг них в Гнездо стремились рабочие, груженные грибами — с полными челюстями и набитыми животами, — они семенили рядом или исчезали в ответвляющихся туннелях, уходящих во всех направлениях, в том числе прямо вверх и прямо вниз. Африэль заметил, как в противоположном направлении, над головой, пробежало существо, напоминающее рабочего, но только с

шестью ногами. Это был мимик-паразит. Сколько лет ему понадобилось, задумался Африэль, чтобы эволюционировать до такого внешнего вида?

— Неудивительно, что у нас на Кольцах столько диссидентов, — сказала Мирная грустно. — Если человечеству хватает глупости загнать себя в угол, о котором вы говорите, лучше не иметь с ним ничего общего. Лучше жить одному. Лучше не помогать безумию распространяться.

— Такие разговоры доведут только до гибели, — сказал Африэль. — Мы обязаны фракции, что нас породила.

— Скажите правду, капитан, у вас никогда не было желания бросить все — всех, все ваши обязанности и ограничения, — и просто уйти куда-нибудь, чтобы спокойно подумать? О мире и своем месте в нем? Нас столько учат, с самого детства, и столько от нас требуют. Вы не думаете, что в процессе мы как-то забыли о своих целях?

— Мы живем в космосе, — сухо ответил Африэль. — Космос — неестественная среда, и, чтобы преуспевать в нем, нужны неестественные усилия неестественных людей. Наш разум — это инструмент, а философия должна стоять на втором месте. Конечно, я испытывал порывы, о которых вы говорите. Это просто очередная

угроза, которой надо остерегаться. Я верю в общественный порядок. Технология высвободила огромные силы, разрывающие общество. Какая-то фракция должна подняться над борьбой и объединить всех. У нас, шейперов, хватает мудрости и самообладания, чтобы сделать это гуманно. Вот почему я занимаюсь своей работой, — он заколебался. — Я не ожидаю увидеть день нашей победы. Я ожидаю, что погибну в какой-нибудь далекой горячей точке или от рук убийцы. Мне достаточно того, что я могу предвидеть этот день.

— Но какое самомнение, капитан! — сказала вдруг Мирная. — Самомнение насчет вашей мелкой жизни и ее мелкой жертвы! Взгляните на Рой, если правда хотите видеть гуманный и идеальный порядок. Вот он! Где всегда тепло, темно и приятно пахнет, и легко наесться, и все бесконечно и идеально перерабатывается. Единственные ресурсы, которые расходуются, — это тела роев для спаривания да немного воздуха. Подобное Гнездо может существовать без перемен сотни тысяч лет. Сотни… тысяч… лет. Кто или что вспомнит нас и нашу дурацкую фракцию хотя бы через тысячу?

Африэль покачал головой:

— Неверное сравнение. Для нас не существует такой долгой перспективы. Через тысячу лет мы будем либо машинами, либо богами, — он ощупал макушку; бархатная шляпа исчезла. Ее уже явно кто-то доедал.

Туннельщик заводил их все глубже в лабиринт невесомости и сот. Они видели залы куколок, где в плетеном шелке ворочались бледные личинки; главный грибковый сад; могильные ямы, где крылатые рабочие неустанно колотили крыльями в густом воздухе, горячечно жарком от температуры разложения. Коррозийный черный грибок разъедал тела мертвых в шершавый черный порошок, который уносили почерневшие рабочие, сами на три четверти мертвые.

Позже Африэль и Галина оставили туннельщика и поплыли самостоятельно. Доктор благодаря давней привычке двигалась с легкостью; капитан следовал за ней, у него оставались синяки от столкновений с попискивающими рабочими. Тех же были тысячи — они цеплялись за потолок, стены и пол, сбивались в кучки и разбегались во всех вообразимых направлениях.

Чуть позже Африэль и Мирная влетели в зал крылатых принцев и принцесс — гулкую круглую пещеру, где, поджав лапы, с потолка свисали со-

рокаметровые существа. Их тела были сегментированными и металлическими, с органическими ракетными соплами в грудном отделе — на месте, где могли бы быть крылья. Вдоль скользких спин складывались радарные антенны на длинных стержнях. Самки и самцы больше напоминали недостроенные межпланетные зонды, чем что-то биологическое. Их неустанно кормили рабочие. Выпирающие животы с дыхалами переполнял сжатый кислород.

Мирная выпросила кусок гриба у проходившего мимо рабочего, ловко постучав по антеннам и спровоцировав рефлекс. Большую часть еды отдала двум ногохвосткам, которые сожрали ее с жадностью и ждали добавки.

Африэль поджал ноги, паря в позе лотоса, и начал решительно жевать жесткий грибок. Неподатливый, но вкусный, как копченое мясо — деликатес, который он пробовал лишь раз. В колонии шейперов запах дыма означал катастрофу.

Мирная молчала, как истукан.

— Еда — не проблема, — сказал Африэль. — А где спать?

Она пожала плечами:

— Где угодно… тут и там попадаются неисполь-

зуемые ниши и туннели. Я думала, далее вам захочется увидеть зал матки.

— Безусловно.

— Надо раздобыть больше грибов. Зал охраняют воины, их нужно подкупить едой.

У следующего рабочего из бесконечного потока сим-биотов Мирная набрала охапку грибов и отправилась дальше. Африэль уже окончательно заблудился и только все больше путался в лабиринте залов и туннелей. Наконец они оказались в огромной темной пещере, озаренной лишь инфракрасным жаром чудовищного тела матки. Это была центральная фабрика колонии. То, что сделана она из теплой и мясистой плоти, не скрывало ее индустриальную суть. В скользкие слепые челюсти поступали тонны переваренной грибной кашицы. Их переваривали и перерабатывали округлые меха из мягкой плоти — корчась, всасывая и колеблясь, с громким машинным рокотом и урчанием. С другого конца поступал бесконечный поток яиц-пузырей, как на конвейере, все — в густой гормональной пасте от смазки. Рабочие преданно вылизывали их и уносили в ясли. Каждое было размером с человеческий торс.

Процесс продолжался без передышки. В бес-

просветной тьме, царящей в центре астероида, не было дня и ночи. В генах этих существ не нашлось бы и следа циркадных ритмов. Выпуск продукции шел постоянно и без перебоев, как работа автоматической шахты.

— Вот почему я здесь, — с благоговением прошептал Африэль. — Вы только посмотрите, доктор. У механистов есть кибернетическое горнодобывающее оборудование, опережающее наше на поколения. Но здесь — в кишках безымянного мирка — находится генная технология, которая кормит себя, поддерживает себя, управляет собой — эффективно, бесконечно, бездумно. Идеальный органический инструмент. Фракция, что сможет использовать этих неутомимых работников, станет промышленным титаном. А наше знание биохимии непревзойденно. Это должны сделать мы, шейперы.

— И что вы предлагаете? — спросила с неприкрытым скептицизмом Мирная. — Вам придется переправлять оплодотворенную матку до самой Солнечной системы. Едва ли на это хватит средств, даже если бы нам позволили Инвесторы, — а они не позволят.

— Мне и не нужно целое Гнездо, — терпеливо объяснил Африэль. — Мне нужна только гене-

тическая информация из одного яйца. Наши лаборатории на Кольцах смогут клонировать бесконечное число рабочих.

— Но рабочие бесполезны без феромонов Гнезда. Им нужны химические сигналы, чтобы переключать поведенческие режимы.

— Именно, — сказал Африэль. — И так вышло, что эти феромоны у меня с собой, синтезированные и в концентрированном виде. Теперь я их должен испытать. Должен доказать, что смогу с их помощью заставить рабочих делать то, что пожелаю. Если я докажу, что это возможно, то уполномочен доставить необходимую генетическую информацию обратно на Кольца. Инвесторы этого не одобрят. Тут, конечно, вызывает моральные вопросы, к тому же Инвесторы не так продвинуты в генетике, как мы. Но мы сможем вернуть их расположение полученной прибылью. А самое главное — победим механистов в их собственной игре.

— Вы привезли сюда феромоны? — спросила Мирная. — И Инвесторы ничего не заподозрили, когда их нашли?

— А вот теперь вы совершаете ошибку, — спокойно сказал Африэль. — Вы исходите из того, что Инвесторы непогрешимы. Вы ошибаетесь.

Раса, не имеющая любопытства, никогда не будет брать в расчет все возможности так, как мы, шейперы, — Африэль закатал штанину и вытянул правую ногу. — Взгляните на варикозную вену на лодыжке. Подобные проблемы с кровообращением свойственны тем, кто проводит много времени в невесомости. Однако эта вена была заблокирована искусственно и обработана для снижения осмоса. Внутри нее находятся десять изолированных колоний генетически модифицированных бактерий — каждая выведена для того, чтобы производить разные феромоны Роя.

Он улыбнулся:

— Инвесторы тщательно меня обыскали, в том числе с помощью рентгена. Но на рентгене вена выглядит нормально, а бактерии внутри нее находятся в разных отделах. Их нельзя обнаружить. При себе у меня маленькая аптечка. В том числе шприц. С его помощью мы можем извлечь феромоны и протестировать. Когда тест будет закончен — а я уверен, что он пройдет успешно, и более того, я поставил на это всю свою карьеру, — мы опустошим вену и все отделы. Бактерии погибнут при контакте с воздухом. Мы заново наполним вену желтком из развивающегося эмбриона. Клетки переживут обратное путеше-

ствие, но даже если умрут, внутри моего тела им не угрожает разложение. Они не войдут в контакт с возбудителями гниения. На Кольцах мы научимся активировать и подавлять различные гены для воссоздания различных каст, прямо как это происходит в природе. У нас будут миллионы рабочих, армии воинов, если потребуется, а возможно, даже органические космические ракеты, выращенные из измененных крылатых особей. Если все сработает — как думаете, кто тогда меня вспомнит, а? Меня и мои самонадеянные мелкую жизнь и мелкую жертву?

Мирная воззрилась на него; даже громоздкие очки не скрывали ее уважение и даже страх.

— Значит, вы действительно готовы это сделать.

— Я принес в жертву свои время и энергию. Я ожидаю отдачи, доктор.

— Но это же похищение. Вы говорите о выведении расы рабов.

Африэль пожал плечами с презрением:

— Вы играете словами, доктор. Я не причиню этой колонии никакого вреда. Может, украду несколько часов труда рабочих, пока они подчиняются моим химическим приказам, но такую крупицу они не заметят. Признаюсь в убийстве

одного яйца, но это преступление не страшнее человеческого аборта. Я украду штамм генетического материала. Можно ли считать это похищением чего-то живого? Я так не думаю. Что же до возмутительной мысли о расе рабов — отвергаю ее с ходу. Эти существа — генетические роботы. Они рабы не больше, чем лазерные буры или грузовые танкеры. В самом худшем случае они станут нашими домашними животными.

Мирная задумалась. Много времени это не заняло.

— Ваша правда. Навряд ли обычный рабочий будет глядеть на звезды и тосковать по свободе. Это просто безмозглые евнухи.

— Именно, доктор.

— Они просто работают. На нас или на Рой — для них значения не имеет.

— Вижу, вы разглядели прелесть моей идеи.

— И если все получится, — продолжила Мирная, — если все получится, наша фракция астрономически разбогатеет.

Африэль искренне улыбнулся, не замечая неприятный сарказм на ее лице.

— А личная прибыль, доктор… ценные знания человека, первым применившего такую технологию… — он говорил тихо, спокойно. — Ко-

гда-нибудь видели азотный снегопад на Титане? Я подумывал обустроиться в тех краях — создать поселение больше, намного больше любого из тех, что возможны сейчас… Построить настоящий город, Галина, место, где человек сможет забросить правила и дисциплину, что раздражали его всю жизнь…

— Теперь уже вы заговорили о дезертирстве, капитан-доктор.

На миг Африэль замолчал, потом с трудом улыбнулся:

— Вот вы и испортили мои идеальные мечты. Кроме того, я говорил о заслуженном покое обеспеченного человека, а не о каком-то эгоистичном отшельничестве… разница налицо, — он заколебался. — Так или иначе, я могу считать, что вы поддерживаете меня в этом проекте?

Она рассмеялась и коснулась его руки. Было что-то тревожное в ее смехе, приглушенном органическим рокотом чудовищных кишок матки…

— Вы думаете, я буду сопротивляться вашим доводам два долгих года? Лучше сдаться сразу и избавить нас от разногласий.

— Да.

— В конце концов, вы не причините вреда Гнезду. Они даже ничего не узнают. А если мы

успешно воспроизведем генетическую линию Роя, то у человечества не останется причин их тревожить.

— Это правда, — сказал Африэль, хотя где-то в подсознании у него тут же мелькнула мысль о баснословном богатстве астероидов около Бетельгейзе. Неизбежно наступит день, когда человечество отправится к звездам массово, по-настоящему. Не помешает знать подробности о любой расе, что может стать противником.

— Я помогу вам, чем смогу, — сказала Мирная. Наступило недолгое молчание. — Вы уже осмотрели эту область?

— Да.

Они покинули зал матки.

— Сперва вы мне не понравились, — доктор говорила откровенно. — Думаю, теперь вы мне нравитесь больше. Кажется, у вас есть чувство юмора, которого не достает большинству людей из «Безопасности».

— Это не чувство юмора, — грустно ответил Афри-эль. — Это замаскированное под юмор чувство иронии.

* * *

В дальнейшем нескончаемом потоке часов не было дней. Только сон урывками — сперва по отдельности, затем вместе, пока они держались друг за друга в невесомости. Сексуальное ощущение кожи и тела стало якорем, напоминавшем об их общей человечности — далекой и измочаленной человечности в стольких световых годах от дома, что сама его концепция теряла всякий смысл. Жизнь в теплых туннелях, кишащих симбиотами, была здесь и сейчас; здесь Африэль и Мирная больше походили на микробы в кровотоке, непрестанно следуя за пульсацией приливов и отливов. Часы растягивались в месяцы, и само время становилось бессмысленным.

Провести тесты с феромонами было сложно, но возможно. Первые десять феромонов оказались простыми стимулами сплоченности, принуждали рабочих собираться вместе, пока по их щупальцам разносился химикат. Затем рабочие ожидали дальнейших приказаний; если тех не следовало, они разбегались. Для эффективной работы феромоны следовало подавать в смеси или серии, как компьютерные команды; например, первый — кучкование — вместе с третьим

— приказом о переходе — вынуждали рабочих покидать одну пещеру и переходить в соседнюю. Самые лучшие промышленные возможности были у девятого феромона; он приказывал строить, после которого рабочие собирали и отправляли на работу туннельщиков и копателей. Другие только раздражали; десятый спровоцировал особей на процедуру груминга, и мохнатые щупальца сорвали с Африэля последние лохмотья одежды. Восьмой феромон отправил рабочих собирать ресурсы на поверхность астероида, и оба исследователя, стремясь изучить новый эффект, чуть не улетели в открытый космос.

Они больше не боялись воинов. Знали, что от дозы шестого феромона те стремглав отправятся на защиту кладок — а рабочие пойдут ухаживать за яйцами. Мирная и Африэль воспользовались этим и обустроили собственные пещеры, которые для них выкопали химически взломанные рабочие и охранял теперь уже верный страж шлюза. У них появился собственный грибной сад, чтобы освежать воздух, запасы любимых видов грибов, которые переварил еще один одурманенный рабочий. От постоянного питания и недостатка физических упражнений он распух до

«бочки»[7] и свесился со стены, как чудовищная виноградина.

Африэль устал. Последнее время он совсем не спал; причем даже не знал, как долго. Его биологические часы не адаптировались так, как у Мирной, и на шейпера постоянно накатывали приступы депрессии и раздражительности, которые приходилось подавлять немалой силой воли.

— Инвесторы должны вернуться, — сказал он. — И вернуться скоро.

Мирная отнеслась к его словам безразлично. «Инвесторы», — сказала она и добавила что-то на языке ногохвосток, чего он не понял. Несмотря на лингвистическую подготовку, Африэль так и не нагнал ее в знании скрежещущего жаргона ногохвосток. Обучение только отвлекало; язык ногохвосток пришел в такой упадок, что стал пиджином — без правил и закономерностей. Африэль и так мог отдавать им простые приказы, а благодаря частичному контролю над воинами — подкреплять свои слова силой. Ногохвостки его боялись, а две молодые особи, приручeнные Мирной, превратились в разжиревших тиранов-

[7] Примечания: 7

Специализированная группа у некоторых видов муравьев, которая хранит жидкие запасы пищи и срыгивает для других.

переростков, которые легко терроризировали старших. Африэль был слишком занят, чтобы серьезно изучать ногохвосток или других симбиотов. Хватало других насущных забот.

— Если они прилетят слишком рано, я не успею закончить последние исследования, — сказала она на английском.

Африэль стянул инфракрасные очки, крепко завязал их на шее и зевнул:

— У всего есть пределы, Галина. Много информации без оборудования не запомнишь. Придется просто тихо ждать, пока мы не сможем вернуться. Надеюсь, Инвесторы не впадут в шок, когда увидят меня в таком состоянии. Я потратил на ту одежду целое состояние.

— Тут так уныло после того как рой улетел для спаривания. Если бы не новая особь в зале крылатых, я бы умерла со скуки, — она обеими руками убрала сальные волосы с лица. — Ты будешь спать?

— Да, если получится.

— Не сходишь со мной? Я не устаю тебе повторять, что новая особь очень важна. По-моему, это новая каста. Точно не крылатая. У нее есть глаза, как у крылатой, но она держится за стену.

— Тогда это, скорее всего, вообще не член

Роя, — сказал Африэль он устало, пытаясь ей подыграть. — Скорее всего, это паразит, крылатый мимик. Сходи, посмотри, если хочется. Я тебя подожду.

Он слышал, как она ушла. Темнота без инфракрасных очков не была совсем кромешной; из зала позади шло слабое свечение от дымящегося грибка. Надутый рабочий-«бочка» слегка шевелился на стене, шуршал и урчал. Африэль заснул.

Когда он проснулся, Мирная еще не вернулась. Он не забеспокоился. Первым делом посетил туннель у шлюза, где его когда-то оставили Инвесторы. Иррациональная мысль — Инвесторы всегда исполняли договоры, — но он опасался, что однажды они прибудут, потеряют терпение и улетят без него. Инвесторам, конечно, придется подождать. Их ненадолго отвлечет Мирная, пока он не украдет в яслях живые клетки из развивающегося яйца. Лучше, чтобы яйцо было как можно свежее.

Потом Африэль поел. Он как раз жевал гриб в переднем зале, когда его нашли две прирученных ногохвостки Мирной.

— Что хотите? — спросил он на их языке.

— Кормящей плохо, — проскрипел крупный,

размахивая передними лапами в безмозглом волнении. — Не работает, не ест.

— Не движется, — сказал второй. Добавил с надеждой: — Можно съесть?

Африэль поделился с ними пищей. Они поели — повидимому, больше по привычке, чем от настоящего голода, что его напугало.

— Отведите меня к ней, — сказал он.

Две ногохвостки поторопились прочь; он следовал за ними легко, ловко петляя в толпе рабочих. Они прошли несколько миль по сети туннелей до зала крылатых особей. Там ногохвостки остановились, сбитые с толку.

— Ее нет, — сказала крупная.

В зале было пусто. Африэль никогда не видел его пустым, а для Роя казалось очень необычным тратить зря столько места. Он почувствовал ужас.

— Идите за кормящей, — сказал он. — Идите на запах.

Ногохвостки без особого энтузиазма принюхались к стене; они знали, что у него нет с собой еды, и не торопились что-то делать без немедленного вознаграждения. Наконец один уловил запах — либо притворился, что уловил, — и последовал за ним по потолку к входу в туннель.

В этом заброшенном зале Африэль мало что видел; не хватало инфракрасного тепла. Он подскочил вверх за ногохвосткой.

Тут он услышал рев воина и ее задушенный вопль. Она вылетела из туннеля — разбитая голова разбрызгивала густую жидкость. Тело кувыркалось, пока не врезалось в противоположную стену с вялым хрустом. Ногохвостка была мертва.

Вторая тут же сбежала, вереща от скорби и ужаса. Африэль приземлился на краю туннеля, присев, чтобы ноги смягчили инерцию. Он чуял едкую вонь от гнева воина — феромон настолько густой, что он был заметен даже для человека. Через несколько минут, а то и секунд здесь соберется с десяток других солдат. Он слышал, как где-то за разъяренным чудовищем рабочие и туннельщики ломают и цементируют скалу.

Возможно, Африэль смог бы управлять одним разъяренным воином, но ни за что — двумя или двадцатью. Он оттолкнулся от стены зала и направился к выходу.

Поискал вторую ногохвостку — он не сомневался, что ее узнает, ведь она была намного крупнее остальных, — но не смог найти. Благодаря острому обонянию она при желании могла легко от

него спрятаться.

Мирная не вернулась. Африэль потерял счет времени. Снова поспал. Вернулся в зал крылатых особей; там на страже стояли новые воины — их совсем не интересовала еда, и они обнажили огромные зазубренные клыки при его приближении. Казалось, они готовы разорвать его на части; слабый запах феромонов агрессии висел в округе, как туман. На телах этих существ не виднелось никаких симбиотов. Существовал один вид — что-то вроде гигантских клещей, — который цеплялся только за воинов, но у этих не было даже клещей.

Африэль вернулся к себе, решил переждать и подумать. В мусорных ямах тела Мирной не было. Конечно, его мог уже кто-то съесть. Может, надо извлечь из вены оставшийся феромон и попытаться ворваться в зал крылатых? Он подозревал, что Мирная — или то, что от нее осталось, — находится в туннеле, где убили ногохвостку. Сам Африэль ни разу в него не заглядывал. Здесь были тысячи туннелей, куда он ни разу не заглядывал.

Его парализовали нерешительность и страх. Если вести себя тихо, если ничего не делать, то скоро, в любой момент, прибудут Инвесторы. Совету Колец о смерти ученой можно рассказать

что угодно; если при нем будут гены, никто не станет цепляться к словам. Африэль не любил Мирную; уважал, но недостаточно, чтобы отдать за нее жизнь или ресурсы своей фракции. Он давно не вспоминал о Совете Колец, и эта мысль его отрезвила. Придется объяснять свое решение…

Он все еще пребывал в раздумьях, когда услышал шипение, с которым сдулся его живой шлюз. Пришли три воина. От них не несло гневом. Двигались они медленно и осторожно. Африэль знал, что сопротивляться бесполезно. Один аккуратно подхватил его в массивные челюсти и унес.

Воины прошли через зал крылатых и отправились в охраняемый туннель, в конце которого уже вырыли новый большой зал. Его почти до отказа заполнила белая масса плоти, испещренная черными пятнами. В ее центре виднелись рот и два влажных блестящих глаза на стебельках. С бугристого гребня над глазами свисали длинные усики, будто проводники. Кончались они розовыми мясистыми наконечниками.

На один из усиков был нанизана голова Мирной. Ее тело висело в воздухе, вялое, как воск. Глаза были открыты, но слепы.

Еще один усик погрузился в черепную коробку мутировавшего рабочего. Его тело, бледное, как

у личинки, съежилось и деформировалось, а сморщенная пасть напоминала человеческий рот. В ней виднелся пузырь, похожий на язык, и белые рубцы, напоминавшие человеческие зубы. Глаз не было.

Рабочий заговорил голосом Мирной.

— Капитан-доктор Африэль…

— Галина…

— Это не мое имя. Можете называть меня Рой.

Африэля стошнило. Вся центральная масса была одной гигантской головой. Этот мозг заполнял практически все помещение.

Рой терпеливо дождался, когда Африэль придет в себя, и сонно произнес:

— Вижу, я вновь пробудился. Рад видеть, что непосредственной опасности нет. Осталась лишь рутинная угроза, — он тактично помедлил. Тело Мирной слегка двигалось в воздухе; ее дыхание было нечеловечески ровным. Глаза открывались и закрывались. — Очередная юная раса.

— Что вы такое?

— Я Рой. Вернее, одна из его каст. Я орудие, адаптация; моя специальность — интеллект. Нужда во мне возникает нечасто. Хорошо быть нужным.

— Все это время вы были здесь? Почему вы нас не встретили? Мы бы имели дело с вами. Мы не

желаем вреда.

Влажный рот на конце усика издал звуки, похожие на смех:

— Как и вы, я люблю иронию. В славную ловушку вы себя загнали, капитан-доктор. Вы желали поставить Рой на службу себе и своей расе. Вы желали разводить нас, исследовать и использовать. Превосходный план, но мы с ним столкнулись задолго до того, как эволюционировала ваша раса.

Африэль запаниковал, лихорадочно пытаясь что-нибудь придумать.

— Вы разумное существо, — сказал он. — Нет причин причинять нам вред. Давайте поговорим. Мы можем вам помочь.

— Да, — согласился Рой. — Вы поможете. Память вашей напарницы сообщает мне, что настал очередной неудобный период, когда галактика изобилует разумом. Разум — источник беспокойства. Причиняет нам множество неудобств.

— Что вы имеете в виду?

— Вы молодая раса и высоко цените свой интеллект. Как обычно, вы не замечаете, что разум бесполезен для выживания.

Африэль отер пот с лица:

— Мы неплохо справляемся. Это мы пришли к вам, и пришли с миром. А не вы — к нам.

— Об этом я и говорю, — учтиво ответил Рой. — Стремление расширяться, изучать, развиваться — из-за него-то вы и вымрете. Вы наивно полагаете, что можете бесконечно подпитывать свое любопытство. Это старое заблуждение, с которым до вас сталкивалось несметное число рас. Через тысячу лет — возможно, чуть больше… ваш вид исчезнет.

— Значит, вы намерены нас уничтожить? Предупреждаю, это непросто…

— И снова вы упускаете главное. Знание — сила! Вы полагаете, эта ваша хрупкая форма — примитивные ноги, нелепые руки и крошечный, такой сморщенный мозг, — может *вместить* всю эту силу? Разумеется, нет! Ваша раса уже рассыпается на части под весом собственных открытий. Изначальная человеческая форма устаревает. Вы модифицируете собственные гены — и вы, капитан-доктор, лишь грубый эксперимент. Через сотню лет станете пережитком. Через тысячу от вас не останется даже воспоминаний. Ваша раса пройдет по тому же пути, что и тысяча других.

— И по какому же?

— Я не знаю, — создание на руке Роя снова хихикнуло. — Они стали выше моего понимания. Они все что-то открывали, что-то узнавали, а

после уходили за пределы моих познаний. Возможно, даже за пределы бытия. Так или иначе, я больше не чувствую их присутствия. Кажется, они ничего не делают, ни во что не вмешиваются; с практической точки зрения кажутся мертвыми. Они исчезли. Может, стали богами — а может, и призраками. Так или иначе, я не тороплюсь к ним присоединиться.

— Но, значит… значит, вы…

— Разум — это все же палка о двух концах, капитан-доктор. Он полезен только в меру. Он вмешивается в жизнь. Жизнь и разум плохо уживаются. И не так уж близко связаны, как вы инфантильно полагаете.

— Но ведь вы… вы рациональное существо…

— Я орудие, как я и сказал, — мутировавшее приспособление на руке Роя издало вздох. — Когда вы начали свои эксперименты с феромонами, химический дисбаланс стал очевиден для матки. Она активировала некоторые генетические паттерны в своем теле — и возродился я. Химический саботаж — та проблема, которую лучше всего решать с помощью разума. Видите ли, я, так сказать, насыщенный мозг, специально созданный, чтобы быть разумнее любой молодой расы. Через три дня я обрел полное самосознание. Через пять

— расшифровал метки на своем теле. Это генетически закодированная история моей расы… через пять дней и два часа я увидел проблему и понял, как ее решить. Чем сейчас и занимаюсь. Мне шесть дней от роду.

— Что вы намерены делать?

— Ваша раса весьма энергична. Ожидаю, что она явится сюда для конкуренции с нами через пятьсот лет. Возможно, намного раньше. Такого противника необходимо тщательно исследовать. Предлагаю вам вступить в наше сообщество на перманентной основе.

— Что вы имеете в виду?

— Я приглашаю вас в ряды симбиотов. Здесь у меня есть самец и самка с модифицированными генами, а следовательно, без дефектов. Из вас выйдет отличная племенная пара. Избавите меня от множества хлопот с клонированием.

— Думаете, я предам свою расу и предоставлю вам собственный вид рабов?

— Ваш выбор прост, капитан-доктор. Останьтесь разумным живым существом — или станьте безмозглой куклой, как ваша напарница. Я взял на себя все функции ее нервной системы; то же самое могу проделать с вами.

— А я могу покончить с собой.

— Это было бы хлопотно, поскольку тогда мне придется разработать технологию клонирования. А технологии, хотя они и в моих силах, для меня болезненны. Я генетический артефакт; внутри меня есть предохранители, не позволяющие захватить Гнездо для собственных целей. Иначе Рой попадет в ту же ловушку прогресса, что уготована другим разумным расам. По тем же причинам у меня ограничен жизненный срок. Я проживу всего тысячу лет — пока не закончится короткий всплеск активности вашей расы и вновь не восстановится покой.

— Всего тысячу лет? — горько рассмеялся Африэль. — И что тогда? Видимо, убьете моих потомков, раз от них больше не будет пользы.

— Нет. Мы не убили ни одну из пятнадцати других рас, захваченных для изучения в целях защиты. В этом не было необходимости. Взгляните на маленького мусорщика, который парит у вас над головой, капитан-доктор, и кормится вашей рвотой. Пятьсот миллионов лет назад галактика дрожала при виде его предков. Когда они напали на нас, мы пустили в бой их собственных родственников. Разумеется, мы их изменили, они стали умнее, сильнее и, естественно, были бесконечно нам преданны. Они не знали другого

мира, кроме наших Гнезд, и сражались с отвагой и изобретательностью, недоступными для нас самих… Если ваша раса пожелает нас эксплуатировать, мы, естественно, сделаем то же самое.

— Мы, люди, другие.

— Конечно.

— Мы не изменимся, даже если проживем здесь тысячу лет. Вы умрете, и тогда наши потомки захватят это Гнездо. Уже через несколько поколений всем будем заправлять мы, несмотря на вас. Темнота нас не остановит.

— Ну разумеется. Здесь глаза не нужны. Здесь вообще ничего не нужно.

— Вы сохраните мне жизнь? Чтобы учить их тому, чему я захочу?

— Разумеется, капитан-доктор. Сказать по правде, мы делаем вам одолжение. Через тысячу лет ваши потомки в Гнезде будут единственными остатками человеческой расы. Мы щедро раздаем свое бессмертие; мы берем на себя труд сохранить ваш род.

— Вы ошибаетесь, Рой. Вы ошибаетесь насчет разума и ошибаетесь во всем остальном. Возможно, другие расы и опустятся до паразитизма, но мы, люди, не такие.

— Разумеется. Так вы согласны?

— Да, я принимаю ваш вызов. И я вас одолею.

— Чудно. Когда вернутся Инвесторы, ногохвостки скажут, что убили вас, и попросят не возвращаться. Они не вернутся. А следующими прибудут люди.

— Если не я вас одолею, то они.

— Возможно, — Рой снова вздохнул. — Рад, что не придется вас поглощать. Мне бы не хватало наших разговоров.

Паучья роза

Паучья Роза не чувствовала ничего — или почти ничего. Раньше были какие-то чувства — узел сгустившихся за двести лет эмоций, — и она раздавила их черепной инъекцией. Теперь от чувств осталось не больше, чем от таракана, когда по нему ударят молотком.

В тараканах Паучья Роза разбиралась; они были единственной местной фауной в орбитальных колониях механистов. Выносливые, плодовитые, адаптивные, они с самого начала стали настоящим бедствием на космических кораблях, избавить от них так и не смогли. Поневоле механистам пришлось пустить в ход генетические технологии, украденные у своих конкурентов, шейперов, чтобы превратить тараканов в разноцветных питомцев. Одним из любимчиков Паучьей Розы был таракан в полметра длиной, чей блестящий черный хитин покрывали красно-желтые разводы. Сейчас насекомое сидело у нее на голове. Оно пило пот с идеального лба, а Роза ничего не чувствовала, она находилась в другом месте, высматривала гостей.

Смотрела Роза через восемь телескопов — изображения с них сопоставлялись и поступали в мозг через неврокристаллический узел в основании черепа. Теперь у нее было восемь глаз — как у ее символа, паучихи. Уши — слабый ровный пульс радара: они слушали, постоянно слушали, искали странное искажение, которое сообщит о присутствии корабля Инвесторов.

Роза была умной. Она могла бы сойти с ума, но техники мониторинга вычислили химический базис здравомыслия и поддерживали его искусственно. Паучиная Роза считала это нормальным.

И это было нормальным; не для людей, а для двухсотлетнего механиста, обитающего в кружащейся паутине на орбите Урана: тело, бурлящее от гормонов юности, мудрое старо-молодое лицо как будто только что из гипсовой формы, длинные белые волосы — рябящая копна имплантированных оптоволоконных нитей с косо подстриженными кончиками, откуда сочились бусинки света, словно микроскопические самоцветы… Она была стара, но не задумывалась об этом. Одинока, но эти чувства сокрушила наркотиками. И она нашла то, чего хотели Инвесторы, — то, за что эти инопланетные торговцы-

рептилии отдали бы даже свои глазные зубы.

В ее полиуглеродную паутину — широко раскинувшуюся грузовую сеть, давшую ей имя, — попался драгоценный камень размером с автобус.

И потому Паучья Роза наблюдала — с мозгом, подключенным к инструментам, без устали, без особого интереса, но и без скуки. Скука опасна. Она ведет к неусидчивости, а в космосе, где люди гибли от злобы и даже простой беспечности, неусидчивость могла быть смертельна. И потому, чтобы выжить, лучше всего было вести себя так: притаиться в центре мысленной паутины, откуда во все стороны разбегаются чистые евклидовы линии рациональности, и выжидать, пока лапки не почувствуют мельчайшую дрожь тревожных эмоций. А когда Роза чувствовала, что чувство спутывает нити, то спешила к нему, оценивала, аккуратно окутывала коконами и пронзала метко и верно паучьим клыком — гиподермической иглой…

Вот оно. Восемь глаз уставились в космос на четверть миллиона миль и заметили звездную рябь от корабля Инвесторов. У кораблей Инвесторов не было традиционных двигателей, они не испускали различимую энергию; секрет их звездного двигателя бережно оберегался. Все, что было

наверняка известно фракциям (все еще условно называвшимся «человечеством» за неимением термина получше), — что двигатель Инвесторов рассылал от хвостовой части длинные параболические полосы искажений, вызывая эффект ряби на фоне звезд.

Паучья Роза частично вышла из режима статичного наблюдения и снова почувствовала свое тело. Обычное зрение теперь приглушало компьютерные сигналы — они казались отражение собственного лица в окне, когда в в него смотрела. Дотронувшись до клавиатуры, Роза поймала корабль Инвесторов лазером связи и отправила сигнал с данными — деловое предложение (пользоваться радио было слишком рискованно; можно привлечь пиратов-шейперов, а ей и так уже пришлось убить троих).

Ее услышали и поняли, корабль Инвесторов замер как вкопанный и выполнил ускорение под углом в нарушение всех известных законов орбитальной динамики. В ожидании Паучья Роза загрузила программу для перевода с языка пришельцев. Та была пятидесятилетней давности, но Инвесторы — народ довольно постоянный, не столько консервативный, сколько незаинтересованный в переменах.

Когда до станции уже было слишком близко для маневров со звездным двигателем, корабль Инвесторов с выбросом газа раскрыл массивный солнечный парус. Его хватило бы, чтобы упаковать, как подарок, маленькую луну, и был он тоньше двухсотлетней памяти. Несмотря на фантастическую тонкость, его расписали фресками толщиной с молекулу: титанические картины с грузовыми караванами, сцены, в которых хитроумные Инвесторы облапошивали пупырчатых двуногих и доверчивых, раздутых от богатства и азота газовых мешков с тяжелых планет. Огромные матки инвесторской расы, в драгоценных камнях и в окружении обожающих мужских гаремов, демонстрировали свою витиеватую мудрость в текстах с милю высотой, где иероглифы Инвесторов были размещены на музыкальной сетке для обозначения правильного тембра и интонации их полупевучего языка.

На экране перед Паучьей Розой полыхнули помехи, затем появилось лицо Инвестора. Она выдернула из шеи штепсель. Пригляделась к лицу: большие остекленевшие глаза, наполовину закрытые мигательными перепонками, радужная пелеринка за крошечными ушами, бугристая кожа, рептилья ухмылка с зубами размером с

гвозди. Оно издало какие-то звуки:

— Говорит лейтенант корабля, — перевел компьютер. — Лидия Мартинес?

— Да, — сказала Паучья Роза, не потрудившись объяснить, что зовут ее иначе. Она сменила уже много имен.

— В прошлом мы проводили прибыльные сделки с вашим мужем. Как он поживает в наши дни? — с любопытством спросил Инвестор.

— Он умер тридцать лет назад, — ответила Паучья Роза. Тут же раздавила печаль. — Его прикончили убийцы-шейперы.

Инвестор расправил пелеринку. Он не смутился. У Инвесторов нет врожденного стыда.

— Плохо для бизнеса, — заявил он. — Где драгоценный камень, о котором вы говорили?

— Приготовьтесь к получению данных, — сказала Паучья Роза, дотронувшись до клавиатуры. Она следила за экраном, где разворачивалось аккуратно подготовленное торговое предложение — луч связи защищал ее от вражеских ушей.

Находка была одна на миллион. Камень начал свое существование как часть ледяного спутника протопланеты Уран — крошился, таял и рекристаллизовался в первобытные эпохи непрерывной бомбардировки. Он раскалывался по

меньшей мере четыре раза, и каждый раз внутрь зон раскола под огромным давлением втискивались минеральные потоки: углерод, силикат марганца, бериллий, оксид алюминия. Когда спутник наконец распался на знаменитый Кольцевой комплекс, массивный кусок льда миллиарды лет дрейфовал в космос, его омывали ударные волны жесткой радиации, он накапливал и терял заряд в причудливых электромагнитных мерцаниях, типичных для всех формаций комплекса.

А затем, в один критический момент несколько миллионов лет назад, он оказался в центре титанической вспышки молнии — того беззвучного и невидимого выплеска электрической энергии, который рассеивает накопленный за десятилетия заряд. Большая часть внешней оболочки ледяного куска тут же испарилась в виде плазмы. А остальное… изменилось. Минеральные включения теперь стали прожилками берилла, которые тут и там переходили в куски чистого изумруда размером с голову Инвестора, пересеченные сетями красного корунда и пурпурного граната. Были там вкрапления огненно-жидкого бриллианта — сияющего бриллианта невероятных расцветок, возникающего только благодаря странным квантовым состояниям металлическо-

го углерода. Даже сам лед превратился во что-то насыщенное, уникальное и потому по определению драгоценное.

— Вы нас заинтриговали, — сказал Инвестор. В их случае это означало бурный энтузиазм. Паучья Роза улыбнулась. Лейтенант продолжил: — Это необычный товар, его цену трудно определить. Мы предлагаем вам четверть миллиона гигаватт.

— У меня хватает энергии на управление станцией и оборону, — сказала Паучья Роза. — Это щедрое предложение, но я не смогу столько хранить.

— В придачу мы снабдим вас стабилизированной плазменной решеткой для хранения.

Такая неожиданная и баснословная щедрость должна была ее ошеломить. Создание плазменных решеток оставалось далеко за пределами человеческих технологий, и получить такую было чудо, происходящим раз в десять лет. И это же — последнее, что ей хотелось.

— Неинтересно, — ответила она.

Инвестор приподнял пелеринку:

— Неинтересна базовая валюта галактической торговли?

— Нет, если тратить ее я могу только у вас.

— Торговля с молодыми расами — неблагодарное дело, — заметил Инвестор. — Полагаю, тогда вам нужна информация. Вы, молодые расы, всегда хотите торговать технологиями. У нас есть некоторые техники шей-перов — для продажи в их фракции. Это вам интересно?

— Промышленный шпионаж? — сказала Паучья Роза. — Спросили бы меня восемьдесят лет назад. Нет, я слишком хорошо знаю вас, Инвесторов. Вы только продадите им самим техники механистов, чтобы поддержать баланс сил.

— Мы любим конкурентный рынок, — признался инопланетянин. — Это помогает избегать болезненных ситуаций с монополией, как сейчас, в сделке с вами.

— Мне не нужна никакая сила. Статус ничего для меня не значит. Покажите что-нибудь новенькое.

— Не нужен статус? А что подумают ваши сородичи?

— Я живу одна.

Инвестор спрятал глаза под мигательными перепонками.

— Подавили свои стадные инстинкты? Зловещий поворот. Что ж, тогда новый подход. Согласны ли вы рассмотреть оружие? Если со-

гласитесь на некоторые условия касательно его применения, мы можем снабдить вас уникальным и мощным арсеналом.

— Я уже сама разобралась с этим вопросом.

— Вам могли бы принести пользу наши политические навыки. Мы можем значительно повлиять на основные группы шейперов и защитить вас с помощью договора. Это займет десять-двадцать лет, но вполне осуществимо.

— Это они боятся меня, — сказала Паучья Роза, — а не наоборот.

— Тогда новое жилье, — Инвестор был терпелив. — Вы можете жить в сплошном золоте.

— Мне нравится то, что у меня есть.

— У нас есть некоторые артефакты, что могут вас заинтересовать, — сказал Инвестор. — Приготовьтесь к получению данных.

Паучья Роза восемь часов изучала список товаров. Спешка была ни к чему. Она стала уже слишком стара для нетерпения, а Инвесторы жили для того, чтобы торговаться.

Ей предлагали разноцветные плесневые культуры, производившие кислород и инопланетные духи. Конструкции из метафольги, сделанной из сжатых атомов, для защиты от радиации и нападений. Редкие техники, превращавшие

нервные ткани в кристалл. Гладкий черный жезл, благодаря которой железо становилось таким податливым, что его можно было лепить руками. Маленькую люксовую подводную лодку из прозрачного металлического стекла для исследования аммиачных и метановых морей. Самовоспроизводящиеся сферы из узорного кремния, в которых по мере роста разворачивалась игра с симуляцией рождения, роста и упадка инопланетной культуры. Судно для суши, воды и воздуха — такое маленькое, что его нужно было надевать как костюм.

— Меня не интересуют планеты, — сказала Паучья Роза. — Не люблю гравитационные колодцы.

— В определенных условиях мы могли бы предложить генератор гравитации, — ответил Инвестор. — Он будет защищен от несанкционированного доступа, как жезл и вооружение, и сдаваться внаем, а не продаваться. Мы обязаны избежать утечки подобной технологии.

Она пожала плечами:

— Нас сокрушили наши собственные технологии. Мы не можем ассимилировать и то, что уже имеем. Не вижу причин отягощать себя чем-то новым.

— Это все, что мы можем предложить не из

запретного списка, — сказал пришелец. — Конкретно на этом корабле находится множество предметов, подходящих только для рас, проживающих при очень низкой температуре и очень высоком давлении. И у нас есть то, что наверняка доставило бы вам удовольствие, но оно вас убьет. А то и весь ваш вид. К примеру, литература на [непереводимо].

— Если мне понадобится инопланетная точка зрения, я могу почитать литературу с Земли.

— [Непереводимо] — не настоящая литература, — добродушно заметил Инвестор. — На самом деле это нечто вроде вируса.

На ее плечо влетел таракан.

— Питомцы! — воскликнул инопланетянин. — Питомцы! Они вам нравятся?

— Это мое утешение, — сказала Роза, разрешив таракану сжевать заусенец с ее большого пальца.

— Надо было подумать об этом сразу. Дайте мне двенадцать часов.

Она легла спать. Проснувшись, изучила инопланетное судно через телескопы, пока ждала ответа. Корабли Инвесторов покрывали фантастические рисунки из кованого металла — головы животных, металлические мозаики, глубокими

рельефами со сценками и надписями, — а также грузовые отсеки и оборудование. Но эксперты обращали внимание на то, что базовая форма под украшениями всегда одинакова: простой восьмиугольник с шестью длинными прямоугольными бортами. Инвесторы немало постарались замаскировать этот факт; и нынешняя теория предполагала, что корабли были куплены, найдены или украдены у более развитой расы. Инвесторы со своим легкомысленным отношением к науке и технологии явно не могли построить их сами.

Лейтенант возобновил связь. Его мигательные перепонки выглядели белее обычного. Он держал маленькую крылатую рептилию с длинным шипастым гребнем цвета пелеринки Инвестора.

— Это любимец нашего командира по имени «Малыш с чутьем на прибыль». Мы все его обожаем! Расставание с ним стоит большого горя. Мы должны были выбрать между тем, чтобы потерять лицо в этой деловой сделке или потерять его, — лейтенант поиграл с рептилией. Та ловила толстые пальцы иноплане своими чешуйчатыми лапками.

— Он… милый, — сказала Паучья Роза, отыскав полузабытое слово из детства и произнеся его с гримасой неприязни. — Но я не собираюсь

менять свою находку на какого-то плотоядного родственника ящерицы.

— Но подумайте и о нас! — посетовал Инвестор. — Обречь нашего Малыша на инопланетное логово, кишащее бактериями и гигантскими паразитами… Однако ничего не поделать. Вот наше предложение. Примите нашего любимца на семьсот наших дней плюс минус пять. Мы вернемся на обратном пути из вашей системы. Тогда вы выберете, оставить себе его или свою находку. Тем временем обещайте не продавать драгоценность и не извещать никого о ее существовании.

— Хотите сказать, что оставите мне своего питомца в качестве некоего задатка.

Инвестор закрыл глаза мигательными перепонками и прикрыл пупырчатые веки. Это был признак острого стресса.

— Он заложник вашей жестокой нерешительности, Лидия Мартинес. Откровенно говоря, мы сомневаемся, что можем найти в этой системе хоть что-то, способное удовлетворить вас лучше нашего любимца. Если только вам не сгодится какой-нибудь новейший способ самоубийства.

Паучья Роза удивилась. Она никогда не видела, чтобы Инвестор проявлял столько эмоций. Пришельцы отличались отстраненным мировоз-

зрением, по случаю демонстрируя поведенческие паттерны, напоминавшие чувство юмора.

Она наслаждалась собой. Роза уже прошла ту точку, когда ее могли соблазнить обычные товары Инвесторов. В сущности, она обменивала драгоценный камень на умонастроение — не эмоцию, ведь их она раздавила, но на более слабое и чистое ощущение: интерес. Ей хотелось чем-то заинтересоваться, найти, чем себя занять, кроме мертвых камней и космоса. И предложение пришельцев определенно интриговало.

— Ладно. Я согласна. Семьсот дней плюс-минус пять. И я храню молчание, — она улыбнулась. Паучья Роза не разговаривала с людьми уже пять лет и не собиралась начинать.

— Позаботьтесь о нашем Малыше с Чутьем на Прибыль, — сказал Инвестор — это была и просьба, и предупреждение одновременно, причем он подчеркнул оба нюанса так, чтобы компьютер ничего не упустил. — Нам он нужен, даже если вам, из-за какого-то необратимого осквернения души, нет. Он ценный и редкий. Мы отправим вам инструкции по уходу и питанию. Приготовьтесь к получению информации.

Они выстрелили грузовой капсулой с существом в тугую полиуглеродную паутину ее логова.

Та была сделана из восьми спиц с каплеобразными капсулами на концах, их вращение создавало центробежную силу, которая натягивала всю конструкцию. При столкновении с грузом паутина грациозно выгнулась, и восемь массивных металлических капель подтянулись в невесомости к центру по изящными дуговым траекториям. На паутине поблескивал слабый солнечный свет, пока она расширялась из-за отдачи, а вращение слегка замедлилось из-за того, что энергия шла на гашение инерции. Дешевая и эффективная стыковочная техника, поскольку скоростью вращения управлять намного легче, чем сложным маневрированием.

По полиуглеродным волокнам заспешили промышленные боты с ногами-крюками и подхватили капсулу с питомцем зажимами и магнитными щупальцами. Ведущим роботом Паучья Роза управляла лично, все ощущая захватами и наблюдая за обстановкой камерами. Роботы перенесли грузовое судно в воздушный шлюз, извлекли содержимое и присоединили маленькую бортовую ракету, чтобы отправить обратно на корабль Инвесторов. После того как та выполнила задание и пришельцы отбыли, роботы собрались обратно у капсул-гаражей и

отключились в ожидании, пока паутина не задрожит в следующий раз.

Паучья Роза отсоединилась и открыла шлюз. Питомец влетел в комнату. В сравнении с лейтенантом Инвесторов он выглядел крохой, но сами Инвесторы были огромны. Зверек оказался ей по колено и на вид весил килограммов десять. От незнакомого воздуха он дышал с мелодичным присвистом, пока облетал помещение, то ныряя вниз, то время от времени бросаясь из стороны в сторону.

От стены отделился таракан и поплыл, стрекоча крыльями. Зверек с писком ужаса упал на стол и там замер, комично ощупывая тощие ручки и ножки в поисках ран. Прикрыл свои шершавые веки. Глаза как у детеныша Инвесторов, вдруг подумала Паучья Роза, хотя ни разу не видела молодого Инвестора и сомневалась, что их вообще кто-то видел. Когда-то давным-давно до нее доходили слухи, о которых остались лишь смутные воспоминания — что-то насчет домашних любимцев и младенцев, их больших голов, больших глаз, их мягкости, их зависимости. Она вспомнила, как смеялась над мыслью, что неряшливая зависимость, скажем, «собаки» или «кошки» может сравниться с экономической чистотой и

эффективностью таракана.

Любимец Инвесторов вернул самообладание и теперь расположился на плесневом ковре, присев на корточки и мурча про себя. На его миниатюрной драконовой мордочке появилось что-то вроде лукавой ухмылки. Суженные глазки оставались начеку, а тонкие, как спички, ребра двигались с каждым вдохом. Зрачки казались огромными. Паучья Роза подумала, что освещение должно казаться ему очень темным. На кораблях Инвесторов свет был как от обжигающе-синих горелок, омывал ультрафиолетом.

— Придется придумать тебе новое прозвище, — сказала Паучья Роза. — Я не говорю по-инвесторски, так что не могу пользоваться тем, которое дали они.

Питомец дружелюбно взглянул на нее и приподнял полупрозрачные клапаны на крошечных ушах-дырочках. У настоящих Инвесторов таких клапанов не было, и ее очаровало это отклонение от нормы. Вообще-то, не считая крыльев, он очень походил на миниатюрного Инвестора. Эффект почти пугал.

— Буду звать тебя Пушок, — сказала она. У него не росли волосы. Личная шутка — но все ее шутки были личными.

Питомец скакал по полу. Здесь и центробежная псевдогравитация была легче, чем 1,3 g у массивных Инвесторов. Он схватился за ее голую ногу и лизнул колено шершавым языком-наждаком. Роза рассмеялась, немало встревоженная, но она все-таки знала, что Инвесторы никогда не проявляли агрессию. Их питомец не мог быть опасен.

Он энергично зачирикал и залез к ней на голову, хватаясь за поблескивающие оптические волокна. Она села за консоль и вызвала инструкции по уходу и питанию.

Инвесторы явно не ожидали, что отдадут кому-то собственного любимчика, потому что инструкции было почти невозможно расшифровать. Их словно перевели с перевода, а то и не одного, причем с какого-то чужеродного языка. Впрочем, в соответствии с традицией Инвесторов самые прагматические аспекты были подчеркнуты.

Паучья Роза расслабилась. Оказывается, эти питомцы ели почти что угодно, хотя и предпочитали правосторонние белки и нуждались в некоторых легкодоступных микроэлементах. Они отличались невосприимчивостью к токсинам и не имели своих кишечных бактерий (как и сами Инвесторы — и на расы с бактериями они

смотрели, будто на дикарей).

Роза смотрела, есть ли какие-то требования к воздуху, когда питомец соскочил с ее головы и начал кувыркаться на контрольной панели, чуть не отменив программу. Она шуганула его, стараясь найти что-нибудь членораздельное среди кластеров инопланетных графиков и исковерканного технического текста. И тут неожиданно Роза увидела нечто знакомое еще по старым временам, когда она занималась промышленным шпионажем: генетическую карту.

Роза нахмурилась. Похоже, она проскочила нужные разделы и добралась до какого-то совершенно другого исследования. Стала разбираться в данных и нашла трехмерную иллюстрацию какого-то фантастически сложного генетического конструкта с длинными спиральными цепями инопланетных генов, размеченных неестественными цветами. Цепочки генов обвивали длинные завитки или спикулы, радиально расходившиеся из плотного центрального узла. Новые цепочки туго свернутых спиралей соединялись завиток к завитку. Судя по всему, они запускали разные секции генетического материала от своих узлов, поскольку от активированных участков тянулись призрачные цепочки вторичных протеинов.

Паучья Роза улыбнулась. Несомненно, опытный генетик шейперов может извлечь из этих чертежей огромную прибыль. Ее веселило, что этого никогда не случится. Очевидно, это какой-то инопланетный промышленный генотип, поскольку материала в нем было куда больше, чем могло понадобиться любому живому существу.

Она знала, что сами Инвесторы никогда не занимались генетикой, и задумалась о том, какая из девятнадцати разумных рас создала эту штуку. Та могла появиться даже из-за пределов экономического мира Инвесторов — или же оказаться пережитком какой-нибудь вымершего вида.

Возможно, стоило удалить данные. Если Роза умрет, они могут попасть не в те руки. При мысли о смерти к ней начали подкрадываться первые тени глубокой депрессии. Размышляя над ситуацией, Паучья Роза позволила ощущению обрести силу. Инвесторы поступили беспечно, когда оставили ей эту информацию; или, возможно, они недооценивали генетические возможности сладкоречивых и харизматичных шейперов с их зрелищно накачанным IQ.

В голове как будто что-то пошатнулось. На головокружительное мгновение химически подавленные эмоции хлынули со всей своей по-

давленной мощью. Роза ощутила мучительную зависть к Инвесторам, к их тупой самоуверенности, позволяющей странствовать меж звездами, издеваясь над теми, кто якобы ниже их. Ей хотелось быть с ними. Ей хотелось подняться на борт волшебного корабля, чтобы кожу опалило чужеродное солнце где-нибудь в световых годах от человеческой слабости. Ей хотелось кричать и чувствовать себя, как кричала и чувствовала себя маленькая девочка сто девяносто три года назад на американских горках в Лос-Анджелесе, — кричать от чистой яркости чувства, она хотела, чтобы ее захлестнули эмоции, прямо как в объятиях ее мужа, ее мужчины — мертвого уже тридцать лет. Мертвого… Тридцать лет…

Паучья Роза дрожащими руками выдвинула ящик под контрольной панелью. Почувствовала слабую медицинскую вонь озона от стерилизатора. Не глядя убрала поблескивающие волосы с пластмассового клапана на голове, вдавила инжектор, вдохнула раз, закрыла глаза, вдохнула еще, убрала шприц. Глаза остекленели, пока она наполняла шприц заново и убирала в футляр на липучке, лежащий в ящике.

Роза подняла флакончик и посмотрела на него пустым взглядом. Оставалось еще много. Хватит

на несколько месяцев, ничего синтезировать не нужно. Казалось, будто на мозг наступили. После смеси так было всегда. Роза выключила данные Инвесторов и рассеянно отправила в какой-то темный уголок компьютерной памяти. Питомец что-то пропел, сидя на лазерном интерфейсе, и начал чистить крылышко.

Скоро она опять стала собой. Улыбнулась. Эти внезапные приступы Роза считала естественными. Чтобы прекратить дрожь в руках, у нее был транквилизатор для орального применения, а от беспокойного живота — антациды.

Потом она играла со зверьком, пока тот не устал и не уснул. Четыре дня она аккуратно кормила его, внимательно следила за тем, чтобы он не переел — поскольку, как и его прообразы Инвесторы, это было жадное создание, и Паучиная Роза боялась, что оно сделает себе хуже. Даже несмотря на шершавую кожу и хладнокровность, она к нему привязалась. Когда ему надоедало клянчить еду, питомец часами играл с ниточкой или сидел у Розы на голове, глядя на экраны, пока она следила за своими горнодобывающими роботами на Кольцах.

На пятый день, проснувшись, Роза обнаружила, что он убил и съел четырех самых крупных и

толстых тараканов. Преисполненная праведным гневом, который даже не стала заглушать, она начала искать его по всей капсуле.

Но не нашла. А через несколько часов под туалетом обнаружила кокон размером со зверька.

Он впал в какую-то спячку. Роза простила его за расправу над тараканами. Их все равно было просто заменить — и они конкурировали за ее внимание. В каком-то смысле ей это даже льстило. Но потом острый укол волнения затмил все чувства. Она внимательно осмотрела кокон. Тот был сделан из перекрывающих друг друга слоев какой-то хрупкой прозрачной субстанции — засохшей слизи? — которая легко крошилась под ногтями. Кокон оказался не идеальной круглой формы; виднелись бугорки, возможно, там торчали колени и локти. Роза сделала себе еще один укол.

Зверек целую неделю провел в спячке, и все это время Паучью Розу не отпускало острое беспокойство. Она изучала записи Инвесторов, но те оказались слишком загадочными для ее ограниченных знаний. Она хотя бы поняла, что питомец не умер — кокон оставался теплым, а бугорки иногда шевелились.

Когда зверек начал вырываться из кокона, она

спала. Впрочем, Роза поставила мониторы, чтобы они ее предупредили, и поспешила к нему с первым же сигналом тревоги.

Кокон раскалывался. В хрупких пленках появилась прореха, а в кондиционированный воздух просочилась теплая животная вонь.

Появилась лапа: маленькая пятипалая рука, покрытая блестящим мехом. Затем вторая, обе схватились за края прорехи и разорвали кокон. Оно вышло на свет, разбрасывая шелуху маленькими человеческими шажочками, и улыбнулось во весь рот.

Существо напоминало обезьянку — маленькую, мягкую и поблескивающую. За его человеческими губами скрывались человеческие зубки. Круглые пружинистые ножки заканчивались ступнями младенчика, а от крыльев не осталось и следа. Глаза были цвета ее глаз. Гладкую кожу млекопитающего на круглом личике заливал слабый здоровый румянец.

Оно подпрыгнуло, и Роза увидела розовый язычок, существо принялось громко бормотать, произнося нечто похожее на слоги человеческой речи.

Оно подскочило и обняло ее ногу. Паучья Роза чувствовала страх, изумление и невероятное

облегчение. Она погладила мягкий и идеальный поблескивающий мех на твердой голове.

— Пушок, — сказала она. — Я рада. Я очень рада.

— Ва-ва-ва, — сказало оно, подражая ее интонации голоском ребенка. Потом отскочило обратно к кокону и с улыбкой начало его поедать, хватая пленки обеими руками.

Теперь она понимала, почему Инвесторы неохотно расстались с любимцем. Это был товар фантастической ценности. Генетический артефакт, способный оценивать эмоциональные потребности и желания инопланетных видов и адаптироваться к ним всего за несколько дней.

Она задумалась о том, как Инвесторы вообще могли его отдать, если все знали о способностях зверька. Как минимум она сомневалась в том, что они полностью разобрались в сложных данных, которые передали вместе с ним. Весьма вероятно, они приобрели своего любимца у других Инвесторов, в его рептильей форме. И возможно (от этой мысли по спине Розы пробежал холодок), что зверек старше всей расы Инвесторов.

Она уставилась на него: в его чистые, бесхитростные, доверчивые глаза. Он схватил ее за пальцы теплыми жилистыми ручонками. Не в

силах удержаться, Роза прижала питомца к себе, и тот забормотал от удовольствия. Да, он легко мог прожить сотни или тысячи лет, распространяя любовь (или равносильные эмоции) среди десятка разных видов.

И кто мог причинить ему вред? Даже у самых опустившихся и зачерствевших представителей ее собственного вида были тайные слабости. Она помнила истории об охранниках в концентрационных лагерях, которые недрогнувшей рукой уничтожали мужчин и женщин, но зимой исправно подкармливали голодных птичек. Страх порождал страх и ненависть — но как можно чувствовать страх или ненависть к этому созданию или сопротивляться его гениальным силам?

Оно не было разумным; разум ему и не требовался. Еще оно было бесполым. Способность размножаться подкосила бы товарную ценность. Кроме того Роза сомневалась, что нечто настолько сложное могло вырасти в утробе. Не иначе как его гены строили спикула за спикулой в какой-то невообразимой лаборатории.

Тянулись дни и недели. Способность питомца улавливать настроение хозяина казалась сродни чуду. Когда нужно, он всегда был рядом, а когда нет — исчезал. Иногда Роза слышала, как

он бормочет себе под нос, выделывая странные акробатические трюки или гоняя и поедая тараканов. Он никогда не хулиганил, а в редких случаях, когда ронял еду или что-нибудь сдвигал, незаметно прибирался за собой. Он оставлял маленькие безобидные фекальные капсулы в том же переработчике, которым пользовалась она.

Это были единственные признаки не совсем животного мышления. Раз — и только раз — он ей подражал, повторив предложение буква в букву. Она пришла в шок, а он тотчас почувствовал реакцию. С тех пор он больше не попугайничал.

Спали они в одной кровати. Иногда во сне Роза чувствовала, как он легонько тыкается теплым носом, обнюхивая ее кожу, словно питомец мог учуять через поры подавленные настроения и эмоции. Иногда он тер ей шею или давил на спину своими маленькими твердыми ручками, и в благодарность где-нибудь в теле обязательно расслаблялись напряженные мускулы. Днем она такого не допускала, но ночью, во сне ее дисциплинированность давала сбой, и между ними воцарялся тайный сговор.

Инвесторов не было больше шестисот дней. Она смеялась при мысли о своей будущей сделке.

Паучью Розу больше не пугал звук собственного

смеха. Она даже снизила дозировки супрессантов и ингибиторов. Питомец казался намного счастливей, когда счастлива она, и с ним рядом древняя грусть переносилась намного легче. Одна за другой Роза начала пересматривать старые травмы и обиды, прижимая к себе питомца и роняя слезы исцеления на его поблескивающий мех. Одну за другой он слизывал слезы, чувствовал их эмоциональную химию, принюхивался к дыханию и коже, обнимал, пока хозяйку сотрясали рыдания. Воспоминаний оказалось так много. Она чувствовала себя старой, ужасно старой, но в то же время испытывала новое ощущение цельности, позволявшее выдержать возраст. В прошлом она много чего наделала — много жестокого, — и никогда не сталкивалась с беспокойством от чувства вины. Раньше она перемалывала его в труху.

Теперь же впервые за десятилетия в Паучьей Розе стало пробуждаться ощущение цели в жизни. Ей снова захотелось увидеть людей — десятки людей, сотни людей, кто будет ей восхищаться, защищать ее, считать важной, о ком можно заботиться, с кем безопаснее, чем всего с одним компаньоном…

* * *

Станция-паутина вошла на самый рискованный участок орбиты, пересекавшийся с плоскостью Колец. Здесь у Розы всегда было полно дел: приходилось принимать дрейфующие куски неочищенных материалов — льда, углесодержащих хондритов, металлической руды, — которые находили и отправляли в ее сторону горнодобывающие роботы-марионетки. В Кольцах водились убийцы: хищные пираты, поселенцы-параноики, которые чуть что, сразу открывали огонь.

На своей обычной орбите, вдали от плоскости эклиптики, она была в безопасности. Но здесь приходилось транслировать приказы, тратить энергию, здесь от мощных разгонных двигателей, прицепленных к пойманным астероидам, оставались предательские следы. Неизбежный риск. Даже самая продуманная станция — не идеально замкнутая система, а станция Паучьей Розы была большой и старой.

Ее нашли.

Три корабля. Сперва Роза пыталась блефовать, послав им стандартное предупреждение о запрете на приближение, перенаправленное через маяк-марионетку. Они нашли его и уничтожи-

ли, но примитивные датчики маяка выдали их местоположение и кое-какую смазанную информацию.

Три гладких корабля — радужные капсулы, наполовину металлические, наполовину органические, с длинными рубчатыми солнечными крыльями цвета, как у насекомых, и тоньше, чем пленка нефти на воде. Суда шейперов — бугристые от геодезии сенсоров, шипов магнитных и оптических оружейных систем, длинных грузовых манипуляторов, сложенных, как лапки богомола.

Роза сидела, подключившись к собственным сенсорам, и изучала корабли, принимая ровный ручеек данных: определение дальности, возможные цели, характеристики вооружения. Использовать радар было слишком рискованно; она целилась оптически. Нормально для лазеров, но лазеры — не лучшее ее оружие. Может, один корабль они и собьют, но остальные доберутся до станции. Лучше не высовываться, пока они рыщут по Кольцам, и бесшумно выскользнуть с эклиптики.

Но ее нашли. Роза видела, как они сложили паруса и активировали ионные двигатели.

Корабли слали радиосигналы. Она вывела их

на экран, чтобы эта помеха не забивала голову. Появилось лицо шейпера, выходца из восточной генной линии: гладкие черные волосы, скрепленные сзади инкрустированными заколками, тонкие черные брови над темными глазами с эпикантусом, бледные губы, слегка изогнутые в харизматичной улыбке. Лощеное чистое лицо актера с блестящими безвозрастными глазами фанатика.

— Джейд Прайм, — сказала Паучья Роза.

– *Полковник-доктор* Джейд Прайм, — сказал шейпер, ткнув в золотую нашивку на воротнике черного военного кителя. — Все еще зовешь себя «Паучьей Розой», Лидия? Или уже стерла это имя из мозга?

— Почему ты солдат, а не труп?

— Времена меняются, Паучиха. Твои старые друзья гасят яркие молодые огоньки, а тем из нас, у кого есть долговременные планы, остается отдавать старые долги. Помнишь наши старые долги, Паучиха?

— Думаешь, ты переживешь эту встречу, а, Прайм? — она почувствовала, как мускулы ее лица скручиваются от свирепой ярости, убить которую не было времени. — Три корабля под управлением твоих собственных клонов. Сколь-

ко ты просидел в своем булыжнике, как червяк в яблоке? Все клонируешь и клонируешь. Когда тебе в последний раз позволяла себя коснуться женщина?

Его вечная улыбка скривилась в усмешку, блеснули белые зубы.

— Без толку, Паучиха. Ты уже убила меня *тридцать семь* раз — а я все возвращаюсь, разве не видишь? Жалкая старая сука, что вообще такое червяк? Какая-то тварь, типа мутанта у тебя на плече?

Она даже не заметила, что питомец здесь, и ее сердце пронзил страх за него.

— Ты подошел слишком близко!

— Тогда стреляй! Прикончи меня, старая заразная идиотка! Стреляй!

— Ты не он! — сказала она вдруг. — Ты не Первый Джейд! Ха! Он мертв, да?

Лицо клона исказилось от ярости. Вспыхнули лазеры, и три обитаемые капсулы Паучьей Розы расплавились, превратившись в шлак и облака металлической плазмы. В мозгу полыхнул последний обжигающий импульс невыносимой яркости с трех расплавленных телескопов.

Она дала стрекочущий залп железными снарядами с магнитным ускорением. Они продыря-

вили первый корабль на шестистах пятидесяти километрах в секунду, из него повалили клубы воздуха и хрупкие облака замерзающей воды.

Два корабля выстрелили. Такое вооружение она еще никогда не видела — и они раздавили две капсулы, как пара гигантских кулаков. Паутина содрогнулась от удара, теряя равновесие. Роза мгновенно поняла, какие оружейные системы остались, и ответила градом из аммиачного льда в металлической оболочке. Он пробил полуорганические борта второго шейперского судна. Крошечные отверстия мгновенно заросли, но команде пришел конец; аммиак испарился внутри, тут же выпуская нервные токсины, приводящие к мгновенной смерти.

У последнего корабля был один шанс из трех попасть в ее командный центр. Двести лет удачи Паучьей Розы подошли к концу. Контрольная панель ужалила руки разрядами. Весь свет на станции погас, компьютер сдох. Паучья Роза вскрикнула и стала ждать смерти.

Смерть не наступила.

От тошноты во рту появился привкус желчи. В темноте Роза открыла ящик и наполнила мозг жидкой безмятежностью. Тяжело дыша, откинулась в кресле у консоли, раздавив панику.

— Электромагнитный импульс, — сказала она. — Лишил меня всего.

Питомец проворковал несколько слогов.

— Он бы нас уже прикончил, если бы мог, — ответила она ему. — Должно быть, когда рухнул мейнфрейм, сработала защита других секций.

Она почувствовала толчок — питомец подскочил у нее на коленях, дрожа от ужаса. Она рассеянно обняла его, потерла тонкую шейку и сказала в темноту:

— Посмотрим. Ледяных токсинов нет — я управляла ими отсюда, — она выдернула из шеи бесполезный штепсель и оттянула халат от мокрых ребер. — Значит, спрей. Славное густое облако раскаленной ионизированной металлической меди. Вынес все его сенсоры. Он летит вслепую в металлическом гробу. Прямо как мы.

Она рассмеялась.

— Вот только у Старушки Розы остался туз в рукаве, детка. Инвесторы. Они будут меня искать. Его искать некому. А у меня еще остался мой камушек.

Она сидела молча, пока рукотворное спокойствие позволяло думать о немыслимом. Питомец нервно зашевелился, принюхиваясь к ее коже. Под ласками он слегка успокоился, а ей не хоте-

лось, чтобы он страдал.

Она положила свободную руку ему на рот и с хрустом свернула шею. Центробежная гравитация сохранила ее силы, и он не успел воспротивиться. Финальная дрожь сотрясла его конечности, когда она подняла питомца в темноте, нащупывая сердцебиение. Кончиками пальцев почувствовала последний пульс под тонкими ребрышками.

— Кислорода мало, — сказала она. Раздавленные эмоции попытались взбунтоваться и не смогли. У нее еще оставалось достаточно ингибиторов. — Плесневой ковер сохранит воздух чистым на несколько недель, но без света умрет. И есть его нельзя. Еды мало, малыш. Садов больше нет, и, даже если бы их не взорвали, я бы не смогла доставить сюда пищу. Не могу управлять роботами. Не могу даже открыть шлюзы. Если доживу, они прилетят и вытащат меня. Нужно повышать свои шансы. Это разумно. В таком положении я могу поступать только разумно.

Когда не осталось тараканов — по крайней мере, тех, кого она смогла поймать в темноте, — долгое и темное время она постилась. Потом съела неистлевшую плоть своего питомца, в бреду отчасти надеясь, что отравится.

Впервые увидев ослепительно-синий свет Инвесторов, пробивающийся через сломанный шлюз, она отползла назад на костлявых руках и ногах, прикрывая глаза.

Инвестор был в космическом костюме для защиты от бактерий. Она обрадовалась, что он не чует вонь ее черного склепа. Он обратился к ней на напевном языке Инвесторов, но ее переводчик сдох.

Секунду Роза думала, что ее бросят, оставят здесь голодной, слепой и наполовину облысевшей в паутине выпавших оптоволос. Но ее приняли на борт, облили саднящими антисептиками, выжгли кожу бактериальными ультрафиолетовыми лучами.

Они забрали камень, но это Паучья Роза и так понимала. А теперь они очень хотели узнать, — (и в этом было непросто разобраться) — что же случилось с их любимцем. Трудно было понять их жесты и обрывочный пиджин на основе человеческого языка. Она сделала с собой что-то нехорошее, это она понимала. Передозировка в темноте. Борьба во мраке с огромным черным жуком страха, разорвавшим хрупкое плетение ее паутины. Роза чувствовала себя очень плохо. Внутри нее что-то было не так. Истощенный жи-

вот натянулся, как барабан, а легкие сдавливало. Кости как будто находились не на месте. Слезы не шли.

Инвесторы не отставали. Ей хотелось умереть. Хотелось их любви и понимания. Хотелось…

В горле стоял ком. Она не могла говорить. Голова запрокинулась, глаза сузились из-за обжигающего сияния от освещения вокруг. Она слышала безболезненный хруст, с которым ее челюсть выходила из суставов.

Дыхание прекратилось. Это стало облегчением. В горле пульсировала антиперильстатика, и рот заполнился жидкостью.

Из губ и ноздрей сочилась живая белизна. Кожу щекотало от прикосновения, белизна лезла в глаза, запечатывая их и успокаивая. Паучью Розу пропитывала прохлада, охватывала апатия, пока прозрачная жидкость волна за волной окутывала, заливала кожу, покрывала тело. Роза расслабилась, ее наполняла чувственная и вялая благодарность. Есть не хотелось. Ей хватало лишней массы.

Через восемь дней она вырвалась из хрупких пленок своего кокона и вспорхнула на чешуйчатых крыльях в поисках поводка.

Царица цикад

Все началось в ночь, когда Царица отозвала своих псов. Я ходил под ними два года, с самого своего дезертирства.

Мою инициацию и освобождение от псов праздновали в доме Эрвина Кулагина. У Кулагина, обеспеченного механиста, был большой домашний промышленный комплекс на внешнем периметре цилиндрического пригорода среднего размера.

Кулагин встретил меня на пороге и вручил золотой ингалятор. Праздник уже был в самом разгаре. Инициацию Полиуглеродная Клика всегда отмечала в полную силу.

Как обычно, при моем появлении все на миг застыли. Во всем были виноваты псы. Потом в голосах появились писклявые нотки от наигранности, люди прикладывались к ингаляторам и напиткам с продуманной элегантностью, а света от каждой улыбки, обращенной в мою сторону, хватило бы на целую команду экспертов из службы безопасности.

Кулагин безжизненно улыбнулся.

— Ландау, рад тебя видеть. Добро пожаловать. Вижу, ты принес Царицыну Долю, — он нарочито бросил взгляд на шкатулку, висящую у меня на бедре.

— Да, — сказал я. У человека под псами нет секретов. Я работал над подарком Царице в течение двух лет с перерывами, и псы записывали все. Они до сих пор записывали все. Для этого их и спроектировали в «Безопасности Царицына Кластера». Два года они записывали каждую секунду моей жизни, все и вся вокруг.

— Может быть, Клике можно взглянуть, — сказал Кулагин. — Как только мы приструним псов, — он подмигнул в бронированную камеру-морду сторожевого пса, потом посмотрел на часы. — Всего час до освобождения. И тогда повеселимся, — он жестом пригласил меня в комнату. — Если что-то понадобится — пользуйся роботами.

Жилище Кулагина было просторным и элегантным, обставленным в классическом стиле и украшенным гигантскими висящими ноготками. Его пригород назывался Пена и был излюбленным районом Клики. Проживая на периметре, Кулагин пользовался ленивым кружением Пены и жил с десятой долей гравитации. Его стены

были расчерчены полосами, чтобы предоставить вертикальный ориентир, а места хватало на такую роскошь, как «диваны», «столы», стулья» и другие виды предназначенной для гравитации мебели. Потолок усеивали крючья, с которых десятками висели его любимые ноготки — огромные круглые взрывы благоуханной зелени с цветами размером с мою голову.

Я вошел в комнату и встал за диваном, частично закрывавшим двух бойцовских псов. Подал знак одному из паучьих слуг Кулагина и взял спринцовку с алкоголем, чтобы сгладить ускоряющую интенсивность фенэтиламина из ингалятора.

Я наблюдал за вечеринкой, разбившейся на неровные подклики. Кулагин был у двери со своими ближайшими сторонниками — офицерами-механистами из банков Царицына Кластера и молчаливыми безопасниками. Поблизости болтали о своем с парой орбитальных инженеров преподаватели из кампуса Космосити-Метасистем. На потолке дизайнеры-шейперы обсуждали моду, держась в слабой гравитации за крючья. Под ними маниакально кружились в гравитационном танце, как по часовой стрелке, цикады, группка жителей ЦК.

В конце комнаты среди стада стульев с тонкими

ножками держал речь Уэллспринг. Я аккуратно перепрыгнул диван и скользнул к нему. Псы взлетели за мной с жужжанием реактивных лопастей.

Уэллспринг был моим ближайшим другом в ЦК. Он поддержал мое дезертирство, когда посещал Совет Колец, закупая лед для проекта терраформирования Марса. Уэллспринга псы никогда не беспокоили. О его древней дружбе с Царицей было хорошо известно. В ЦК Уэллспринг слыл легендой.

Сегодня он приоделся для аудиенции у Царицы. Его темные приглаженные волосы венчала корона из золота и платины. На нем была свободная блуза из металлической парчи с прорезями в рукавах, обнажавшими черную подкладку, которую пронизывали мерцающие точки света. Все это дополняли инкрустированная юбка в стиле Инвесторов и чешуйчатые сапоги высотой по колено. Из-под крупной вязки инкрустированной юбки выглядывали массивные ноги Уэллспринга, привычные к тяжелой гравитации, которую предпочитала матка рептилий — Царица. Он считался могущественным человеком, а его слабости — если были — хорошо скрывались в прошлом.

Уэллспринг философствовал. Его публика —

математики и биологи из преподавательского состава ЦКК-М — расступилась передо мной с натянутыми улыбками.

— Вы просите меня определиться с терминами, — учтиво говорил Уэллспринг. — Под термином «мы» я имею в виду не только вас, цикад. Как не имею в виду все так называемое человечество. В конце концов, вы, шейперы, созданы из генов, запатентованных генетическими шейперскими фирмами. Вас будет правильней именовать промышленными артефактами.

Аудитория зароптала. Уэллспринг улыбнулся:

— И наоборот: механисты мало-помалу отказываются от человеческой плоти в пользу кибернетических режимов существования. Итак. Следовательно, мой термин «мы» может относится к любой когнитивной метасистеме четвертого уровня сложности по Пригожину.

Профессор-шейпер поднес ингалятор к своей нарисованной ноздре и сказал:

— Не могу не возразить, Уэллспринг. Эта оккультная чепуха об уровнях сложности отвлекает силы ЦК от настоящей науки.

— Линейное причинно-следственное мышление, — парировал Уэллспринг. — Вы, консерваторы, всегда ищите определенность за пределами

уровня когнитивной метасистемы. Очевидно, всякое разумное существо отделено от уровня ниже своего пригожинским горизонтом событий. Нам пора перестать искать для себя точку опоры. Пора поместить в центр всего *себя*. Если какая-то точка опоры и понадобится, пусть она вращается вокруг нас.

Ему зааплодировали.

— Признайте, Евгений, — сказал он. — ЦК процветает в новом моральном и интеллектуальном климате. Это не поддается измерению и прогнозам, а потому пугает вас как ученого. Постгуманизм предлагает гибкость, свободу и достаточно дерзкую метафизику, чтобы претворить в жизнь целый мир. Он позволяет нам предпринимать такие экономически абсурдные проекты, как терраформирование Марса, на что вы со своим псевдопрагматичным отношением никогда бы не решились. И все же подумайте о будущей прибыли.

— Семантические трюки, — хмыкнул профессор. Раньше я его не видел. Я подозревал, что Уэллспринг привел его сам исключительно ради того, чтобы спровоцировать.

Я и сам когда-то сомневался в некоторых аспектах постгуманизма ЦК. Но открытый отказ

от поиска моральной определенности освободил нас. Когда я разглядывал воодушевленные разрисованные лица аудитории Уэллспринга и сравнивал с мрачной натянутостью и завуалированным коварством, что некогда меня окружали, я чувствовал, как переполняюсь энергией. После двадцати четырех лет параноидального обучения под началом Совета Колец и еще двух лет под псами сегодня я наконец со взрывом освобожусь от давления.

Я занюхал фенэтиламин — «естественный» амфетамин самого тела. Вдруг закружилась голова, словно пространство в ней заполнилось раскаленным докрасна протопространством первобытного космоса де Ситтера, в любой момент готовым на пригожинский прыжок в «нормальный» пространственно-временной континуум, на второй уровень сложности по Пригожину… Постгуманизм, следуя линии, предложенной древним земным философом Ильей Пригожиным, вышколил нас мыслить в категориях остановок и рывков, структур, что накапливаются по негласным закономерностям. Я понял этот принцип на себе — ведь мое собственное умеренное притяжение к ослепительной Валерии Корстад сгустилось в узел страсти, который

супрессанты могли только приглушить, но не уничтожить.

Она танцевала по комнате — инкрустированные пряди ее инвесторской юбки извивались, как змеи. Она обладала безликой красотой перестроенных, на которую накладывалась изобретательная и соблазнительная краска ЦК. Я никогда не видел никого желаннее, и по коротким и натянутым моментам флирта знал, что между нами стоят только псы.

Уэллспринг взял меня под руку. Его аудитория уже рассосалась, пока я замер, вожделея Валерию.

— Сколько еще, сынок?

Застигнутый врасплох, я посмотрел на экран своих часов на предплечье.

— Всего двадцать минут, Уэллспринг.

— Славно, сынок, — он славился употреблением архаических слов, вроде «сынок». — Как только псы уйдут, праздник будет твой, Ганс. Я не задержусь, чтобы затмевать тебя. Кроме того, меня ожидает Царица. Царицына Доля при тебе?

— Да, как ты и просил, — я отклеил контейнер от липкого участка на бедре и передал.

Уэллспринг поднял крышку сильными пальцами и заглянул внутрь. Потом громко засмеялся.

— Господи! Какая красота!

Вдруг он резко опустил открытый контейнер, и подарок Царице завис в воздухе, поблескивая над нашими головами. Это был искусственный драгоценный камень размером с детское личико, а его резные грани переливались зеленым и золотым цветами эндолитного лишайника. Кружась, он отбрасывал нам на лица блики раздробленного света.

Пока самоцвет падал, появился Кулагин и подхватил его кончиками четырех пальцев. При изучении камня его левый глаз — искусственный имплантат — мрачно поблескивал.

— Дзайбацу Эйсё? — спросил он.

— Да. Они занимались синтезом; лишайник — особый вид, созданный мной лично. — Я заметил, что рядом начали собираться любопытные, и громко произнес: — Наш хозяин — знаток.

— Только финансов, — сказал Кулагин тихо, но столь же выразительно. — Теперь я понимаю, почему ты запатентовал процесс на свое имя. Это поразительное достижение. Разве хоть один Инвестор устоит перед живой драгоценностью, друзья? Вскоре наш адепт станет богатым человеком.

Я быстро взглянул на Уэллспринга, но тот неза-

метно прикоснулся пальцем к губам, а после громко произнес:

— А богатство ему пригодится для того, чтобы привести к достатку Марс. Мы не можем вечно полагаться в финансировании на Космосити. Друзья, возрадуйтесь, ведь вы тоже пожнете плоды гениальной генетики Ландау, — он поймал драгоценность и вернул в шкатулку. — А сегодня я имею честь презентовать этот дар Царице. Двойную честь, ведь я сам завербовал создателя, — вдруг он скакнул к выходу — мощные ноги быстро пронесли его над нашими головами. На лету Уэллспринг крикнул: — До свидания, сынок! Пусть твой порог не омрачит больше ни один пес!

С уходом Уэллспринга засобирались и гости не из Клики, сбившись в толчею из приносивших шляпы роботов и сплетничающих доброхотов. Когда ушли последние, Клика внезапно замолчала.

Кулагин отправил меня в дальний угол своей студии, а члены Клики, вооружившись ленточками и краской, выстроились, образовав собой коридор для псов. Явный мрачный намек на тлеющее возмездие только придавал пикантности их радости. Я сам взял пару шариков с краской у

одного из торопливых роботов Кулагина.

Мое время почти пришло. Два долгих года я планировал вступить в Полиуглеродную Клику. Они были нужны мне. Я чувствовал, что и сам нужен им. Я устал от подозрений, от натянутой вежливости, от стеклянных стен из-за слежки псов. Внезапно острые грани моего долгого наказания болезненно рухнули. Меня заколотила неуправляемая дрожь, которой я не мог сдержать.

Псы оставались неподвижны, твердо снимая до последнего назначенного мгновения. Толпа начала отсчет. Ровно по счету ноль два пса развернулись на выход.

На них обрушились краска и спутанные ленты. Мигом ранее они бы зверски набросились на своих мучителей, но сейчас их программа завершилась, и они наконец стали беспомощными. Целилась Клика верно, и с каждым плеском попадания разрывала воздух криками и смехом. Они не знали пощады, и униженные псы целую минуту вслепую скакали и запинались, направляясь к дверям.

Меня захватила истерика толпы. Из моих стиснутых зубов вырывались крики. Я чуть не бросился за псами вдогонку, меня пришлось хватать и удерживать. Когда твердые руки во-

дворили меня обратно в комнату, я обернулся к своим друзьям и был сражен яростью эмоций на их лицах. Они словно сорвали с себя кожу и смотрели на меня глазными яблоками, сидящими в кусках мяса.

Меня подхватили и начали передавать из рук в руки. Даже те, кого я хорошо знал, сейчас казались чужаками. С меня срывали одежду, пока я не остался голым; у меня забрали даже компьютерный нарукавник, а потом поставили посреди комнаты.

Пока я стоял и дрожал, окруженный людьми, ко мне подошел Кулагин — с простертыми руками, застывшим и торжественным лицом. У него была черная ткань. Он поднял ее у меня над головой, и я увидел, что это черный капюшон. Он придвинулся к моему уху и тихо произнес:

— Друг, иди до конца, — потом натянул капюшон мне на голову и завязал.

Капюшон чем-то пропитали; я чувствовал запах. Конечности закололо, потом они онемели. По рукам и ногам медленно поползло тепло, сковывая, словно браслетами. Я ничего не слышал, пол ушел из-под ног. Я потерял всякое равновесие и вдруг упал на спину, рухнул в бесконечность.

Моя глаза открылись — или мои глаза закры-

лись, я не понимал. Но на краю зрения, откуда-то из-за несказанного тумана, возникли огоньки холодной и пронзительной яркости. Это была Великая Галактическая Ночь — обширная и безжалостная пустота, что рыщет за теплым краем любого человеческого поселения, более пустая, чем даже смерть.

Я парил голым в космосе, и стоял такой кусачий холод, что я чувствовал его каждой своей клеткой, как яд. Ощущал, как из меня струится бледное тепло жизни, словно плазма, утекая от пальцев завесами звездного сияния. Я продолжал падать, и, пока последние обрывки тепла пульсировали, падая во всепожирающую бездну космоса, а тело коченело, белело, каждая пора покрывалась мехом инея, я познал предельный ужас: что я не умру, что я буду вечно падать в неизведанное, пока разум съеживается в единственную замерзшую спору одиночества и кошмара.

Время расширилось. Тысячелетия немого страха сжались в несколько мгновений, и я увидел в космосе перед собой один-единственный белый пузырь света, словно прореху в какую-то соседнюю реальность, полную чужеродного свечения. В этот раз я падал к нему лицом, падал сквозь него, и, наконец, резко обрел зрение, вернул соб-

ственный разум, оказавшись на мягком полу в студии Кулагина.

Капюшон пропал. На мне был свободный черный халат, запахнутый расшитым поясом. Кулагин и Валерия Корстад помогли подняться на ноги. Меня повело, пока я смахивал слезы, но я все же устоял на ногах, и Клика возрадовалась.

Под мышкой появилось плечо Кулагина. Он обнял меня и прошептал:

— Брат, помни о холоде. Когда нам, твоим друзьям, понадобится тепло — будь теплым, помни о холоде. Когда дружба приносит боль — прости нас, помни о холоде. Когда тебя искушает эгоизм — отвергни его, помни о холоде. Ибо ты прошел до конца и вернулся к нам обновленным. Помни, помни о холоде, — а потом дал мне тайное имя и прижался нарисованными губами к моим.

Я повис на нем, захлебываясь всхлипами. Меня приняла в объятия Валерия, и Кулагин с улыбкой мягко отстранился.

Один за другим члены Клики брали меня за руки и быстро прижимались губами к лицу, бормоча поздравления. Все еще не вернув дар речи, я мог только кивать. Между тем Валерия Корстад, держа меня за руку, жарко нашептывала на ухо:

— Ганс, Ганс, Ганс Ландау, остается еще один

ритуал, который я приберегла для себя. Сегодня лучшие покои в Пене принадлежат нам — священное место, куда ни разу не ступал не один пес со стеклянными глазами. Ганс Ландау, сегодня это место принадлежит тебе — как и я.

Я заглянул ей в лицо увлажнившимися глазами. Ее зрачки были расширены, а под ушами и вдоль подбородка распространялся розовый румянец. Она приняла дозу гормональных афродизиаков. Я чувствовал антисептическую сладость ее парфюмированного пота и с содроганием закрыл глаза.

Валерия вывела меня в коридор. Позади плотно закрылась дверь Кулагина, превращая звуки веселья в бормотание. Валерия помогла мне натянуть воздушные плавники, ласково шептала.

Псы ушли. Два куска моей реальности вырезали, как из записи. Я все еще был как в тумане. Валерия взяла меня под руку, и мы, работая воздушными плавниками, поднялись по коридору наверх, к центру этого района. Я механически улыбался цикадам, которых мы миновали, — другой публике. Они серьезно занимались работой своего дня-смены, пока Полиуглеродная Клика наслаждалась вакханалией.

В Пене было легко потеряться. Ее строили на-

перекор упорядоченной архитектуре других поселений, в типичном для ЦК отречении от нормы. Изначально пустой цилиндр наполнили сжатой под давлением пластмассой, которую потом надули в виде пены и позволили затвердеть. Получились угловатые пузыри, чьи наклонные стены были определены чистой топологией плотной упаковки и поверхностного натяжения. Позже через комплекс прозмеили коридоры, вручную вырезали двери и воздушные шлюзы. Пена славилась своей бредовой и желанной спонтанностью.

Славились и ее приваты, но совсем другой славой. ЦК проявлял гражданственность в щедрой защите этих цитаделей от наблюдения. Я никогда в них не был. Тех, кто ходит под псами, не допускали за их границы. Но до меня доходили слухи, мрачные и скабрезные скандалы баров и коридоров, обрывки пошлых спекуляций, что всегда затихают с появлением псов. Всё, всё что угодно могло произойти в привате, и никто об этом не узнает, кроме любовников или уцелевших, вернувшихся часы спустя к публичной жизни…

По мере угасания центробежной гравитации мы начали парить. Валерия чуть ли не тащила меня за собой. Пузыри Пены раздулись возле оси

вращения, и мы вошли в район тихих промышленных жилиц богачей. Скоро мы подплыли к самому порогу одиозного привата «Топаз» — тайному месту неисчислимых забав элиты. Лучшему в Пене.

Валерия посмотрела на свои часы, ласково стирая пленку пота, выступившую на зардевшихся и идеальных чертах лица и шеи. Долго ждать нам не пришлось. Мы услышали мягкий повторяющийся звон, предупреждающий нынешнего обитателя, что его время подошло к концу. На двери раскрылись замки. Я спросил себя, что за член внутреннего круга ЦК выйдет нам навстречу. Сейчас, когда я освободился от псов, мне не терпелось смело посмотреть ему в глаза.

Но мы все ждали. Теперь приват стал нашим по праву, и каждый потерянный в ожидании момент был как ножом по сердцу. Задержаться в привате сверх положенного считалось верхом неприличия. Валерия рассердилась и толкнула дверь.

Воздух был полон крови. Она плавала в невесомости тысячей красных сворачивающихся пузырей.

В центре помещения парил самоубийца — его вялое тело все еще медленно кружилось из-за

потока из перерезанного горла. В механически стиснутых пальцах вытянутой руки поблескивал скальпель. На покойнике была аскетичная черная спецовка механиста-консерватора.

Тело развернулось, и я увидел на груди нашивку советника Царицы. Его частично металлическая голова стала липкой от его же крови; лица было не разглядеть. От горла тянулись длинные алые ленты, словно красные вуали.

Мы влетели кометой во что-то за пределами нашей власти.

— Я вызову Службу безопасности, — сказал я. Валерия произнесла лишь два слова:

— Не сейчас.

Я посмотрел ей в лицо. Ее глаза потемнели от восторженной похоти. В нее вмиг запустила свои крючья тяга к запретному. Она вальяжно оттолкнулась от мозаичной стены, и длинная полоса крови с брызгами разбилась о ее бедро.

В приватах всегда сталкивались с крайностями. В месте со столькими скрытыми смыслами размывались границы. Из-за постоянной близости удовольствие сливалось со смертью. Для женщины, которой я восхищался, все происходящие здесь тайные ритуалы стали одним негласным целым.

— Быстрее, — сказала она. Ее губы были горькими от тонкой пленки афродизиаков. Мы сплели ноги, совокупляясь в невесомости, и смотрели на то, как вращается тело самоубийцы.

Вот такой была ночь, когда Царица отозвала своих псов.

* * *

Теперь меня тошнило от возбуждения, которое я чувствовал в привате. Мы, цикады, живем в моральном эквиваленте космоса де Ситтера, где ни один этос не имеет силы, если только не порожден непричинной свободной волей. Каждый уровень сложности по Пригожину основан на самодостаточном порождающем катализаторе: космос существует потому, что существует космос, жизнь есть потому, что ее не могло не быть, разум есть потому, что есть. Значит, и целая моральная система могла нарасти вокруг единственного момента глубочайшего отвращения… По крайней мере, так учил Постгуманизм. После моей осквернённой консумации с Валерией я отстранился от общества, чтобы погрузиться в работу и размышления.

Я жил в Пене, в провонявшей лишайниками домашне-промышленной студии, куда менее

шикарной, чем у Кулагина.

На второй день-смену моей медитации меня навестила Аркадия Сориенти — подруга по Клике и одна из наперсниц Валерии. Даже теперь, без псов, отношения между нами были натянутыми. Мне казалось, что Аркадия — полная противоположность Валерии: блондинка, когда та брюнетка; покрыта механистическими штучками, тогда как Валерия отличалась холодной элегантностью генетически перестроенного человека; полная фальшивого и хрупкого веселья, тогда как Валерия часто впадала в рассеянное и меланхоличное уныние. Я предложил Аркадии спринцовку алкоголя; мои апартаменты находились слишком близко к оси, чтобы пользоваться бокалами.

— Я еще не видела твоих апартаментов, — сказала она. — Мне нравятся твои очистители воздуха, Ганс. Что это за плесень?

— Это лишайник, — ответил я.

— Он прекрасен. Один из твоих особых видов?

— Они все особые. Те, что с отметками «MARK III» и «IV» — разновидности для проекта по терраформированию. В остальных — чувствительные штаммы, над которыми я работал для датчиков загрязнения. Лишайники крайне чувствительны

к любым примесям, — я включил ионизатор воздуха. В кишках механистов кишат бактерии, и их эффект может быть губителен.

— А какой лишайник использовался для камня Царицы?

— Он заперт подальше от глаз. За пределами камня его рост становится непредсказуем. И он воняет, — я неловко улыбнулся. Это было обычной темой разговоров среди шейперов — что от механистов воняет. Мне казалось, я уже чую запах ее подмышек.

Аркадия улыбнулась и нервно потерла кожно-металлический интерфейс на серебристом пузыре механизма, вживленного в ее предплечье.

— Валерия снова в своем дурном настроении, — сказала она. — И я решила повидать тебя.

Перед мысленным взором промелькнул кошмарный образ нашей голой кожи, скользкой от крови.

— Это был… прискорбный случай, — сказал я.

— В ЦК только и разговоров, что о смерти Контролера.

— Это был Контролер? Не видел об этом новостей.

В ее взгляд прокралось лукавство.

— Ты видел его сам, — сказала она. Меня шокировало то, что она ожидает, будто я расскажу о своем пребывании в привате.

— Мне надо работать, — сказал я. Оттолкнулся плавниками, чтобы отплыть от нашей общей вертикали. Нам стало неудобно смотреть друг на друга, и это еще больше увеличило социальную дистанцию.

Она тихо рассмеялась:

— Не будь снобом, Ганс. Ведешь себя так, будто попрежнему ходишь под псами. Расскажи мне все, если хочешь, чтобы я помогла вам двоим.

Я остановился в полете.

— А я хочу помочь, — сказала она. — Я подруга Валерии. Мне нравится ваша пара. Соответствуют моему чувству прекрасного.

— Спасибо за заботу.

— Но я *правда* забочусь. И устала видеть ее в обществе старого развратника Уэллспринга.

— Хочешь сказать, они любовники? — спросил я.

Она всплеснула пальцами, облаченными в металл:

— Ты спрашиваешь, чем они вдвоем занимаются в его любимом привате? Может, играют в шахматы, — она закатила глаза под веками,

тяжелыми от напыленного золота. — Не строй такой шокированный вид, Ганс. Тебе о его власти должно быть известно не хуже других. Он стар и богат; мы, полиуглеродные женщины, молоды и не отягощены принципами, — она бросила быстрый взгляд в сторону из-под длинных ресниц. — Я ни разу не слышала, чтобы он брал от нас то, что мы сами не готовы дать, — она подплыла ближе. — Расскажи, что ты видел, Ганс. ЦК сходит с ума от новостей, а Валерия только и делает, что хандрит.

Я открыл холодильник и поискал среди чашек Петри еще выпивки.

— Кажется мне, говорить должна ты, Аркадия.

Она заколебалась, потом пожала плечами и улыбнулась:

— Вот теперь я вижу здравый смысл, друг мой. В Ц-Кластере раскрытые глаза и уши далеко заведут, — Аркадия достала стильный ингалятор из своей кобуры на эмалевой подвязке. — А к слову об ушах и глазах — ты уже прочесал свой дом на предмет жучков?

— Кто мне их подложит?

— А кто нет? — ей сразу стало скучно. — Тогда буду придерживаться того, что знают все. Найми нам как-нибудь приват — и дорасскажу

остальное, — она выстрелила потоком янтарного алкоголя с расстояния вытянутой руки и всосала его, когда тот достиг зубов. — В ЦК назревает что-то крупное. Это еще не дошло до верхов, но смерть Контроллера — первый признак. Остальные советники говорят о том, что во всем виноваты личные проблемы, но очевидно, он не просто устал от жизни. Его дела остались в беспорядке. Нет, это ведет к самой Царице. Я уверена.

— Думаешь, покончить с собой ему приказала Царица?

— Возможно. С возрастом она становится непредсказуемой. Впрочем, кто бы ни стал, если прожить жизнь в окружении инопланетян? Я сочувствую Царице, правда. Если для успокоения души ей нужно убить пару старых чопорных богатых ублюдков, я ничуть не против. Более того, будь дело только в этом, я бы спала спокойно.

Я задумался о ее словах, внешне сохраняя равнодушие. Вся структура Царицына Кластера покоилась на изгнании Царицы. Семьдесят лет вокруг убежища нашей инопланетной матки собирались недовольные, диссиденты, пираты и пацифисты. Могущество и престиж ее соплеменников-Инвесторов защищали нас от хищных махинаций фашистов-шейперов и дегуманизи-

рованных сект механистов. ЦК оставался оазисом здравого смысла посреди жестокой аморальности воюющих человеческих фракций. Наши пригороды сплетались паутиной вокруг мрачного корпуса сиятельного инкрустированного жилища матки.

Она была всем, что у нас есть. Под любым нашим успехом лежала тошнотворная неуверенность. Знаменитые банки ЦК обеспечивались огромным богатством Царицы цикад. Академическая свобода учебных центров ЦК процветала лишь в ее тени.

И мы даже не знали, чем она опозорена. Слухов ходило множество, но только сами Инвесторы знали истину. Оставь нас Царица, Кластер рухнул бы в одночасье.

— Я уже слышал разговоры о том, что она несчастна, — бросил я походя. — Похоже, сперва слухи распространяются, потом ненадолго повышают Долю, ей украшают очередную комнату сверху донизу драгоценностями — и слухи пропадают.

— Это правда… Она с нашей милой Валерией два сапога пара, когда речь заходит о перепадах настроения. Впрочем, очевидно, что у Контроллера не осталось другого выхода, кроме

самоубийства. А это значит, что в сердце ЦК назревает катастрофа.

— Это только слухи. В сердце ЦК — Царица, а кто знает, что творится в ее большой голове?

— Уэллспринг знает, — с напором сказала Аркадия.

— Но он не советник, — возразил я. — Если говорить о внутреннем круге Царицы, он немногим лучше пирата.

— Расскажи, что ты видел в привате «Топаз».

— Дай мне немного времени. Это довольно болезненные воспоминания, — я задумался о том, что ей рассказать и во что она готова поверить. Молчание начало затягиваться.

Я включил шум земного моря. Комната зловеще загудела от рокота инопланетного прибоя.

— Я не был к этому готов, — сказал я. — В яслях нас с детства учат беречь свои чувства. Я знаю, что думает Клика о дистанции между людьми. Но такая обнаженная интимность, и с женщиной, которую я едва знаю, — особенно в обстоятельствах той ночи, — это меня ранило, — я испытующе заглянул в лицо Аркадии, мечтая дотянуться через нее до Валерии. — Когда все кончилось, мы оказались еще дальше друг от друга, чем были.

Аркадия склонила голову набок и поморщи-

лась:

— Кто композитор?

— Что? Ты о музыке? Это запись для фона — звуки моря с Земли. Им уже пара столетий.

Она странно посмотрела на меня:

— А тебя действительно увлекает эта планетарная тема, да? «Звуки моря».

— Однажды моря будут на Марсе. В этом же цель нашего проекта, верно?

Вид у нее был тревожный.

— Конечно… Мы над этим работаем, Ганс, но это же не значит, что мы сами обязаны там жить. Я хочу сказать — это же будет только через несколько веков, правильно? Даже если мы доживем, мы уже станем другими людьми. Только представь себе гравитационный колодец. Я бы задохнулась насмерть.

— Я думаю об этом не просто как о поселении, — тихо сказал я. — Для меня это деятельность более чистая, более идеализированная. Когнитивные агенты четвертого уровня инициируют пригожинский прыжок третьего уровня. Создать саму жизнь на голой основе пространства-времени…

Но Аркадия уже качала головой и спиной поплыла к двери.

— Прости, Ганс, но эти звуки, они просто… как

будто лезут мне в кровь… — она передернулась, и вплетенные в светлые волосы филигранные бусы громко застучали. — Невыносимо.

— Я выключу.

Но она уже уходила.

— До свидания, до свидания… До скорой встречи.

Ушла. А я остался, все глубже погружаясь в одиночество, пока ревущий прилив бормотал, глодая берег.

* * *

У дверей Кулагина меня встретил один из его сервороботов и принял шляпу. Кулагин сидел на рабочем месте в отгороженном ширмой углу своего пропахшего ноготками жилища, глядя, как по дисплею сверху вниз пробегают котировки акций. Он диктовал приказы в микрофон на компьютерном нарукавнике. Когда обо мне объявил слуга, он выдернул штекер из нарукавника и поднялся, пожимая мне ладонь обеими руками.

— Добро пожаловать, друг, добро пожаловать.

— Надеюсь, я не отвлекаю.

— Нет, вовсе нет. Ты играешь на Рынке?

— Не всерьез, — сказал я. — Возможно, когда-нибудь позже, когда накопятся роялти от

Дзайбацу Эйсё.

— Тогда позволь мне направить твои глаза. Хороший постгуманист должен отличаться широтой интересов. Садись в это кресло, будь добр.

Я сел рядом с Кулагиным, пока он подключался к консоли. Кулагин был механистом, но строго следил за обеззараживанием тела. Он мне нравился.

— Странно, как финансовые институты отклоняются от своей первоначальной цели, — сказал он. — В каком-то смысле Рынок и сам совершил нечто вроде пригожинского прыжка. На поверхности это коммерческий инструмент, но он стал игрой соглашений, условностей, тайн и самоуверенности. Мы, цикады, питаемся слухами, дышим слухами и видим их во сне, так что рынок — идеальное выражение нашего духа времени.

— Да. Он хрупкий, манерный и по сути основан на вымыслах, а не фактах.

Кулагин поднял выщипанные брови.

— Да, мой юный друг, точно как основание самого космоса. Каждый уровень сложности свободно парит над предыдущим, и его поддерживают только абстракции. Даже законы природы — лишь наши попытки прищуриться и заглянуть за пригожинский горизонт событий… Если пред-

почитаешь более первобытную метафору, можно сравнить Рынок с морем. Морем информации, с редко разбросанными островами голубых фишек для изможденного пловца. Взгляни сюда.

Он дотронулся до кнопок, и перед нами материализовалась трехмерная сетка.

— Это активность Рынка за последние сорок восемь часов. Весьма напоминает волны и колыхание моря, верно? Отметь всплески транзакций, — он коснулся экрана имплантированным в указательный палец световым пером, и зеленые области на сетке залились красным. — Тогда поступили первые слухи об айстероиде…

— О чем?

— Астероиде, ледниковой массе от Совета Колец. Кто-то купил его и прямо сейчас разгоняет из гравитационного колодца Сатурна для столкновения с Марсом. Кто-то очень дальновидный, ведь астероид пройдет в нескольких тысячах километров от ЦК. Достаточно близко для наблюдения невооруженным глазом.

— Хочешь сказать, это вправду кто-то сделал? — сказал я, не находя себе места от потрясения и радости.

— До меня это дошло из третьих, четвертых, а то и десятых рук, но все сходится с параметрами,

установленными полиуглеродными инженерами. Масса изо льда и летучих веществ, больше трех километров в ширину, расчетное время столкновения — 20:14:53, 14–4-’54 ВВ… Это рассвет по местному времени. В смысле, местному марсианскому.

— Но до этого еще много месяцев, — сказал я.

Кулагин усмехнулся:

— Слушай, Ганс, трехкилометровый кусок льда большими пальцами не дотолкаешь. Кроме того, астероид только первый из десятков. Пока это больше символический жест.

— Но он значит, что мы переедем! На марсианскую орбиту!

Кулагин взглянул на меня со скепсисом.

— Это работа для дронов и мониторов, Ганс. Или, может, нескольких первопроходцев с закаленным характером. Вообще-то нам с тобой нет ни одной причины покидать комфорт ЦК.

Я вскочил, нервно сложив руки:

— Ты хочешь *остаться?* И пропустить пригожинский катализатор?

Кулагин поднял на меня взгляд и слегка нахмурился:

— Остынь, Ганс, сядь. Скоро будут искать добровольцев, и если ты правда настроен лететь, я

уверен, ты что-нибудь придумаешь… Суть в том, что на Рынок произвели зрелищный эффект… Он и так пошатнулся после смерти Контроллера, а теперь на охоту вышла какая-то действительно крупная рыба. Я следил за ее движениями три дня-смены подряд — в надежде, так сказать, попировать на объедках… Не желаешь вдохнуть?

— Нет, спасибо.

Кулагин затянулся стимулятором. Выглядел механист растрепанным. Я никогда не видел его без краски на лице.

— У меня нет того чутья на психологию толпы, что у вас, шейперов, поэтому приходится обходиться очень, очень хорошей памятью… — сказал он. — В последний раз нечто вроде этого я видел тринадцать лет назад. Тогда кто-то пустил слухи, что Царица хочет покинуть ЦК, а советники удерживают ее силой. Результат — Крах Сорок Первого, но настоящий куш сорвали на последовавшем Ралли — резком подъеме цен. Я пересматривал записи о Крахе — и уже узнаю плавники и большие острые зубы старого приятеля. Вижу в маневрах его стиль. Это не скользкое обличье шейпера. Но и не холодное упорство механиста.

Я задумался.

— Значит, ты имеешь в виду Уэллспринга.

Возраст Уэллспринга был неизвестен. Ему перевалило за две сотни лет. Он заявлял, что родился на Земле еще на заре космического века и жил в независимых космических колониях первого поколения — так называемой Цепи. Он же был среди основателей Царицына Кластера, строил обиталище для Царицы, в позоре сбежавшей от соплеменников-Инвесторов.

Кулагин улыбнулся:

— Очень хорошо, Ганс. Может, ты и живешь во мху, но сам еще мхом не зарос. По-моему, Уэллспринг подстроил Крах Сорок Первого ради своей выгоды.

— Но живет он очень скромно.

— Как старейший друг Царицы он точно был в идеальном положении для распространения слухов. Он даже проектировал параметры самого Рынка, семьдесят лет назад. И именно после Ралли был учрежден факультет терраформирования Космосити-Метасистемс. Конечно, благодаря анонимным взносам.

— Но взносы поступали со всех уголков системы, — возразил я. — Почти все секты и фракции считают, что терраформирование — высшая цель человечества.

— Несомненно. Хотя я часто задаюсь вопросом, как эта идея настолько распространилась. И к чьей выгоде. Послушай, Ганс. Я люблю Уэллспринга. Он друг — а я помню о холоде. Но ты должен понимать, что он аномалия. Он не один из нас. Он даже родился не в космосе, — Кулагин посмотрел на меня с прищуром, но я не обиделся его слову «родиться». Для шейперов это смертельное оскорбление, но я считал себя в первую очередь полиуглеродным, во вторую — цикадой и уже в отдаленную третью — шейпером.

На его лице мелькнула улыбка:

— Несомненно, Уэллспринг имплантировал себе пару механистических безделушек, чтобы продлить жизнь, но у него нет мех-стиля. Более того — он появился задолго до любого стиля. Я последним стану отрицать вашу, шей-перов, гениальность, но в каком-то смысле эта гениальность искусственная. Она дает хороший результат в тестах IQ, но ей не хватает какого-то, так скажем, первобытного свойства, которое есть у Уэллспринга; точно так же мы, механисты, можем пользоваться кибернетическими режимами мышления, но никогда не станем настоящими машинами… Уэллспринг — просто один из людей на вершине гауссовой кривой, один из титанов,

что рождаются раз в поколение. Я хочу сказать — сам взгляни, что стало с его обычными современниками-людьми.

Я кивнул:

— Большинство стали мехами.

Кулагин еле заметно покачал головой, глядя на экран.

— Я родился здесь, в ЦК. Я не так уж много знаю о мехах старой закалки, но знаю, что большинство представителей первого поколения мертвы. Устарели, вытеснены. Их свел с ума шок будущего. К тому же первые устройства для продления жизни сбоили, причем сбоили страшно… Уэллспринг пережил и это — благодаря какому-то врожденному дару. Задумайся, Ганс. Вот сидим мы, дети столь продвинутых технологий, что они разбили общество вдребезги. Торгуем с инопланетянами. Можем даже летать автостопом до звезд, если заплатить Инвесторам. А Уэллспринг не только держится сам, но и правит нами. Мы даже не знаем его настоящего имени.

Я взвесил слова Кулагина, пока он переключился на новости Рынка. Мне было неприятно. Я мог скрыть свои чувства — но не мог их стряхнуть.

— Ты прав, — сказал я. — Но я ему доверяю.

— Я тоже ему доверяю, но знаю, что мы — в

его руках. Более того, прямо сейчас он нас защищает. На этот проект терраформирования идут мегаватты за мегаваттом. Все взносы анонимны — предположительно, чтобы не позволить фракциям использовать данные в своей пропаганде. Но мне кажется, вся эта система призвана скрыть тот факт, что большая часть средств поступает от Уэллспринга. Со дня на день наступит затяжной крах Рынка. Уэллспринг сделает ход — и начнется ралли. И все киловатты его прибыли уйдут нам.

Я придвинулся в кресле, переплетая пальцы. Кулагин надиктовал в микрофон несколько приказов о продаже. Я вдруг рассмеялся.

Кулагин поднял взгляд:

— Впервые слышу, чтобы ты смеялся всерьез, Ганс.

— Я просто подумал… Ты мне рассказываешь об этом, но поговорить я пришел о Валерии.

Кулагин посмотрел на меня с печалью:

— Послушай, Ганс. Все, что я знаю о женщинах, можно спрятать под одним микрочипом, но, как я уже сказал, память у меня превосходная. Шейперы сплоховали, когда впервые довели себя до предела. В прошлом веке Совет Колец пытался преодолеть так называемый Барьер Двухсот. Большинство сверхспособных шейперов сошло

с ума, дезертировало, обратилось против своих — или все сразу. На них уже многие десятилетия охотятся пираты и наемники.

Одна группа каким-то образом узнала про матку Инвесторов, которая живет в изгнании, и сумела укрыться в ее тени, для защиты. А кое-кто — можешь себе представить, кто, — уговорил Царицу, чтобы она позволила людям остаться за определенный налог. Этот налог и стал Царицыной Долей — а поселение стало Царицыным Кластером. Среди тех сверхспособных были родители Валерии — да, *родители;* ее рождение было естественным. Она не прошла учебу шейперов, поэтому ее IQ находится где-то в области ста сорока пяти. У Валерии проблема в циклах настроения. От них страдали ее родители, от них страдает с детства она. Это опасная женщина, Ганс. Опасная как для себя, так и для всех нас. Вообще-то странно, что она не под псами. Я говорил об этом со своими друзьями в Службе безопасности, но на моем пути кто-то стоит. И я представляю, кто.

— Я ее люблю. Она со мной не разговаривает.

— Ясно. Что ж, как я понимаю, в последнее время она на антидепрессантах; возможно, это объясняет ее молчание… Скажу откровенно. Есть

старая поговорка, Ганс, что нельзя входить в приват с кем-то безумнее себя. И это добрый совет. Валерии нельзя доверять.

Он поднял руку.

— Дослушай. Ты молод. Ты только что вышел из-под псов. Эта женщина тебя очаровала — и, признаться, она в полной мере может похвастаться шармом шейперов. Но связь с Валерией — как роман с пятью женщинами, из которых три — сумасшедшие. ЦК трещит по швам от лучших красавиц в человеческой истории. Признаться, ты немного скован, возможно, немного одержим, но у тебя есть некий шарм идеалиста. И есть напор шейпера — даже фанатизм, если ты не против таких выражений. Расслабься, Ганс. Найди ту, кто не будет стесывать твои острые углы. Играй. Это хороший способ завербовать в Клику новых друзей.

— Я запомню твои слова, — сказал я.

— Что ж. Так и знал, что зря трачу время, — он иронично улыбнулся. — Зачем осквернять чистоту твоих чувств? Трагическая первая любовь может даже пойти тебе на пользу — лет через пятьдесят или сто, — Кулагин снова обратил внимание на экран. — Я рад, что мы поговорили, Ганс. Надеюсь, ты снова ко мне обратишься, когда

придут деньги из Дзайбацу Эйсё. С ними можно поразвлечься.

— Было бы неплохо, — сказал я, хотя уже знал, что каждый киловатт, не потраченный на мои исследования, уйдет — анонимно — в фонд терраформирования. — И я не обижаюсь на твой совет. Просто мне он ни к чему.

— Ах, молодежь, — сказал Кулагин. Я ушел.

* * *

Обратно к простой красоте лишайников. Меня годами обучали по этой специализации, но я увидел в них красоту и смысл только после своего постгуманистического просвещения. С точки зрения философии ЦК они стояли едва ли не рядом с пригожинским прыжком, который породил саму жизнь.

С другой стороны, в лишайнике можно было увидеть метафору истории Полиуглеродной Клики: грибок и плесень, потенциальные враги, объединенные в симбиозе для достижения того, чего не достигли бы по одиночке, — прямо как Клика объединила механистов и шейперов, чтобы принести жизнь на Марс.

Я знал, что многим мое увлечение казалось странным, даже нездоровым. Меня не обижала

их слепота. В одних названиях моих генетических штаммов чувствовалась величественная звучность: Alectoria nigricans, Mastodia tessellata, Ochrolechia frigida, Stereocaulon alpinum. Скромны, но могущественны: существа из холодной пустыни, чьи корни и кислоты могли сокрушить голую ледяную скалу.

Мои гелевые рамки кипели от первобытной энергии. Лишайники омоют Марс зелено-золотым цунами жизни. Неудержимо поползут из влажных кратеров от падения айстероидов, будут неустанно размножаться среди бурь и землетрясений терраформирования, выживать в наводнениях от растаявшей вечной мерзлоты. Изливать кислород, исправлять азот.

Они были лучшими. Не из-за гордости или дерзости. Не потому что трубили о своей цели или угрожали холоду еще до того, как уничтожили его. Но потому что молчали — и были первыми.

После двух лет под псами я узнал цену молчания. И устал от наблюдения. Как только пошли первые роялти от Дзайбацу Эйсё, я связался с одной частной охранной фирмой ЦК, и спецы оттуда прочесали всю квартиру. Нашли четыре жучка.

Я нанял вторую фирму, чтобы убрать жучки,

пропущенные первой.

Я привязался ремнями к парящему верстаку, вновь и вновь крутя в руках шпионские глаза. Это были плоские видеоплаты, покрашенные односторонним полимерным камуфляжем, меняющим цвет. Они немало стоили на неофициальном рынке.

Я позвонил на почту и нанял робота-курьера, чтобы доставить жучки Кулагину. Пока ждал, отключил всех шпионов и запечатал в контейнере для биологически опасных отходов. Надиктовал записку, попросив Кулагина продать их и инвестировать мои деньги в болезненный Рынок ЦК. Казалось, тому не помешают покупатели.

Услышав отрывистый стук курьера, я открыл дверь дистанционно, с нарукавника. Но в комнату влетел сторожевой пес.

— Если вы не против, этот контейнер заберу я, — сказал он.

Я уставился на него так, будто видел подобного робота в первый раз. Его торс покрывала тяжелая серебряная броня, под ней из черной пластмассы торчали тонкие мощные конечности, раздутая голова ощетинилась тазер-дротиками на взведенных пружинах и тупыми патрубками сдерживающей паутины. Болтающийся хвост-

антенна говорил, что пес под дистанционным управлением.

Я развернул верстак так, чтобы он оказался между мной и роботом:

— Вижу, вы прослушиваете и мои линии связи. Скажете, где установлена прослушка, или мне самому разобрать компьютер?

— Шейперский нытик и выскочка, — прокомментировал пес, — думаешь, твои роялти помогут откупиться от всех? Я могу продать тебя на открытом рынке в мгновение ока.

Я задумался. В ряде случаев советники Царицы арестовывали особенно проблемных злоумышленников ЦК и выставляли на продажу на открытом рынке. Вне ЦК всегда находились фракции, готовые заплатить немалые суммы за вражеских агентов. Я знал, что Совет Колец с радостью купит меня и накажет другим в назидание за дезертирство.

— Значит, говоришь, ты один из советников Царицы?

– *Естественно,* я советник! Не всех из нас усыпило твое вероломство. Твоя дружба с Уэллспрингом известна повсеместно! — пес зажужжал и подлетел ближе, его скученные глаза-камеры слабо щелкали. — Что в холодильнике?

— Полки с лишайниками, — бесстрастно сказал я. — Кому это знать, как не тебе.

— Открой.

Я не сдвинулся с места.

— Ты выходишь за пределы обычных процедур, — сказал я, зная, что механиста это не испугает. — У моей Клики есть друзья и среди советников. Я не сделал ничего плохого.

— Открой, или я выстрелю паутиной и открою сам этим псом.

— Ложь. Ты не советник. Ты промышленный шпион, который хочет украсть мой лишайник из драгоценного камня. Зачем советнику лезть в мой холодильник?

— Открой! Не вмешивайся еще больше в то, чего не понимаешь.

— Ты вошел в мой дом под ложным предлогом и угрожаешь мне, — сказал я. — Я вызову Службу безопасности.

Хромированные челюсти пса раскрылись. Я вывернулся из-за верстака, но волокнистые струи из белого шелка, выплеснувшиеся из намордного патрубка пса, поймали меня на лету. Нити вцепились в тело и тут же затвердели, мои руки застыли там, куда я их инстинктивно вскинул, защищаясь от паутины. Второй выстрел попал по

ногам, и я без толку боролся, отскочив от наклонной стены Пены.

— Смутьян, — пробормотал пес. — Все бы шло гладко, если бы не вмешивались вы, шейперы. У нас были самые надежные банки, у нас была Царица, Рынок, все… А вы, паразиты, не дали ЦК ничего, кроме своих фантазий. Теперь система разваливается. Все рухнет. Все. Мне бы стоило тебя убить.

Я ловил ртом воздух, пока струя цепенела на груди.

— Жизнь — не одни банки, — прохрипел я.

С жужжанием моторов пес выпрямил суставчатые лапы:

— Если найду в холодильнике то, что думаю, ты все равно труп.

Внезапно пес замер в воздухе. С жужжанием лопастей развернулся к двери. Дверь конвульсивно защелкала и начала отъезжать. В щель прорвалась массивная передняя конечность с когтями.

Сторожевой пес накрепко запаутинил дверь. Та взвизгнула и поддалась — металл гнулся, как фольга. Голова с выпученными глазами и шипастые лапы тигра сминали и разрывали ее на куски.

— Измена! — ревел тигр.

Пес с жужжанием отлетел, съежился, когда бронированный тигр пролез в помещение целиком. Зазубренные обломки двери его даже не поцарапали. В черной и золотой броне он был в два раза больше пса.

— Стойте, — сказал пес.

— Совет предупреждал тебя о попытке самосуда, — тяжело произнес тигр. — Я предупреждал лично.

— Я должен был сделать выбор, Координатор. Это его рук дело. Он обратил нас друг против друга, вы же не можете этого не видеть.

— Выбор у тебя остался всего один, — сказал тигр. — Выбирай приват, Член Совета.

Пес нерешительно поджал лапы:

— Значит, я буду вторым. Сперва Контроллер, теперь я. Ну хорошо же. Хорошо. Он победил. Я не могу отомстить, — пес как будто изготовился к рывку. — Но могу уничтожить его любимчика!

Лапы пса выстрелили, как телескопы, чтобы отскочить от стены, и он кинулся к моему горлу. Ужасная вспышка и вонь озона — и робот больно врезался мне в грудь. Он был мертв, его схемы — выжжены. Замигал и погас свет — домашний компьютер отключился и сдох, его программы стерла побочная радиация от электромагнитного

импульса.

На круглой тигриной голове раскрылись клапаны и выехали два прожектора.

— У вас есть имплантаты? — спросил он.

— Нет, — ответил я. — Никаких кибернетических частей. Я в порядке. Вы спасли мне жизнь.

— Закройте глаза, — приказал тигр. Он сполоснул меня взвесью раствора из ноздрей. Паутина под его ногтями отслоилась вместе с моей одеждой. Компьютерный нарукавник был испорчен.

— Я не совершал государственных преступлений, Координатор, — сказал я. — Я люблю ЦК.

— Настали странные времена, — пророкотал тигр. — Наши процедуры дают сбой. Под подозрением все. Вы выбрали неподходящий момент, чтобы превратить свой дом в приват, молодой человек.

— Но я же все сделал в открытую.

— У вас нет прав, цикада. Только милости Царицы. Одевай и садитесь на тигра. Нужно поговорить. Я отвезу вас во Дворец.

Дворец был одним гигантским приватом. Я сразу задумался, покину ли его живым.

Выбора у меня не было.

Я аккуратно оделся под присмотром выпученных глаз тигра и оседлал его. От робота пахло

старой смазкой. Должно быть, он десятилетиями стоял на складе. В ЦК уже много лет не видели тигров.

В коридорах было полно цикад, которые торопились по делам своих дней-смен. Перед тигром они рассыпались в ужасе и благоговении.

Мы вышли из Пены с цилиндрического конца и попали в шарнирный кластер внутригородских дорог.

Они напоминали прозрачные трубопроводы из поли-углерода и связывали цилиндрические пригороды ЦК неряшливой паутиной. От зрелища сияющих поселений на ледяном фоне звезд у меня началось резкое головокружение. Я вспомнил о холоде.

Мы миновали плотный узел паутины — распухший перекресток труб, вокруг которого наросли одни из самых знаменитых придорожных бистро в ЦК. Внутри оживленно сплетничали их сияющие завсегдатаи, но они, ошеломленные, замирали, когда я проезжал мимо, и разбухали тревожным хором, когда тигр оставлял их позади. Такие новости распространятся по всему ЦК за минуты.

Дворец подражал кораблю Инвесторов: восьмиугольник с шестью длинными прямоугольными

стенками. Настоящие корабли пришельцев были инкрустированы фантастическими узорами из кованого металла, но у Царицы корпус был неровного тускло-черного цвета в знак неведомого нам позора. Время шло, дворец бессистемно разрастался, и теперь его покрывали бугры и фланцы правительственных офисов и тайных укрытий Царицы. Тяжеловесная громада вращалась с головокружительной скоростью.

Пройдя вдоль одной из осей, мы попали внутрь, окунувшись в обжигающую волну сине-белого света. У меня сразу заныли и заслезились глаза.

Советники Царицы были механистами, и холлы кишели роботами. Те пассивно следовали своим программам, не обращая внимания на тигра, чьи хромированные и пластинчатые поверхности ослепительно поблескивали в безжалостном свете.

Неподалеку от оси нас поймала центробежная сила, и тигр со скрипом опустился на массивные лапы. Стены становились все вычурнее от мозаик, их покрывали рисунки из волокон драгоценных металлов. Тигр спустился по лестничному маршу. Моя спина громко хрустела от увеличивающейся гравитации, и я с трудом сидел прямо.

Большинство коридоров пустовало. Время от времени на стенах попадались скопления драгоценностей, полыхавшие, как молния. Я наклонился вперед и уперся локтями в спину тигра, слыша стук своего сердца. Еще лестницы. Слезы струились по лицу и в рот — ощущение незнакомое и отвратительное. Руки дрожали от усталости.

Кабинет Координатора находился на периметре. Это поддерживало его в форме для аудиенций с Царицей. Тигр со скрипом прошел через двустворчатые массивные двери, построенные под рост Инвесторов.

В кабинете все было в масштабе Инвесторов. Потолки в два раза выше человеческого роста. Люстра над головой изливала раскаленное свечение на два огромных кресла с высокими спинками и пробитыми в них отверстиями для хвостов. Взметался и слабо опадал фонтан, изможденный от усилий.

Координатор сидел за деловым столом с клавиатурой. Столешница доходила ему почти до подмышек, а чешуйчатые сапоги болтались высоко над полом. По монитору рядом с ним бежали последние сводки с Рынка.

Я с трудом и кряхтеньем оторвался от спины

тигра и поднялся на шершавый плюш инвесторского кресла. Задуманный для чешуйчатого зада пришельца, он пронзил мне штаны, как колючая проволока.

— Возьмите темные очки, — сказал Координатор. Он выдвинул обширный ящик стола, залез туда по локоть, выудил очки-консервы и бросил мне. Я поднял руки слишком высоко, и очки попали мне в грудь.

Я вытер глаза и надел очки, застонав от облегчения. Тигр лег у моего кресла, жужжа про себя.

— Первый раз во Дворце? — спросил Координатор.

Я с усилием кивнул.

— Ужасно, знаю. Но это все, что у нас есть. Вы должны это понять, Ландау. Это пригожинский катализатор для ЦК.

— Вы знаете философию? — спросил я.

— Разумеется. Не все мы здесь динозавры. У советников есть свои фракции. Это общеизвестно, — Координатор отодвинулся в кресле назад. Затем встал на сиденье, залез на стол и сел на передний край лицом ко мне, болтая чешуйчатыми сапогами.

Это был плечистый, коренастый, очень мускулистый мужчина, с легкостью двигавшийся в

гравитации, которая меня сплющивала. За два века его лицо глубоко и свирепо избороздили швы и морщины. Черная кожа тускло отливала в ослепительном свете. У глаз был хрупкий пластмассовый вид.

— Я видел записи псов и думаю, что понимаю вас, Ландау. Ваш грех — отстраненность, — он вздохнул. — И все же вы не так порочны, как остальные… Есть некий порог, накал греха и цинизма, после которого не может выжить ни одно общество… Слушайте. Я знаю о шейперах. О Совете Колец. Который сшит черным страхом и красной жадностью, черпает силу из инерции собственного коллапса. Но у ЦК есть надежда. Вы здесь жили, вы это хотя бы видите, если не чувствуете на себе. Вы должны понимать, какое это драгоценное место. При Царице цикад мы выживали благодаря мировоззрению. Для нас важна вера, но в центре всего — уверенность, — Контроллер посмотрел на меня — его темное лицо одрябло. — Я скажу вам правду. И полагаюсь на вашу добрую волю. Надеюсь на правильный ответ.

— Спасибо.

— В ЦК кризис. Слухи о недовольстве Царицы довели Рынок до коллапса. На сей раз это больше

чем слухи, Ландау. Царица на грани ухода из ЦК.

Потрясенный, я вдруг обмяк в кресле. У меня отвалилась челюсть. Я с трудом закрыл ее, и суставы щелкнули.

— Как только Рынок рухнет, — продолжил Координатор, — это станет концом всего, что у нас было. Новости уже расходятся. Скоро наши противники выступят против банковской системы Царицына Кластера. Систему ждет крах, ЦК умрет.

— Но… — сказал я. — Если это дело рук самой Царицы… — мне было трудно дышать.

— Это дело рук Инвесторов, Ландау, так было и всегда будет; с тех самых пор, как они пришли и сделали из наших войн общественные институты… Мы, механисты, держали вас, шейперов, в узде. Мы правили всей системой, пока вы тряслись от страха на Кольцах. На ноги вас поставила торговля с Инвесторами. Более того — они нарочно дали вам силы, чтобы поддерживать конкурентный рынок; стравливать человеческий род друг с другом к собственной выгоде… Взгляните на ЦК. Здесь мы живем в гармонии. Так может быть везде. Это их рук дело.

— Вы хотите сказать, — начал я, — что история ЦК — план Инвесторов? Что Царица никогда не

была в опале по-настоящему?

— Они не такие уж непогрешимые, — сказал Координатор. — Я могу спасти Рынок и ЦК, если воспользуюсь их собственной жадностью. Ваши драгоценности, Ландау. Ваши драгоценности. Я видел реакцию Царицы, когда ваш подарок презентовал ей… этот чертов лакей Уэллспринг. Здесь постепенно учишься распознавать их настроения, этих Инвесторов. Она зашлась от жадности. Ваш патент может катализировать крупную промышленность.

— Вы ошибаетесь насчет Уэллспринга. Драгоценный камень — это его идея. Я просто работал с эндолитными лишайниками. «Если они могут жить в обычных камнях, то смогут и в драгоценных», — сказал он. Я же только сделал черную работу.

— Но патент — на ваше имя, — Координатор посмотрел на мыски своих чешуйчатых сапог. — Всего одним катализатором я мог бы спасти Рынок. Я хочу, чтобы вы перевели ваш патент от Дзайбацу Эйсё ко мне. К Народной Корпоративной Республике Царицына Кластера.

Я попытался ответить тактично:

— Ситуация и вправду кажется отчаянной, но никто на Рынке не хочет уничтожить ЦК по-на-

стоящему. Есть и другие могущественные силы, которые готовят ответ. Прошу, поймите, я обязан сохранить патент не ради своей корысти. Прибыль уже инвестирована. В терраформирование.

Кислая гримаса углубила борозды на лице Координатора. Он придвинулся, и плечи его одежды натянулись с приглушенным скрипом пластика.

— Терраформирование! О да, я знаком с так называемыми моральными аргументами. Холодной абстракцией бескровной идеологии. Как насчет уважения? Обязанности? Преданности? Или вам чужды эти понятия?

— Все не так просто, — сказал я. — Уэллспринг говорит…

— Уэллспринг! — крикнул он. — Он не землянин, глупец, он просто ренегат, предатель едва ли ста лет от роду, который с потрохами продался инопланетянам. Они же нас боятся, как вы не поймете? Они боятся нашей энергии. Нашего потенциала вторгнуться на их рынки, как только в наших руках окажется двигатель для межзвездных перелетов. Это же очевидно, Ландау! Они хотят отвлечь человеческую энергию на эту гигантскую марсианскую канитель. А мы можем конкурировать с ними, разойтись по звездам одном фантастической волной! — он выставил

перед собой руки ладонями вверх и уставился на вытянутые пальцы.

Его руки задрожали. Тогда он сорвался и сжал голову своими жилистыми ладонями.

— ЦК могло ждать величие. Ядро единства, островок безопасности в хаосе. Инвесторы намерены его уничтожить. Когда рухнет Рынок, когда дезертирует Царица, нас ждет конец.

— Она правда уйдет?

— Кто знает, чего она хочет, — Координатор казался истощенным. — Я семьдесят лет терпел ее прихоти и унижения. Я уже разучился переживать. К чему надрываться, чтобы скрепить ЦК вашими дурацкими безделушками? В конце концов, всегда есть приват! — Он свирепо посмотрел на меня. — Вот куда ваши дела отправили Члена Совета. Как только мы потеряем все, в приватах можно будет плавать в крови!

Он спрыгнул со стола, подскочил по ковру и стащил меня с кресла. Я слабо хватался за его запястья. Руки и ноги трепыхались, когда он меня затормошил. Тигр, пощелкивая, придвинулся.

— Я вас ненавижу, — заревел Контроллер. — Я ненавижу все, за что вы стоите! Я сыт по горло вашей Кликой, ее философией и жидкими улыбками. Своими делишками вы убили хорошего

друга. Убирайтесь! Убирайтесь из ЦК. У вас сорок восемь часов. После этого я вас арестую и продам тому, кто предложит больше, — он презрительно бросил меня навзничь. Я тут же рухнул в тяжелой гравитации, голова стукнулась о ковер.

Тигр поднял меня на ноги, а Координатор взобрался на несоразмерное кресло. Пока я, дрожа, лез на спину тигра, он смотрел на экран Рынка.

— О нет, — сказал он тихо. — Измена.

Тигр унес меня прочь.

* * *

Уэллспринга я нашел в Собачьем городе. Это был хаотичный подкластер, который медленно крутился вокруг себя над осью вращения ЦК. Тут находились порт и таможня — сплетение верфей, стыковочных шлюзов складов, карантинных доков и муниципального жилья, где процветали пороки неусидчивых, неуживчивых и одиноких.

В Собачий город приходили, когда больше было некуда идти. В нем роились бродяги: старатели, пираты, преступники, изгои из сект с уже отказавшими инновациями, банкроты, дезертиры, поставщики опасных удовольствий. Соответственно, в области роились и псы, и наблюдатели похитрее. Собачий город был по-настоящему

опасным местом, гудящим от безумной и хищной жизни. Постоянная слежка на корню уничтожила стыд, он просто потерял всякий смысл.

Уэллспринга я нашел в распухшем пузыре дорожного бара за обсуждением запутанной деловой сделки с человеком, которого он представил как Модема. Тот был членом маленькой, но энергичной секты механистов, известной в обиходе ЦК как Омары. Они жили исключительно в обтягивающих костюмах жизнеобеспечения, безликих и тускло-черных, которые тут и там усеивали процессоры и разъемы ввода-вывода. Выглядели Омары как массивные тени.

Я пожал Модему его грубую перчатку комнатной температуры и пристегнулся к столу.

Отклеил спринцовку от липкой поверхности и сделал глоток.

— У меня проблемы, — сказала я. — Мы можем говорить в присутствии этого человека?

Уэллспринг рассмеялся:

— Ты шутишь? Это же Собачий город! Все, что мы говорим, записывает больше устройств, чем у тебя зубов, молодой Ландау. Кроме того, Модем — мой старый друг. Его искаженный взгляд на мир может нам пригодиться.

— Ну хорошо, — я начал объяснять. Уэллспринг

требовал подробностей. Я выложил все.

— Ну надо же, — сказал Уэллспринг, когда я закончил. — Что ж, держись за приборы, Модем, потому что сейчас ты увидишь, как слухи преодолеют скорость света. Как странно, что именно это малоизвестное бистро запустит новости, которые не иначе как уничтожат ЦК, — сказал он это довольно громко, и я быстро оглядел бар. Челюсти клиентов отвисли от шока. В их ртах переливались маленькие пузырьки слюны.

— Значит, Царицы нет, — сказал Уэллспринг. — Наверняка нет уже много недель. Что ж, видимо, с этим ничего не поделать. Даже у жадности Инвестора есть пределы. А советники не могли водить ее за нос вечно. Возможно, она где-нибудь еще покажется, в каком-нибудь поселении, более подходящем для ее эмоциональных потребностей. Полагаю, пора отправляться к своим мониторам и сокращать потери, пока Рынок имеет еще какой-то смысл.

Уэллспринг развел ленты своего прорезанного рукава и небрежно взглянул на наручный компьютер. Бар опустел — внезапно и катастрофически, за клиентами следовали их псы. У выхода между двумя шейперами-ренегатами завязалась ожесточенная рукопашная схватка. Они

крутились с пронзительными криками в хрустящих хватках джиу-джитсу для невесомости. Их псы бесстрастно наблюдали за подопечными.

Скоро мы трое остались наедине с барными роботами и полудюжиной увлеченных псов.

— Я еще по своей последней аудиенции понял, что Царица уйдет, — Уэллспринг не нервничал. — ЦК в любом случае изжил себя. Он был важен только как мотивационный катализатор для восхождения Марса к третьему уровню сложности по Пригожину. ЦК на глазах устаревал под весом программ советников. Типичная близорукость мехов. Псевдопрагматический материализм. Они это заслужили.

Уэллспринг обнажил дюйм расшитой подкладки под рукавом, заказав у робота еще по одной.

— Член Совета, о котором ты говорил, удалился в приват. И он не последний, кто выплывет оттуда вперед ногами.

— Что мне делать? — спросил я. — Я теряю все. Что станет с Кликой?

Уэллспринг нахмурился:

— Право, Ландау! Прояви же гибкость постгуманизма. Первым делом, конечно, нужно отправиться в изгнание, пока тебя не арестовали и не продали. Полагаю, в этом может помочь наш

друг Модем.

— Несомненно, — подтвердил тот. К его горлу был пристегнут вокодер, из которого лился нечеловечески красивый синтезированный голос. — Наш корабль, «Коронованная пешка», перебрасывает для Совета Колец груз разгонных двигателей для айстероида. Это для Проекта Терраформирования. Мы готовы принять любого друга Уэллспринга.

Я недоверчиво рассмеялся:

— Для меня это самоубийство. Вернуться к Совету? С тем же успехом я могу перерезать себе глотку.

— Не стоит переживать, — успокоил Модем. — Меди-мехи поработают над вами и привьют наш панцирь. Одного Омара не отличишь от другого. Под кожей вы будете в полной безопасности.

Я пришел в ужас:

— Стать мехом?

— Необязательно им *оставаться,* — сказал Уэллспринг. — Процедура простая. Пара нервных импланта-тов, анальная хирургия, трахеотомия… Потеряешь вкус и осязание, но остальные чувства многократно расширятся.

— Да, — сказал Модем. — И вы сможете в одиночку выйти в открытый космос и посмеяться.

— Именно! — сказал Уэллспринг. — Шейперам стоит почаще надевать технику мехов. Ганс, будь как твои лишайники. Войди на время в симбиоз. Это расширит твой кругозор.

— Но вы же не… сделаете ничего с *черепом?* — спросил я.

— Нет, — небрежно ответил Модем. — По крайней мере, это необязательно. Ваш мозг останется вашим.

Я подумал.

— А вы справитесь… — я посмотрел на предплечье Уэллспринга, — …за тридцать восемь часов?

— Если поторопимся, — сказал Модем. Он отцепился от стола.

Я последовал за ним.

* * *

«Коронованная пешка» отправилась в полет. Пока мы ускорялись, я висел, примагниченный кожей к балке корабля. Я настроил свое зрение на обычные волны и смотрел, как удаляется Царицын Кластер.

Свежие следы от тонких, как волосок, проводов в моих омертвевших глазах саднило от слез. ЦК медленно вращался, как галактика в инкрустированной паутине. Тут и там по сети

пульсировали вспышки — пригороды начали тягостную и трагическую работу по отделению. ЦК охватил ужас.

Я тосковал по теплой энергетике своей Клики. Я не был Омаром. Они казались мне чужими. Солипсические точки в галактической ночи, а их человечность — забытая мякина под черной броней.

«Коронованная пешка» выглядела, как корабль, вывернутый наизнанку. Он весь сосредоточился вокруг ядра из массивных магнитных двигателей, которые питались реактивной массой благодаря дронам. Снаружи двигателей находился скелет металлических лесов, где кистами висели или скользили по индуцированных магнитным полям Омары. Тут и там на скелете торчали купола, где сектанты подключались к струйным компьютерам или укрывались от солнечных бурь и электропотоков в системе колец.

Омары не ели. Не пили. Секс у них был хитроумной киберстимуляцией с помощью черепных кабелей. Примерно каждые пять лет они «расплавлялись» и начисто вычищали шкуры от вонючих накоплений мутировавших бактерий, которые липли к телам в стоячем тепле.

Омары не знали страха. Агорафобию легко да-

вили наркотиками. Они были самодостаточными анархистами. А больше всего Омары любили сесть на какой-нибудь балке, раскрыв обостренные чувства навстречу пучинам космоса, глядеть на звезды за пределами ультрафиолетового и инфракрасного света, смотреть, не отрываясь, прямо на флоккулирующую ползущую тарелку Солнца, — или просто впитывать кожей ватты солнечной энергии, слушая прошитыми ушами воркование поясов Ван Аллена и музыкальное тиканье пульсаров.

Омары не ведали зла — но и не были людьми. Далекие и ледяные, как кометы, они были созданиями вакуума, которым наскучили отжившие парадигмы крови и кости. В них я увидел первые намеки на пятый пригожинский прыжок — постулировавший, что пятый уровень сложности настолько же далек от разума, как разум — от амебной формы жизни, а жизнь — от инертной материи.

Омары меня пугали. Их бесстрастное безразличие к человеческим ограничениям придавало им зловещую харизму святых.

Вдоль балки скользнул Модем и беззвучно примагнитился рядом со мной. Я включил уши и услышал его голос поверх радиошипения дви-

гателей.

— Вам звонят, Ландау. Из ЦК. Следуйте за мной.

Я напряг ноги и скользнул за ним вдоль поручня. Мы вошли в радиационный шлюз железного купола, оставив его открытым — Омары не любили замкнутые пространства.

Передо мной на экране появилось заплаканное лицо Валерии Корстад.

— Валерия! — сказал я.

— Это ты, Ганс?

— Да. Да, дорогая. Как я рад тебя видеть.

— Ты можешь снять маску, Ганс? Я хочу увидеть твое лицо.

— Это не маска, дорогая. А мое лицо — ну, не самое лучшее зрелище. Столько проводов…

— Ты не похож на себя, Ганс. Твой голос звучит иначе.

— Потому что этот голос — радиоаналог. Он синтезированный.

— Тогда как мне понять, что это правда ты? Боже, Ганс… Мне так страшно. Все… просто испаряется на глазах. Пена… Поднялась биологическая тревога — кто-то перебил гелевые рамки у тебя дома, наверное, псы, и теперь лишайник — чертов лишайник лезет повсюду. Он растет

так быстро!

— Я разрабатывал его так, чтобы он рос быстро, Валерия, в этом суть. Скажи, чтобы пользовались металлическим аэрозолем или сульфидной пылью; и то, и другое убьет его за несколько часов. Паниковать незачем.

— Это уже неважно! Ганс, приваты — фабрики самоубийств. С ЦК покончено! Мы потеряли Царицу!

— Еще остался Проект. Царица — только повод, катализатор. Проект может привлечь не меньше уважения, чем эта треклятая матка. Основа заложена много лет назад. Настал момент. Скажи Клике закрывать все свои финансовые дела. Пена должна переместиться на орбиту Марса.

Валерия поплыла куда-то вбок:

— Только это тебя всегда и заботило, да? Проект! Я опозорилась, а ты — с твоей холодной, такой шейперской отстраненностью, — бросил меня в отчаянии!

— Валерия! — закричал я в шоке. — Я звонил тебе десяток раз, это же ты от меня закрылась — и это мне нужно было тепло после стольких лет под псами…

— Ты бы мог и постараться! — крикнула она, побелев от страсти. — Если бы тебе было не все

равно, ты бы достучался и доказал это! Ты ждал, что я приползу к тебе в унижении? Черная броня или камеры псов — какая разница, Ганс? Ты по-прежнему не со мной!

Я почувствовал, как моей онемевшей кожи касается жар открытой ярости.

— Ну, тогда вини во всем меня! Откуда мне было знать твои ритуалы, твои извращенные секретики? Я решил, ты меня бросила, пока хихикала и путалась с Уэллспрингом! Ты думала, я захочу тягаться с человеком, который привел меня к спасению? Я же готов был перерезать вены за твою улыбку — а ты не принесла мне ничего, ничего, кроме катастрофы!

Холодный шок распространялся по ее раскрашенному лицу. Рот открылся, но слов не было. Наконец — с жалкой улыбкой полного отчаяния — она прервала связь. Экран почернел.

Я обернулся к Модему:

— Я хочу вернуться.

— Простите, но нет. Во-первых, вас убьют. А во-вторых, у нас не хватит ватт на разворот. Мы несем массивный груз, — он пожал плечами. — Кроме того, ЦК распадается. Мы давно знали, что это грядет. Более того, некоторые наши коллеги прибудут туда через неделю со вторым грузом

разгонных двигателей. При распаде Кластера они сорвут лучшие цены.

— Вы знали?

— У нас есть свои источники.

— Уэллспринг?

— Кто, он? Он тоже уходит. Он хочет быть на орбите Марса, когда ударит вот *это,* — Модем выплыл из купола и показал куда-то вдоль плоскости эклиптики. Я проследил за его взглядом, неуклюже перебирая визуальные волны.

Я увидел вытравленный на фоне космоса призрачный огонь могучих двигателей марсианского астероида.

— Айстероид.

— Да, конечно. Так сказать, комета вашей катастрофы. Уместный символ для падения ЦК.

— Да, — сказал я. Мне показалось, я узнаю в этом руку Уэллспринга. Когда ледяная ноша будет скользить мимо ЦК, за ней будут следить паникующие жители. Внезапно я воспрянул духом.

— Как насчет *этого?* — спросил я. — Можете высадить меня там?

— На астероиде?

— Да! Им же придется отделить двигатели, правильно? На орбите! Там я присоединюсь к своим собратьям и не пропущу пригожинский

катализатор!

— Я сейчас узнаю, — Модем ввел серию параметров в один из струйников. — Да… Я могу продать бортовой двигатель, к которому вы сможете прицепиться. С достаточным количеством ватт и киберсистемой для навигации ваши траектории пересекутся, скажем, через семьдесят два часа.

— Хорошо! Хорошо! Тогда давайте так и сделаем.

— Ну что же. Остается только вопрос оплаты.

* * *

Пока я прожигал пронизывающую пустоту, у меня было время обдумать свою оплату. Мне казалось, я поступил правильно. После коллапса Рынка ЦК для драгоценностей Эйсё понадобятся новые торговые посредники. Несмотря на жутковатость Омаров, я чувствовал, что могу им доверять.

Киберсистема привела меня к мягкой посадке на солнечной стороне астероида. Тот медленно таял под жаром далекого солнца, тут и там инфракрасными ниточками пара из трещин в синеватом льду вырывались летучие вещества.

Айстероид был сломанной колонной, отде-

лившейся после разрушения одной из древних ледниковых лун Сатурна. Гороподобным расколотым валуном с окаменевшими шрамами первобытной жестокости в виде вывороченных и зубчатых утесов и выступов. Почти яйцевидной формы, пять километров в длину, три — в ширину. Поверхность покрывал синеватый рябой лед, который тысячи лет облучали мощные электрические поля.

Я придал шероховатости хватательным поверхностям перчаток и медленно подтащил себя вместе с бортовым двигателем в тень. Тот уже разрядился, но мне не хотелось, чтобы он улетел из-за оплавления.

Я развернул радиотарелку, проданную Модемом, и установил на утесе, нацелив на ЦК. Затем подключился.

Катастрофа охватила весь Кластер. ЦК всегда гордился своими открытыми трансляциями — следствием общей живительной атмосферы свободы. Теперь неприкрытая паника истощилась до завуалированных угроз, а потом — хуже всего — до вероломных выплесков кода. Из всей системы било ключом давно сдерживаемое напряжение.

Предложения и угрозы неуклонно нарастали,

пока бедствующие клики ЦК не оказались на грани гражданской войны. По трубам и коридорам рыскали угнанные псы — ожесточенные от страха орудия властных элит. Безжалостные суды на скорую руку лишали диссидентов статуса и собственности. Многие выбирали приваты.

Из яслей вырвались общие дети. С каменными лицами они бесцельно бродили по пригородным холлам, одуревшие от супрессантов. Немногие люди еще смели о чем-то заботиться. Взмыленные Рыночники падали на собственные клавиатуры замертво с кровоточащими от ингаляторов ноздрями. Женщины выходили голыми из взломанных шлюзов и умирали в искрящихся фонтанах замерзшего воздуха. Цикады силились рыдать модифицированными глазами или парили в потемневших бистро, оцепенев от ужаса и наркотиков.

За столетия коммерческой борьбы картели только наточили зубы. Они ворвались в ЦК с кибернетической точностью механистов, с ловкой и пугающей гениальностью перестроенных. После коллапса Рынка промышленность Кластера осталась бесхозной. Торговые посредники и самодовольные дипломаты аннексировали целые комплексы. Группы новых сотрудников

ковыляли по обезлюдевшему Дворцу Царицы, варварски ломая все, что не могли унести.

Перепуганные подфракции ЦК оказались перед классической дилеммой, всю жизнь то определявшей, то раскалывавшей судьбы человечества в космосе. С одной стороны, их технически измененные режимы жизни и мышления неудержимо гнали к недоверию и фрагментации; с другой — в изоляции они становились добычей объединенных картелей. Их могли разорить даже пираты с каперами, которых картели публично осуждали и втайне поддерживали.

Но вместо того чтобы помогать свой Клике, я был черной точкой, цеплявшейся, как спора, за ледяной бок замерзшей горы.

В те печальные дни я взглянул на свою кожу в новом свете. Если сработают планы Уэллспринга, наступит и расцвет. Я переживу этот лед в своем спорангиевом чехле, как несомая ветром крупица лишайника переживает десятилетия, чтобы наконец распуститься всепожирающей жизнью. Уэллспринг поступил мудро, отправив меня сюда. Я ему верил. Я его не подведу.

От скуки я постепенно погружался в созерцательный ступор. Открыл глаза и уши выше уровня перегрузки. Сознание проглотило самое

себя и исчезло в ревущем полусуществовании горизонта событий. В плаче звезд, в рокоте планет, в трансцендентном треске и потоке раскручивающегося солнца пространство-время — второй уровень сложности — провозглашало свой ноумен.

Потом пришло время, когда меня наконец разбудила печальная и пустая симфония Марса.

Я отключил усилители на костюме. Больше они мне не требовались. В конце концов, катализатор всегда гибнет в запущенном процессе.

Я двигался на юг по оси астероида, где меня наверняка бы обнаружила команда, которую пришлют забрать разгонный двигатель. Его киберсистема переориентировала астероид для частичного замедления, и с южного конца открылся лучший вид на планету.

Всего через мгновения после последнего запуска с ледяной массой поравнялся пират. Это было тонкое и красивое шейперское судно, с длинными рубчатыми солнечными крыльями из переливающейся ткани — тонкой, как нефть на воде. Его блестящий органически-металлический корпус прятал магнитные движки восьмого поколения — с удивительными скоростью и мощностью. Гладкость корабля бугрилась от тупых наростов

оружейных систем.

Я спрятался, закопавшись в расщелину, чтобы укрыться от радара. Ждал, пока не возобладали любопытство и страх. Тогда пополз к точке обзора на растрескавшемся ледяном хребте.

Корабль пристыковался и припал к поверхности на согнутых манипуляторах, а их наконечники, похожие на лапки богомола, зарылись в лед. На поверхность чисто срезанного плато высадилась команда горнодобывающих механистских дронов и принялась бурить лед.

Ни у одного пирата-шейпера нет горнодобывающих дронов на борту. Сам же корабль провел деактивацию систем и сидел неподвижно и красиво, словно насекомое в янтаре, сложив широкие солнечные крылья. Никаких членов экипажа я так и не увидел.

Я не боялся дронов. Смело пополз к ним по льду, чтобы наблюдать за работой. Меня никто не остановил.

Я смотрел, как эти громоздкие увальни шипели и кололи лед. Углубившись на десять метров, они раскрыли проблеск металла.

Это был шлюз.

Дроны остановились. Шло время. Дальнейших приказов не поступало. Тогда они отключились

и неподвижно расселись на льду — мертвые, как булыжники вокруг.

Из соображений безопасности я решил сперва осмотреть корабль.

Когда открылся воздушный шлюз, корабль начал автоматически включаться. Я вошел в кабину. Кресло пилота пустовало.

На борту никого не было.

Мне понадобилось почти два часа, чтобы разобраться с киберсистемой. Тогда подтвердилось то, что я и так подозревал. Корабль принадлежал Уэллспрингу.

Я вышел наружу и пополз по льду к шлюзу. Тот открылся легко. Уэллспринг никогда не усложнял вещи сверх меры.

За второй переборкой находился зал, озаренный сине-белым светом. Я настроил оптическую систему и забрался внутрь.

В противоположном конце, в слабой гравитации ай-стероида, находилась постель из самоцветов. Не обычная постель. Попросту огромная и беспорядочно наваленная куча драгоценных камней.

На ней спала Царица.

Я снова воспользовался своими глазами. От нее не исходило инфракрасного тепла. Она лежала

без движения, ее древние руки прижимали что-то к груди, трехпалые ноги подтянулись к телу, массивный хвост свернулся между ног. На огромной голове — размером с торс человека — находился гигантский шлем-корона, инкрустированный сверкающими бриллиантами. Она не дышала. Глаза были закрыты. Толстые чешуйчатые губы слегка оттянулись, обнажив два тупых ряда желтеющих зубов, больше похожих на колья.

Царица была холодна, как лед, погружена в какой-то инопланетный криосон. Я все понял. Царица участвовала в своем похищении добровольно. Уэллспринг украл ее с героической дерзостью, лишив своих соперников в ЦК возможности начать жизнь заново на орбите Марса. Потрясающий план, который наделил бы Уэллспринга и его последователей неоспоримой властью.

Меня захлестнуло восхищение. Но почему же Уэллспринга не было на корабле? Несомненно, на борту находились препараты, чтобы пробудить Царицу и воодушевить на создание назревающего Кластера.

Я подобрался ближе. Никогда не видел Инвесторов воочию. И все же спустя миг заметил, что с ее кожей что-то не так. Сперва я принял это за

обман зрения. Но потом увидел, что она сжимает в руках.

Камень с лишайником. От жадности когтистой хватки одна из граней, уже ослабленная кислотами лишайника, раскололась. Высвободившись из хрустального узилища и неистово ускорившись в мощном освещении, лишайник пополз на ее чешуйчатые пальцы, потом по запястью, а затем — во взрывном пароксизме жизни — по всему телу. Она блестела зеленым и золотым от всепожирающего меха. Даже глаза, даже десны.

Я вернулся на корабль. О нас, шейперах, всегда говорят, что под давлением мы мыслим кристально ясно, как бриллианты. Я реактивировал дронов и приказал зарыть штольню. Они забили ее ледяными осколками и расплавили их с помощью бортовой ракеты.

Я доверял интуиции, но к этому вела вся моя подготовка. Вот почему я ограбил покойную Царицу и загрузил все самоцветы на борт. Меня переполняла уверенность, необъяснимая любой логической цепочкой. Передо мной лежало будущее — как дремлющая женщина, ожидающая объятий возлюбленного.

Записи Уэллспринга принадлежали мне. Корабль был его последним святилищем, за-

программированным заранее. Тогда я понял страдания и амбиции, гнавшие его вперед — и теперь они стали моими.

Его мертвая рука привела представителей каждой фракции засвидетельствовать пригожинский имплантат. Протокластер, уже висевший на орбите, состоял из одних дронов и мониторов. Только естественно, что наблюдатели обратятся ко мне. Ведь это мой корабль управлял дронами.

Об участи Уэллспринга мне рассказали первые охваченные паникой беженцы. Его вытащили ногами вперед из привата — следом за обескровленным трупом несчастной Валерии Корстад. Больше никогда она не принесет радости. Больше никогда его харизма не очарует Клику. Возможно, это двойное самоубийство. Но скорее всего, она убила его, а потом — себя. Уэллспринг всегда думал, что ему под силу исцелить все. Сумасшедшая женщина и бесплодный мир были неразрывно связаны в одном и том же вызове его способностям. В конце концов он дошел до своего предела — и погиб. Подробности едва ли имели значение. В любом случае и Уэллспринга, и Валерию поглотил приват.

Когда я услышал новости, лед вокруг моего сердца сомкнулся — непрерывный и чистый.

Когда айстероид начал падать в атмосферу, я транслировал завещание Уэллспринга. Приемники всосали трансляцию, пока в разреженном, оголодавшем воздухе Марса чертили дымный след летучие вещества.

Я солгал о завещании. Я его выдумал. Под рукой у меня имелись записи Уэллспринга; оказалось несложно изменить мой искусственный голос, чтобы подделать голос Уэллспринга и заложить фундамент для своего судьбоносного восхождения. Я должен был объявить себя наследником Уэллспринга ради будущего ТК — Терраформ-Кластера.

Власть копилась вокруг меня, как сплетни. Поговаривали, что под броней я и *есть* Уэллспринг, что это Ландау умер с Валерией в ЦК. Я поощрял слухи. Заблуждения сплотят Кластер. Я знал, что ТК будет городом, не знающим себе равных. Здесь абстракции обретут плоть и кровь, здесь нас будут питать фантомы. Стоит нашим идеалам ворваться в бытие, как ТК начнет беспрепятственно набирать силу. Одни только драгоценности давали мне власть, с которой могли потягаться немногие картели.

С пониманием пришло прощение. Я простил Уэллспринга. Его ложь, его коварство заставили

меня действовать намного лучше химерической «истины». Какое она имеет значение? Если нам нужна твердая опора, пусть истина вращается вокруг нас.

И устрашающая красота столкновения! Ослепительная линейность падения! Лишь одно из многих, но самое дорогое для меня. Когда я увидел молочные брызги удара о Марс, потрясающий оргазмический поток пара из тайной, замерзшей гробницы Царицы, я тут же понял то, что давно знал мой ментор. Человек, которого влечет нечто большее, чем он сам, дерзнет всего и не устрашится ничего. Совершенно ничего.

В своей черной броне я правлю Полиуглеродной Кликой. Их элита — мои советники. Я помню о холоде, но больше не страшусь его. Я похоронил его навсегда — как холод Марса похоронен под кишащим ковром зелени. Я и Уэллспринг, теперь единые, вырвали из-под власти смерти целую планету. И я не страшусь холода. Нет, больше нет.

Глубинные сады

Краулер Мирасоль скакал по колдобинам Моря Адриана под истерзанным марсианским небом. Близ границ тропосферы на бледно-сиреневом фоне извивались грязные ленты струйных течений. Мирасоль наблюдала за ветром сквозь изъеденное песком, почти матовое лобовое стекло. Ее преобразованный мозг предлагал череду визуальных аналогий: змеиные гнезда, сети, полные темных угрей, паутина черных артерий.

С утра краулер упорно спускался на равнину Эллады, и атмосферное давление возрастало. Марс лежал под толстым воздушным одеялом, как больной в лихорадке, истекая подпочвенным льдом.

На горизонте под извечными письменами струйных течений с головокружительной скоростью поднимался грозовой фронт.

Мирасоль эту равнину не знала. Восстановительный лагерь, закрепленный за ее группой, паттернистами, располагался в северной части Большого Сырта. Ветры там были обычным делом и достигали двухсот миль в час, и их за-

герметизированный лагерь трижды оказывался погребенным под барханами.

Мирасоль понадобилось восемь дней непрерывного передвижения, чтобы достичь экватора.

Сверху, из заоблачных высот, Властители помогали ей держать курс. Их орбитальный город-государство, Терраформ-Кластер, был узловым центром системы спутников слежения. Оказывая Мирасоль помощь, Властители тем самым давали ей понять, что она находится под их неусыпным надзором.

Краулер резко накренился — шесть его острых ног заскребли по крутому склону ямы. Мирасоль внезапно увидела в стекле отражение своего лица, бледного и напряженного, с темными глазами, мечтательно погруженными в себя. Это было неприметное лицо, красивое обезличенной красотой, характерной для шейперов. Мирасоль протерла глаза пальцами с обгрызенными ногтями.

На востоке, на большой высоте отплыла в сторону массивная, висящая прямо в воздухе земляная глыба, и показалась Лестница в Небо — мощный якорный канат с Терраформ-Кластера.

Над поясом ветров канат исчезал из виду в металлическом блеске Кластера.

Мирасоль смотрела на город, нависший над планетой, со смешанным чувством зависти, страха и уважения. Ей еще не случалось оказаться так близко к Кластеру или к столь важной для них всех Лестнице, соединявшей его с поверхностью Марса. Как и большая часть молодого поколения из ее группы, она ни разу не бывала в космосе. Властители бдительно держали их на карантинном положении в лагере на Сырте.

Жизнь пришла на Марс нелегко. Сотню лет Властители с Терраформ-Кластера бомбардировали поверхность планеты гигантскими глыбами льда. Этот проект «планетарной инженерии» был самым масштабным, дерзким и успешным деянием человека в космосе.

Колоссальной силы удары пробили огромные кратеры в марсианской коре и выбросили в жиденькую атмосферу планеты тонны пыли и пара. С ростом температуры глубинные океаны, скованные вечной мерзлотой, с ревом вырвались на поверхность, образовав переплетения оврагов и необъятные поля жидкой грязи, гладкие и неживые, как телевизионный экран. На этих просторах, на стенах каналов, скованных морозом, на скалах и в кратерах расплодился трансплантированный лишайник — и стал бур-

но захватывать территорию, пожирая всё и вся. На ступени Эридания, в извилистых каньонах Копрата, в сырых и стремительно убывающих зонах полярных льдов поверхность покрывали колоссальные и цепкие заросли зловещего вида. Для неживой природы это было настоящим экологическим бедствием.

По мере того как набирал силу терраформинг, росло и могущество Терраформ-Кластера.

Будучи нейтральным пунктом в междоусобных войнах человечества, ТК был жизненно важен для финансистов и банкиров каждой из сторон. Даже Инвесторы, эти несказанно богатые рептилии, свободно путешествующие по Вселенной, сочли ТК полезным и почтили его своим покровительством.

И пока граждане ТК, Властители, наращивали свою мощь, мелкие группировки слабели и оказывались в их власти. На Марсе оказалось множество групп-банкротов, которые, попав в финансовую зависимость от плутократов ТК, были переселены на поверхность планеты.

Потерпев поражение в космосе, переселенцы были вынуждены пользоваться благотворительностью Властителей, которые поручили им заняться экологией глубинных садов. Де-

сятки групп жили на карантинном положении в безрадостных восстановительных лагерях, обособленно друг от друга, скудно и невесело.

А прозорливые Властители пользовались своей властью весьма искусно. Неожиданно для самих себя группировки попали в ловушку запутанной биоэстетики постгуманизма, постоянно подвергаясь развращающему воздействию телевидения Властителей, учений Властителей, культуры Властителей. Со временем даже самая стойкая группа будет сломлена и поглощена культурой ТК. Тогда ее членам разрешат покинуть лагерь и подняться по Лестнице.

Но сначала придется доказать свое право на это. Такую возможность паттернисты ждали долгие годы. Наконец она появилась в виде турнира на кратере Ибис — экологического состязания между группами, победители которого получат право на статус Властителей. Шесть групп послали своих представителей к древнему кратеру Ибис, и каждый был вооружен сильнейшими биотехнологиями. Это будет война глубинных садов, а призом станет Лестница.

Краулер Мирасоль полз вдоль расселины по каменистой пересеченной поверхности, где вечная мерзлота, оседая, оставила карсты и карстовые

воронки. Через два часа расселина внезапно кончилась, и перед Мирасоль вырос горный хребет из массивных глыб и валунов. На некоторых проступал глянец расплава, образовавшегося при ударе, другие покрывали пятна лишайника.

Когда краулер полез вверх по склону, выглянуло солнце, и Мирасоль увидела внешний ободок кратера, причудливо разрисованный зеленью лишайников и сияющий белизной снега.

Уровень кислорода в атмосфере неуклонно возрастал. Теплый влажный воздух сочился из-под карниза кратера, оставляя тонкую пленку изморози. Сюда со скоростью пятнадцати километров в секунду рухнул астероид с колец Сатурна весом в полмиллиона тонн. Но затем на протяжении двух столетий дождь, ползучие ледники и лишайники грызли вершину кратера — и рваные края давней раны сгладились и зарубцевались.

Краулер с трудом поднимался по бороздчатому желобу ледникового русла. Вдоль желоба завывал, как на похоронах, холодный горный ветер, а по стенкам к обнаженным прожилкам льда лепились цветущие заплаты лишайника.

На некоторых камнях виднелись полоски отложений из древних марсианских морей. Ударная волна подняла их на поверхность и перевернула.

Была зима — время подстригать глубинные сады. Ненадежную осыпь вокруг кратера сковала смерзшаяся грязь. Краулер обнаружил ледник и, цепляясь, пополз по ледяной поверхности вверх. Сырой склон испещряли сотни красно-белых складок, образованных зимним снегом и летней пылью, которую занесли сюда ветры. С годами полосы покоробились и пошли пузырями по гладкой поверхности ледника.

Мирасоль достигла гребня. Краулер, как паук, побежал по заснеженной кромке. Внизу, в чаше кратера глубиной в восемь километров, кипел воздушный океан.

Мирасоль с изумлением смотрела на него. Внутри этого гигантского воздушного поддона диаметром в двадцать километров величественные дождевые облака, образовав разомкнутое кольцо, влачили темные шлейфы по зеркальной глади линзовидного моря, словно герцогини, танцующие кадриль на паркетном полу бальной залы.

Густые желто-зеленые мангровые леса окаймляли мелкое море и захватывали расположенные в центре островки. Деревья усеивали ярко-алые точки. Это были ибисы. Внезапно целая стая расправила крылья и взмыла в воздух, рассеявшись

по всему кратеру. Мирасоль была потрясена простотой и смелостью этого экологического творения, его грубой, первобытной жизненной силой.

И вот это она пришла уничтожить. Такая мысль наполнила ее сердце печалью.

Потом ей вспомнились те годы, когда она стремилась всячески подольститься к своим учителям-Властителям, помогая им уничтожать свою собственную культуру. И когда появился шанс подняться по Лестнице, группа выбрала ее. Мирасоль заставила себя забыть о печали, вспомнив о своих честолюбивых помыслах и о соперниках.

Собственно говоря, вся история человечества в космосе представляла собой длинную череду честолюбивых помыслов и соперничества. Космические колонии с первых дней стремились к самодостаточности и очень быстро разорвали отношения с истощенной Землей. Благодаря автономным системам жизнеобеспечения они приобрели менталитет независимых городов-государств. В тепличной атмосфере о'нилов расцветали причудливые идеологии, и отколовшиеся группы стали обычным явлением.

Поддерживать порядок на просторах космоса

было невозможно.

Возникали элиты первопроходцев, дерзко бросавшие в лицо остальным свои аномальные технологии, развитию которых никто не мог воспрепятствовать. И совершенно неожиданно степенная поступь научного прогресса превратилась в дикий, беспорядочный бег. Ударные волны новых наук и технологий разнесли в клочья целые сообщества.

Осколки прежних культур сливались в группировки, столь чужие друг другу, что «человечеством» их называли лишь за отсутствием более точного термина. Например, шейперы подчинили себе собственный генетический механизм и, вызвав искусственный эволюционный взрыв, далеко оторвались от прочего человечества. Их соперники, механисты, заменили плоть усовершенствованными протезами.

Паттернисты — группировка, к которой принадлежала Мирасоль, — откололись от фракции шейперов.

Паттернисты специализировались в церебральной асимметрии. Имея чрезмерно развитые правые полушария мозга, они отличались выдающейся интуицией, склонностью к метафорам, параллелям и внезапным озарениям. Их твор-

ческие умы и прихотливая, непредсказуемая гениальность поначалу давали им некоторую фору в конкурентной борьбе. Но эти преимущества породили и очень серьезные недостатки, такие как паранойя и аутизм. Их образные системы, они же паттерны, выходили из подчинения разума и превращались в причудливые сплетения фантазмов.

При таких дефектах колония стала быстро хиреть. Пришла в упадок промышленность, задавленная предприимчивыми соседями. Конкуренция стала намного жестче. Картели шейперов и механистов превратили коммерческую деятельность в некое подобие тотальной войны. Паттернисты свою партию проиграли, и настал тот день, когда их зону обитания на корню скупили плутократы-Властители. В некотором смысле это был акт милосердия. Властители были публикой учтивой и гордились своим умением ассимилировать беженцев и неудачников.

Сами Властители тоже начинали свой путь диссидентами и перебежчиками. Их постгуманистическая философия придала им моральные силы и спокойную уверенность в своем праве господствовать над группировками, оказавшимися на задворках человечества, и поглощать их.

К тому же они пользовались поддержкой Инвесторов, которые обладали несметным богатством и секретами звездоплавания.

Радар краулера предупредил Мирасоль о появлении транспортного средства конкурирующей группы. Приподнявшись с водительского кресла, она вывела на экран изображение этой машины. Шишковатый шар, неловко балансирующий на четырех длинных и тонких ножках. Выделяясь на фоне горизонта, он быстро, враскачку, прошелся по противоположному карнизу кратера, а потом исчез из виду, спустившись по внешнему склону.

Мирасоль подумала, нет ли тут какого-нибудь жульничества. Ее саму так и тянуло смошенничать — спустить в кратер несколько пакетиков с замороженными аэробными бактериями или пару десятков капсул с яйцами насекомых. Но она боялась кружащих по орбите контролеров, принадлежащих наблюдателям из ТК. Ставка была слишком высокой — не только ее собственная карьера, но и дальнейшая жизнь всей группы, прозябающей в нищете и отчаянии в своем восстановительном лагере. Говорили, что сам повелитель ТК, постчеловек, которого все называли королем Омаром, будет лично наблюдать за

состязанием. Опозориться у него на глазах, под его холодным и равнодушным взглядом, было бы просто ужасно.

Прямо под ней на внешнем склоне кратера появилась вторая машина соперников, скользя и извиваясь с безумно-агрессивной грацией. Длинный и гибкий корпус двигался, петляя, словно змея, и гордо сияя массивной головой, похожей на зеркальный фасетчатый шар.

Оба конкурента стремились к одному месту — сборному пункту, где шестеро участников получат последние инструкции от Властителей. Мирасоль прибавила скорость.

* * *

Когда на экране высветился лагерь, Мирасоль остолбенела от изумления. Он был нелеп и огромен — наркотический мираж из геодезических куполов и разноцветных минаретов, рассыпавшихся по поросшей лишайником степи, словно осколки упавшей хрустальной люстры. Лагерь Властителей.

Здесь расположатся арбитры и знатоки биоарта, которые будут принимать решение по кратеру, когда внедренные экосистемы начнут бороться за первенство.

Шлюзы лагеря окружали глянцевитые зеленые заросли лишайника: растительность жадно пожирала просачивающуюся изнутри влагу Мирасоль проехала через распахнутый шлюз в гараж. Там два робота-механика драили кольца стометровой змеи-вездехода и сверкающее черное брюхо восьминогого краулера. Черный, тот стоял на полусогнутых ногах, втянув телескопическую голову, словно изготовившись к прыжку. На его раздувшемся брюхе красовались изображение красных песочных часов и корпоративные эмблемы группировки.

В гараже пахло пылью, смазкой и цветочными духами. Мирасоль не стала мешать механикам и на негнущихся ногах направилась по длинному коридору, на ходу разминая затекшие мышцы спины и плеч. Ажурная металлическая дверь упруго разлетелась на проволочки и, пропустив Мирасоль, вновь приняла прежний вид.

Она оказалась в столовой, которая сотрясалась и звенела от пронзительных монотонных звуков музыки Властителей. Стены были оборудованы высокими мониторами с изображениями поразительно прекрасных садов. Упитанного вида робофициант с раздутым, словно больным, корпусом из металлоорганики и тыквообразной

улыбающейся головой провел Мирасоль к ее креслу.

Она села, продавив коленями тяжелую белую скатерть. Всего за столом было семь мест. Во главе стояло высокое кресло, предназначенное для Властительного советника. Место, отведенное Мирасоль, не оставляло иллюзий касательно ее статуса — она сидела в самом конце, по левую руку от советника.

Двое из соперников уже сидели за столом. Один из них был высокий рыжеволосый шейпер с длинными и тонкими руками. Заостренные черты лица и блестящие настороженные глаза придавали ему вид сварливой птицы. Вторым был мрачный, зловещего облика механист с руками-протезами и в полувоенном кителе с красными солнечными часами на погонах.

Мирасоль молча и искоса смотрела на двух своих соперников, изучая их. Оба они были молоды, как и она. Властители благоволили к молодежи и всячески поощряли рост населения среди плененных ими группировок.

Эта хитроумная политика подрывала позиции старой гвардии в каждой группировке посредством их же детей, с рождения подвергавшихся идеологической обработке Властителей.

Рыжий в своем кресле, расположенном по правую руку от кресла советника, чувствовал себя явно неловко. Вид у него был такой, будто он хотел что-то сказать, но все не решался. Пиратского обличья механист сидел, уставившись на свои протезы. Уши у него были заткнуты наушниками.

Возле каждого места стояла груша со спиртным. Властители, привыкшие на орбите к невесомости, пользовались такими грушами по привычке, и наличие их на этом столе было одновременно и почетным, и унизительным.

Дверь, затрепетав, растворилась вновь, и в комнату ввалились, словно наперегонки, еще два участника состязания. Первым был упитанный мех, еще не привыкший к силе тяготения, — его обвислые конечности поддерживал экзоскелет. Второй была серьезно мутировавшая шейперка, ноги у нее заканчивались ладонями, а вместо коленей были локти. Пальцы нижних рук украшали толстые кольца, позвякивавшие друг о друга, когда шейперка вперевалочку шла по паркету.

Ногорукая женщина уселась напротив рыжего. Они стали с запинками переговариваться на языке, который всем прочим был непонятен.

Человек в экзоскелете, шумно дыша, рухнул в кресло напротив Мирасоль. Он явно страдал. Его пластиковые глаза были не выразительнее осколков бутылки. Муки, вызванные притяжением, показывали, что на Марсе он новичок, а его место за столом свидетельствовало о принадлежности к довольно влиятельной группировке. Мирасоль таких презирала.

Она словно попала в дурной сон. Все в облике ее соперников говорило о полной неспособности к выживанию. Вид у них был загнанный и голодный, как у потерпевших кораблекрушение: вот они сидят на плоту, полуживые от голода, и с тайным вожделением ждут — кто же подохнет первым.

Она увидела в ложечке свое отражение и тут же представила, как сама выглядит в глазах окружающих. Правое, интуитивное полушарие, разбухшее до нечеловеческих размеров, деформированный череп. Стандартно-красивое лицо, продукт генетических манипуляций, но выражение усталое и безрадостное — она чувствовала это всей своей кожей. Ее фигура казалась бесформенной под клетчатой водительской курткой, полувоенной рубашкой цвета хаки и точно такими же штанами. Кончики пальцев воспалены

из-за привычки грызть ногти. Мирасоль чувствовала, как от нее веет аурой обреченности и умирания, типичной для старшего поколения ее группы — тех, кто дерзнул попробовать силы в великом мире космоса, но не преуспел. И возненавидела себя за это.

Они все еще ждали шестого участника, когда грохот музыки внезапно усилился, и прибыл Властительный советник, точнее, советница. Ее звали Аркадия Сорьенти Инкорпорэйтед, и она принадлежала к правящей олигархии Властителей. Она вошла в разлетевшуюся дверь, чуть покачиваясь, аккуратными шажками женщины, не привыкшей к тяготению.

На ней было облачение дипломата высокого ранга, сшитое по моде Инвесторов. Властители гордились своими дипломатическими контактами с пришельцами, поскольку именно покровительство Инвесторов обеспечило им несметные богатства. На носках сапожек Сорьенти, доходивших до колен, имелись накладные птичьи когти, чешуйчатые, как шкуры Инвесторов. Ее корпоративное превосходительство была одета в тяжелую юбку из золотых нитей, усеянных драгоценными камнями, и строгий официальный пиджак с расшитыми манжетами.

Позади головы возвышался стоячий воротник, образуя разноцветный гребень. Ее светлые косички были переплетены невероятно сложным образом и напоминали провода в компьютере. Кожа голых ног ослепительно блестела, будто ее только что покрыли эмалью. Веки отливали мягкими пастельными тонами, как у рептилии.

Один из двух личных роботов помог ей сесть. Сорьенти приветливо наклонила голову и переплела пальцы красивых маленьких рук, столь густо усаженных кольцами и браслетами, что они напоминали сверкающие рукавицы.

— Надеюсь, что все вы с удовольствием воспользовались возможностью непринужденной беседы, — сладко проворковала она, будто нечто подобное было на самом деле возможно. — Прошу извинить меня за опоздание. Шестой участник соревнования не почтит нас своим присутствием.

Объяснений не последовало. Властители никогда не оповещали о своих действиях, могущих быть истолкованными как наказание. Взгляды соперников, удивленные и в то же время расчетливые, показывали, что они воображают самое худшее.

Двое приземистых робофициантов обходили стол, раскладывали еду из подносов, пристро-

енных на их раздутых головах. Соперники безо всякой охоты ковырялись в тарелках.

За креслом советницы вспыхнул экран, и на нем появилось схематическое изображение кратера Ибис.

— Прошу обратить внимание на измененные линии границ, — сказала Сорьенти. — Надеюсь, что каждый из вас постарается избежать вторжения на чужой участок не только физически, но и биологически. — Она серьезно посмотрела на соперников. — Возможно, некоторые из вас намереваются воспользоваться гербицидами. Это не возбраняется, однако попадание струи за пределы отведенного сектора считается грубым нарушением. Создание бактериологических систем — весьма тонкое искусство. Распространение специально разработанных болезнетворных организмов — это искажение с эстетической точки зрения. Прошу, пожалуйста, не забывать, что ваши действия являются нарушением естественного процесса, точнее, того, что в идеале должно быть таковым. Поэтому период биотического осеменения ограничен двенадцатью часами. После чего мы дадим новому уровню сложности стабилизироваться без какого-либо дальнейшего вмешательства. Не лезьте из кожи вон, постарай-

тесь ограничиться самой важной ролью — ролью катализаторов.

Речь Сорьенти была официальной и торжественной. Мирасоль внимательно смотрела на экран дисплея, с большим удовлетворением отмечая, что ее территория увеличилась.

При взгляде сверху кратер оказался вовсе не идеально круглым.

По сектору Мирасоль, самому южному, пролег глубокий и плоский шрам от большого оползня. В том месте стена кратера осела и обвалилась вглубь. Простая экосистема быстро оправилась, и нижний край осыпи густо порос мангрови. Сверху же склон обглодали ледники и лишайники.

Шестой сектор перестал существовать, и доля Мира-соль выросла почти на двадцать квадратных километров.

Это даст экосистеме ее группы больше пространства, на котором можно закрепиться, прежде чем смертельная схватка начнется всерьез.

Такое состязание было далеко не первым. Властители проводили их уже несколько десятилетий как объективную проверку способностей конкурирующих групп. Подобное стравливание вполне отвечало принципу политики Властителей — «разделяй и властвуй».

А в грядущие столетия, когда климат Марса станет более благоприятным для жизни, сады вырвутся из кратеров и полностью покроют поверхность планеты. Марс станет джунглями, где закипит война между раздельно сотворенными экосистемами. Для Властителей состязания представляли собой тщательно изучаемые модели будущего.

А группировкам состязания давали стимул к труду. Экологические науки достигли небывалого прогресса — ведь их подстегивали садовые войны. Уже сейчас с развитием знаний и хорошего вкуса многие из самых древних кратеров стали выглядеть с экоэстетической точки зрения совершенно позорно.

Кратер Ибис был ранним грубым экспериментом. Группировки, создавшей его, уже давно не существовало, а ее примитивное творение ныне считалось безвкусицей.

Каждая садоводческая группа ставила лагерь возле своего кратера, стараясь заронить в него жизнь. Но кратчайшим путем к Лестнице стали состязания. Мировоззрения и таланты соперников, претворенные в жизнь, оказывались критериями в опосредованной борьбе за превосходство. Синусоиды развития, восходящие

и нисходящие линии экспансии или затухания прочерчивали мониторы судей-Властителей, как графики фондовой биржи. Многосторонняя борьба оценивалась в каждом ее аспекте: технологическом, философском, биологическом и эстетическом. Победители покидали свой лагерь и обретали богатство и могущество Властителей. Они разгуливали по унизанным драгоценностями коридорам ТК и наслаждались всеми привилегиями Кластера: увеличенной продолжительностью жизни, корпоративными титулами, просвещенной терпимостью и межзвездным покровительством Инвесторов.

* * *

Когда над горизонтом заалел рассвет, вся пятерка расположилась вокруг Ибиса, ожидая сигнала. День выдался тихий, и лишь далекая цепочка струйных течений омрачала небо. Мирасоль наблюдала, как солнечный свет розовыми пятнами сползает по внутреннему склону западной стены кратера. В мангровых зарослях пробуждались птицы.

Мирасоль напряженно ждала. Она заняла позицию в верхней части осыпи, оставленной оползнем. Радар показывал расположение ее

соперников на внутренних склонах. Слева разместились паук с песочными часами и змея с блистающей головой; справа — краулер, похожий на богомола, и шар на ходулях.

Сигнал был дан неожиданно, будто молния: с орбиты просвистел ледяной метеор, оставив полосу абляционного пара. Мирасоль рванулась вперед.

Стратегия паттернистов заключалась в том, чтобы основное внимание сосредоточить на верхних склонах и осыпи — именно в этой окраинной эконише они рассчитывали преуспеть. В холодном кратере на Большом Сырте они обрели некоторый опыт по части высокогорных биологических видов и надеялись использовать это свое преимущество. Длинный склон, по которому прошел оползень, расположенный намного выше уровня моря, был призван стать их опорным пунктом. Краулер накренился вглубь кратера и выпустил тонкую струйку раствора с бактериями, пожирающими лишайник.

Внезапно воздух заполнился птицами. На противоположной стороне кратера шар добежал до береговой линии и взялся крушить мангровый лес. В тех местах, где прошел луч мощного лазера, клубился редкий дымок.

Тучами взмыли птицы, покидая гнезда, кружа и мечась в ужасе. Поначалу их исступленные крики доносились как пронзительный шепот. Потом, по мере того как ширилась зона страха, их хриплые голоса начали отдаваться эхом двойным, тройным, — перерастая в обезумевший шквал боли. В воздухе кратера, нагретом утренним солнцем, висели миллионы алых точечек, вихрясь и слипаясь, словно капли крови в невесомости.

Мирасоль разбрасывала семена высокогорных растений. Краулер осторожно спускался по осыпи, распыляя удобрения по трещинам и расселинам. Она выворачивала камни и небольшими партиями выпускала беспозвоночных нематод, клещей, мокриц, преобразованных сороконожек. Чтобы им было чем питаться, пока не укоренятся мхи и папоротники, поливала камни желатином.

Птицы кричали душераздирающе. Внизу орудовали другие группы, барахтаясь в грязи на уровне моря, круша все на своем пути, истребляя лес, чтобы освободить место под собственные творения. Громадная змея, петляя, носилась по чаще, складывалась узлом, с корнем вырывала целые пучки мангров. Мирасоль увидела, как

распахнулась макушка фасетчатой змеиной головы, и оттуда вылетело облако летучих мышей.

Богомол методично вышагивал вдоль границ своего сектора. Его зазубренные лапы превращали все, что попадалось на пути, в щепу. Паук пропахал всю свою территорию, оставляя за собой грязные полосы выжженной земли. Позади него поднималась стена дыма. Это был рискованный шаг. Стерилизация сектора огнем могла дать новой жизни некоторое преимущество. А даже самый малый толчок может оказаться решающим, когда система пойдет развиваться по экспоненте. Но кратер Ибис представлял собой замкнутую систему. Огнем можно было пользоваться лишь с очень большой осторожностью. Количество воздуха в чаше было ограничено.

Мирасоль работала с мрачной сосредоточенностью. Теперь насекомые. Насекомыми часто пренебрегали, отдавая предпочтение массивным морским животным или импозантным, красивым хищникам. Но в пересчете на биомассу, грамм на грамм, насекомые вполне могли перевесить. Контейнер она бросила вниз, к самому берегу. Там он разморозится и выпустит на волю водяных термитов. Мирасоль сдвинула плоский каменный карниз и посадила в открывшуюся

почву капсулы с яйцами. Потом выпустила облачко листоядных мошек, крошечные тела которых были напичканы бактериями. В чреве краулера размораживались обоймы капсул, которые затем выстреливались из сопел, выбрасывались через отдушины или высаживались в ямки, пробитые заостренными концами ног.

Каждая группа создавала потенциальный мир. У края воды богомол выпустил двух существ, похожих на гигантские черные планеры. Они проносились сквозь стаи ибисов, раскрыв громадные сетчатые рты. На островах в центре кратерного озера по скалам карабкались чешуйчатые моржи, выдыхая клубы пара. Шар на ходулях разбивал на останках мангрового леса сад. Змея уползла в воду. От ее фасетчатой головы расходящимися дорожками разбегались волны.

В секторе, где орудовал паук с песочными часами, все так же клубился дым. Пожар распространялся, и паук, бешено перебирая лапами, носился по своему поделенному на зоны участку. Мирасоль следила за перемещением дыма, одновременно выпуская стада горных белок и сурков.

Произошла ошибка. При слабом марсианском притяжении дымный воздух стремительно рвался наверх, а вниз устремился, заполняя вакуум,

холодный свирепый ветер с долин. Остервенело полыхали мангры. В воздух взлетали изломанные сплетения горящих ветвей.

Паук кинулся в пламя, круша и топча огонь. Мирасоль рассмеялась, представив себе, как в банке данных у судей накапливаются штрафные очки. Ее осыпям огонь не грозил — нечему было гореть.

Стая ибисов образовала огромное крутящееся кольцо. В их разрозненных рядах метались темные силуэты летающих хищников. Полоса пара, оставленная метеором, начала скручиваться и ломаться. Угрюмый ветер набирал силу.

Загорелось в секторе змеи. Сама змея плавала в мутных водах моря, окруженная грудами ярко-зеленых водорослей. Прежде чем пилот змеи успел это заметить, пламя уже бушевало в огромной куче оставленного на берегу мусора. Преграды от ветра больше не существовало. Воздух устремился вниз по оголенному склону. Извиваясь и сверкая искрами, встал черный столб дыма.

От влетевшей в него стаи ибисов осталось совсем немного — некоторые птицы горели на лету. Мирасоль стало страшно. Поднимаясь к ободу кратера, дым остывал и начинал распространяться вниз и в стороны. В воздухе возник вихрь,

бублик из горячего воздуха и холодного ветра.

Краулер разбрасывал охапки сена с высоким содержанием семян для карликовых архаров. Прямо перед Мирасоль с неба упал ибис; к шее его присосалось темное выгибающееся нечто — сплошь когти и зубы. Мирасоль рванулась вперед и раздавила хищника, потом остановилась и встревоженно посмотрела на другую сторону кратера.

Пожар распространялся неестественно быстро. Маленькие клубы дыма появлялись в десятках мест — кучи сваленных деревьев вспыхивали одна за другой. Преобразованный мозг Мирасоль начал искать в происходящем систему. Огонь в секторе богомола разгорался в таких местах, куда горящие обломки явно не могли долететь.

В зоне паука пламя перекидывалось через просеки, словно бы их не замечая. Система была, но какая-то нездоровая, неестественная; казалось, разрушение наделено самостоятельной силой и черпает силы само в себе.

Всепожирающий пожар принял вид полумесяца. Мирасоль почувствовала глубокий, парализующий страх из-за утраты контроля над ситуацией — такой испытывает космонавт, заслышав свист воздуха, уходящего через пробоину,

или самоубийца при виде первого фонтанчика алой крови.

Через час сад скрылся из виду под жарким ураганом распада. По краям плотные столбы дыма сгустились в грозовые фронты. Постепенно над кратером кольцом поднялась серая дымка, простреливаемая искрами, извергающая пепел как будто дождь. Под зловещим кольцом метались орущие птицы, падая десятками, сотнями. Их тела усеивали поверхность моря. Яркое оперение тускнело от пепла, который пропитывал серый воздух.

Машины конкурентов продолжали сражаться с пламенем, пробившись в целости и сохранности через обугленные края пожара. Усилия их были совершенно напрасны — жалкий ритуал перед катастрофой.

Даже яркая, злобная чистота огня потускнела, растеряв силы. Не хватало кислорода. Пламя опадало, растекалось медленнее, испуская темный, омерзительный, густой от не прогоревшей сажи дым.

Там, где прошел огонь, не могло выжить ничто, нуждающееся в воздухе. Погибло даже само пламя, и лишь дым лизал закопченные, поникшие склоны.

Мирасоль видела, как по осыпи, выбиваясь из сил, карабкаются в поисках воздуха полосатые газели. Они вращали темными, только что из лаборатории глазами в извечном животном страхе. Шкуры их были опалены, бока вздымались, из ртов капала пена. Одна за другой они умирали в судорогах, лягая безжизненный марсианский камень, и скатывались по склону вниз. Это было жуткое зрелище — образ погибающей весны.

Внимание Мирасоль привлекло чуть заметное красное пятно ниже по склону, слева. Среди скал крался какой-то большой красный зверь. Она развернула краулер и осторожно подобралась к нему; лицо ее сморщилось, когда по лобовому стеклу растекся темный ядовитый дым.

Она засекла зверя, когда тот вылезал из укрытия. Это было опаленное, хрипло дышащее существо, похожее на громадную красную обезьяну. Она бросилась вперед и схватила зверя руками краулера. Поднятый в воздух, он царапался и брыкался, молотя по манипуляторам дымящейся веткой. Исполненная отвращения и жалости, Мирасоль раздавила зверя. Корсаж из плотно подогнанных перьев ибиса лопнул, и она увидела окровавленное человеческое тело.

С помощью захватных устройств Мирасоль

потянула за тугой пучок перьев у него на голове. Маска порвалась и слетела, и голова мертвого человека упала на грудь. Она запрокинула голову трупа назад. Открылось лицо, татуированное звездами.

* * *

Орнитоптер парил над выжженным садом, плавно, будто во сне, взмахивая длинными красными крыльями. Мирасоль наблюдала за раскрашенным лицом Сорьенти. Ее корпоративное превосходительство не сводила глаз с экрана.

Мощные камеры орнитоптера выбрасывали на экран картинку за картинкой и освещали лицо Властительницы. Стол был усеян изящными безделушками: ингалятор в чехле, полупустая груша, украшенная драгоценными камнями, крошечный бинокль с ручкой, стопка кассет.

— Случай беспрецедентный, — проговорила ее превосходительство. — Разумеется, это не тотальное вымирание, а лишь гибель всего, что имеет легкие. Среди низших созданий — рыб, насекомых, кольчатых червей показатель выживаемости должен быть достаточно высок. Теперь, когда дождь прибил пепел, можно разглядеть,

что растительность восстанавливается вполне основательно. Ваш сектор, скорее всего, вообще не пострадал.

— Да, — сказала Мирасоль. — Туземцы не смогли добраться туда со своими факелами, пока огонь еще не задохнулся.

Сорьенти лениво откинулась на спинку кресла:

— Было бы желательно, чтобы вы не упоминали о них так громко, даже с глазу на глаз.

— Мне все равно никто не поверит.

— Другие их так и не увидели. Слишком увлеклись борьбой с огнем. — Властительница выдержала паузу. — Хорошо, что вы в первую очередь рассказали об этом мне.

Мирасоль посмотрела в глаза своей новой покровительнице и отвернулась.

— Больше мне было некому рассказать. Все сказали бы, что я выстроила систему исключительно на основе собственных страхов.

— Да, вам же надо думать о группе, — сказала Сорьенти с сочувственными интонациями в голосе. — При столь блестящем будущем им совершенно ни к чему возрождать свою репутацию лиц, склонных к параноидальному бреду.

Она внимательно посмотрела на экран.

— Паттернисты победили, уйдя с арены соревнований. Ситуация оригинальная. Если новый сад нам наскучит, мы сможем стерилизовать кратер прямо с орбиты. Пусть какая-нибудь другая группа начнет с чистого листа.

— Только не давайте им строить слишком близко к краю, — сказала Мирасоль.

Ее превосходительство внимательно посмотрела на нее, склонив голову набок.

— У меня нет доказательств, — продолжила Мира-соль, — но за всем этим я вижу определенную схему. Туземцы не могли появиться из ниоткуда Скорее всего, колония, обустроившая этот кратер, погибла под колоссальным оползнем. Это была ваша работа? Это вы их убили?

Сорьенти улыбнулась:

— Вы очень догадливы. Там, наверху, вы далеко пойдете. И еще, вы умеете хранить тайны. Должность моего личного секретаря вам очень подходит.

— Их уничтожили с орбиты, — сказала Мирасоль. — Иначе зачем бы они стали прятаться от нас? Вы пытались их истребить.

— Это было очень давно, — сказала Властительница. — В те дни ситуация была еще крайне неустойчива. Они исследовали тайны звездопла-

вания, а эта область известна только Инвесторам. Пошли слухи, что они в своем восстановительном лагере добились определенных успехов. Поэтому у нас просто не оставалось выбора.

— Выходит, их убили ради выгоды Инвесторов, — Мирасоль стремительно поднялась и заходила по каюте. На ее новой юбке бренчали драгоценности. — Чтобы эти рептилии могли и дальше играть нами, скрывать свою тайну и продавать нам побрякушки.

Властительница сложила руки, звякнув кольцами и браслетами:

— Наш король Омар мудр. Если бы усилия человечества обратились к звездам, что стало бы с терраформингом? Зачем нам отрекаться от предназначения быть творцами и становиться вторыми Инвесторами?

— Но подумайте об этом, — сказала Мирасоль. — О том, как они утратили свои технологии и выродились в людей. В горстку дикарей, пожирающих птичье мясо. Подумайте о том страхе, в котором они жили на протяжении многих поколений, о том, как они сожгли свой дом и убили сами себя, когда увидели, что мы пришли уничтожить их мир. Вас это не приводит в ужас?

— Судьба людей? Нисколько, — ответила Со-

рьенти.

— Но как вы не понимаете? Вы дали этой планете жизнь. Для вас это был вид искусства, большая игра. Вы вынудили нас играть в нее, а эти люди из-за нее погибли! Неужели непонятно, что это зло?

— Наша игра — это действительность, — сказала Властительница и показала на экран. — Взгляни-ка сюда. Не станешь же ты отрицать, что в разрушении есть своя дикая красота?

— Вы оправдываете эту катастрофу?

Властительница пожала плечами:

— Если бы жизнь была идеальна, то как бы все могло развиваться? Разве мы не постлюди? Все растет, все умирает. В свое время космос убьет нас всех. Космос лишен смысла, и пустота его абсолютна. Это ужас в чистом виде, но это и чистейшая свобода. И заполнить его могут только наши устремления и наши творения.

— И это оправдывает ваши действия?

— Мы действуем во имя жизни. Наши устремления стали природными законами этого мира. Мы ошибаемся, поскольку жизнь тоже ошибается. Мы движемся дальше, поскольку жизнь должна продолжаться. Когда ты увидишь все в надлежащей перспективе, то есть с орбиты, когда

могущество, которым мы располагаем, окажется в твоих руках, тогда ты сможешь судить нас. — Она улыбнулась. — Только судить ты будешь саму себя. Ведь ты будешь Властительницей.

— А как же с группами, которых вы заперли на планете? С вашими агентами, теми, кто исполняет вашу волю? Когда-то у нас были собственные устремления. Мы не смогли осуществить их, и теперь вы держите нас в изоляции, промываете нам мозги, превращаете в древнюю историю. У нас должно быть что-то свое. Но теперь у нас ничего нет.

— Это не так. У вас есть то, что дали вам мы. У вас есть Лестница.

Пронзительной силы видение предстало перед Мирасоль: могущество, свет, чуть-чуть справедливости — и этот мир, где-то там, далеко внизу, уменьшенный до размеров ярко освещенной арены, со всеми его грехами, со всей печалью.

— Да, — помолчав, сказала она. — У нас есть Лестница.

Двадцать страничек прошлого

1. Экспертные системы

Когда Николай Ленг был ребенком, его учила кибер-система с голографическим интерфейсом. Голограмма имела вид девушки-шейпера. Ее «личность» представляла собой интерактивную композитную экспертную систему, произведенную шейперами-психотехниками. Николай ее обожал.

2. Не рождаются

— Так ты хочешь сказать, что мы все пришли с Земли? — изумленно спросил Николай.

— Да, — ласково сказала голограмма. — Первые настоящие космические поселенцы родились на Земле. Их произвели половым путем. Конечно, с той поры прошли столетия. Ты шейпер. А шейперы не рождаются.

— А кто теперь живет на Земле?

— Люди.

— О-х-х-х-х, — протянул Николай. Нисходящая интонация указывала на моментальную утрату интереса.

3. Нога с дефектом

Настал день, когда Николай впервые увидел механиста. Тот был дипломатом и коммерческим агентом, направленным его группировкой в поселок Николая. Николай и еще несколько ребятишек из приюта играли в коридоре, когда мимо проковылял дипломат. Одна из ног у него была с дефектом и поскрипывала — цок-хрррр, цок-хррр. Алекс, приятель Николая, стал передразнивать походку механиста. Внезапно тот повернулся к ним и вытаращил пластиковые глаза.

— Генолинии, — прорычал механист. — Захочу — куплю вас, выращу, продам, а захочу — на кусочки разрежу. Ваш рев мне музыка.

4. Меховая патина

Пот затекал под галунный воротник Николаева мундира. На брошенной станции воздух был еще пригоден для дыхания, но невыносимо горяч. Николай помог сержанту снять все ценное с убитого шахтера. Антисептический труп шейпера иссох, но в остальном сохранился идеально. Они зашли в другой отсек. Тело убитого при нападении на станцию пирата-механиста лежало в слабом гравитационном поле. Уже несколько недель труп гнил в своем гермокостюме. Лицо исчезло под сероватой меховой патиной в дюйм толщиной.

5. Физического подлеца

Николай проводил отпуск на Совете Колец с двумя сослуживцами. Они выпивали в невесомостном баре под названием «Эклектик-эпилептик». Один был Саймон Африэль, обаятельный и честолюбивый молодой шейпер старой школы. У другого был имплантированный механистами глаз. Его благонадежность вызывала сомнения. Они втроем беседовали о знаковых системах.

— Печать есть знак юридического лица, — сказал Африэль.

Вдруг второй собеседник поднял с краешка стола почти невидимое подслушивающее устройство.

— А стучать есть знак физического подлеца, — сострил он.

Больше они его не видели.

…Дефективный пират-механист предает генолинии. Невидимые подслушивающие устройства купят, вырастят и продадут. На брошенной станции честолюбивый молодой шейпер, убитый при нападении. Бесталанные психотехники половым путем произвели иссохший труп коммерческого агента. Благонадежность голографического интерфейса вызывала сомнения. Кибернетическая система помогла снять все ценное с его пласти-

ковых глаз…

6. Испытующая жалость

Механистка осмотрела его с ног до головы с выражением испытующей жалости.

— Мое коммерческое положение здесь весьма устойчиво, — сказала она Николаю, — но поступление наличности временно ограничено. Вы, с другой стороны, только что бежали с Совета, прихватив некоторое состояние. Мне нужны деньги. Вам нужна стабильность. Я предлагаю брак.

Николай призадумался. У него были очень смутные представления об обычаях механистов.

— Это предполагает сексуальные отношения? — спросил он.

Женщина озадаченно посмотрела на него:

— То есть это вы в смысле… между нами?

7. Изменения кровотока

— Что-то тебя гложет, — сказала ему жена. Николай покачал головой. — Нет, гложет, — настаивала она. — Ты расстроен из-за той сделки, что я заключила насчет пиратской контрабанды. Ты печалишься, потому что наша корпорация получает прибыль от нападений на твой народ.

Николай скорбно улыбнулся.

— Ты, пожалуй, права. Никто не понимает мои

самые сокровенные чувства так, как ты. — Он с любовью посмотрел на нее. — Как это тебе удается?

— У меня есть инфракрасные сканеры, — сказала она. — Они показывают мне изменения кровотока на твоем лице.

8. Оптическое телевидение

Если призадуматься, то просто удивительно, сколько места в глазнице. Протезисты существенно миниатюризировали собственно визуальные механизмы. Николай вставил себе и другие устройства: часы, монитор биологической обратной связи, телевизионный экран. Все непосредственно соединено с оптическим нервом. Приспособления были удобны, но управляться с ними поначалу было нелегко. Жене пришлось забрать его из больницы и довести до квартиры, поскольку чувствительные визуальные триггеры все время переключали его на биржевые сводки. Николай улыбнулся жене из-под пластиковых глаз.

— Останься сегодня у меня, — сказал он.

Жена пожала плечами:

— Ладно.

Она взялась за ручку двери в его квартиру и в тот же миг умерла. Наемный убийца смазал

ручку контактным ядом.

9. Нетрудно

— Слушай, — сказал убийца, на вялом лице которого отпечаталась усталость. — Только не пудри мне мозги идеологией… Просто переведи средства и скажи, кого надо замочить.

— Дельце предстоит на Совете Колец, — сказал Николай. Он пачками глотал бодрящие снадобья, борясь со скорбью, и ему приходилось периодически подавлять в себе приступы неестественной и нечистой веселости. — Капитан-доктор Мартин Ленг из Службы безопасности Колец. Из одной со мной генолинии. Когда я перебежал к вам, его благонадежность оказалась подмоченной. Он убил мою жену.

— Шейпера грохнуть нетрудно, — сказал убийца. Его безногое и безрукое тело плавало в прозрачной цистерне с питательным раствором, багровые нервные узлы полоскались в разноцветной гемолимфе. В цистерну плюхнулся личный робот и принялся приделывать убийце руки.

10. Инвестиция

— Мы не отрицаем вашу инвестицию в этого ребенка, акционер Ленг, — сказала психотехничка. — Возможно, вы и сотворили ее или оплатили

техников-творцов. Но она не является вашей собственностью. По нашим законам она ничем не отличается от других детей и тоже является собственностью нашей Народной корпоративной республики.

Николай был в полном отчаянии.

— Да не творил я ее! Она — посмертный клон моей покойной жены и собственность ее корпорации, точнее, попечительского фонда, распорядителем которого я являюсь… Нет, я хотел сказать, что она обладает правом собственности или, по меньшей мере, правом управления на полуавтономное корпоративное имущество моей покойной жены, и это имущество перейдет в ее владение по достижению совершеннолетия… Вы понимаете ход моей мысли?

— Нет. Я педагог, а не финансист. С какой конкретно целью вы проделали все это, акционер? Хотите воссоздать покойную жену?

Николай посмотрел на нее, на его лице нет ничего, кроме тщательного равнодушия.

— С целью получения налоговой льготы.

…Пусть посмертный клон получает прибыль от нападений. Полуавтономное имущество имеет устойчивое коммерческое положение. Периодические приступы пиратской контрабанды. Его

вялое лицо пудрит мозги идеологией. Самые сокровенные чувства умерли в тот же миг. Смазать дверь контактным ядом…

11. Унизительная верноподданность

— Нравится мне здесь, на окраинах, — сказал Николай убийце. — Ты не подумывал отколоться?

Убийца расхохотался:

— Прежде я был пиратом. Я сорок лет убил на то, чтобы зацепиться за этот картель. Когда ты один, Ленг, ты все равно что труп. Тебе ли не знать?

— Но такая верноподданность унизительна. И малоприятна. Разве не лучше иметь собственный Кластер и жить по своим законам?

— Ты говоришь как идеолог, — сказал убийца. На его искусственных предплечьях тускло мигали дисплеи биологической обратной связи. — Да, я верноподданный Дзайбацу Киотид. Им принадлежит весь этот район. Даже мои руки и ноги принадлежат им.

— А Дзайбацу Киотид принадлежит мне, — сказал Николай.

— О-о, — сказал убийца. — В таком случае выходит совсем другой расклад.

12. Массовое дезертирство

— Мы хотим вступить в ваш Кластер, — сказал сверхспособный. — Мы просто обязаны вступить в ваш Кластер. Больше никто нас не примет.

Николай рассеянно чиркал световым карандашом по подвернувшемуся под руку видеоэкрану.

— Сколько вас там?

— В нашей генолинии было пятьдесят. До массового дезертирства мы занимались квантовой физикой. Сделали несколько небольших открытий. Наверное, вы сможете найти им применение.

— Отлично, — сказал Николай. Лицо его приняло выражение испытующей жалости. — Насколько я понимаю, Совет Колец преследовал вас в своем обычном стиле — утверждал, что вы психически неустойчивы, идеологически неблагонадежны и тому подобное.

— Да. Тридцать восемь из нас пали от рук их агентов. — Сверхспособный дрожащей рукой стер капли пота с громадного лба. — Мы вполне психически благонадежны, господин председатель Кластера. Мы не доставим вам никаких хлопот. Нам всего лишь нужно тихое местечко, где мы могли бы закончить труды, пока Господь поедает наши мозги.

13. Электронная заложница

Включилась правительственная связь с Советом Колец. Николай, удивленный и заинтригованный, сам подошел к аппарату. На экране появилось лицо молодого мужчины.

— Я взял в заложницы твою учительницу, — сказал он.

Николай нахмурился:

— Это еще что такое?

— Особу, которая обучала тебя в детстве. Ты обожал ее. Сам ей в этом признался. У меня есть запись.

— Ты, должно быть, шутишь, — сказал Николай. — Моим учителем был обыкновенный кибернетический интерфейс. Может ли электронная система данных быть заложницей?

— Может, — сказал настырный молодой человек. — Старую экспертную систему пустили на слом и заменили новой, с более крепкой идеологией. Смотри.

На экране появилось второе лицо, сверхчеловечески гладкое и чуть светящееся изображение его киберучительницы.

— Николай, спаси меня, пожалуйста, — сказало изображение деревянным голосом. — Он безжалостен.

Вновь появилось лицо молодого человека.

Николай рассмеялся, — такого просто быть не могло.

— Так, говоришь, сберег старые записи? — сказал Николай. — Не знаю, какую игру ты ведешь, но, надо полагать, данные чего-то стоят. Я готов проявить щедрость.

Он назвал сумму. Молодой человек покачал головой. Николай начал сердиться:

— Слушай. С чего ты решил, что обычная экспертная система может представлять объективную ценность?

— Я точно знаю, — сказал молодой человек. — Потому что я сам экспертная система.

14. Основной вопрос

Николай находился на борту инопланетного корабля. В парчовом посольском сюртуке он чувствовал себя неуютно. Он поправил затемненные очки на пластиковых глазах.

— Мы польщены вашим визитом на наш Кластер, — сказал он рептилии в лейтенантском чине. — Для нас это большая честь.

Лейтенант приподнял разноцветный гребень, расположенный за массивной головой:

— Мы готовы вести с вами дела.

— Меня интересуют инопланетные философии, — сказал Николай. — Какие ответы на

великие вопросы бытия находят другие мыслящие биологические виды?

— Но существует только один основной вопрос, — сказал Инвестор. — И ответ мы искали по всему мирозданию. Мы надеялись, что вы поможете нам найти его.

Николай насторожился:

— И что это за вопрос?

— Что у вас есть такое, чего бы нам хотелось?

15. Унаследованный дар

Николай посмотрел на девушку со старомодными глазами.

— Мой шеф Службы безопасности ознакомил меня с вашим криминальным досье, — сказал он. — Нарушение авторских прав. Организованное вымогательство. Заговор с целью помешать коммерческим операциям. Сколько вам лет?

— Сорок четыре. А вам?

— Сто десять или около того. Надо свериться с файлом. — Что-то во внешности девушки не давало ему покоя. — Откуда у вас такие допотопные глаза?

— Они принадлежали моей матери. Я их получила по наследству… Ах да, вы же шейпер. Вы не можете знать, что такое мать.

— Почему же, — сказал Николай. — Я даже по-

лагаю, что знал вашу мать. Мы были супругами. После ее смерти я распорядился сделать клон — то есть вас. Таким образом выходит, что я ваш… как это называется?.. Запамятовал слово.

— Отец.

— Вроде бы так… Вы определенно унаследовали и ее финансовый талант. — Он вновь просмотрел ее личное дело. — Вас не заинтересует предложение прибавить к списку ваших преступлений двоемужество?

…Психически неустойчивые представляют определенную ценность. Ограничения коммерции выдают на видеоэкране совсем другой расклад. Несколько небольших открытий в великих вопросах бытия. Ваше личное дело преследовало его. Его распухший лоб не может удержать экспертную систему…

16. Рев удовольствия

— Тебе надо стараться уходить от старых привычек, — сказала жена. — Только так можно остаться молодым. — Она вытащила из-под подвязки позолоченный ингалятор. — Ну-ка, нюхни.

— Мне наркотики ни к чему, — с улыбкой сказал он. — Мне хватает мании величия.

Он начал раздеваться. Жена с нетерпением смотрела на него.

— Николай, не будь занудой.

Она приложила ингалятор к ноздре и вдохнула. На лице ее выступил пот, шея и уши зарумянились, медленно и сексуально.

Николай посмотрел на нее, потом пожал плечами и чуть-чуть нюхнул из позолоченной трубочки. Мгновенный экстаз парализовал его нервную систему. Тело выгнулось, безудержно содрогаясь.

Жена стала неуклюже его ласкать. В реве от химического удовольствия секс показался совсем ненужным.

— Зачем… возиться-то? — выдохнул он.

Жена посмотрела на него с удивлением:

— Так полагается.

17. Мерцающая стена

Николай беседовал с мерцающей стеной мониторов. — Старею, — сказал он. — Здоровье мое хорошее, удачно подбирал программы долгожительства. Только нет во мне прежнего безрассудства. Гибкость пропала, острота. Да и Кластер растет, мне с ним не управиться. Выбора у меня нет. Надо в отставку.

Он внимательно следил за лицами на экранах, улавливая мельчайшие реакции. За двести лет он научился читать по лицам. Все его способно-

сти сохранились — ушла лишь скрепляющая их воля. На лицах членов Руководящего Совета сдержанность как ветром сдуло, и они засветились от алчности и жажды власти.

18. По закону

Механисты запустили своих исполнителей в жилую зону. Вооружившись судебными постановлениями, безликие роботы бродили по толпам, заполнившим коридоры, и высматривали тех, кого полагалось привлечь к ответственности.

Внезапно из толпы выскочил бывший шеф Службы безопасности Николая и побежал скрываться. Он перелетал с поручня на поручень, цепляясь руками, как обезьяна за ветки. Он походил на бронированного гиббона. Внезапно один из его протезов отстегнулся, и служаки набросились на него — почти у самых дверей Николая. Электромагнитные щипцы зажали и парализовали его конечности. Пластик, из которого они были сделаны, затрещал.

— Это произвол! — прохрипел он. Глубокие морщины на его древнем лице блестели от пота. — Они раздевают меня! Ленг, спаси!

Николай печально покачал головой.

Старик взвизгнул:

— Ты втравил меня в это! Ты же идеолог! А я всего лишь рядовой убийца!

Николай промолчал. Машины конфисковали руки и ноги старика.

19. Древние распри

— Так ты и вправду варился в этой гигнё?[8]

Молодежь пользовалась новомодным жаргоном, который Николай понимал с трудом. Когда они смотрели на него, на их лицах проступала смесь агрессии, жалости и благоговения. Николаю казалось, что они все время кричат.

— Мне кажется, будто я остался в меньшинстве.

— А ты и есть в меньшинстве, старик Николай! Этот бар — твой музей. Твой мавзолей! Ну давай, исполни нам свои баллады, мы слушаем! Расскажи про идиотские видеоидеологии, про ваши древние распри. Механисты и шейперы, да? Война орла и решки!

— Я устал, — сказал Николай. — Я слишком много выпил. Отведите меня домой кто-нибудь.

Они встревожено переглянулись:

— Так мы ж у тебя дома. Или нет?

---

[8] Примечания: 8

Выражение происходит из компьютерного жаргона «GIGO» — «Garbage in garbage out» — «Какой мусор в компьютер введешь, такой из него и получишь».

20. Закрыли глаза

— Вы очень любезны, — сказал Николай двум юнцам. Это были археологи из Космоситета, одетые со всем академическим шиком. С их мантий густо свисали ордена и медали всех Терраформ-Кластеров. Николай внезапно сообразил, что не может вспомнить их имена.

— Не беда, сэр, — ласково сказали юнцы. — Это мы теперь должны помнить ваше имя, а не наоборот.

Николаю стало очень неловко. Он и не сообразил, что говорил вслух.

— Я принял яд, — виновато сказал он.

— Мы знаем, — кивнули они. — Надеемся, у вас ничего не болит?

— Нет, спасибо. Я знаю, что поступил правильно. Я очень стар. Невыносимо стар.

Он вдруг почувствовал, как что-то начало рушиться у него внутри. Кусочки сознания крошились и отваливались, а он заскользил в бездну. Неожиданно Ленг почувствовал, что забыл сказать свои последние слова. С невероятным усилием он вспомнил их и крикнул:

— Тщета есть свобода!

Торжествуя, он умер, и они закрыли ему глаза.

Хронология мира шейперов/механистов

2045 — Рождение Паучьей Розы

2053 — Интердикт на контакты с Землей

2050–2150 — Период Цепи миров

2186 — Рождение Абеляра Линдсея

2195 — Клонирование Кицунэ

2203 — Отправка Линдсея на учебу в шейперский Совет Колец

2205 — Отправка на учебу Константина

2209 — «Рождение» Николая Ленга

2210 — «Рождение» Саймона Африэля

2213 — Возвращение Линдсея в Корпоративную орбитальную республику Моря Ясности

2215 — Ссылка Линдсея в Народный Орбитальный Дзайбацу Моря Спокойствия

2216 — Переворот в республике: Линдсей присоединяется к «Красному Консенсусу»

2217 — Прибытие Инвесторов

2217 — Вступление Линдсея и Норы Мавридес в Голдрейх-Тримейн

2253 — Линдсей покидает Голдрейх-Тримейн и вступает в Картель Дембовской

2267 — Клонирование Веры Константин

2283 — Смерть Норы Мавридес; события «Паучьей Розы»

2284 — Основание Царицына Кластера

2286 — Дуэль Линдсея и Константина

2291 — Линдсей оправляется от дуэли и отправляется в Царицын Кластер

2328 — «Рождение» Ганса Ландау

2354 — События «Царицы цикад»; падение Царицы-на Кластера; Линдсей посещает Землю

2386 — Конец «Схизматрицы»

2554 — События «Глубинных садов»